

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Взгляд молодых учёных

Сборник научных трудов

Новосибирск, 2023

Министерство науки и высшего образования РФ
Новосибирский государственный университет
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Автономная некоммерческая организация поддержки и развития
гуманитарных исследований «Свободные науки»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ**

Сборник научных трудов

Новосибирск
2023

УДК 930:001.8
ББК 63.3(2)+63.3(0):63.1
А 437

*Сборник утверждён к печати
Учёным советом Института истории СО РАН*

Редколлегия

канд. ист. наук Д.О. Никулин (отв. редактор),
канд. ист. наук С.В. Шарапов (отв. секретарь), И.Д. Долгушин,
канд. ист. наук С.О. Егоров, А.А. Кожаева, д-р ист. наук С.А. Красильников,
С.П. Куликов, А.В. Кучук, канд. ист. наук С.Г. Петров,
канд. ист. наук Н.А. Потапова, канд. ист. наук А.И. Савин,
канд. ист. наук Д.А. Сосницкий, канд. ист. наук Г.С. Хорохордин,
д-р ист. наук М.В. Шиловский

Рецензенты

д-р ист. наук В.Л. Портных,
д-р ист. наук О.Н. Шелегина

А 437 **Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных:** сборник научных трудов / редкол.: Д.О. Никулин (отв. ред.), С.В. Шарапов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: ИИ СО РАН, ИПЦ НГУ, 2023. – 367 с.

ISBN 978-5-4437-1582-7

Опубликованные статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории, являются самостоятельными исследованиями и характеризуются научной новизной. Сборник издан по результатам Всероссийской молодёжной научной школы-конференции с международным участием, состоявшейся в Новосибирске 20–23 сентября 2023 г. Авторы статей – студенты, аспиранты, преподаватели и научные сотрудники из России и зарубежья в возрасте не старше 35 лет. Издание рассчитано на профессиональных историков и всех интересующихся исторической наукой.

УДК 930:001.8
ББК 63.3(2)+63.3(0):63.1

ISBN 978-5-4437-1582-7

DOI 10.31518/978-5-4437-1582-7

© Институт истории СО РАН, 2023
© Новосибирский государственный университет, 2023
© АНО «Свободные науки», 2023

Содержание

От редколлегии7–8

Всемирная история

В.С. Несмеянова

Почитание богини Дианы рабами и вольноотпущенниками:
античная литературная традиция и эпиграфический
материал10–22

К.М. Карашайски

Иноземные наемники в гвардии византийских императоров
в середине IX – X века23–33

Е.Р. Урюмцев

«Ты, арбалетчик умелый и дерзкий, ты стрелок с безотказным древом»:
комплексная реконструкция отрядов арбалетчиков в эпоху Филиппа II
Августа (1180–1223 годы)34–42

А.А. Лебедева

Взгляд немецких исследователей первой половины XX века
на историю функционирования ганзейской конторы в Бергене
(обзор библиографии)43–51

М.В. Тацкий

Влияние особенностей политического развития стран-участниц
на итоги Московской войны 1579–1582 годов52–63

И.А. Юдин

Система аргументации в полемическом сочинении
Петра Скарги “Synod Brzeski” (1597 год)64–76

Д.О. Манин

Взаимодействия и контакты русской и французской дипломатии
в Речи Посполитой в конце 1670-х – 1680-х годах77–86

В.М. Железняк

Обзор библиографии образа эпохи Наполеоновских войн
в британской литературе87–97

Т.А. Краева

Женское движение и проблема женской эмансипации в Германии
во второй половине XIX – начале XX века98–106

Там Хок Чиу

«Проход РККА через польскую территорию» в оценке французской
дипломатии в августе 1939 года: просчет политики Франции
в переговорах с СССР накануне германо-польской войны107–118

Н.Д. Тихонов

Эволюция восточногерманской идентичности
в первой половине 1970-х годов119–128

Н.С. Мищенко

Когда Запад не был «коллективным»: учет советского фактора
в планировании внешней политики США и Франции
в конце 1970-х годов129–138

История России

С.Ю. Тарабрин

Угровская епископия в XIII–XIV веках140–149

Д.В. Новикова

Юрий Звенигородский как военно-политический союзник
великого князя Василия I150–160

Б.А. Никишин

«Записки» С.А. Порошина как исторический источник
и литературный памятник XVIII века161–171

Е.В. Мирошкин

Изменения в офицерском составе полевых полков
Сибирской инспекции в ходе военных реформ Павла I172–182

М.А. Козлова

Слухи как индикатор общественных ожиданий
городского населения Российской империи первой трети XIX века ...183–193

Г.С. Хорохордин

Формирование поселенческих концентров в волостях Томского уезда Томской губернии в первой четверти XX века как отражение локальных особенностей динамики сети сельских поселений194–206

С.А. Юсупова

«Туркестанский сборник» как источник по истории органов городского самоуправления Ташкента и Верного (последняя треть XIX – начало XX века)207–220

Дун Юй

Краткий анализ роли военных в трансформации туркменского общества в конце XIX – начале XX века221–231

А.А. Кононов

Обжалование решений волостного суда в начале XX века: как крестьяне отстаивали свои интересы в жалобах к крестьянским начальникам232–240

Д.О. Никулин

Русско-японская война 1904–1905 годов как катализатор Первой русской революции 1905–1907 годов: обзор современной историографии241–253

Д.А. Бакланов

Русские революции 1905–1917 годов в осмыслении Ричарда Пайпса ...254–264

А.А. Кожаева

Конструирование социально-правовой дискриминации «лишенцев»: основные и сопутствующие ограничения265–275

И.А. Суздальцев

Деятельность К.Б. Радека в Коминтерне276–285

В.В. Слискова

«Самостоятельный исследователь»: профессиональная биография биолога В.Н. Шредер (1920–1930-е годы)286–293

С.В. Костерин

Формы пропагандистской работы эмигрантских организаций помощи советским голодающим в первой половине 1920-х годов294–303

А.А. Аганов

Рационализаторская деятельность

Таганрогского института научной организации производства

на полученных в аренду предприятиях в 1923–1925 годах304–312

Д.П. Овчинников

Зарубежные высшие военно-научные курсы в Белграде:

роль и значение для русской военной эмиграции313–323

М.В. Подгурский

Педология А.Б. Залкинда и противоречия

в становлении советской науки о детстве324–335

Д.А. Сосницкий

Память о В.И. Ленине: опыт исследования

советской музыкальной ленинианы336–345

Ю.Н. Храмшина

Постулируемая и реализуемая дисциплина труда

в трамвайных хозяйствах Челябинской области в 1941–1945 годах ...346–355

А.Р. Жамалутдинов

Критика концепции перестройки и распада СССР А.В. Островского ...356–362

Сведения об авторах363–366

От редколлегии

20–23 сентября 2022 г. в Новосибирском Академгородке состоялась очередная Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых». Организаторами школы-конференции выступили Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет и АНО «Свободные науки». Молодежная конференция проводится Институтом истории с 2003 г., а под своим нынешним названием – с 2011 г.

В мероприятии традиционно принимают участие молодые ученые из крупнейших научных центров России. В этом году Оргкомитет получил 84 заявки от студентов, аспирантов и соискателей, кандидатов наук и молодых ученых без степени в возрасте не старше 35 лет. По результатам научного отбора в программу было включено 60 докладов молодых историков из Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Томска, Омска, Великого Новгорода, Кирова, Магнитогорска, Саратова, Якутска, Симферополя, Маймы (респ. Алтай), Пекина, Цзинаня (КНР).

Ключевой частью работы школы-конференции были секционные заседания по пяти тематическим направлениям: «Источниковедение», «Проблемы взаимоотношений общества и власти», «Проблемы социально-экономического развития», «История культуры, науки и образования», «История международных отношений и военного дела». В настоящем сборнике опубликовано 33 статьи, подготовленных на основе докладов, представленных на конференции. Статьи посвящены актуальным проблемам отечественной и зарубежной истории и репрезентуют исследования, выполненные на стыке истории и других дисциплин – социологии, политологии, экономики, культурологии. Они разделены на два блока: первый, «Всемирная история», включает в себя работы, посвященные истории зарубежных стран, в том числе их внешнеполитическому взаимодействию с Россией; второй блок, «История России», посвящен, главным образом, вопросам истории исключительно нашей страны.

В рамках конференции наряду с секционными заседаниями была проведена научная школа «Смена парадигм и формирование новой

методологии истории», представлявшая собой серию лекций, посвященных проблемам современного развития методологии исторической науки. В качестве приглашенных экспертов выступили: кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории Средних веков и Нового времени Южного федерального университета А.В. Корневский, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН В.В. Журавлев, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета В.А. Зверев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета Н.В. Трубникова, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ Л.П. Репина.

Научная школа-конференция завершилась общей дискуссией в ходе заседания тематического круглого стола под тем же названием «Смена парадигм и формирование новой методологии истории». Продолжая обсуждение, начавшееся как итог научной школы, молодые ученые рассмотрели последние методологические инновации, отметили, что в настоящее время не наблюдается смены методологической парадигмы, в то время как некоторые актуальные методологические концепции являются «повторением пройденного». Актуальной частью дискуссии молодых ученых стала оценка важности методологического раздела квалификационной работы, собственные взгляды молодых ученых на методологический инструментарий историка. Обсуждение помогло закрепить знания, полученные ранее, предоставило участникам возможность коллективной работы в ходе подготовки выступления членов секций на заседании круглого стола, а также позволило проследить связь между теорией и практикой источниковедения.

Состоявшийся научный форум получил высокие оценки участников и поспособствовал взаимодействию молодых ученых различных научных центров России. Оргкомитет школы-конференции выражает благодарность Программному комитету, всем соорганизаторам, лекторам научной школы, докладчикам и гостям.

Всемирная история

В.С. Несмеянова

Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

**Почитание богини Дианы
рабами и вольноотпущенниками:
античная литературная традиция
и эпиграфический материал**

В статье рассматривается почитание богини Дианы в среде рабов и вольноотпущенников, отраженное в античной литературе и эпиграфике. На материале данных Epigraphik-Datenbank Clauss/Slaby было проанализировано 76 посвящений, составлены карта местонахождения эпиграфического материала и сравнительная диаграмма датировки надписей. В результате сопоставления литературных и эпиграфических источников сделаны выводы о времени и причинах появления массовых упоминаний о рабах как особой категории почитателей Дианы в период принципата Октавиана Августа, пика популярности Дианы среди рабов и вольноотпущенников во II в. и его спада в III в., а также высказаны предположения о дальнейших перспективах изучения рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: культ Дианы, рабы, вольноотпущенники, эпиграфика, Rex Nemetensis, римская религия.

Культ Дианы играл важную роль как в сакральной, так и в политической и социальной жизни жителей Римского государства. Древнеиталийская богиня традиционно считается покровительницей низшей категории римского населения – рабов, – что кажется нетипичным для рабовладельческого общества. Причиной, послужившей формированию такого «рабоориентированного» образа Дианы, стали отрывочные сведения из античной литературной традиции имперского периода.

Целью настоящего исследования мы ставим определение степени достоверности античных источников в вопросе о месте рабов и вольноотпущенников¹ среди социальной базы почитателей богини Дианы.

¹ Включение в исследование вольноотпущенников обосновывается в первую очередь исторически – они являлись бывшими рабами, получившими свободу и некоторые гражданские права, – и эпиграфически, о чем мы подробнее скажем ниже.

Для достижения цели мы видим необходимым не только обращение к эпиграфическим материалам, но и сопоставление полученных из них данных с данными античной литературной традиции.

Изучение эпиграфики имеет ряд специфических особенностей. Являясь вспомогательной исторической дисциплиной, находящейся на стыке между археологией и историей, эпиграфика представляет собой сухой, лишенный, как правило, субъективных оценок, строго фактологический источник. Зачастую этот источник очень формален, наполнен однообразными общепринятыми фразами и нередко доходит до исследователей в разрушенном виде, что затрудняет его использование. Однако именно эпиграфический материал позволяет, на наш взгляд, более убедительно говорить о почитании римских богов и богинь той или иной группой населения.

Вместе с тем в историографии посвящения от рабов и вольноотпущенников обычно занимают роль сугубо дополнительную по отношению к античным литературным источникам². Отдельное же изучение, включающее полный анализ всех имеющихся на сегодняшний день посвященных надписей от рабов и вольноотпущенников, до сих пор не было проведено ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Для начала обратимся к античной литературной традиции. Первые упоминания о богине Диане в римской античной традиции встречаются со II в. до н. э. – это краткое сообщение политика и писателя Катона-старшего о том, что святилище (точнее, священная роща) Дианы в Ариции было посвящено богине неким латинским диктатором Эгерием совместно с другими городами Латинского союза (Cat. Orig. II. 58). Следующие сообщения о культе богини мы встречаем у Цицерона (Cic. Verrem II. 5. LXXII. 185; Verrem II. 4. XXXII. 72; De nat. deor. Lib. II. 27. 68–69). Однако никто из них не предоставляет нам каких-либо сведений о почитании богини среди рабов. Это происходит несколько позже – в период прихода к власти Окта-

² Alföldi A. Diana Nemorensis // American Journal of Archaeology, 1960. Vol. 64, № 2. P. 137–144; Latte K. Römische Religionsgeschichte. Göttingen, 1960; Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987; D'Ambra E. Daughters as Diana: Mythological Models in Roman Portraiture // Memoirs of the American Academy in Rome. Supplementary Volumes. 2008. Vol. 7. P. 171–183; и др.

виана Августа. В этот период античные писатели обращаются к культу Дианы в Ариции, описывая существующий в этих краях ритуал смертельного поединка между жрецом богини и беглым рабом, претендующим на жречество. Так, Овидий пишет, что в Ариции «царствуют беглые», которые должны убить своих предшественников на должности жреца богини (Ov. Fasti III. 271–272). Страбон связывал культ Дианы в Ариции с культом Артемиды в Тавриде (Strabo. V. 3. 12). Он пишет о «варварском и скифском» обычае убийства беглым рабом жреца Дианы.

Во I в. к культу Дианы обращается писатель и философ Плутарх. В «Римских вопросах» он упоминает о празднестве в честь богини в августовские Иды и также связывает этот день с днем рождения Сервия Туллия, воздвигшего храм богини на Авентине. Стаций вскользь упоминает некоего беглого царя Ариции, однако больше сосредотачивает внимание на празднике богини (Stat. Silv. III. 55–60).

Во II в. Фест обосновывал связь между богиней и рабами этимологически (Fest. De ver. sign. XVII). Светоний в «Жизнеописании Гая Калигулы» впервые вводит имя главного жреца богини в Ариции, называя его Rex Nemorensis, а также рассказывает о том, как император подослал к жрецу человека, чтобы тот убил слишком долго находившегося на этой должности раба (Suet. De vit. Caes. IV. 35. 3). Павсаний также описывал посвящение святилища Диане и установление института жречества богини, которое должно было передаваться единоборством между беглыми рабами (Pausan. Graec. descr. II. 27. 4).

Последнее упоминание о культе Дианы в литературной традиции датируется V в. В комментариях к «Энеиде» Сервий утверждает, что культ Дианы был перенесен в Арицию из Тавриды вместе с местным ритуалом жертвоприношения чужеземцев. Жертвоприношения в культе Артемиды Таврической, по мнению Сервия, были заменены более «цивилизованным» поединком со смертельным исходом (Serv. Aen. II. 116).

Свидетельства об особом месте рабов в культе богини античные авторы передавали не только посредством обращения к культу Дианы Арицийской. С I в. до н. э. литературная традиция связывает Диану с рабами через фигуру Сервия Туллия. Согласно античной традиции,

эта связь имела место благодаря происхождению предпоследнего римского царя, воздвигшего храм Дианы на Авентине, от рабыни – то ли плененной этрусской царицы, то ли обычной простолюдинки (ср. Cic. de Re publ. II. 21. 37; Dion. Hal. III. 65, IV. 1–2; Liv. I. 39; Ov. Fasti. VI. 627–634). Однако эту связь отметили лишь два автора – Плутарх и Сервий, добавив к ней празднества Неморалии, проходившие в Иды Августа сначала в Ариции, а к I в. н. э. по всему Римскому государству (Plut. Quaest. Rom. 100, 106; Fest. De ver. Sign. XVII).

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению и анализу эпиграфических материалов по культу Дианы. В настоящий момент найдено 26 посвящений Диане от рабов или с их упоминанием в качестве слуг богини. Эпиграфика была найдена в Ахайе, Верхней Германии, Ближней Испании, Верхней Мезии, Норикуме, Сирии, а также по три надписи в Дакии и в Нижней Мезии и две в Далмации. В самой Древней Италии было найдено двенадцать посвячительных надписей, шесть из которых обнаружены в Лации (одна в Ариции), по одной в Лигурии и Транспадане, и по две в Самнии и в Риме (см. карту 1). Основным материалом посвящений является камень.

Пик посвящений богине, в которых фигурируют имена рабов, приходится на Имперский период, в особенности на период правления династии Северов, а также на так называемый период правления «Солдатских императоров».

Обращаясь к содержанию надписей, нельзя не заметить, что многие из них являются посвящениями от управляющих поместьем (*servus villicus*)³, либо просто от рабов-управляющих (*servus āctor*)⁴. Кроме того, имеются посвящения от рабов-казначеев (*servus arcārius*)⁵, а также от помощника табулярия (*adiūtor tabularii*)⁶. Таким образом, примерно треть надписей (девять посвящений) принадлежит рабам, обладающим достаточно высоким для своей страты статусом.

³ CIL III 13722; CIL V 5668; AE 1994 430; AE 1996, 1341.

⁴ AE 2003, 286; AE 1955, 85.

⁵ CIL XIV 2156; AE 1933, 113.

⁶ AE 1976, 578.

Несколько посвящений с именем богини выполнены рабынями⁷. Так, согласно надписи CIL III 499, в Ахайе рабыни посвящали одежду Диане Лафрии (ахайское наименование Дианы Эфесской). Общее посвящение Диане Регине было сделано рабынями Фавориной и Секундой⁸. Стоит упомянуть и надгробную надпись из Рима I в. н.э., которая посвящена Дориде, смотрительнице храма Дианы – вероятно, Авентинской – соневольником (cōnservus) Антиохом⁹. Кроме того, в Дакии найдено посвящение Диане от раба Викторина «pro salute» («за здоровье») Антонии Руфы¹⁰.

Еще одна надгробная надпись¹¹ для раба Арацифа была выполнена служащими коллегии Геркулеса и Дианы в Норикуме (кельтский город), что позволяет говорить о связи между богами во II в., которая была установлена еще в первый лектистерний (399 г. до н. э.).

Лишь одна надпись, посвященная Диане Августе, была найдена в Ариции¹². В ней фигурирует коллегия лоторов – по-видимому, коллегия омывателей, что имеет смысл ввиду обнаруженных на территории святилища Дианы общественных бань и источников¹³. Согласно надписи, членами коллегии были раб-казначей и его сын. Сравнив эту надпись с другим посвящением от коллегии лоторов в Ариции¹⁴, которая не имеет связи с рабами, мы можем сделать вывод, что рабы Ариции вряд ли имели особое сакральное положение в культуре богини.

Вместе с Дианой рабы совершают посвящения Аполлону¹⁵, а также популярным среди простого народа Меркурию и Сильвану¹⁶.

⁷ CIL II 3091; CIL III 499; AE 1996, 1341; AE 2006, 1192.

⁸ AE 1996, 1341.

⁹ CIL VI 2209.

¹⁰ CIL III 1288.

¹¹ CIL III 5657.

¹² CIL XIV 2156.

¹³ Ghini G., Diosono F. Il Santuario di Diana a Nemi: Recenti Acquisizioni dai Nuovi Scavi // Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Atti del Convegno. Roma, 2012. Vol. I. P. 119–137.

¹⁴ AE 1912, 92.

¹⁵ AE 1987, 880; AE 1976, 578.

¹⁶ AE 1933, 73.

На первый взгляд, эпитафика не дает нам достаточных оснований для того, чтобы говорить об особой роли богини в среде рабов. Вместе с тем стоит помнить, что большинство рабов просто-напросто не имели возможности сделать даже стандартное посвящение богине, не говоря уже о вотивах в виде фигурок и статуй, которые имеются среди посвящений от других категорий населения. Единственное посвящение богине в виде фигурки или образа (*signum*) было сделано совместно рабом-казначеем и общественной вольноотпущенницей¹⁷.

Чтобы приблизиться к ответу на вопрос об истинной роли Дианы в среде рабов, на наш взгляд, стоит обратиться к посвящениям вольноотпущенников – категории, обладающей большими правами и возможностями по сравнению с рабами.

Среди эпитафических посвящений Диане, выполненных вольноотпущенниками, 51 надпись содержит имя Дианы. Большей частью посвящения вольноотпущенников сосредоточены в регионах Древней Италии. Помимо 12 надписей, найденных в Риме, единичные посвящения обнаружены в Апулии, Самнии, по два в Эмилии, в Этрурии и в Транспадане, по три в Лигурии и в Венеции и Истрии, а также шесть в Лации.

В провинциях обнаружено 19 посвящений. Больше всего (пять посвящений) – в Ближней Испании. Кроме того, были найдены по две надписи в Ахайе, в Азии (Эфес), в Дакии и в Галлии *Narbonensis* и единичные надписи в Далмации, в Верхней Германии, в Македонии, в Мавретании, в Верхней Панонии и в Раэции (см. карта 1). Материалом посвящений также является камень.

Немалая часть посвящений была сделана императорскими вольноотпущенниками (*Augusti libertus*)¹⁸ и различного рода начальниками, вроде храмовых смотрителей (*aedituus*)¹⁹, управителя виллы (*villicus*)²⁰, а также помощником табулярия (*libertus adiutor tabularii*)²¹. Посвящение CIL VI 352 было выполнено императорским вольноотпущен-

¹⁷ AE 1933, 113.

¹⁸ CIL III 7903, 12298, 14195,02; CIL V 5090; CIL VI 352, 656, 4305, 9089, 10958, 39845; AE 1911, 32.

¹⁹ CIL VI 131, 2210, 4305, 39845.

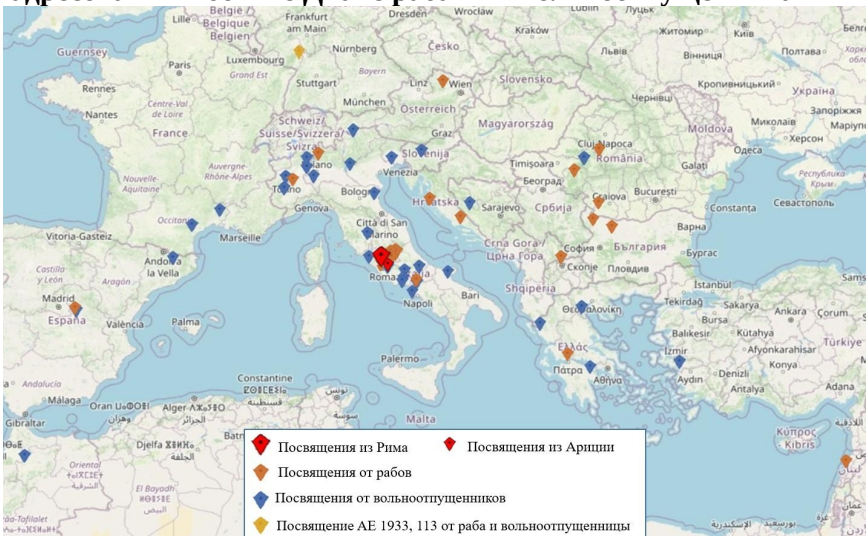
²⁰ CIL VI 9089.

²¹ AE 1911, 32.

ником, который был назначен секретарем при играх в честь Матуты. Посвящение CIL III 7903 выполнено императорским вольноотпущенником-менялой Январием. В одной из надписей фигурирует вольноотпущенник с должностью «*vestiarii de Dianio*» («портной из храма Дианы»)²². Поскольку надпись была найдена в Риме, можно предположить, что речь идет о храме Дианы на Авентине.

Карта 1

Местонахождение посвячительных надписей, адресованных богине Диане рабами и вольноотпущенниками*

* Составлено по: База эпиграфических данных Epigraphik-Datenbank Claus/Slaby.

Достаточно часто вольноотпущенники посвящали богине храм (aedes), алтарь, статуи или фигурки²³. Иногда они делали подобные посвящения «за здоровье» того или иного лица (в особенности бывшего господина). Вместе с Дианой на некоторой эпиграфике фигурируют имена Сильвана, Ларов, богов Манов, Аполлона, Луны, Фортуны, Минервы, Юноны Регины, а также Юпитера, Вулкана и Асклепия²⁴.

²² CIL VI 33922.

²³ CIL V 5090; CIL VI 131, 4305; CIL IX 6242; AE 1959, 46; AE 1987, 363; AE 1988, 227; AE 2008, 1228.

²⁴ LJug-02, 760; CIL VI, 656, 10958, 30975; CIL XI, 7726.

В одной из упомянутых надписей встречается эпитет «Неморенсис»²⁵. Надпись найдена в Тибуре и либо отсылает к культу богини в Ариции, что находится относительно недалеко от Тибура, либо просто говорит о Диане как о богине какой-то другой рощи. К сожалению, надпись плохо сохранилась и не дает большей информации.

В двух надписях из Эфеса богиню именуют «Дианой Эфесской», при этом в одной из надписей помимо посвящения на латыни присутствует его греческий перевод, где посвящение делается уже Ἀρτέμιδι Ἐφεσῷα²⁶. Таким образом, с одной стороны мы видим занятный пример «де-эллинизации» греческого культа Артемиды в Эфесе, с другой – делаем вывод об уравнивании двух богинь в сознании римлян-вольноотпущенников в начале II в.

Больше посвящений, нежели в среде рабов, было сделано женщинами. Так, Улция Глафира, вольноотпущенница Марка, добавила свои деньги к средствам двух мужей (по-видимому, плебеев) на постройку либурны (легкого судна) в честь богини²⁷. Совместное посвящение богине было сделано и общественной вольноотпущенницей (*liberta publica*) Декоратой вместе с рабом-казначеем Гратинум, о чем мы упоминали выше²⁸. «За здоровье» своего мужа-вольноотпущенника сделала посвящение богине женщина по имени Эмилия²⁹.

Римское надгробное посвящение CIL VI 10958 первой половины II в. было возведено родителями для дочери, которая, по-видимому, умерла в достаточно раннем возрасте. Надпись выполнена на барельефе, на котором изображена погибшая Элия Прокула, дочь императорского вольноотпущенника, в образе Дианы-Амазонки: бегущая девочка в коротком хитоне, с обнаженной грудью, с луком в руках, в ногах – гончая. Как убедительно доказывает Е. Д'Амбра, родители Элии были императорскими вольноотпущенниками, причем достаточно богатыми³⁰, о чем свидетельствует вид барельефа.

²⁵ CIL XIV 3537.

²⁶ CIL III 14195, 3.

²⁷ CIL XI 111.

²⁸ AE 1933, 113.

²⁹ CIL V 5630.

³⁰ D'Ambra E. Daughters as Diana... P. 172–173.

Таким образом, в среде вольноотпущенников богиня была весьма популярной фигурой. Нередко ей совершали посвящения женщины (13 посвящений), а также вольноотпущенники императоров (11 посвящений), что может говорить о важном месте богини при императорском дворе.

Посвящения Диане от рабов и вольноотпущенников вместе составляют 76 надписей за пять веков (см. диагр. 1). Как говорилось ранее, не все имели возможность совершать посвящения богам, кроме того, число вольноотпущенников было гораздо меньше полноправных групп населения. При изучении других посвячительных надписей от рабов и вольноотпущенников нельзя не заметить, что чаще Дианы они поклоняются лишь Сильвану – божеству-покровителю земледельцев, защитнику лесов и т.д., то есть божеству, обладающему схожим с Дианой функционалом. Отсутствие внушительного количества посвящений Диане можно объяснить тяжелым положением и элементарной неграмотностью большинства рабов и части вольноотпущенников.

Соотнеся датировку посвящений богине с периодом упоминания Дианы в античной литературе, можно отметить следующее:

1. Самое раннее посвящение от раба было сделано более чем за полвека до начала упоминания почитания Дианы рабами у античных авторов³¹.

2. С конца I до н.э. – период принципата Октавиана Августа – начинается резкое увеличение посвящений от рабов и вольноотпущенников, а также активное обращение к культуре Дианы в литературе.

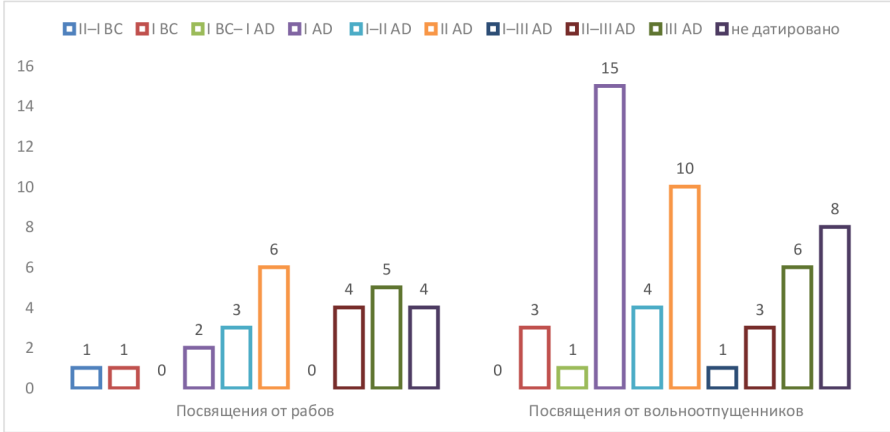
3. II в. датируется пик литературы о рабах в культуре богини и посвящений от вышеуказанных категорий населения.

4. В III в. начинается явный спад числа посвящений от обеих групп населения, а литература о «рабской» стороне культа богини полностью исчезает вплоть до V в.

³¹ Надпись AE 1991, 394 датируется 130–70 гг. до н. э.

Диаграмма 1

Сопоставление датировки посвячительных надписей от рабов и вольноотпущенников*

* Составлено по: База эпиграфических данных Epigraphik-Datenbank Claus/Slaby.

Мы могли бы сделать вывод, что на увеличение внимания рабов к Диане в период правления Октавиана Августа главным образом повлияла политика принцепса. Действительно, согласно некоторым исследованиям³², первый император использовал образ богини для достижения собственных политических интересов. Однако нельзя не отметить два принципиально важных момента: 1) на этот период приходится так называемый «расцвет» рабства благодаря римским завоеваниям, т.е. увеличение числа посвящений от рабов может свидетельствовать в большей степени об общем увеличении численности самих рабов; 2) именно в этот период появляется большое количество научных (в античном понимании) работ, посвященных истории Рима, т.е. увеличение упоминаний о рабах в культе Дианы может быть соотнесено и с общим увеличением количества работ, посвященных истории, культуре и географии Римского государства.

³² *Freser J.G.* The golden Bough: Aa Study in Magic and Religion. London, 1920. Vol. 1. P. 4. *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 359. *Green C.M. C.* Roman Religion and the Cult of Diana at Aricia. Cambridge, 2007.

Последующее увеличение эпиграфического материала и литературы также может быть соотнесено с вышеназванными причинами, с той лишь разницей, что в I–II вв. растет число литературы художественного характера, что вписывается в общий исторический контекст. Третий же век считается веком значительного роста популярности христианства, для борьбы с которым императоры использовали в своей религиозной политике древних языческих богов. Стоит также отметить, что с II в. начинается упадок главного святилища Дианы в Ариции³³, что можно объяснить как снижением римской религиозности – многие языческие храмы, в том числе храм Дианы, были разобраны на материалы для других построек³⁴, – так и общим кризисом римской политической системы, теснейшим образом связанной с римской религией.

Более крепкая связь между богиней Дианой и рабами присутствует в вышеупомянутом арицийском ритуале смертельного поединка между Царем Леса и беглым рабом-претендентом на его роль, а также в «рабском» происхождении построившего храм Дианы на Авентине царя Сервия Туллия. Именно они и послужили отправной точкой для многочисленных исследовательских интерпретаций Дианы как богини рабов. Вместе с тем сам факт почитания Дианы рабами и вольноотпущенниками без привязки к ритуалу Царя Леса и к Сервию Туллию неоспорим.

Несмотря на то, что значительная часть исследования была настоящим образом проделана, имеются определенные перспективы для дальнейшего изучения места Дианы в жизни рабов и вольноотпущенников. Представляются необходимым проведение анализа посвященных надписей от низших категорий населения Римского государства, адресованных другим божествам, и соотнесение полученных сведений с материалом настоящей статьи.

³³ Ghini G., *Diosono F.* Il Santuario di Diana a Nemi... P. 121.

³⁴ *Diosono F.* Inside the Volcano and into the Trees. The sacred Grove of Diana Nemorensis in Archaic Latium Between the Literary and Archaeological Sources // *Sacred Landscapes in Antiquity: Creation, Manipulation, Transformation.* Oxbow Books. Bd. 448. 2020. P. 17–28.

Список сокращений

- AE – L'Année Épigraphique.
Cat. Orig. – Cato Marc. Porc. Origines (Катон, «Начала».)
Cic. De nat. deor. – Cicero Marc. Tull. De natura deorum (Цицерон, «О природе богов».)
Ibid. de Re publ. – *De re publica* (Цицерон, «О государстве».)
Ibid. Verrem – Orationes in Verrem (Цицерон, «Речи против Гая Верреса».)
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum.
Dion. Hal. – Dionysius Hal. Antiquitates Romanae (Дионисий Галикарнасский, «Римские древности».)
Fest. De ver. sign. – Festus, Sext. Pomp. De verborum significatu (Фест, «О значении слов».)
ILJug – Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia.
Liv. – Livius Titus. Ab urbe condita (Тит Ливий, «История Рима от основания города».)
Ov. Fasti – Ovidius Publ. Naso. Fasti (Овидий, «Фасты».)
Pausan. Graec. descr. – Pausanias. Graeciae descriptio (Павсаний, «Описание Эллады».)
Plut. Quaest. Rom. – Plutarch, Quaestiones Romanae (Плутарх, «Римские вопросы».)
Serv. Aen. – Servius Non. Maur. In Vergilii Aeneidos Commentarii (Сервий, «Комментарии к Энеиде».)
Stat. Silv. – Statius Publ. Papin. Silvae (Стаций, «Сильвы».)
Strabo – Strabo. Geographica (Страбон, «География».)
Suet. De vit. Caes. – Suetonius. De vita XII Caesarum (Светоний, «Жизнеописания 12 цезарей».)

Библиография

- Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Магнитогорский дом печати, 1995. 656 с.
- Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987. 318 с.

Alföldi A. Diana Nemorensis // *American Journal of Archaeology*, 1960. Vol. 64. No. 2. P. 137–144.

D'Ambra E. Daughters as Diana: Mythological Models in Roman Portraiture // *Memoirs of the American Academy in Rome. Supplementary Volumes*, 2008. Vol. 7. P. 171–183.

Diosono F. Inside the Volcano and into the Trees. The Sacred Grove of Diana Nemorensis in Archaic Latium between the Literary and Archaeological Sources // *Sacred Landscapes in Antiquity: Creation, Manipulation, Transformation*. Oxbow Books. Bd. 448. 2020. P. 17–28.

Freser J. G., *The Golden Bough: A Study in Magic and Religion*. London, 1920. Vol. 1. 426 p.

Ghini G., *Diosono F.* Il Santuario di Diana a Nemi: Recenti Acquisizioni dai Nuovi Scavi // *Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Atti del Convegno*. Roma, 2012. Vol. I. P. 119–137.

Green C. M. C. *Roman Religion and the Cult of Diana at Aricia*. Cambridge, 2007. 388 p.

Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. Göttingen, 1960. 445 s.

К.М. Карашайски

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь)*

Иноземные наемники в гвардии византийских императоров в середине IX – X веке

Статья посвящена воинским формированиям наемников-иноземцев в составе византийских гвардейских частей в середине IX – X в. Исследование основано на анализе византийских, арабских и древнескандинавских нарративных и документальных источников. Предпринята попытка проследить становление и эволюцию подразделений иностранных наемников в качестве элитных частей византийской армии – этерий, несущих службу при особе императора, а также установить их структуру, функции, численность и этнический состав. Сделан вывод о том, что в период середины IX – первой половины X вв. основу иностранного корпуса составляли воины-тюрки – хазары и фарганы. Во второй половине X в. они были вытеснены росами и другими скандинавами, чьи подразделения в течении этого столетия прошли путь от небольшого гвардейского отряда до крупных сил «варяго-русского» корпуса.

Ключевые слова: Византия, этерия, тюрки, хазары, росы, варанги, военное наемничество.

Для периода правления в Византийском государстве императоров Македонской династии (867–1056) характерно активное привлечение в вооруженные силы контингентов иноземных наемников (οἱ ἑθνικοί). Отряды иностранцев служили в составе полевых армий и составляли отдельные гвардейские формирования – так называемые этерии (οἱ ἑταίρειες), несущие функции дворцовой стражи и личных телохранителей императора. Актуальным представляется не только рассмотрение этнического состава данных подразделений, но и комплексное изучение византийского института военного наемничества с точки зрения его сущности и развития, в данном случае – структурных и этнических изменений, происходивших в элитных императорских частях, комплектовавшихся из иноземцев.

Проблемы службы иностранных наемников в византийских вооруженных силах Македонского периода не раз поднимались в специальных исследованиях. Однако, основное внимание закономерно уделялось и уделяется росам и варангам. Здесь следует выделить классическую работу В.Г. Васильевского «Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков»¹ и фундаментальный труд С. Блендаля под редакцией Б. Бенедикса «The Varangians of Byzantium: An aspect of Byzantine military history»². Наемным росам, варангам и франкам в византийской армии посвящены, в частности, исследования Е.А. Мельниковой³, О.М. Лугового⁴, А.М. Филипчука⁵ и Г. Феотокиса⁶. Проблемы истории византийских гвардейских подразделений и отрядов варангов освещены в ряде работ А.С. Мохова⁷ и Р. Д'Амато⁸. В то же время отметим, что корпус иноземных наемников на имперской службе, разумеется, не ограничивался выходцами из Северо-Западной и Восточной Европы⁹.

¹ *Васильевский В.Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1908. Т. 1. С. 176–377.

² *Blöndal S.* The Varangians of Byzantium: An Aspect of Byzantine Military History. Cambridge, 2007. 242 p.

³ *Мельникова Е.А.* «Он был в Грикланде предводителем войска»: скандинав в Византии // Альманах североευропейских и балтийских исследований. Петрозаводск, 2022. № 7. С. 47–94.

⁴ *Луговий О.М.* Роси та варанги у Візантії Х–ХІІ ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 2008.

⁵ *Филипчук О.М.* Руси серед «військ народів» у Візантії ІХ–ХІ ст.: найманці та союзники: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2010.

⁶ *Theotokis G.* Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the Service of the Byzantine Emperors (9th–11th c.) – Numbers, Organisation and Battle Tactics in the Operational Theatres of Asia Minor and the Balkans // *Byzantina Symmeikta*. 2012. Vol. 22. P. 125–156.

⁷ *Мохов А.С.* Дворцовая стража в Византии первой половины IX века: манглиты и императорская этерия // *Античная древность и средние века*. Екатеринбург, 2016. Вып. 44. С. 124–136; *Мохов А.С.* Варяги на Востоке: к вопросу о паломничестве норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в Иерусалим // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 1 (38). С. 102–111.

⁸ *D'Amato R.* Byzantine Imperial Guardsmen 925–1025: The Tághmata and Imperial Guard. 2012. 66 p.; *D'Amato R.* The Varangian Guard 988–1453. Oxford, 2010. 48 p.

⁹ Подробнее об историографии темы см.: *Карашайски К.М.* Институты военного наемничества и военного союзничества в армии Византийской империи середины IX – начала XII века: к историографии вопроса // Ученые Записки Крымского федераль-

В число «иноземцев из этерий» (οἱ ἔθνικοὶ τῆς ἑταιρείας) и «людей императора из числа иноземцев» (βασιλικούς ἀνθρώπους ἔθνικοὺς πάντας) по «Клиторологии» Филофея (899 г.) включались хазары (οἱ Χάζαροι), фарганы (οἱ Φαργάνοι), венгры (οἱ Τοῦρκοι), арабы (οἱ Ἀγαρηνοί) и франки (οἱ Φράγγοι)¹⁰. Исходя из текста трактата «О церемониях» (963 г.), среди них в 946 г. присутствовали также крещенные росы (οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς)¹¹. В числе стражников упоминаются даже «те, кого называют Ἰνδοὺς»¹² под которыми применительно к византийской картине мира можно понимать весьма широкий спектр народов – принявших христианство мавров¹³, арабов, эфиопов, персов либо действительно индийцев¹⁴. Недаром арабский поэт X в. аль-Мутанабби писал о византийском войске, зимой 954/955 г. подошедшем к крепости Хадат: «Здесь были собраны люди всех народов и всех языков – приказы они понимали лишь с помощью переводчиков»¹⁵.

Императорская этерия формируется в первой половине IX в. При Льве V (813–820) и Михаиле II (820–829) это был немногочисленный отряд дворцовой стражи. Начиная с правления Василия I Македонянина (867–886) этерия превращается в достаточно крупный и боеспособный корпус императорских телохранителей¹⁶. К началу X в. он состоял из трех подразделений – великой, средней и третьей этерий общим числом в 1200 воинов. Каждая этерия состояла из двух тагм (банд) по 200 воинов¹⁷. Они, предположительно, делились на

ного университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. Симферополь, 2022. Т. 8 (74). № 4. С. 63–85.

¹⁰ Constantini Porphyrogeniti Imperatoris de Ceremoniis Aulae Byzantinae Libri Duo. Bonn, 1829. Т. I. P. 749, 772.

¹¹ Ibid. P. 579.

¹² Ibid. P. 234.

¹³ D'Amato R. Byzantine Imperial Guardsmen 925–1025... P. 30–31.

¹⁴ Иршмер И. Византия и Индия // Византийский временник. М., 1984. Т. 45. С. 66–71.

¹⁵ Аль-Мутанабби. На отвоевание аль-Хадата (араб.) [Электронный ресурс] // аль-Диван: Энциклопедия арабской поэзии. URL: <https://www.aldiwan.net/poem/10524.html> (дата обращения: 03.03.2023); McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, 1995. P. 201.

¹⁶ Мохв А.С. Дворцовая стража в Византии... С. 130–134.

¹⁷ Treadgold W.T. Byzantium and its army, 284–1081. Stanford, 1995. P. 109–110.

группы по 40 воинов¹⁸. Во главе каждой этерии стоял этериарх (ὁ ἑταρειάρχης) с подчиненными ему комитами этерии (οἱ κόμητες τῆς ἑταρείας) или командующими этерии (οἱ ἐπὶ τῆς ἑταρείας) и, возможно, кентархами (οἱ κένταρχοι). В последней трети X в. появляется четвертая этерия – этерия пехотинцев, известная по должности ее командующего, этериарха пехотинцев (ὁ ἑταρειάρχης τῶν πεζῶν), что упоминается в «Эскуриальском тактиконе» (970-е годы)¹⁹. Наемники-иноземцы составляли третью этерию (в основном хазары, фарганы и венгры) и этерию пехотинцев (росы и другие скандинавы).

Фарганы – тюрко-иранские воины родом из Центральной Азии (в частности, Ферганской долины)²⁰, вместе с хазарами появляются на византийской службе в 840–850-е годы. Подобные тюркские (из хазар, уйгур, огузов и карлуков) и иранские (из согдийцев и хорезмийцев) гвардейские подразделения (например, Фарагина) изначально были организованы в халифате Аббасидов в правление аль-Мамуна (813–833) и аль-Мутасима (833–842)²¹. В условиях постоянных арабо-византийских столкновений, внутривосточных кризисов в государстве Аббасидов («анархия в Самарре» 861–870 гг.) и попадания части контингентов в опалу при халифе аль-Мутамиде (870–892)²² они, вероятно, переходили на византийскую службу. Кроме того, тюркские наемники попадали в Византию из Хазарского каганата и Саманидского государства – в качестве пленных и рабов, как вольные отряды или группы воинов, отправленных на службу в рамках дипломатических соглашений. Арабские авторы X в. Ибн Руста и аль-Мақдисі писали, что «большинство гулямов императора – тюрки и хазары»²³.

¹⁸ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 102.

¹⁹ *Oikonomidès N.* Les listes de Préséance Byzantines des IXe et Xe Siècles. Paris, 1972. P. 271.

²⁰ *Bury J.B.* The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London, 1911. P. 107–108.

²¹ *Gordon M.S.* The Breaking of a Thousand Swords: A History of the Turkish Military of Samarra (A.H. 200–275/815–889 C.E.). New York, 2001. P. 15–22; *Голден П.* Тюрки-хазары – гулямы на службе у халифов // Хазары: сб. ст. М.; Иерусалим, 2005. Т. 16. С. 467–468.

²² *Kennedy H.N.* The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State. London; New York, 2001. P. 149–153.

²³ *Al-Maқdisī al-Muṭahhar ibn Ṭāhir.* Kitāb al-Bad' wa al-tārīkh [Le livre de la creation et de l'histoire]. Paris, 1907. Т. 4. P. 64; *Голден П.* Тюрки-хазары... С. 459.

По сообщению хроники Симеона Магистра и Логофета (X в.) известен протоспафарий Феофан из Фарганов (Θεοφάνης ὁ ἐκ Φαργάνων)²⁴ в 844 г. или между 842–850 гг.²⁵ перешедший на сторону арабов, а затем возвратившийся в империю. В 886 г., согласно «Псамафийской хронике» (920–950-е годы), этериот из числа фарганов спас императора Василия I во время охоты²⁶. В 935 г. 45 фарганов и 47 хазар сопровождают патрикия Косму в походе в Лонгивардию²⁷. Последнее сообщение о войнах-фарганах касается их участия в приеме арабского посольства из Тарса в Константинополе в 946 г.²⁸

Согласно сведениям Иосифа Генесия (X в.) этериоты-хазары участвовали в свержении регентов при императоре Михаиле III (842–867) в 856 г. Генесий назвал их «этерией скифов из Таврики» («τοὺς ἐκ Ταυρικῆς καθ' ἑταίρειαν Σκύθας»)²⁹, что дало основание для дискуссии об этнической принадлежности этих воинов, идентифицируемых исследователями в качестве либо росов, либо хазар³⁰. Хазарская этерия Льва VI (886–912) сражается против болгарского войска царя Симеона I (893–927) в 894 г.³¹ Арабские поэты аль-Мутанабби и Абу Фирас упоминают об участии хазар в войнах византийцев с Хамданидами во второй половине 950-х годов: в войске доместика схол Варды Фоки в битве при крепости Хадат (ноябрь–декабрь 954/955 г.) и войсках паракимомена Василия Лакапина и Иоанна

²⁴ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Bonn, 1838. P. 815.

²⁵ Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes: La Dynastie d'Amorium. Bruxelles, 1935. T. I. P. 196.

²⁶ Две византийские хроники X века: Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники. М., 1959. С. 27.

²⁷ Constantini Porphyrogeniti imperatoris... P. 660–661.

²⁸ Ibid. P. 576.

²⁹ Theophylacti Simocatae Historiarum Libri Octo. Genesisius. Regum. Bonn, 1834. P. 89.

³⁰ Карашайски К.М. «Этерия скифов из Таврики»: к историографии вопроса // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: мат-лы VI Междунар. науч. конф. М., 2022. С. 221–224.

³¹ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus... P. 358.

Цимисхия в сражении при крепости Рабан (октябрь–ноябрь 958 г.). Абу Фирас даже называет имя хазарского командира – Тузник³².

Поток наемников из Центральной Азии и Понтийско-Каспийской степи, вероятно, остановился в связи с падением Хазарского каганата и политическим кризисом в Саманидском государстве в 960-е годы. Однако третья этерия продолжает существовать как минимум до середины XI в. – об этом свидетельствует датированный этим временем моливдовул этериарха третьей этерии (ὁ ἑτερείάρχης τῆς τρίτης)³³. Мы полагаем, что ее основой стали венгры. По сообщению Лиутпранда Кремонского (вторая половина X в.) в 968 г. император Никифор II Фока (963–969) сделал своими этериотами 40 венгров, пребывавших у византийцев в плену³⁴.

Со второй половины 930-х годов при императорском дворе появляется гвардейский отряд крещеных росов, относившийся к числу этерий и насчитывавший около 300 воинов³⁵. Росы-этериоты, наряду с хазарами и фарганами, участвуют в церемонии приема арабских послов из Тарса в 946 г.³⁶ В начале 970-х годов императором Иоанном I Цимисхием (969–976) организовывается этерия пехотинцев, в которую вошли как воины тагмы крещеных росов, так и новые группы наемников из Руси и Скандинавии (вольные отряды и пленные, захваченные в ходе русско-византийской войны 970–971 гг.).

Очевидно, с начала 970-х годов этерия пехотинцев стала одним из наиболее приближенных к императору подразделений. Этериоты-пехотинцы (οἱ λεζέταιροι) сопровождают Иоанна I Цимисхия в походе к Доростолу в апреле 971 г.³⁷ Они же, исходя из рекомендаций военного трактата «Об устройстве лагеря» (вторая половина 980-х годов),

³² Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes: La Dynastie Macédonienne. Bruxelles, 1950. Т. II. P. 331, 364, 368–369.

³³ Алексеенко Н.А. Новые данные о связях юго-восточной Таврики с имперским военным ведомством на рубеже X–XI вв. // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2018. Вып. 46. С. 115.

³⁴ Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006. С. 140.

³⁵ Филипчук О.М. Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? // Ruthenica. Киев, 2008. Т. VII. С. 20–23.

³⁶ Constantini Porphyrogeniti imperatoris... P. 579.

³⁷ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 73.

должны были находиться при особе императора во время марша³⁸, а их палатки размещались рядом с императорской³⁹. Численность этих отрядов определяется исследователями в рамках двух тагм в 150 воинов каждая⁴⁰ либо около 300–500 воинов каждая⁴¹. На наш взгляд, этерия пехотинцев по аналогии с третьей этерией должна была состоять из двух тагм (банд) численностью от 200 до 400 воинов каждая, насчитывая в целом 400–800 воинов. Представляется, что в 988–989 гг. этерия пехотинцев была присоединена к организованному императором Василием II (976–1025) шеститысячному «варяго-русскому» корпусу.

По текстам саг известны исландцы и норвежцы, служившие в этих подразделениях: Торкель Светлая Прядь в 937–944 гг.⁴², Берси Белый в первой половине 970-х годов⁴³, Грис Сэммингссон в 970–980-х годах⁴⁴, Кольскегг Хамундарсон после 988–989 гг.⁴⁵

Таким образом, иноземная третья этерия, состоявшая большей частью из хазар и фарганов, формируется в 840–850-е годы. В 960-е годы найм империей тюркских воинов из Хазарии и Саманидского эмирата был значительно усложнен кризисами в этих государствах. Третья этерия, однако, продолжала существовать как минимум

³⁸ Два византийских военных трактата конца X в. СПб., 2002. С. 350, 362.

³⁹ Там же. С. 325–326.

⁴⁰ Там же. С. 274–275, 350.

⁴¹ Three Byzantine Military Treatises. Washington, 1985. P. 283.

⁴² Мельникова Е.А. «Он был в Грикланде предводителем войска»... С. 56–57.

⁴³ Finnboga Saga Ramma. 18. kafli: Finnboga Saga Ramma [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. URL: https://www.sagadb.org/finnboga_saga_ramma.is (дата обращения: 12.03.2023).

⁴⁴ Hallfreðar saga vandræðaskálds. 3. kafli; 10. kafli: Hallfreðar saga vandræðaskálds [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. URL: https://www.sagadb.org/hallfreðar_saga_vandraedaskalds.is (дата обращения: 14.03.2023); Мельникова Е.А. Эпоха князя Владимира в древнеисландской литературе // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: мат-лы Междунар. науч. конф. в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба (Москва, 14–16 октября 2015 г.). М., 2017. С. 429, 432; *Blöndal S.* The Varangians of Byzantium... P. 195–196.

⁴⁵ Brennu-Njáls saga. 81. kafli: Brennu-Njáls saga [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. URL: https://www.sagadb.org/brennu-njals_saga.is (дата обращения: 16.03.2023).

до середины XI в., комплектуясь, по-видимому, в основном из венгров. Во второй половине 930-х годов начинается формирование гвардейских подразделений, в которых служили выходцы из Руси и Скандинавии. Тагма крещеных росов (вторая половина 930-х–970 г.) в правление Иоанна I Цимисхия была укрупнена и преобразована в этерию пехотинцев (970 – конец 980-х годов). При Василии II в 988–989 гг. создается многотысячный «варяго-русский» корпус, ставший одной из основ византийского военного могущества. С 930–950-х годов помимо исполнения церемониальных функций иноземные этерии на постоянной основе стали привлекаться к участию в военных экспедициях.

Библиография

Алексеенко Н.А. Новые данные о связях юго-восточной Таврики с имперским военным ведомством на рубеже X–XI вв. // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2018. Вып. 46. С. 102–119.

Аль-Мутанабби. На отвоевание аль-Хадата (араб.) [Электронный ресурс] // Аль-Диван: Энциклопедия арабской поэзии. URL: <https://www.aldiwan.net/poem10524.html> (дата обращения: 03.03.2023).

Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды В.Г. Васильевского. СПб., 1908. Т. 1. С. 176–377.

Голден П. Тюрки-хазары – гулямы на службе у халифов // Хазары: сборник статей / ред. кол.: В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира. М.; Иерусалим: Мосты культуры. Гешарим, 2005. Т. 16. С. 458–482.

Два византийских военных трактата конца X в. / изд. подг. В.В. Кучма; отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2002. 410 с.

Две византийские хроники X века: Псамафийская хроника. Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники / пер., предисл. и коммент. А.П. Каждана, С.В. Поляковой, И.В. Феленковской, Р.А. Наследовой. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 263 с.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / пер. с араб., комм. Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 427 с.

Иршмер И. Византия и Индия // Византийский временник. М., 1984. Т. 45. С. 66–71.

Карашайски К.М. «Этерия скифов из Таврики»: к историографии вопроса // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Мат-лы VI Междунар. науч. конф (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.). М., 2022. С. 221–224.

Карашайски К.М. Институты военного наемничества и военного союзничества в армии Византийской империи середины IX – начала XII века: к историографии вопроса // Ученые Записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки. 2022. Т. 8(74). № 4. С. 63–85.

Лев Диакон. История / пер. с греч. М.М. Копыленко. М.: Наука, 1988. 237 с.

Лиутпранд Кремонский. Антаподосис; Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / изд. подг. И.В. Дьяконов. М.: Русская панорама, 2006. 191 с.

Луговий О.М. Роси та варанги у Візантії X–XII ст.: формування та структурна роль найманого військового контингенту: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 2008. 19 с.

Мельникова Е.А. «Он был в Грикланде предводителем войска»: скандинав в Византии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2022. № 7. С. 47–94.

Мельникова Е.А. Эпоха князя Владимира в древнеисландской литературе // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: мат-лы Междунар. науч. конф. в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба (Москва, 14–16 октября 2015 г.). М., 2017. С. 410–441.

Мохов А.С. Варяги на Востоке: к вопросу о паломничестве норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в Иерусалим // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). С. 102–111.

Мохов А.С. Дворцовая стража в Византии первой половины IX века: манглавиты и императорская этерия // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2016. Вып. 44. С. 124–136.

Филипчук О.М. Русь серед «військ народів» у Візантії IX–XI ст.: найманці та союзники: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Чернівці, 2010. 22 с.

Филипчук О.М. Скільки коштував руський найманець у Візантії в X ст.? // *Ruthenica*. Київ, 2008. Т. VII. С. 7–29.

Al-Maḡdisī al-Muṭahhar ibn Ṭāhir. Kitāb al-Bad' wa al-tārīkh [Le livre de la creation et de l'histoire] / publ. et trad. Cl. Huart. Paris, 1907. Т. 4. 508 p.

Blöndal S. The Varangians of Byzantium: An Aspect of Byzantine Military History / S. Blöndal; transl., revised and rewritten by Benedikt S. Benedikz. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 242 p.

Brennu-Njáls Saga. 81. kafli: Brennu-Njáls saga [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. URL: https://www.sagadb.org/brennu-njals_saga.is (дата обращения: 16.03.2023).

Bury J.B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. London: British Academy, 1911. 179 p.

Constantini Porphyrogeniti Imperatoris de Cceremoniis Aulae Byzantinae libri duo / Rec. I.I. Reiske. Bonn, 1829. Т. I. 807 p.

D'Amato R. Byzantine Imperial Guardsmen 925–1025: The Tághmata and Imperial Guard. Oxford: Osprey Publishing, 2012. 66 p.

D'Amato R. The Varangian Guard 988–1453. Oxford: Osprey Publishing, 2010. 48 p.

Finnboga Saga Ramma. 18. kafli: Finnboga Saga Ramma [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. URL: https://www.sagadb.org/finnboga_saga_ramma.is (дата обращения 12.03.2023).

Gordon M.S. The Breaking of a Thousand Swords: a History of the Turkish Military of Samarra (A.H. 200–275/815–889 C.E.). New York: State University of New York Press, 2001. 303 p.

Hallfreðar Saga Vandræðaskálds. 3. kafli; 10. kafli: Hallfreðar Saga Vandræðaskálds [Электронный ресурс] // The Icelandic Saga Database. URL: https://www.sagadb.org/hallfredar_saga_vandraedaskalds.is (14.03.2023).

Kennedy H.N. The Armies of the Caliphs: Military and Society in the Early Islamic State. London; New York: Routledge, 2001. 258 p.

McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995. 405 p.

Oikonomidès N. Les Listes de Préséance Byzantines des IXe et Xe Siècles / introd., texte, trad. et comment. N. Oikonomidès. Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1972. 403 p.

Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekker. Bonn, 1838. 951 p.

Theophylacti Simocattae Historiarum Libri Octo. Genesis. Regum / Rec. I. Bekker, C. Lachmanni. Bonn, 1834. 554 p.

Theotokis G. Rus, Varangian and Frankish Mercenaries in the Service of the Byzantine Emperors (9th–11th c.) – Numbers, Organisation and Battle Tactics in the Operational Theatres of Asia Minor and the Balkans // *Byzantina Symmeikta*. 2012. Vol. 22. P. 125–156.

Three Byzantine Military Treatises / text, transl. and note by G.T. Dennis. Washington: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1985. 380 p.

Treadgold W.T. Byzantium and its Army, 284–1081. Stanford: Stanford University Press, 1995. 250 p.

Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes: La Dynastie d'Amorium / ed. prép. H. Grégoire, M. Canard. Bruxelles: l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 1935. T. I. 451 p.

Vasiliev A.A. Byzance et les Arabes: La Dynastie Macédonienne / ed. prép. H. Grégoire, M. Canard. Bruxelles: l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 1950. T. II. 440 p.

Е.Р. Урюмцев

Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

**«Ты, арбалетчик умелый и дерзкий, ты стрелок
с безотказным деревом»: комплексная
реконструкция отрядов арбалетчиков
в эпоху Филиппа II Августа (1180–1223 годы)***

В статье проводится реконструкция облика отрядов конных и пеших арбалетчиков эпохи Филиппа II Августа. Подробно разбираются изобразительные источники арбалетов Высокого средневековья на материалах Манесского кодекса и Библии Мациевского, технологические возможности данного оружия, количественный состав частей конных и пеших арбалетчиков, жалование и материальный облик солдат во Франции начала XIII в. Сделан вывод об особом элитном статусе арбалетчиков среди других солдат королевской армии.

Ключевые слова: Филипп II Август; арбалетчики; военное дело; Высокое средневековье; королевская армия.

Армейская структура в эпоху Филиппа II Августа крайне разнообразна. Она включала в себя семь родов войск, пехотных и кавалерийских, четко разделенных по выполняемым задачам и ролям на поле боя¹. Однако постепенно некоторая часть солдат из Оста (войска) короля выделилась в особые контингенты, а именно арбалетчиков. Несмотря на небольшую численность, они занимали значимое положение в королевской армии. Армейские структуры эпохи Высокого средневековья редко становятся предметом исследования, тем более конкретные подразделения, их статус и место в войсках средневековых сеньоров. Работа ставит целью комплексный разбор подразделения конных и пеших арбалетчиков, состоящих на службе у короля Филиппа II Августа, а также реконструкцию их облика на основе изобразительных источников, попутно разбирая вопросы,

* Статья публикуется в авторском варианте.

¹ *Audouin E. Essai sur l'armée royale au temps de Philippe-Auguste. Paris, 1913. P. 113–116*

касающиеся материального обеспечения, жалования, сроков службы и роли арбалетчиков на поле боя.

В отечественной историографии немного конкретных исследований арбалетчиков и арбалетов. Из заметных работ стоит отметить книгу Г.К. Панченко «Луки и арбалеты в бою»² и часть свода археологических источников СССР, посвященную арбалетам, за авторством А.Ф. Медведева³. Данные исследования достаточно подробно рассматривают использование арбалетов в бою, а также известные археологические находки арбалетов. Однако находки эти касаются арбалетов, найденных на территории бывшего СССР и стран Восточной Европы. Исследование Панченко несколько шире и затрагивает использование арбалетов в Европе, но также не уделяет должного внимания эпохе Высокого средневековья, в которую господствовал легкий двуножный арбалет. Главным образом автор исследует арбалеты XIV–XV вв. с железным стремяном и связанные с ними более развитые армейские структуры, например, генуэзских арбалетчиков. Нельзя не отметить общий научно-популярный характер работы. Пока главным достижением отечественной медиевистики в XXI в. можно считать публикацию и перевод работ европейских исследователей, касающихся средневековых армий и конкретно арбалетчиков. Например, «Книга арбалетов» Ральфа Пейн-Голлуэя⁴ достаточно подробно рассказывает об истории и функционировании арбалетов, классифицируя их по периодам. Работа Филиппа Контамина «Война в средние века»⁵ на основе источников по истории различных европейских государств дает представление обо всех родах войск, в том числе и об арбалетчиках. Так, наше исследование опирается преимущественно на зарубежную историографию, однако следует отметить, что даже в ней эпоха Филиппа Августа с военной точки зрения изучена крайне мало. Разбор конкретной армейской структуры на основе данных синхронных источников, совмещенных с оружиеведением, позволит изучить

² Панченко Г.К. Луки и арбалеты в бою. М., 2010.

³ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966.

⁴ Пейн-Голлуэй Р. Книга арбалетов. История средневекового метательного оружия. М., 2022. 415 с.

⁵ Contamine P. La Guerre au Moyen Age. Paris, 1980. P. 410

специфику армий эпохи Высокого средневековья и понять ее место в эволюции европейского военного искусства.

С большой долей уверенности можно утверждать, что археологические источники подтверждают датировку использования в Европе арбалетов со второй половины XI в. и вплоть до XVI в. Однако, как и в случае с многими другими предметами эпохи средневековья, арбалеты массово представлены в изобразительном искусстве, а также на некоторых барельефах и скульптурах. Именно изобразительные источники являются основными для изучения материальной культуры Средних веков. Так, двуножные арбалеты с деревянным луком и отсутствующим стременем хорошо видны на миниатюрах Манесского кодекса, датирующегося приблизительно 1300 г., на с. 454, 505, 713 и 717⁶. Изображение предположительно конных арбалетчиков зафиксировано на с. 397⁷. Упоминания о присутствии в армиях французских королей конных арбалетчиков прослеживаются в источниках вплоть до 1280-х годов⁸. К концу XIII в. стали встречаться и новые арбалеты, зарядание которых происходило с использованием железного стремени. Такие арбалеты видны на тех же миниатюрах Манесского кодекса⁹, но гораздо больше их в миниатюрах Библии Мациевского или Библии Святого Людовика¹⁰. После анализа миниатюр можно сделать вывод, что арбалеты с железным стременем вошли в моду в 1240–1250 гг. Арбалеты без стремени использовались еще с XI в., и такой вариант является наиболее распространенным в эпоху Филиппа Августа. Оба этих варианта параллельно сосуществовали в конце XIII в., пока окончательно не трансформировались в арбалеты с железным луком и механизмами зарядания.

До конца XII в. во Франции зафиксировано крайне малое использование арбалетов. Гийом Бретонец писал, что обращению с арбалетом

⁶ Zangemeister K. Die Wappen, Helmzierden und Standarten der Grossen Heidelberger Liederhandschrift. (Manesse-Codex). Görlitz, 1892. P. 454, 505, 713, 717

⁷ Ibid. P. 397

⁸ Contamine P. La Guerre au Moyen Age... P. 84

⁹ Zangemeister K. Die Wappen, Helmzierden... P. 787

¹⁰ The Morgan Library & Museum Purchased by J.P. Morgan, The Crusader Bible. M. 638, fol. 42r.

франков научил Ричард Львиное Сердце¹¹. Это не совсем соответствует действительности: еще в 1138 г. на службе у Людовика VII имелось некоторое количество арбалетчиков, хотя важной роли они не играли¹². Тем не менее, именно во Франции арбалет стал своего рода «национальным» оружием дальнего боя. Так, в источниках об армии Филиппа Августа практически не содержится данных об использовании лука – явно вышедшего из моды ввиду сложности в обращении и необходимости серьезного обучения. Арбалет, использовавшийся в начале XIII в., еще не был сложным механизмом, а потому массово использовался в Западной Европе: это был деревянный или роговой лук, крепившийся к деревянной ложе при помощи уздечки – обмотков из сухожилий. Иногда лук сочетал в себе слои обоих материалов. Натягивался он руками либо же при помощи опоры двух ног на сам лук¹³. Такой вариант именовался «двуножным» арбалетом и использовался еще нормандцами при завоевании Англии (так называемый «легкий арбалет»)¹⁴. Стремя, аналогичное кавалерийскому, еще отсутствовало, как и механизмы заряжания (поясной крюк, козья нога, кранекин). Подобная версия, по-видимому, использовалась как пешими, так и конными арбалетчиками, поскольку такой арбалет было возможно заряжать руками, при этом сидя в седле.

Пехотные части в войске короля Филиппа очень разнообразны по своему составу. Несмотря на наличие различных категорий пехоты, стоит отметить, что настоящей пехотой в полном смысле этого слова являлись собственно арбалетчики (*balistarii pedites*) и различные наемники. Для сеньоров начала XIII в. и короля Филиппа в частности они являлись самыми надежными подразделениями, на которые можно было положиться. Во-первых, это подтверждается практическими требованиями к арбалетчикам: как известно, наиболее частыми боевыми действиями в средневековой войне были осады, и арбалетчики были незаменимы как при обороне, так и при нападении. Достаточно вспомнить осаду замка Шалю-Шаброль, во время которой французский арбалетчик смертельно ранил Ричарда Львиное Сердце,

¹¹ *Contamine P. La Guerre au Moyen Age... P. 85.*

¹² *Ibid. P. 85.*

¹³ *Пейн-Голлуэй Р. Книга арбалетов... С. 80–85.*

¹⁴ Там же. С. 8.

от чего тот впоследствии скончался¹⁵. Во-вторых, эффективность этого оружия сделала арбалетчиков востребованными и хорошо оплачиваемыми военными. Высокий заработок гарантировал арбалетчикам хорошее снаряжение, иногда более качественное, чем даже у некоторых рыцарей. Вероятно, арбалетчики могли позволить себе некоторые виды кольчуг (обержон или кольчужные элементы), железный шлем (сервильер, шапель де фер с короткими полями, нормандский шлем), а также персональное оружие: кинжал, короткий меч или топор. В-третьих, начальником и командиром всей пехоты королевства (кроме наемников) был человек на должности мэтра арбалетчиков, что свидетельствует об их особом статусе среди пехотинцев.

По данным Общего счета доходов короля за 1202 г., пеших арбалетчиков в Осте короля Филиппа насчитывалось от 115 до 133 человек¹⁶. Жалование пеших арбалетчиков в 1202 г. составляло 24 денье (два су) в день. В пехоте это жалование, без сомнения, было наиболее высоким: для сравнения, жалование пеших сержантов составляло восемь денье в день, сапера или инженера – 18 денье в день. Только кавалеристы и наемники получали больше.

Необходимо упомянуть и о прямых конкурентах средневековых арбалетчиков – лучниках. В описываемый период лучники как род войск или самостоятельная единица отсутствуют. Встречается лишь несколько исключений, например, трое лучников из Паси-сюр-Ор, служивших в королевском войске, однако более упоминаний нет¹⁷. Не упоминаются расходы на стрелы, тетивы, прочее обмундирование, связанное с лучниками. Таким образом, французские стрелки в эпоху Высокого средневековья – только арбалетчики: конные или пешие, представляющие собой очень небольшие контингенты. Похожая ситуация наблюдалась и в других западноевропейских государствах в тот период¹⁸. Нельзя не упомянуть о Британии, лучники которой стали таким же символом средневековья, как французские рыцари или жандармы. В Англии длинный лук (*longbow*) получил вторую жизнь лишь в середине XIII в., а свое наибольшее распространение – к концу

¹⁵ Contamine P. La Guerre au Moyen Age... P. 85

¹⁶ Ibid. P. 85

¹⁷ Audouin E. Essai sur l'armée royale... P. 84

¹⁸ Contamine P. La Guerre au Moyen Age... P. 85

правления Эдуарда I (1272–1307 гг.) и в период Столетней войны. До той поры, в эпоху королей Ричарда Львиное Сердце и Джона Безземельного, арбалетчики в английской армии также составляли стрелковое большинство¹⁹.

Следует сказать, что содержать армейскую пехоту полностью из арбалетчиков или наемников было невозможно ввиду больших затрат и ограниченных финансовых возможностей французского короля. Поэтому армия комплектовалась небольшими подразделениями арбалетчиков и наемников, которые считались пехотой в полном смысле слова, и массой пеших сержантов, которые хоть и являлись пехотой *de facto*, не являлись ею в представлении людей того времени, играя скорее второстепенную роль.

Однако пешие арбалетчики – не единственные представители стрелков в королевской армии. В составе кавалерийских частей армии Филиппа Августа имелись очень немногочисленные по своему составу конные арбалетчики (*balistarii equites*), ставшие важной частью сержантских рейдов. Количество конных арбалетчиков в армии короля Филиппа варьировалось от 71 до 86 человек²⁰. Жалование конных арбалетчиков в 1202 г., таким образом, варьировалось от 36 денье (или три су) до 60 денье (или пяти су). Для сравнения, среднее жалование конных сержантов составляло 37 с половиной денье, тогда как у конных арбалетчиков оно обычно составляло 48 с половиной денье, что подтверждает общую элитарность этих всадников²¹. Таким образом, их оплата приближалась к «подаркам» рыцарям малой руки, некоторое количество которых имелось в армии, то есть конные арбалетчики не были далеки от феодалов по статусу и возможностям позвольительного вооружения.

Тактика использования как конных, так и пеших арбалетчиков была примерно одинакова и напоминала караколирование XVII в.: подход, насколько это возможно, близко к противнику, залповый огонь рядами по команде и, если возможно, перебежка для перезарядки арбалетов. Так или иначе, отряды арбалетчиков должны были

¹⁹ *Contamine P. La Guerre au Moyen Age... P. 86*

²⁰ *Audouin E. Essai sur l'armée royale... P. 119–120*

²¹ *Ibid. P. 74*

нанести максимальный урон или посеять сумятицу в рядах противника, однако, зная небольшое количество контингентов арбалетчиков в армии короля Филиппа, дискуссионным остается вопрос о реальной эффективности подобной стрельбы. Конные арбалетчики использовались именно как стрелковая кавалерия: они могли успеть дать один залп и сразу отойти, и даже в таком случае подвергались риску быть атакованными или обстрелянными в ответ. Помимо этого, они также использовались для кавалерийских разездов, нападений на пути снабжения и для подрыва коммуникаций. Аналогичным образом использовалась легкая кавалерия в Новое время. В мирное время арбалетчики несли гарнизонную службу в городах и землях королевского домена. Сроки службы для арбалетчиков отдельно не выделяются и составляют, как и для всех, три месяца в году. Следуя общим правилам, король мог попытаться задержать их на службе вплоть до одного года, платя большие деньги своим подчиненным. Но эта практика была вполне обыденна для того периода и не являлась чем-то исключительным.

Использование арбалетчиков было повсеместным: они несли службу в замках, в пешем и конном войске, на флоте. Описи оружия домена Капетингов перечисляют 278 арбалетов и 265 960 болтов к ним. Оружие и боеприпасы были рассортированы в 32 крепостях, и со временем их количество лишь увеличивалось. Подобная популярность данного стрелкового оружия вызвала критическую реакцию со стороны рыцарства и Церкви. Рыцари считали арбалет «оружием труса и подлеца», Церковь же пыталась полностью запретить его использование. В 1139 г. II Латеранский вселенский собор постановил отлучать от Церкви людей, использующих в войнах против христиан дословно *лук и пращу*²². Речь идет о стрелковом оружии в целом; церковная мораль осуждала подлое убийство, предпочитая честное решение вопросов Божьим судом – поединком. До конца XII в. запрет в основном соблюдался, а количество стрелков было невелико. Но после 1185 г. их число возросло, появились конные арбалетчики, и во Франции эпохи Филиппа II Августа все новообразованные стрелки попали под юрисдикцию чиновников.

²² Contamine P. La Guerre au Moyen Age... P. 85

Командование по-прежнему осуществлялось мэтром арбалетчиков, однако новое устройство армии предполагало подотчетность солдат бальи, прево и сенешалям. Так, солдаты, прибывшие в Ост короля, записывались в королевскую опись. В ней фиксировалось место, откуда явился человек, где он будет служить, жалование, количество людей. Подобная система позволила структурировать присущую феодализму анархию в организации. Благодаря этим дошедшим до нас описям возможно получить представление о всей королевской армии и о каждом из родов войск.

Если говорить о происхождении этих солдат, то, скорее всего, конными арбалетчиками могли быть вассалы малой руки, оноблированные королем. Подобный состав характерен для подразделений конных сержантов, а конные арбалетчики обособились в отдельную группу именно из них. Пешие арбалетчики, скорее всего, были выходцами из слоя обеспеченных горожан. Впрочем, подобные предположения находятся на уровне гипотез: источник не дает нам конкретного ответа о происхождении арбалетчиков.

Таким образом, контингенты арбалетчиков – это подлинная элита армии короля Филиппа II Августа. Их высокое жалование, положение в армии, небольшое число позволяли им идентифицировать себя как особые подразделения, роль которых исключительна в периоды боевых действий. Несмотря на попытки Церкви запретить арбалет, государи Европы продолжали тратить большие деньги на арбалетчиков. Рискуя быть подвергнутыми анафеме, они использовали возможности арбалета для ведения войн, со временем лишь увеличивая количество арбалетчиков на своей службе. Во Франции эпохи Филиппа II Августа арбалетчики, попав под чиновнический контроль, стали частью политических и военных реформ Филиппианского Возрождения. Эти реформы позволили качественно и количественно увеличить армию и использовать отдельные рода войск с максимальной эффективностью на протяжении всего XIII в.

Библиография

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, само-стрел) VIII–XIV вв. / Археология СССР. Свод археологических источников СССР. Под общ. ред. акад. Б.А. Рыбакова. Вып. 36. М.: Наука, 1966. 182 с.

Панченко Г.К. Луки и арбалеты в бою. М.: Эксмо, 2010. 336 с.

Пейн-Голлуэй Р. Книга арбалетов. История средневекового метательного оружия / пер. с англ. Е.А. Каца. М.: Центрполиграф, 2022. 415 с.

Audouin E. Essai sur l'armée royale au temps de Philippe-Auguste. Paris: E. Champion, 1913. 234 p.

Contamine P. La Guerre au Moyen Age. Paris: Presses universitaires de France, 1980. 517 p.

Zangemeister K. Die Wappen, Helmzierden und Standarten der Grossen Heidelberger Liederhandschrift. (Manesse-Codex), Görlitz, 1892.

А.А. Лебедева

*Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)*

Взгляд немецких исследователей первой половины XX века на историю функционирования ганзейской конторы в Бергене (обзор библиографии)

В норвежском городе Берген в период средневековья находилась одна из четырех ганзейских контор, созданных для защиты интересов немецких купцов за границей. Изучение ганзейской конторы в Бергене берет свое начало с XIX в., но именно в 1900 г. произошел перелом в изучении заявленной проблематики, на который повлияло первое масштабное исследование Ф. Брунса, посвященное «бергенским гостям» (*Bergenfahrer*). В данной статье проведен обзор работ первой половины XX в., посвященных ганзейской торговле в Бергене. Рассмотрены работы, авторы которых являлись продолжателями исследовательской традиции Ф. Брунса, а также новые подходы к изучению данного вопроса. В статье сделаны выводы о том, как развивалось заданное Ф. Брунсом направление научной мысли и как традиционные и новые подходы к изучению заявленной проблематики отразились на дальнейшем изучении специфики функционирования ганзейской конторы в Бергене.

Ключевые слова: ганзейский союз, ганзейская торговля в Бергене, историография, ганзейская контора в Бергене, XX в.

В период средневековья в норвежском городе Берген, а именно в Воген-заливе Северного моря¹, находилась одна из четырех ганзейских контор, которая имела выгодное для торговли расположение. Исследования первой половины XX в., посвященные проблематике немецкой торговли в Бергене, являются важной вехой в изучении функционирования Ганзейского союза. По словам М. Буркхарда, направление исследовательской мысли данного периода относительно заявленной проблематики в большинстве случаев было задано

¹ *Schubert E. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse // Concilium medii aevi. 2002. Bd. 5. S. 1–50.*

Фридрихом Брунсом², выпустившим в 1900 г. первую масштабную работу, посвященную «бергенским гостям» (*Bergenfahrer*) и бергенской конторе в целом³. Кроме заданного Ф. Брунсом направления исследования в первой половине XX в. появилось несколько новаторских подходов и взглядов относительно изучения ганзейской торговли в Бергене. Обзор работ первой половины XX в. необходим, в первую очередь, для понимания специфики развития исследовательской мысли, изменения подхода к изучению Ганзы в Бергене после появления первой масштабной работы Ф. Брунса и определения новых перспектив исследования указанной проблематики.

Наиболее подробный историографический очерк, посвященный изучению ганзейской конторы в Бергене, был приведен в монографии М. Буркхарда⁴. Исследователем была прослежена специфика развития научной мысли в первой половине XX в. относительно изучения данного вопроса. Историк кратко изложил суть работы Ф. Брунса и охарактеризовал ее как высоко значимый для современных ученых труд. В монографии также был упомянут труд К.К. Виберга⁵, но анализ этой работы автор не произвел. М. Буркхард кратко изложил суть исследования О. Браттегора⁶ и оценил данную работу как «несоответствующую требованиям самого автора»⁷, так как О. Браттегор ограничился документами, которых не хватило для полноценного изучения заявленной проблемы⁸. Анализ историографии первой половины XX в. по теме ганзейской торговли в Бергене больше не проводился историками, что подтверждает актуальность настоящего обзора.

² *Burkhardt M.* Der Hansische Bergenhandel im Spätmittelalter. Handel-Kaufleute-Netzwerke // Quellen und Darstellungen zur Hansischen Geschichte. Köln; Weimar; Wien, 2009. Bd. 60. S. 15.

³ *Brun F.* Die Lübecker Bergenfahrer und ihre Chronistik. Berlin, 1900.

⁴ *Burkhardt M.* Der Hansische Bergenhandel im Spätmittelalter... 433 s.

⁵ *Koren-Wiberg C.* Hanseatene og Bergen: Forholdet Mellem de Kontorske og det Bergenske Bysamfund. Bergen, 1941. Bd. 6. 264 s.

⁶ *Brattegaard O.* Über die Organisation und Urkunden des Hansischen Kontors zu Bergen bis 1580 // Bergens Historiske Forenings Skrifter. 1932. Bd. 38. S. 237–303.

⁷ *Burkhardt M.* Der hansische Bergenhandel im Spätmittelalter... S. 17

⁸ *Ibid.* S. 15–17.

В 1911 г. В. Штайн опубликовал статью⁹, посвященную истории возникновения Ганзейского союза. В рамках данного исследования он уделил внимание становлению «Немецкого моста» в Бергене. «Немецкий мост» – это символическое название местной ганзейской конторы. В. Штайн опирался на уже упомянутое исследование Ф. Брунса¹⁰. Историк проследил положение немецких купцов в Бергене в период правления королей Эриха Магнусса (1280–1299 гг.) и Хакона V (1270–1319 гг.). Автор считал дискуссионным вопрос о наличии ганзейской торговли в Бергене в период правления вышеупомянутых королей. Он предположил, что в Бергене присутствовали немецкие купцы, но они не состояли в Ганзейском союзе. В своей работе В. Штайн подробно рассмотрел уровень привилегированности немецких купцов в разные периоды и проанализировал отношение норвежских купцов к действующим привилегиям немцев в XIV в. В. Штайн конкретизировал, в чем именно состояло недовольство норвежского населения и короля по отношению к Ганзейскому союзу, а также описал на основе королевских актов, как решались данные проблемы и какие аргументы приводились при обращении к немецким властям¹¹. В данной работе за счет обращения к новым источникам были высказаны предположения относительно становления Ганзейского подворья в Бергене, оспорены датировки некоторых событий и подтверждены многие заключения предшественников. Важно, что в своей работе В. Штайн провел сравнительный анализ положения ганзейских купцов в Бергене и в других конторах, например, в Новгороде¹².

Ф. Техен посвятил статью¹³ критике работы Б. Бендиксена¹⁴, посвященной немецким купцам на норвежской земле в Средние века. Он указал на некоторые неточности в лингвистическом анализе источников Б. Бендиксена и на основе указа короля Эриха Магнусса 1330 г.

⁹ *Stein W.* Zur Entstehung und Bedeutung der Deutschen Hanse // *Hansische Geschichtsblätter*. Leipzig, 1911. Bd. 38. S. 265–363.

¹⁰ *Brunns F.* Die Lübecker Bergenfahrer...

¹¹ *Stein W.* Zur Entstehung und Bedeutung der Deutschen Hanse... S. 319

¹² *Ibid.* S. 319

¹³ *Techen F.* Die deutschen Handwerker in Bergen // *Hansische Geschichtsblätter*. Leipzig, 1913. Bd. 40. S. 561–576.

¹⁴ *Bendixen B.E.* De Tyske Handkere paa Norske Ggrund i Middelalderen. Kristiania, 1912.

описал положение немцев в Бергене. В качестве дискуссионного был вынесен вопрос об обнаруженной исследователями печати «бергенских гостей» – принадлежала ли она изначально норвежским купцам или немецким. Ф. Техен считал, что печать относится именно к немецким купцам. Автор уделил внимание основным ремеслам ганзейцев в Бергене и перечислил их. Как и предыдущие исследователи, Ф. Техен затронул вопрос жалоб норвежских купцов на ганзейцев в XV в. Также исследователем были проанализированы правовые и имущественные аспекты жизни ганзейцев в Бергене¹⁵. Указанная работа несет в себе критику исследования Б. Бендиксена и новые дополнения к его работе. Ф. Техен подтвердил многие выводы предшественников и оспорил некоторые утверждения.

В 1915 г. В. Фогель выпустил свою первую работу¹⁶, посвященную истории Ганзейского союза, которая носила научно-популярный характер. Автор указал 1358 г. как дату образования «Немецкого моста» в Бергене и пояснил, что немецкие купцы торговали здесь и задолго до того. Как и Ф. Брунс, В. Фогель отметил, что именно при короле Эрихе Магнуссе немецкие купцы имели наиболее широкие привилегии. Историк обратил внимание на торговые отношения между Норвегией и Англией в период становления ганзейской конторы в Бергене. Он отметил изменения в торговле между английскими и немецкими купцами, на которые повлияли ганзейцы¹⁷. Несмотря на научно-популярный стиль работы В. Фогеля и малое внимание к ганзейской торговле в Бергене, она важна для понимания степени изученности вопроса на момент ее издания, т.к. В. Фогель кратко изложил основные историографические достижения по вопросам появления и становления «Немецкого моста» в Бергене.

Г. Финк опубликовал статью¹⁸, в которой подробно описал исследовательскую поездку Ганзейского исторического общества в Норвегию, целью которой было посещение архивов и музеев, хранивших сведения об истории немецкого торгового союза. По прибытии в

¹⁵ *Techen F.* Die Deutschen Handwerker... S. 561–576.

¹⁶ *Vogel W.* Kurze Geschichte der Deutschen Hanse. München; Leipzig, 1915. 99 s.

¹⁷ *Ibid.*, S. 33.

¹⁸ *Fink G.* Oslo-Bergenfahrt des Hansischen Geschichtsvereins // *Hansische Geschichtsblätter*. Lübeck: Verlag von Dunker & Humblot, 1928. Bd. 53. S. 181–238.

Берген историкам удалось посетить музей Ганзы, где уже на тот момент находилась богатая коллекция предметов обихода, которыми пользовались ганзейцы¹⁹. Начало собиранию коллекции было положено в 1872 г. Йоханом Вильгельмом Олсеном, а в 1916 г. музей перешел в распоряжение городской администрации Бергена. Сын первоначального владельца коллекции Кристиан Корен Виберг стал смотрителем и хранителем музея²⁰. Г. Финк описал внешний вид «Немецкого моста» на момент путешествия и сравнил его с тем, как подворье выглядело в XIV в. по имевшимся данным. Он отметил, что реконструкция действительно несет в себе дух того времени, как и экспозиция музея. Автор выделил 1764 г. как дату окончательного перехода «последней комнаты» из рук немцев под власть норвежцев. Здесь же историк пояснил, что в 1872 г. Йоханом Вильгельм Олсен находился в сотрудничестве с ганзейским историческим обществом²¹. Данная статья является важной для изучения историографии проблематики, ведь исследователями была затронута тема вытеснения Ганзы из Бергена и дальнейшие научные взаимоотношения историков из Бергена и из Любека.

В 1932 г. норвежец К. Виберг выпустил масштабную работу²², посвященную «Немецкому мосту» в Бергене. В. Фогель оценил его отношение к проблеме изучения Ганзейской торговли в Бергене как непредвзятое и объективное²³. Историк провел историографический анализ работы К. Виберга. Он процитировал основные выводы К. Виберга и указал на новизну его исследования. Согласно В. Фогелю, К. Виберг проследил историю появления немцев в Бергене, проанализировал отношения между немцами и норвежцами, сделал краткие уточнения относительно «Бергенских игр», описал внешний вид «Немецкого моста», определил основные этапы функциониро-

¹⁹ *Fink G.* Oslo-Bergenfahrt... S. 181–238.

²⁰ Museum vest. [Электронный ресурс] URL: <https://hanseatiskemuseum.museumvest.no/norsk/hvem-var-hanseatene/> (дата обращения: 25.04.2023)

²¹ *Fink G.* Oslo-Bergenfahrt... P. 181–238.

²² *Koren-Wiberg C.* Hanseatene og Bergen... 264 s.

²³ *Vogel W.* Christian Koren Wiberg, Hanseaterne og Bergen. Forholdet mellem de kontorske og det bergenske bysamfund // *Hansische Geschichtsblätter*. Lübeck: Verlag von Dunker & Humblot, 1933. Bd. 58. S. 173–178.

вания ганзейской конторы в Бергене. Особое внимание В. Фогель уделил дизайну работы К. Виберга: он обратил внимание на яркие иллюстрации в книге, которые позволяли прочувствовать средневековую атмосферу «Немецкого моста»²⁴. Работа В. Фогеля – это первая попытка систематизации историографии, посвященной Ганзейской конторе в Бергене. В 1940 г. Г. Бринкманн издал рецензию на вышеупомянутую работу К. Виберга и масштабное исследование 1939 г. Ф. Брунса²⁵. Г. Бринкманн отметил, что после издания норвежской работы К. Виберг предложил Ганзейскому историческому обществу выпустить еще одно масштабное исследование, посвященное Ганзейской конторе в Бергене. По словам Г. Бринкманна, Ф. Брунс взялся за создание такой работы. Так, в 1939 г. была издана книга, посвященная деятельности «бергенских гостей»²⁶. Ф. Брунс посвятил данное исследование организационной структуре немецкого подворья в Бергене. В своей работе автор ввел в научный оборот множество источников, на основе которых он определил обязанности некоторых делопроизводителей, работавших в конторе, и установил новые факты из их биографии. В этом исследовании также опубликованы некоторые заявления самих секретарей²⁷. Примечательно, что В. Фогель и Г. Бринкманн – немецкие исследователи, а К. Виберг – норвежский. Данный факт, как и предложение К. Виберга об издании немцами работы, посвященной «Бергенским гостям», говорит о тесном исследовательском сотрудничестве немцев и норвежцев в вопросе изучения немецкой торговли в Бергене в первой половине XX в.

Новаторским является исследование «Немецкого моста» в Бергене Х. Гэбнера²⁸. Историк провел его на основе топографических данных и археологических источников. Изучая топографию Бергена, Х. Гэбнер определил количество пожаров в Бергене в период с 1172

²⁴ Vogel W. Christian Koren Wiberg... S. 173–178.

²⁵ Brinkmann H. Koren Wiberg Ch. Schoetstuenne i Bergen (Det Hanseatiske Museums Skrifter. Bergen, 1939. Bd. 12), Bruns F. Die Sekretäre des Deutschen Kontors zu Bergen (Det Hanseatiske Museums Skrifter. Bergen, 1939. Bd. 13) // Hansische Geschichtsblätter. Weimar: Verlag Hermann Böhlau Nachf, 1940. Bd. 64. S. 200–204.

²⁶ Brinkmann H. Koren Wiberg Ch. Schoetstuenne i Bergen... S. 200–204.

²⁷ Burkhardt M. Der hansische Bergenhandel im Spätmittelalter... S. 15

²⁸ Gaebner H. Hälsingborgs Historia // Hansische Geschichtsblätter. Leipzig, 1934. Bd. 59. S. 286–295.

до 1703 г., а также дал точные датировки пожаров на «Немецком мосту». На основе изучения вскрытого фундамента на подворье автор определил, какие материалы использовались для строительства на территории Ганзейской конторы. Также Х. Гэбнер определил габариты построек на территории Немецкого моста²⁹. Данная работа является первым исследованием ганзейской конторы в Бергене, основанным не на письменных источниках, а на археологических.

В первой половине XX в. исследователями были опубликованы важные источники, связанные с ганзейской торговлей в Бергене. Например, Ф. Брунс опубликовал документ³⁰, в котором бергенский священник Якоб Дус (*Jakob Dus*) изложил спор норвежцев и ганзейцев, предметом которого стало выступление норвежцев против привилегий ганзейцев, торговавших в Бергене³¹. Ф. Техен в 1922 г. обнаружил некоторые коммерческие письма последней трети XVI в., найденные в архиве Висмара³².

В первой половине XX в. классические исследования Ганзейской торговли в Бергене следовали наработкам Ф. Брунса. Авторы применяли новаторские подходы к изучению указанной проблематики. Впервые были использованы данные топографии и археологии. Вместе с этим определялись новые перспективы для изучения Ганзейской торговли. Исследовательское направление, созданное историками в первой половине XX в., нашло отражение в работах современных историков (М. Буркхарда³³ и Э. Шуберта³⁴).

²⁹ Gaebner H. Hälsingborgs Historia... S. 286–295.

³⁰ Bruns F. Norweger und Deutsche zu Bergen // *Hansische Geschichtsblätter*. Leipzig, 1903. Bd. 28. S. 142–152.

³¹ Bruns F. Norweger und Deutsche... S. 142–152.

³² Techen F. Einige Handelsbriefe aus dem Letzten Drittel des 16. Jahrhunderts im Ratsarchiv zu Wismar // *Hansische Geschichtsblätter*. Leipzig, 1922. Bd. 47. S. 170–178.

³³ Burkhardt M. Der hansische Bergenhandel im Spätmittelalter...

³⁴ Schubert E. Novgorod, Brügge, Bergen und London... S. 33.

Библиография

Bendixen B.E. De Tyske Handkere paa Norske Grund i Middleledalderen. Kristiania: I Kommission hos Jacob Dyward, 1912. 169 s.

Brattegaard O. Über die Organisation und Urkunden des Hansischen Kontors zu Bergen bis 1580 // *Bergens Historiske Forenings Skrifter.* 1932. Bd. 38. S. 237–303.

Brinkmann H. Koren Wiberg Ch. Schoetstuene i Bergen (Det Hanseatiske Museums Skrifter. Bergen, 1939. Bd. 12), *Bruns F.* Die Sekretäre des Deutschen Kontors zu Bergen (Det Hanseatiske Museums Skrifter. Bergen, 1939. Bd. 13) // *Hansische Geschichtsblätter.* Weimar: Verlag Hermann Böhlau Nachf, 1940. Bd. 64. S. 200–204.

Bruns F. Die Lübecker Bergenfaher und ihre Chronistik. Berlin: Pass & Garleb, 1900. 465 s.

Bruns F. Norweger und Deutsche zu Bergen // *Hansische Geschichtsblätter.* Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1903. Bd. 28. S. 142–152.

Burkhardt M. Der hansische Bergenhandel im Spätmittelalter. Handel-Kaufleute-Netzwerke // *Quellen und Darstellungen zur hansischen Geschichte.* Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 2009. Bd. 60. 433 s.

Fink G. Oslo-Bergenfahrt des Hansischen Geschichtsvereins // *Hansische Geschichtsblätter.* Lübeck: Verlag von Dunker & Humblot, 1928. Bd. 53. S. 181–238.

Gaebner H. Hälsingborgs Historia // *Hansische Geschichtsblätter.* Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1934. Bd. 59. S. 286–295.

Koren-Wiberg C. Hanseatene og Bergen: Forholdet Mellem de Kontorske og det Bergenske Bysamfund. Bergen: John Grieg, 1941. Bd. 6. 264 s.

Museum vest: [Электронный ресурс] URL: <https://hanseatiskemuseum.museumvest.no/norsk/hvem-var-hanseatene/> (дата обращения: 25.04.2023)

Schubert E. Novgorod, Brügge, Bergen und London: Die Kontore der Hanse // *Concilium Medii Aevi.* 2002. Bd. 5. S. 1–50.

Stein W. Zur Entstehung und Bedeutung der Deutschen Hanse // *Hansische Geschichtsblätter.* Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1911. Bd. 38. S. 265–363.

Techen F. Die Deutschen Handwerker in Bergen // Hansische Geschichtsblätter. Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1913. Bd. 40. S. 561–576.

Techen F. Einige Handelsbriefe aus dem Letzten Drittel des 16. Jahrhunderts im Ratsarchive zu Wismar // Hansische Geschichtsblätter. Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1922. Bd. 47. S. 170–178.

Vogel W. Christian Koren Wiberg, Hanseaterne og Bergen. Forholdet Mellem de Kontorske og det Bergenske Bysamfund // Hansische Geschichtsblätter. Lübeck: Verlag von Dunker & Humblot, 1933. Bd. 58. S. 173–178.

Vogel W. Kurze Geschichte der Deutschen Hanse. München; Leipzig: Verlag von Dunker & Humblot, 1915. 99 s.

М.В. Тацкий

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва)

Влияние особенностей политического развития стран-участниц на итоги Московской войны 1579–1582 годов

Статья посвящена влиянию политического развития стран-участниц Московской войны 1579–1582 гг. на экономические и военные реформы, проводившиеся в этот период. В качестве историографии используются как работы современной исторической дискуссии о Ливонской войне, так и исторические источники указанного периода. Анализ исторических документов показал сильное влияние на ход конфликта личности Стефана Батория, новаторства его реформ и поддержки сеймом военных начинаний, которые позволили, в силу достаточного политического развития, польско-литовской военной тактике превзойти русскую, слишком контролируруемую царем и не включавшую в себя чрезвычайные меры в виде введения налогов и создания дополнительных военных частей для Московской войны.

Ключевые слова: Стефан Баторий, Ливонская война, Иван Грозный, Речь Посполитая, военная модернизация, оборона Пскова, наемники.

На последнем этапе Ливонской войны в 1579–1582 гг. Речь Посполитая, ранее страдавшая от распрей польской и литовской шляхты, претерпела определенные изменения как во внутренней политике, проводимой королем Стефаном Баторием, так и в степени одобрения сеймом его действий. Для Речи Посполитой война 1558–1583 гг. была войной за раздел сфер влияния в Восточной Европе. Помимо желания новообразованного государства стать форпостом христианства против стремительно развивающегося влияния османского ислама, Польша, получив Великое княжество Литовское под свое покровительство, окончательно стала считать себя барьером против опасных для всей

Европы московитов¹. Для подтверждения этого статуса она, используя все возможности своей системы управления государством, предприняла ряд политических, экономических и военных мер, которые, исходя из результатов Московской войны, стали более оправданными и результативными, чем ответные оборонительные действия Московии.

Ливонская война 1558–1583 гг. была названа «первым противостоянием России и Европы» А.И. Филюшкиным в его одноименной книге². В ней автор делает акцент на территориальных и политических изменениях во всей Европе, которые привели к ухудшению взаимоотношений и формированию стереотипов между Россией и Европой, возникающих в их взаимодействии, которые продолжают до наших дней. Каждое столетие Европа и Россия сталкиваются в военном конфликте, предпосылки каждого из которых лежат еще в их взаимодействии в Новом времени. Актуальность выбранной темы заключается в определенной константе взаимоотношений указанных регионов, анализ генезиса которой может послужить ключом к разгадке предпосылок современного долгосрочного кризиса отношений России и Европы.

Помимо А.И. Филюшкина Ливонской войной занимались многие специалисты по Раннему Новому времени. Б.Н. Флоря³, Р.Ю. Виппер⁴, Д.М. Володихин⁵, А.Л. Хорошкевич⁶, В.А. Волков⁷, В.В. Пенской⁸ упоминали в своих трудах Ливонскую войну и давали оценку действиям Ивана IV. В целом мнение отечественных историков разделилось на два основных направления: часть из них считала, что царь проиграл войну, мобилизация сил для которой уничтожила остатки

¹ Карпов Д.А. Основные противники русского государства середины XVI века на юго-западном направлении // Вестник Брянского государственного университета. Сер.: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. 2009. № 2. С. 22–33

² Филюшкин А.И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018.

³ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999.

⁴ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1922.

⁵ Володихин Д.М. Иван IV Грозный. М., 2018.

⁶ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.

⁷ Волков В.А. Войско грозного царя. М., 2022.

⁸ Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М., 2010.

экономики России в конце XVI в. и стала одной из основных причин Смутного времени. Другая часть утверждала, что Иван IV проиграл не всю Ливонскую войну, а лишь потерял часть городов в Ливонии, но при этом смог противостоять армиям наемников из Европы и отбить захваченные Баторием русские города дипломатическим путем. Однако при анализе иностранных источников и зарубежной историографии (например, исследований историков Р. Фроста⁹, К. Стивенса¹⁰, В. Урбана¹¹, записок очевидца событий Р. Гейденштейна¹²) становится понятно, что особенности политической организации военного противостояния и со стороны Речи Посполитой, и со стороны Московии не учитываются в должной степени в исторической науке. Именно поэтому данная тема представляется необходимой для изучения в современной историографии XVI в.

Что касается русской стороны вопроса, то к 1579 г. русские войска значительно ослабли из-за затянувшихся военных походов, массовых людских потерь и недостатка снабжения. Началом военных походов для русской армии можно считать 1547 г. – год первого казанского похода. Удачные военные реформы Избранной рады в 1550-х годах к 1570-м годам перестали функционировать в чрезвычайной ситуации польско-литовской интервенции на территории Московии¹³. В целом сама идея необходимости войны с Западом утратила свою первоначальную актуальность, потому что не приносила видимых результатов. В то время как Стефану Баторию, ставшему королем Речи Посполитой в 1575 г., сейм одобрил введение чрезвычайных мер для военных расходов, в Московии Боярская дума изначально не поддерживала стремление Ивана IV развязывать крупный конфликт¹⁴. Однако личностный фактор царя ввиду отсутствия постоянных советников также влиял на многие военные решения:

⁹ Frost R.I. The Northern Wars: War, State and Society in Northern Europe, 1558–1721. Harlow: Pearson Education, 2000. XIII, 401 p.

¹⁰ Stevens C. Russia's Wars of Emergence. New York, 2007. 346 p.

¹¹ Urban W. The Livonian Crusade. Washington, 1981. 549 p.

¹² Гейденштейн Р. Записки о Московской войне 1578–1582. СПб., 1889. 86+312 с.

¹³ Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013. с. 550–554.

¹⁴ Флоря Б.Н. Иван Грозный... С. 251

так, думая, что Псков уже не спасти, в 1581 г. он приказал снять со стен города половину дерна вместе с укреплениями. Именно это растение в следующие полтора года будет помогать псковичам обороняться от поджигательных ядер венгерских наемников, и эта ошибка станет не единственным просчетом, повлиявшим на ход войны.

Сама личность царя Ивана IV Грозного как действительно грозного царя-тирана была известна в Европе по публично обсуждаемым в середине XVI в. зарубежным заметкам очевидцев: Сигизмунда Герберштейна¹⁵, Генриха Штадена¹⁶. Деспотизм русского царя активно высмеивался в распространенных в это время в Европе летучих листках – мини-брошюрах, на которых изображались карикатуры и писался обличающий текст. Кроме того, даже послы, прибывшие на переговоры в Киверову гору, умоляли принять часть их условий, чтобы не стать жертвами гнева царя. В этом, конечно, прослеживается определенная психологическая уловка, однако на польских дипломатах, которые привыкли к относительной демократичности, она работала. Деспотический фактор политического развития Московии в третьей четверти XVI в. особенно сказывался на восприятии интервентов русскими городами, которые иногда специально сдавались полякам, чтобы выйти из юрисдикции управления русского царя. Д.М. Володихин отмечал особое желание перейти под власть поляков у Полоцка, который считался главным триумфом Ивана IV после взятия города в 1563 г.¹⁷ Примечательно, что в 1579 г., во время осады Полоцка, в городе не было основных сил русской армии и известных военачальников, – они оставались под Псковом.

Вторжение на территорию собственной страны уже было знакомо царю. Модель дипломатической переписки была сформирована еще во время крымских походов Девлет Гирея 1570–1572 гг. и состояла из трех этапов: непризнание соперника как такового, попытка примирения и посылание проклятий. Вначале, как известно, царь даже не общался напрямую со Стефаном Баторием, а поручил это новгородскому посаднику, потому что не считал польского короля королем

¹⁵ Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. 262 с.

¹⁶ Штаден Г. Записки о Московии. Т. I. М., 2009. 527 с.

¹⁷ Володихин Д.М. Иван IV Грозный... С. 235

по крови. В письме от 8 января 1580 г., когда Баторий добился определенных успехов, Иван обращается к Баторию «брат мой», а 30 июня 1581 г., поняв, что уговорам Баторий не поддается, обвиняет в его пролитии христианской крови – в письме слово «христианский» употребляется 75 раз¹⁸. Тем не менее, призывы Ивана IV остановить войну на последнем ее этапе не были достаточно эффективны.

Религиозная подоплека военных действий тоже была важной частью политики и Речи Посполитой, и Московии, особенно во время Московской войны. Поляки и иностранные наемники были уверены, что Бог на их стороне, потому что они пришли покарать москвитов – разжигателей конфликта. Русские в свою очередь тоже были уверены, что Бог с ними, потому что они изгоняют интервентов со своей территории. Р.Г. Скрынников писал, что в псковичах было заметно патриотическое восприятие духа во время обороны города¹⁹. Знаковым событием для армии Стефана Батория было поражение, нанесенное его опытной наемной армии монахами Псково-Печерского монастыря. Кто, если не Бог, помог невооруженным монахам победить?

Не стоит, однако, недооценивать предпринятую в силу политического преобразования приказной системы военную реорганизацию Московии на последних этапах Ливонской войны. На протяжении 70-х годов XVI в. создавались дополнительные военные приказы для принятия решений напрямую, а не через царя. Эта система позволяла точнее планировать наступления первой половины 1570-х годов, поскольку они не были столь масштабными, как, например, полоцкая кампания 1563 г. Для оборонительных действий Московской войны приказная система не давала достаточно успешных результатов. Перед каждым походом до этого составлялся список воевод и продумывалась диспозиция, но во время обороны войска не успевали перегруппироваться, и поэтому оборонительная тактика при такой политической системе не давала ожидаемых результатов.

¹⁸ Послание польскому королю Стефану Баторию 1581 года. [Электронный ресурс] URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/poslanie-groznogo-batoriyu-1581-poslanie-groznogo-batoriyu-1581-original.htm> (дата обращения: 10.06.2023)

¹⁹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. 578 с.

При этом если в начале Ливонской войны русские войска были вооружены обычным оружием, то к концу противостояния волна модернизации огнестрельного оружия дошла и до Московии. А.В. Пенской, анализируя военное положение Московского государства, отмечал, что на смотре в 1557 г. стрельцы были вооружены фитильными пищалями, а в 1581 г. часть стрельцов псковского гарнизона уже имели при себе «долгие самопалы»²⁰.

Во время последнего этапа Ливонской войны русский военный потенциал, в котором мотивацией слишком часто служили религиозные убеждения, не смог противостоять польскому. Плохо отлаженная система приказов и неспособность вести грамотные дипломатические переговоры во время ведения боевых действий сыграли свою роль. Военной кампании помогли два основных фактора – холод, который отпугнул наемников от Пскова уже в ноябре 1581 г., и удачно сложившаяся оборона приграничных городов.

Рассмотрим подготовку к Московской войне оппонента Ивана IV – Стефана Батория. Принципиальное отличие польского монарха от русского заключается в том, что действия короля контролируются. Король не может принимать судьбоносные для страны решения самостоятельно, он в обязательном порядке советуется с сеймом. Шляхта также может правомерно через рокош (восстание против короля, на которое имела право шляхта для защиты своих прав и свобод) сместить короля с его должности и избрать нового. Такая свобода взаимоотношений польской дворянской знати с королем позволяла принимать наилучшие решения в рамках конкретных действий (в том числе военных), поскольку решение выносилось не одним самодержцем. Король Речи Посполитой был обязан действовать во благо государства, иначе рисковал быть смещенным, а русский царь в то же время был царем по праву крови, и никто не мог помешать ему исполнять свою волю.

Польская военная подготовка столкнулась с недостаточностью казны для обеспечения армии, покупки продовольствия и затрат на восстановление разрушенных территорий. Для преодоления этого в июне 1577 г. был введен специальный налог на оборону границ.

²⁰ Пенской В.В. Военное дело Московского государства. М., 2018. 188 с.

С этого налога также выплачивались материальные льготы участникам будущей войны на территории Московии. Таким образом, мотивация у сторон была разной – поляки и литовцы получали материальное вознаграждение за службу, а русские рисковали быть казненными в случае отказа идти на войну. Широко использовались также земли короля, доход с которых расходовался на военные нужды. Баторий отдал около половины королевских земель под военные займы. Сеймы ягеллонских государств (польская корона и Великое княжество Литовское) одобрили введение чрезвычайных мер в виде налогов и перехода в формировании армии от шляхты и дворянского ополчения к использованию преимущественно наемников²¹. За счет всеобщего одобрения и понимания необходимости предпринимаемых мер нововведения воспринимались не как обирание земель, а как чрезвычайные меры, которые приведут страну к очередным достижениям на международной арене.

Это были не все уступки, на которые пошел король во имя победы. Стефан Баторий передал управление судебными делами военным трибуналам на местах, которые состояли из людей, разбирающихся в положении конкретного региона и возникающих внутри него вопросах. В связи с этим количество преступлений во время войны было заметно снижено²².

Со времен полоцкой военной кампании 1579 г. также по инициативе Батория в польско-литовскую армию стали набираться немецкие, прусские и венгерские наемники²³. Именно они стали апофеозом развития польско-литовской армии XVI в. и в то же время причиной ее поражения под Псковом в 1581 г. Вместо традиционного дворянского ополчения был введен военный найм, который предоставил армии Речи Посполитой обученных воинов в новейших доспехах и с огнестрельным оружием. Профессиональные наемники набирались со всей Европы уполномоченными в этом вопросе лицами.

²¹ Guzovski P. Military Revolution and State Capacity of Jagiellonian States at the Turn of the Middle Ages in European Context *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 2. P. 19–36. doi:<https://doi.org/10.21638/spbu19.2021.202>

²² Frost R.I. *The Northern Wars...*

²³ Филлюшкин А.И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) // История военного дела: исследования и источники. 2015. С. 292–398.

Баторий также грамотно подбирал военачальников и зоны атаки – из возможных направлений удара он выбрал именно Псков, атаку на который меньше всего ожидала русская сторона, и который был меньше подготовлен к обороне, чем, например, Смоленск²⁴. С польской стороны походами командовали известные наемники: Георг Фаренсбах – в прошлом наемник Ивана IV, который много раз был в Московии и даже сопровождал по ней Магнуса – принца датского; Иван Замойский – был близким советником еще при короле Сигизмунде II; Николай Уровецкий – не первый раз выступавший в роли наемника и славившийся умением командовать поджигательным приступом. С русской стороны выступали Иван Шуйский – участник битвы при Молодях, похода на Полоцк 1563 г., псковский наместник Андрей Хворостинин, ранее участвовавший в походе на Полоцк, и также в Пскове находился дьяк пушкарского приказа Терентий Лихачев²⁵. Военачальники с обеих сторон были опытны как в военном деле, так и в командовании, однако в данном случае остается непонятным, зачем было снимать часть псковских укреплений, если реальная возможность удержать город все еще оставалась.

Кроме того, Баторий ввел несколько новых типов войск – выборную пехоту (*piechota wybraniecka*), которая в России в это время практиковалась в виде даточных людей, собиравшихся по призыву и не бывших постоянно на службе. У них не было круглогодичной практики примерно так же, как и у ливонских рыцарей²⁶. Некоторые историки отмечали аналогию *piechota wybraniecka* со стрельцами Ивана IV²⁷, которые также выставлялись выборным путем от определенной территории. В армии Ивана Грозного стрельцов насчитывалось не более 3000 человек. Выборная пехота была учреждена в количестве 1 крестьянина с 20 ланов земли в Польше: 1 лан давался в качестве надела на семью примерно из 12 человек. По сохранившимся данным население Польши (Литва при подсчете выбранецкой пехоты на 1579 г. не учитывается, поскольку это военное сословие было введено в Великом княжестве Литовском только

²⁴ Филюшкин А.И. Первое противостояние... С. 240

²⁵ Там же. С. 243

²⁶ Горсей Дж. Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. СПб., 1909.

²⁷ Пенской В.В. Великая огнестрельная... С. 221

в 1595 г.) во второй половине XVI в. насчитывает примерно 3,1 млн человек²⁸. Поделив общее количество жителей на количество жителей 1 лана (возьмем наибольшее количество – 12) и еще на 20 (потому что 1 пехотинец выбирался с 20 ланов) получим, с сильным округлением в меньшую сторону, 10 тыс. человек. Так как рекруты должны были проходить военные сборы, предположим, что за два года успели набрать и обучить только половину от необходимой цифры – 5 тыс. человек, это все еще почти вдвое больше, чем стрельцов Ивана IV. Если же рассчитывать наибольшее возможное количество пехотинцев, то необходимо разделить те же 3,1 млн человек на 10 (наименьшее количество жителей 1 лана) и на 20 (все то же количество ланов, с которых выбирался 1 пехотинец). Без округления получим 15,5 тыс. человек, то есть в среднем количество выборной пехоты Батория превышало количество стрельцов Ивана IV в 3-4 раза. Кроме того, Стефан Баторий создал тяжелую польско-литовскую гусарию – «крылатых гусар»²⁹, которые стали хорошей ударной силой даже в небольшом количестве.

Несмотря на все предпринятые Стефаном Баторием и польско-литовской аристократией радикальные меры, тотального успеха им добиться не удалось. В то время как Баторий тщательно набирал наемников, эти же войска и лишили его ожидаемой победы Речи Посполитой над Московией и возможного присоединения Московии к новообразованному государству³⁰. Польские хроники сохранили множество упоминаний ссор и военных столкновений между отрядами наемников из разных стран – все стремились отличиться, чтобы получить большее вознаграждение. У отрядов не было сплоченности, даже на штурм воеводы вели солдат разными способами и путями. Кроме того, наемников подгонял и одновременно озлаблял холод. В то же время в «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»³¹ отмечалось объединение всех жителей Пскова для защиты города. Наступательный потенциал польско-литовской армии и наем-

²⁸ Польша в XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] URL: <https://www.istmira.com/lekcii-po-istorii-srednix-vekov/1878-polsha-v-xvi-xvii-vv.html> (дата обращения: 06.06.2023).

²⁹ Михайлов А.А. Военная история: Армия Стефана Батория в походах 1580–1581 гг. // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 30. С. 76–94.

³⁰ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне... С. 215

ников захлебнулся под этим городом. Однако и русские войска не ответили контрударом – в феврале 1582 г. только мелкие местные воеводы пытались противостоять интервентам³².

В заключение стоит отметить предусмотрительность мер польско-литовской короны для распределения военных расходов и человеческих ресурсов. Описанные особенности политического развития Речи Посполитой помогли своевременно ввести чрезвычайные меры в виде дополнительных налогов, опытных командующих, реформирования армии, которые дали определенный наступательный потенциал в рамках Московской войны 1579–1582 гг. Московская сторона в свою очередь была ограничена в силу политического деспотизма Ивана IV и его желания контролировать русскую армию. Приказная система не всегда справлялась с распределением обязанностей, армия устала от постоянных военных походов без должного уровня современного вооружения, что и привело к неудачам на последнем этапе Ливонской войны.

Библиография

Виннер Р.Ю. Иван Грозный. М.: Дельфин, 1922. 116 с.

Волков В.А. Войско грозного царя. М.: Прометей, 2022. 2-е издание. 751 с.

Володихин Д.М. Иван IV Грозный. М.: Молодая гвардия, 2018. 386 с.

Гейденштейн Р. Записки о Московской войне 1578–1582 / пер. с лат. СПб., 1889. 86+312 с.

Герберштейн С. Записки о Московии. СПб., 1866. 262 с.

Горсей Дж. Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. СПб.: издательство А.О. Суворина, 1909. 159 с.

Карпов Д.А. Основные противники русского государства середины XVI века на юго-западном направлении // Вестник Брянского государственного университета. Сер.: История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. 2009. № 2. С. 22–33.

³¹ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-13/14 (дата обращения 12.06.2023)

³² Осада Пскова глазами иностранцев: дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.). Псков, 2005. 502 с.

Михайлов А.А. Военная история: Армия Стефана Батория в походах 1580–1581 гг. // Псков: Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2009. № 30. С. 76–94.

Моисеев М.В. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572. М.: Русские витязи, 2016. 400 с.

Осада Пскова глазами иностранцев: дневники походов Батория на Россию (1580–1581 гг.) / вступ. ст. и коммент. д-р ист. наук проф. А.А. Михайлова; Биог. очерк И.Ф. Левина. Псков, 2005. 504 с.

Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М.: Эксмо, 2010. 448 с.

Пенской В.В. Военное дело Московского государства. М.: Яуза: Эксмо, 2018. 188 с.

Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Библиотека литературы Древней Руси в 20 т. Т. 13. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-13/14 (дата обращения: 12.06.2023).

Польша в XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] URL: <https://www.istmira.com/lekcii-po-istorii-srednix-vekov/1878-polsha-v-xvi-xvii-vv.html> (дата обращения: 06.06.2023)

Послание польскому королю Стефану Баторию 1581 года. [Электронный ресурс] URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/poslanie-groznogo-batoriyu-1581/poslanie-groznogo-batoriyu-1581-original.htm> (дата обращения: 10.06.2023)

Скрынников Р.Г. Царство террора / отв. ред. И.П. Шаскольский. СПб.: Наука, 1992. 578 с.

Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. тазами современников и потомков. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2013. 880 с.

Филюшкин А.И. Окончание Ливонской войны 1558–1583 гг.: «Московская война» (1579–1582) // История военного дела: исследования и источники. 2015. С. 292–398.

Филюшкин А.И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 320 с.

Флоря Б.Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999. 453 с.

Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003. 620 с.

Шмаден Г. Записки о Московии. М., 2009. В 2 т. Т. 2. 527 с.

Frost R.I. The Northern Wars: War, State and Society in Northern Europe, 1558–1721. Harlow: Pearson Education, 2000. XIII, 401 p.

Guzovski P. Military Revolution and State Capacity of Jagiellonian States at the Turn of the Middle Ages in European Context *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2021. № 2. P. 19–36. doi:<https://doi.org/10.21638/spbu19.2021.202>

Stevens C. Russia's Wars of Emergence. New York, 2007. 346 p.

Urban W. The Livonian Crusade. Washington, 1981. 549 p.

И.А. Юдин

Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

Система аргументации в полемическом сочинении Петра Скарги “Synod Brzeski” (1597 год)

Статья посвящена исследованию системы аргументации, которая была использована Петром Скаргой в полемике с противниками Брестской унии 1596 г. Данная система была направлена на убеждение православной стороны в принятии постановлений собора и фактическому подчинению в юридическом отношении Святому Престолу. В ходе контент-анализа количественных данных и классификации аргументов, выделенных в сочинении “Synod Brzeski”, была представлена модель системы аргументации, на основании которой сделан вывод о сущностном характере системы аргументации как о теолого-исторической системе, которая преимущественно отсылает к догматике, церковному праву, церковной истории и историческим трудам византийских историков, что указывает на стремление Скарги наиболее убедительно сконструировать систему аргументации.

Ключевые слова: Польша, Петр Скарга, Синод Брестский, иезуиты, прозелетизм, Брестская уния, система аргументации, религия, католицизм, православие.

Контрреформация, получившая распространение в Речи Посполитой во второй половине XVI в., являлась в полемическом отношении в крайней степени экспансионистски направленным движением. Ключевым оппонентом Католической церкви в Речи Посполитой являлось православие, против которого были направлены все чаще появлявшиеся в тот период полемические произведения, что, в конечном итоге, сформировало идеологическую базу для заключения Брестской унии в октябре 1596 г.¹ Однако попытка заключить Церковную унию с православными столкнулась со значительными препятствиями в виде сопротивления оппозиционно настроенных представителей как светской, так и духовной власти русинов. Ввиду

¹ Так, проект церковной унии в Речи Посполитой был сформулирован Петром Скаргой в его полемическом трактате “O rządzie i jedności Kościoła Bożego pod jednym Pasterzem i o greckim i ruskim od tej jedności odstąpieniu”.

этого для защиты постановлений Брестской унии автор проекта объединения католической и православной церквей в Речи Посполитой, Петр Скарга, написал полемическое сочинение “Synod Brzeski”, которое было призвано убедить противников объединения Церквей и русинов в пользу как от заключения унии, так и от нахождения в единой Божьей Христианской Церкви под руководством Папы.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости выявления и сущностной характеристики системы аргументации Петра Скарги как части интеллектуальной истории Речи Посполитой XVI–XVII вв. Для этого предлагается выделить количественные данные, на основании которых будет проиллюстрирована система аргументации иезуита и станет возможным сделать классификацию аргументов. Посредством контент-анализа будет выявлена характеристика системы аргументации, ее специфика, ссылочный аппарат, которые позволят прийти к выводам касательно интеллектуального прозелитического инструментария и способа его применения иезуитами.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии основное внимание уделялось биографии, деятельности и общественно-политическим воззрениям Петра Скарги. К таким работам следует относить: «O kazanjach sejmowych Skargi. Przemowa do kazań sejmowych» (1903 г.) Хшановского², в котором автор провел тщательный анализ сеймовых речей, в особенности обратив внимание на литературный язык и на общественно-политические воззрения иезуита, монографию «Piotr Skarga. Szermierz kontreformacji» (1978 г.) Януша Тазбира³, которая до сих пор является наиболее полным биографическим описанием деятельности иезуита, «Политическую деятельность Петра Скарги» (1907 г.) В.В. Яновского⁴, который раскрывает общественно-политические взгляды Скарги. В отношении изучения полемических методов, применяемых Скаргой, в отечественной историографии была написана статья «Трактат П. Скарги как отражение позиций католиче-

² Skarga P., Chrzanowski I. Kazania Sejmowe Z Pierwodruku R. 1597 Wydał I Przedmowa Poprzedi I. Chrzanoski. Warszawa, 1903.

³ Tazbir J. Piotr Skarga: Szermierz kontreformacji. Warsaw, 1978. P. 343.

⁴ Яновский Л. Политическая деятельность Петра Скарги. Киев, 1907.

ской церкви в полемике с православием» за авторством М.П. Самойловой, в которой она характеризует полемический метод иезуита в трактате «О правлении и единстве Божьей Церкви под единым Пастырем, и о греческом и русском от этого единства отступлении» как «схолостизированную Аристотелевскую силлогистику»⁵. На данном этапе в историографии более не представлено работ, рассматривающих методы или интеллектуальный инструментарий Петра Скарги.

Источник, анализируемый в настоящей статье, был написан в период активного этапа интеллектуальной и идеологической католической экспансии по отношению к православию в Речи Посполитой, пришедшегося на вторую половину XVI в. Заключение в октябре 1596 г. Брестская уния и ее положения нуждались в защите со стороны заинтересованных в них лицах, к которым следует отнести католическое духовенство и лично Сигизмунда III. Ввиду этого основной автор проекта унии, Петр Скарга, создает полемическое сочинение “*Synod Brzeski*”, изданное в типографии Анджея Пиотрковича в 1597 г. и призванное обосновать заключение Брестской унии, интенции католической стороны и Папы Римского, а также обвинить противников унии в ереси. Так, сочинение состоит из двух основных частей: первая – “Синод Брестский”, состоящая из введения и подчастей под названиями “Уговоры послов” и “Письмо Святой унии”. В данной части автор описывает саму Брестскую унию, ее ход, ее оппозицию в виде Константина Острожского, патриарха Иеремии и православной стороны, их действия. Соответственно, настоящая часть практически не содержит в себе аргументов в пользу заключения унии, она несет в себе обвинительный характер по отношению к противникам унии и ставит перед собой задачу по грамотному (выгодному для иезуитов) введению читателя в проблематику Брестской унии. Во второй, основной, части под названием “Оборона Синода Брестского” иезуит приводит 12 глав, содержащих аргументы прозелитического характера и направленных на убеждение православной стороны в пользе от заключения унии и пребывания под

⁵ Самойлова М.П. Трактат П. Скарги как отражение позиций католической церкви в полемике с православием // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 6 (6). С. 86.

юрисдикцией Рима. Автором приводились теологические (ссылающиеся на догматику и церковное право) и исторические аргументы (ссылки на труды византийских историков и церковную историю). Также следует отметить, что система аргументации Скарги основывается на широкой источниковой базе (начиная от Писания и заканчивая историческими сочинениями Геннадия Схолария). Необходимо уточнить, что именно вторая часть произведения составляет большую часть сочинения (на «Синод Брестский» приходится 15 стр., а на «Оборону Синода Брестского» – 43 стр.). Система аргументаций, приведенная Петром Скаргой во второй части сочинения, и будет рассматриваться в настоящей статье.

В качестве основных единиц количественных данных для контент-анализа использовались доводы и ссылки, на которых они основываются. Подсчет количества как доводов, так и ссылок, на которых они базируются, их разделение по источнику, а также сопоставление частей системы позволили вычислить удельный вес отдельных частей доводов и ссылок. Это отчетливо иллюстрирует сущностную характеристику самой системы, поскольку вопрос об обоснованности выдвижения аргументов, носящих в трудах Скарги зачастую обвинительный характер, является принципиально важным в полемическом дискурсе.

На основании источников⁶, на которые автор сочинения отсылается, приводя тот или иной аргумент, были выделены следующие способы аргументации в произведении: исторический, догматический и канонический (церковное право). Следует, однако, отметить, что некоторые аргументы, логически вытекающие друг из друга, проблематично строго отнести к конкретным ссылкам на источники, ввиду чего они могут относиться к одним и тем же ссылкам.

В соответствии с данной методологией система аргументации в «Синоде Брестском» выглядит следующим образом.

⁶ Слово «источник» используется в данном контексте в общеупотребительном значении, а не в понимании исторической науки.

Таблица 1

Система аргументаций в сочинении «Synod Brzeski»*

Аргумент:	Способ аргументации	Количество ссылок, подкрепляющих аргумент	В аргументе используются ссылки на
Необходимость в игнорировании оппозиционного лагеря и его лидеров, их обличение, а также защита фигуры короля Речи Посполитой.	Исторический.	0	–
Брестский собор был созван правомерно.			
Исключительное право священников вершить суд по закону Божьему.	Канонический.	4	Ветхий Завет.
Юридические поля церковного и светского права не должны пересекаться, а в юрисдикции Церкви всю полноту духовной власти имеют только священники, которым следует карать неподчиняющихся им мирян.	Канонический.	6	3-Новый Завет; 1-Вселенский святой и учитель (Григорий Назианзин); 1-православный святой (Симеон Метафраст); 1-преподобный Федор Студит).
Игнорирование еретиков и безбожников предпочтительнее, чем прямая конфронтация с ними. Главная цель еретиков заключена в уничтожении пастырей.	Догматический.	1	Ветхий Завет.

<p>Линия преемственности “Иисус Христос-апостол Пётр-Католическая Церковь, Папа Римский”.</p>	<p>Догматический.</p>	<p>14</p>	<p>4-Новый Завет; 3-Вселенские святители и учителя; 3-Отцы Церкви 1-католический и православный святой (Кирилл Александрийский); 1-православный святой (Феофилакт Болгарский); 1-Геннадий Схоларий; 1-раннехристианский философ (Ориген Адамант in cap 6. ad Rom).</p>
<p>Монархия создана по образу и подобию властвования апостола Петра над всеми апостолами и мирянами. Должен быть лишь один монарх, который всеми руководит.</p>	<p>Политический.</p>		
<p>Римско-католическая церковь, пользуясь непререкаемым авторитетом и главенствующим положением, обладает всей полнотой власти над всеми иными христианскими Церквями.</p>	<p>Исторический.</p>	<p>16</p>	<p>2-Новый Завет; 5-Вселенские святители и учителя; 2-Отцы Церкви; 1-католический и православный святой (Кирилл Александрийский); 2-Геннадий Схоларий; 2-православный святой; 2-святые.</p>
<p>Неподчинение Святому Престолу приравнивается к ереси и отступлению от единства.</p>	<p>Догматический.</p>	<p>2</p>	<p>Геннадий Схоларий.</p>
<p>Утверждение права Папы Римского вершить верховный суд, восстанавливать и</p>	<p>Канонический.</p>	<p>5</p>	<p>4-постановления соборов (Сардинский Собор (4 канон),</p>

низложить на основании церковного права и постановления соборов.			Карфагенский Собор (138 глава), Антиостский Собор (4 и 5 правило), Халкидонский Собор (9 правило); 1- Епископальный католический канон.
Подтверждение верховной власти Папы по отношению к другим Церквям и светской власти.	Исторический.	9	8-византийские историки; 1-полемиический трактат Петра Скарги (O rządzie i jedności Kościoła...).
Православная церковь допустила узурпацию светской властью своих структур.	Исторический.	15	1-Новый Завет; 2-Геннадий Схоларий; 7-византийские церковные историки; 2-католические церковные историки (Вильгельм Дюран; Вильгельм Тирский); 1-православный богослов (Никифор Влеммид); 1-решение собора (Второй Лионский Собор).
В период проведения Вселенских соборов, Церкви сосуществовали в мире под юрисдикцией Святого Престола и Папы, который считался с императорской властью в Византии.	Исторический.		
Папа Римский, как высший судья, поощряет истинных христиан, и низлагает грешников.	Исторический.		
Агрессивная политика, разобщающая Церкви, была начата православной стороной. Католическая сторона является жертвой.	Исторический.		

<p>Несмотря на разный способ принятия христианства Польшей и Русью, у Святых Отцов русинов было прописано о примате Папы и его верховенстве на церковном суде.</p>	<p>Исторический.</p>		
<p>После Схизмы у обеих Церквей прослеживаются интенции к объединению, решению догматических споров и установлению юридической власти Папы над Христианским миром.</p>	<p>Исторический.</p>		
<p>Православные, ввиду своей неразумности и жестокости, периодически противятся объединению Церквей, что навлекло на них Божью кару в виде Османской империи.</p>	<p>Исторический.</p>		
<p>Католические богословы превосходят в полемике православных, что выражено в нежелании последних дискутировать с католиками.</p>	<p>Исторический.</p>		
<p>Состояние Православной Церкви в Русском Царстве и Византии, при котором она подчинена светской власти, является карой Божьей.</p>	<p>Исторический.</p>		

<p>Флорентийский собор является заключительным событием в процессе объединения Церквей, на котором были решены все значимые разногласия и был признан примат Папы.</p>	<p>Исторический.</p>	<p>6</p>	<p>1-Новый Завет; 1-Геннадий Схоларий; 1-патриарх Иосиф; 1-византийский историк (Леоник Ханкокондил in de rebus Turcicis lib: 1); 1-византийский император (Иоанн Палеолог); 1-светский историк (Матвей Меховский).</p>
<p>На всех серьезных соборах были прецеденты сопротивления унии, но такие противники никаким образом не могли аргументировать собственную позицию или контраргументировать доводы сторонников унии.</p>	<p>Исторический.</p>		
<p>Решение Флорентийского собора защищаются светской, византийской императорской властью.</p>	<p>Исторический.</p>		
<p>Православные, не принимавшие участие на этом соборе, продолжали отступническую политику по отношению к католической Церкви.</p>	<p>Исторический.</p>		
<p>Крушение Византийской империи от рук Османской империи-это кара Божья за отступление от единой Божьей Церкви.</p>	<p>Исторический.</p>	<p>4</p>	<p>2-Геннадий Схоларий; 1-письмо Папы Николая, 1-Новый Завет.</p>

<p>Единая Христианская Церковь, в виде Католической Церкви во главе с Папой, способствует спасению души. Отступление от этой единости расценивается как грех, за которым следует кара Божья.</p>	<p>Догматический.</p>	<p>11</p>	<p>5-Новый Завет; 4-Геннадий Схоларий; 1-католический и православный святой (Кирилл Александрийский); 1-православный святой (Симеон Метафраст).</p>
<p>Главное препятствие объединения Церквей заключается в магнатах, цель которых заключается в осуществлении всей полноты власти над Церковью. Католическая сторона действует исключительно в целях спасения.</p>	<p>Канонический⁷.</p>	<p>3</p>	<p>2-Новый Завет; 1-Геннадий Схоларий.</p>
<p>Собор, созванный противниками унии, нарушает церковное право. На нем светская власть подчинила духовную.</p>	<p>Канонический.</p>	<p>3</p>	<p>1-Ветхий Завет; 2-события из церковной истории.</p>
<p>Русины следовали “еретическим церковным законам”, которые препятствовали объединению Христианства.</p>	<p>Канонический.</p>	<p>0</p>	<p>–</p>

⁷ Несмотря на то, что ключевым критерием выделения способа аргументации является источник, данный способ аргументации следует относить к каноническому, так как он указывает на узурпацию светской властью духовной власти.

<p>Чудеса могут быть сотворены исключительно истинными христианами, т.е., католиками, так как те находятся в единой Божьей Церкви под юрисдикцией Папы как наследника апостола Петра.</p>	<p>Догматический.</p>	<p>1</p>	<p>Новый Завет.</p>
---	-----------------------	----------	---------------------

* Составлено по: SKARGA, Piotr, 1597. Synod Brzeski. 1597. Piotrkowczyk, Andrzej. P. 18–58.

Таким образом, на основании вышеуказанной модели системы аргументации следует прийти к следующим промежуточным результатам:

В сочинении было выделено 30 доводов и приблизительно 100 ссылок, которые подкрепляли эти доводы. В процентном отношении система аргументаций подразделяется на следующие части: теологическая⁸ (включает догматический и канонический способы аргументации) – 12 (~ 40 %), из которых 6 (~ 20 %) – догматический, 6 (~ 20 %) – канонический, и историческая часть – 18 (~ 60 %).

Преимущественно автор подкреплял все свои аргументы ссылками на: Новый Завет (~ 20 %); византийских историков (~ 16 %); Геннадия Схолярия (~ 15 %) и на Вселенских святителей и учителей (~ 9 %). Поскольку ссылки на позицию Геннадия Схолярия составляют одну из наиболее значительных ссылочных баз, следует рассмотреть его позицию несколько детальнее. Геннадий Схолярий в своих произведениях писал о необходимости поиска защиты Константинопольского патриархата у Святого Престола, что нашло свое отражение в стремлении константинопольского патриарха заключить Флорентийскую унию, однако после ее заключения он начинает занимать антикатолическую позицию⁹.

⁸ Для упрощенного сопоставления удельных частей системы, удобнее использовать совокупность догматического и канонического способов аргументации, объединенных под термином «теологический».

⁹ Православная энциклопедия. М., 2005. Т. X: «Второзаконие – Георгий». С. 612.

Теологические аргументы были подкреплены 50 ссылками (~ 50 % от общего их числа). При этом подавляющее количество ссылок использовалось при применении Скаргой догматического способа аргументации (~ 29 %); для использования канонического способа было задействовано ~ 21 % от общего количества ссылок. Преимущественно такие аргументы базировались на ссылках на: Новый Завет (~ 28,5 %); Вселенских святителей и учителей (~ 14,2 %); Геннадия Схолария (~ 11,1 %); Ветхий Завет (~ 9,5 %); православных Святых (~ 9,5 %); церковное право (~ 7,9 %) и на Отцов Церкви (~ 7,9 %).

Исторические аргументы подкрепляются порядка 50 ссылками (~ 50 % от общего их числа), которые относятся к трудам: византийских историков (~ 50 %); Геннадия Схолария (~ 15 %); Новый Завет (~ 9,3 %) и католических историков (~ 6 %).

В совокупности аргументы, опирающиеся на произведения или мнения, которые почитаются в Православной Церкви, опираются на ~ 92 % от общего количества ссылок.

Согласно данным выводам можно прийти к заключению, что, несмотря на то, что в «Синоде Брестском» количественно было выделено больше исторических аргументов (18 из 30), в самой системе аргументации, тем не менее, примерно равное количество ссылок подкрепляли как теологический, так и исторический способы аргументации. Обобщая, данную систему аргументации стоит охарактеризовать как теолого-историческую, в которой, однако, достаточно существенная доля исторических аргументов была подкреплена ссылками из исторических работ Геннадия Схолария и византийских историков, что дополнительно указывает на стремление Петра Скарги убедить противников Брестской унии, используя исторический материал православной стороны. Также следует уточнить, что в сочинении теологический способ аргументации, основывающийся на ссылках на мнения и произведения авторов, почитаемых в Православной Церкви, составляет подавляющее большинство. Система аргументаций «Синода Брестского», в основном, сконструирована таким образом, чтобы наиболее эффективно убедить православную сторону, ссылаясь на авторитетные для нее мнения, постановления и богословские труды. Несмотря на то, что приводимые автором исторические

аргументы тенденциозны, они в достаточной степени усиливают общий посыл, согласно которому схизма является величайшим грехом, в котором виновата именно православная сторона, которая таким образом предрешила собственную судьбу. Следует отметить, что Петр Скарга, как иезуит, не ставил перед собой цель критически подойти к использованию исторического материала и последующего из него исторического способа аргументации. В данном случае его влияние на читателя расценивалось с точки зрения авторитетности, подобно тому, как воздействует теологический способ аргументации. С этой позиции система аргументации автора справляется со своей задачей, а Православная Церковь в Речи Посполитой столкнулась с серьезнейшим интеллектуальным испытанием, что, в свою очередь, породило реакцию как на унию, так и на прозелитические произведения католического духовенства.

Библиография

O jedności Kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o Greckiem i Ruskim od tej jedności odstąpieniu, przez Ks. Piotra Skargę S.J. Wydanie szóste, oraz Synod Brzeski i Obrona Synodu Brzeskiego, przez tegoż Autora. Wydanie piąte. Krakow: Nakładem Ks. Ludwika Bobra, 1885. 292 p.

Skarga P., Chrzanoski I. Kazania Sejmowe Z Pierwodruku R. 1597 Wydał I Przedmową Poprzedił I. Chrzanoski. Warszawa: Gebethner & Wolff, 1903.

Tazbir J. Piotr Skarga: Szermierz kontrreformacji. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978. 343 p.

Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. X: «Второзаконие – Георгий». 752 с.

Самойлова М.П. Трактат П. Скарги как отражение позиций католической церкви в полемике с православием // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 6(6). С. 86–92.

Яновский Л. Политическая деятельность Петра Скарги. Киев, 1907. 246 с.

Д.О. Манин

*Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Взаимодействия и контакты русской и французской дипломатии в Речи Посполитой в конце 1670-х – 1680-х годах

Представленная работа посвящена проблемам контактов русской и французской дипломатии в Речи Посполитой в 1670–1680-х годах. В качестве источников привлечены сохранившиеся материалы Посольского приказа: полученные письма французских послов, статейные списки и посольские книги русских посольств, а также инструкции французских послов, их отчеты и письма, сохранившиеся в архиве Министерства иностранных дел Франции. На их основе рассмотрены складывавшиеся контакты между французскими дипломатами в Речи Посполитой, русскими послами и посланниками, королем Яном Собеским и литовской шляхтой. Сделаны выводы о структуре сложившихся связей между ними, о влиянии этих связей на внешнюю политику России и значении для развития русской и французской дипломатии в Европе.

Ключевые слова: Ф.-Г. де Бетюн, Ян Собеский, русско-французские отношения, Вечный мир, Священная лига, кн. В.В. Голицын, дипломатия Людовика XIV.

Финансовая поддержка: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01059, <https://rscf.ru/project/23-78-01059/>

Речь Посполитая на протяжении второй половины XVII в. занимала особое место в русско-французских связях. Отношения с варшавским двором стимулировали развитие контактов и с Францией, тесно вовлеченной во внутреннюю и внешнюю политику Речи Посполитой. Именно поэтому большинство русских дипломатических миссий направлялись ко двору Людовика XIV по таким связанным с польскими делами поводам, как начало Тринадцатилетней войны в 1654 г., заключение Андрусовского перемирия в 1667 г., продление

перемирия в 1680 г. и заключение Вечного мира в 1686 г. Именно в Речи Посполитой у Посольского приказа было наибольшее количество информации благодаря связям с литовской шляхтой¹. Еще более широкими были французские сети влияния: французы состояли в родстве с польскими королями, спонсировали шляхту, и их влияние существовало как при королевском дворе, так и при коронных и литовских гетманах².

Цель исследования заключается в реконструкции системы русско-французских связей в Речи Посполитой в контексте развития русско-польских и русско-французских отношений. В российской историографии русско-французское взаимодействие в Речи Посполитой рассматривалось как часть польской политики Московского государства. Наибольшее влияние на состояние современных исследований оказали работы Б.Н. Флори и К.А. Кочегарова³, подробно рассматривавших детали русско-польских взаимодействий, в том числе посвященные переговорам по заключению Вечного мира. В польской историографии стоит выделить исследования З. Вуйчика, М. Вагнера и А. Мончака⁴, в которых рассмотрена французская политика внутри Речи Посполитой, механизмы ее функционирования и роль французских дипломатов в этом процессе. Тем не менее, особая роль французских поданных в Речи Посполитой в организации контактов с Россией оставалась вне поля исследовательского внимания и будет рассмотрена в нашей работе.

В начале 1670-х годов существовало несколько тенденций, влиявших на развитие русско-французских связей в Речи Посполитой. С одной стороны, после смены руководства Посольского приказа и роста влияния А.С. Матвеева русская дипломатия сосредоточилась

¹ Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 184.

² Nagielski M. Druga Wojna Domowa w Polsce: Z Dziejow Polityczno-Wojskowych Rzeczypospolitej U Schyłku Rządow Jana Kazimierza Wazy. Warszawa, 2011. S. 9.

³ Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. 504 с.; Флоря Б.Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. 2018. Вып. 79 (2). С. 139–146.

⁴ Wójcik Z. Jan Sobieski, 1629–1696. Warszawa, 1983.; Mączak A. Rządzący i Rządzeni. Władza i Społeczeństwo w Europie Wczesnonowożytnej. Warszawa, 1986; Wagner M. Stanisław Jabłonowski (1634–1702): Polityk i Dowódca. Siedlce, 1997.

на проблеме удержания Украины, вопреки глобальным проектам А.Л. Ордина-Нащокина более раннего периода. С другой стороны, политика Людовика XIV была сосредоточена на Голландской войне, в рамках которой главной задачей на востоке Европы было отвлечение Габсбургов от войны на западе. Удачным стало возведение на польский престол изначально профранцузского кандидата Яна Собеского, через которого оказывалась поддержка восставшим против Габсбургов венграм, и в 1674 г. планировалось его вступление в прямой конфликт с Австрией⁵. Таким образом, внешнеполитическая ориентация нового польского короля снова провоцировала столкновение русской и французской дипломатии в Речи Посполитой, схожее с ситуацией 1660-х гг., сложившейся накануне элекции польского короля.

Особая роль в политике Яна Собеского принадлежала Ф.-Г. де Бетюну, неофициальному представителю французского короля при польском дворе. Маркиз де Бетюн был женат на сестре польской королевы Марии Казимиры, супруги Яна Собеского, и играл основную роль во французской внешней политике в Восточной Европе. Именно он организовывал польско-шведское сближение в 1670-х годах, снаряжал наемные войска для балтийского проекта польского короля в 1677 г. и занимался финансированием венгерских повстанцев, восставших против Габсбургов⁶.

В целом в историографии закрепилась точка зрения, что ориентация Яна Собеского на Францию продлилась недолго, и уже после заключения Нимвегенского мира 1679 г. начинается охлаждение в отношениях между Речью Посполитой и Францией, так как Людовик XIV переориентировался на бранденбургского курфюрста⁷, за счет земель которого польский король планировал укрепить свое положение на престоле. Окончательный разрыв с Францией датируется 1682 г. в связи с переговорами с представителями Габсбургов об антиосманском союзе. Именно в 1682 г. официальный французский резидент в Польше маркиз де Витри⁸ открыто обвинял Габсбургов

⁵ Roy P. Louis XIV et le Second Siège de Vienne (1683). Paris, 1996. P. 33.

⁶ Wagner M. Stanisław Jabłonowski... С. 151.

⁷ Кочегаров К.А. Речь Посполитая... С. 46, 71.

⁸ Де Витри был отправлен в Речь Посполитую в 1680 г. (Recueil des Instructions Données aux Ambassadeurs et Ministres de France Depuis les Traités de Westphalie Jusqu'

в желании втянуть Речь Посполитую в войну один на один с Османской империей, что мешало переговорам о союзе. Наконец, к 1683 г. был перехвачен большой объем переписки де Витри с Людовиком XIV, из которой стала окончательно ясна позиция Франции, не желавшей провоцировать польско-османское противостояние⁹. После высылки де Витри за русско-польскими отношениями было поручено следить французскому резиденту в Константинополе, маркизу де Гийерагу, с целью оперативного предотвращения войны между ними¹⁰. Впрочем, французское влияние в Речи Посполитой не пошатнулось окончательно. Представляется принципиально важным факт сохранения позиций маркиза де Бетюна, закрепившегося через неформальные контакты с Яном Собеским и ставшего главным организатором профранцузских сил. В частности, именно благодаря контактам с де Бетюном при польском дворе выдвинулся Ж.-К. Балюз, который в 1702–1704 гг. будет направлен в Россию в качестве экстраординарного посланника¹¹.

К началу 1680 г. де Бетюн сосредоточил свои усилия на организации профранцузской партии при польском дворе для противодействия сторонникам сближения с Австрией¹². Дополнительно его положение закрепляли контакты с московскими дипломатами. Так, русские посланники 10 мая 1680 г. предложили маркизу проект включения Франции в антиосманскую коалицию после заключения русско-польского союза¹³. Даже несмотря на то, что де Бетюн не мог принять такой проект, сам факт его участия в переговорах способствовал утверждению за ним полуофициального статуса. Вероятно, что именно благодаря этому вскоре де Бетюн получил официальное назначение от Людовика XIV в ранг чрезвычайного посланника в Россию и был уполномочен верительной грамотой вести переговоры о возможности

à la Revolution Française. T. V–VI. Paris, 1888. P. 157).

⁹ Кочегаров К.А. Речь Посполитая... С. 150.

¹⁰ Recueil des Instructions... V–VI. P. 38.

¹¹ Archive du ministere des affaires étrangères (AMAE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 02. Fol. 207; Wagner M. Stanisław Jabłonowski... С. 155.

¹² Wagner M. Stanisław Jabłonowski... С. 162.

¹³ Флоря Б.Н. Проект русско-французского... С. 145.

французского посредничества в заключении вечного мира между Россией и Речью Посполитой¹⁴.

Известий о приеме де Бетюна в Посольском приказе не сохранилось, однако часть его отчета о посольской миссии была отправлена министру иностранных дел Франции Ш. Кольберу де Круасси. К сожалению, сохранившаяся до настоящего времени часть отчета содержит исключительно сведения о посольском церемониале¹⁵, вероятно, использованные во Франции для дальнейших приемов русских посольств, но не материалы проведенных переговоров. Вне зависимости от практически неизвестных нам итогов этой миссии де Бетюн сохранял свое значение для развития русско-французских контактов на протяжении 1680-х годов.

Проблемой для профранцузских сил оставался тот факт, что влияние де Бетюна на короля противоречило интересам шляхты. В 1680 г. против Яна Собеского был подготовлен заговор под руководством А. Тшебицкого, Д. Вишневецкого, М. Паца, Я. Лещинского, Я. Опалинского, Ф. Потоцкого, С. Чамецкого и С. Конецпольского, планировавших захват основных городов Речи Посполитой и избрание королем Карла Лотарингского¹⁶. Несмотря на неосуществимость заговора, противостояние его участников с профранцузской партией снижало ее влияние на политику Яна Собеского в 1680-х годах. В свою очередь литовская шляхта, в частности участники заговора 1680 г. М. Пац и М. Огинский, была заинтересована в урегулировании отношений с Москвой, используя фактор подходившего к концу Андрусовского перемирия для достижения личных целей. Проблемы переговоров с королем Польши литовские шляхтичи все чаще списывали на козни французов, с которыми находились в противостоянии. В связи с этим в Посольский приказ от литовских шляхтичей поступало множество антифранцузских известий. Среди них были

¹⁴ Recueil des Instructions Données aux Ambassadeurs et Ministres de France Depuis les Traités de Westphalie Jusqu' à la Revolution Française. Paris, 1890. T. VIII. P. 66.

¹⁵ АМАЕ, СР, Russie. Vol. 1. Fol. 84–95r.

¹⁶ Wagner M. Stanisław Jabłonowski... С. 156. Принц Карл Лотарингский был наиболее антифранцузским кандидатом на польский престол начиная с 1660-х гг., его конфликт с Людовиком XIV не прекращался в связи с фактической оккупацией Лотарингии французскими войсками.

сообщения о планах союза Яна Собеского с французским королем и османами для войны против Габсбургов и для передачи имперской короны Людовику XIV; о планах срыва русско-польского союза; о лоббировании французами антирусского союза Порты и Речи Посполитой и многие другие¹⁷. Впрочем, по всей видимости, подобные сведения не принимались в Посольском приказе всерьез¹⁸, так как уже не соотносились с реальной политикой польского короля. Несмотря на традиционные представления о ненадежности союза с Россией, к концу 1670-х годов Собеский делает вывод о еще меньшей надежности других европейских стран, в частности Франции, отказавшейся идти на оборонительный союз¹⁹. Ситуация осложнялась неоднозначностью позиции французских дипломатов в Речи Посполитой: например, они в ходе переговоров 1680 г. отстаивали необходимость наступательного антиосманского союза в противовес оборонительному, который предлагали австрийцы²⁰, что противоречило стратегии примирения между Речью Посполитой и Османской империей, которой французы придерживались чаще.

Изменения произошли в 1683 г., так как после успешного снятия осады Вены и вступления Речи Посполитой в Священную лигу позиция польского короля в Европе стала более сильной. Теперь для возвращения возможности лавировать в отношениях с Габсбургами в 1684 г. Ян Собеский пытался восстановить отношения с Францией: было отправлено официальное письмо с извещением об одержанной победе, которое, впрочем, Людовик XIV не принял по причине отсутствия официального посольства. Также состоялась пересылка французского резидента при Текели, возглавлявшего антигабсбургских повстанцев в Венгрии, через Польшу во Францию²¹. Новое сближение Яна Собеского с Францией ознаменовалось тем, что официальные

¹⁷ Кочегаров К.А. Речь Посполитая... С. 59, 69, 79, 89.

¹⁸ Там же. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Wagner M. Stanisław Jabłonowski... С. 161.

²¹ Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II. М., 2001. С. 179.; Кочегаров К.А. Речь Посполитая... С. 235.

полномочия французского посла в Речи Посполитой в 1684 г. получил маркиз де Бетюн, а во Францию были направлены письма с извинениями о высылке прошлых дипломатов, хотя направление официального польского посольства в Версаль Ян Собеский не мог согласовать со шляхтой, и сближение затягивалось²². Появившийся официальный статус маркиза де Бетюна должен был позволить ему пользоваться польско-австрийскими противоречиями, сохранявшимися даже после создания Священной лиги, хотя он и оставался втянут в ожесточенное противостояние с наиболее влиятельной шляхтой, настроенной против французов²³.

Посольство Велепольского, направленное от Речи Посполитой, было согласовано только в 1685 г. и должно было не только возродить дипломатические отношения с Францией, но и предпринять попытку договора о субсидиях для Польши в войне с османами. Показательно, что посольству договориться о субсидиях не удалось, а часть посольской свиты пыталась настроить Версаль против политики Яна Собеского²⁴. Отдельно в конце 1685 г. король Польши пытался договориться с де Бетюном о французской военной помощи в овладении Дунайскими княжествами, аргументируя это необходимостью усиления Польши по отношению к Габсбургам, но и эти переговоры оказались безрезультатны²⁵. Однако профранцузские стратегии польского короля становились известны в Посольском приказе и стимулировали попытки самостоятельно добиться благожелательной позиции Людовика XIV по отношению к войнам Священной лиги, что стало одной из основных целей посольства С.Е. Алмазова и С. Иполитова в 1685 г.²⁶

Контакты русской и французской дипломатии продолжались и в Речи Посполитой, так, 28 января 1686 г. французским послом де Бетюном с де ла Монтанем были направлены письма к кн. В.В. Голицыну, кн. А.В. Голицыну и думному дьяку Е.И. Украинцеву, в которых француз выражал свою поддержку проекта заключения Вечного мира между Россией и Польшей, а также декларировал благосклонное

²² Кочегаров К.А. Речь Посполитая... С. 237.

²³ Wagner M. Stanisław Jabłonowski... С. 192.

²⁴ Кочегаров К.А. Речь Посполитая... С. 248–249.

²⁵ Там же. С. 249.

²⁶ РГАДА. Ф, 93. Оп. 1. Д. 11. Л. 110–111об.

отношение со стороны Людовика XIV к русско-польскому сближению. Письма были получены Посольским приказом в феврале 1686 г. и, вероятно, сыграли свою роль в развитии русско-французских отношений²⁷. Планировалась отправка посольства С.Е. Алмазова и дьяка Л. Домнина для продолжения переговоров о поддержке Священной лиги со стороны Людовика XIV. В дальнейшем для этой миссии решено было отправить более представительное посольство во главе с великими и полномочными послами кн. Я.Ф. Долгоруковым и кн. Я.Е. Мышецким²⁸. К решению проблем русско-французского сближения планировалось привлечь и иезуитов, стремившихся найти сухопутный путь в Китай и заинтересованных в поддержке этих планов со стороны царя²⁹.

В историографии закрепились точка зрения, что неудача посольства кн. Я.Ф. Долгорукова и кн. Я.Е. Мышецкого привела к прекращению франко-русских контактов до XVIII в.³⁰ Тем не менее, де Бетюном в 1689 г. в Россию был отправлен Ф. де ла Невилль, известный своим сочинением, согласно которому его отправление в Москву было вызвано переговорами России с Бранденбургом и Швецией, в отношении с которыми сохранялись сильные французские позиции. В целом де ла Невилль, согласно его сочинению, был радушно встречен в России, несмотря на неудачное и конфликтное русское посольство во Францию 1687–1688 гг.³¹ Более того, протурецкая позиция Людовика XIV, транслированная при русском дворе через переводные Куранты, была, по всей видимости, использована Нарышкиными при информировании царя Петра, чтобы продемонстрировать ему возможности и выгоды мирного существования с Османской империей³².

²⁷ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. 1686 г. Д. 1. Л. 1–4об.

²⁸ Там же. Л. 1–2об; Там же. Д. 15. Л. 1–5.

²⁹ Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии // Русская старина. 1902. Т. 111. С. 477.

³⁰ Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 32.

³¹ Невилль де ла Ф. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 473–474.

³² Шамин С.М. Иностранцы: памфлеты и курьезы в России XVI – начала XVIII столетия. М., 2020. С. 275.

Таким образом, в 1680-х годах польский вопрос в русско-французских контактах не служил дестабилизирующим фактором, несмотря на разные позиции русской и французской дипломатии: стремление к союзу со странами, вступившими в Священную лигу, против попыток мирного урегулирования польско-турецких противоречий. Французские дипломаты, находившиеся в Речи Посполитой, выстраивали контакты с русскими послами и Посольским приказом. Несмотря на то, что эти контакты не были регулярными, они создавали наиболее компетентную среди французских дипломатов контактную группу, из которой в XVIII в. был рекрутирован Ж.-К. Балюз для миссии к Петру I. Отношения между сторонами не дестабилизировали переводы из Курантов о протурецкой политике Франции, а также известия литовской шляхты об агрессивных проектах французской дипломатии, поступавшие в Посольский приказ. Русские дипломатические миссии во Францию, которые затрагивали польские проблемы, развивались по сценариям, сходным с посольствами Яна Собеского, и стимулировали активную аналитическую работу по изучению достаточно противоречивой позиции Франции по османскому вопросу, не заключавшейся ни в исключительно поддержке турецкой экспансии, ни в провоцировании прямых военных столкновений в Восточной Европе. Все эти факторы создавали благоприятные предпосылки для еще большей дипломатической активизации России в начале XVIII в.

Библиография

Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М.: Университетская типография, 1892. 468 с.

Гусарова Т.П. Австрийские Габсбурги и проблема борьбы с османами в Европе в 50–70-е гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. II. С. 164–188.

Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Невилль де ла Ф. Любопытные и новые известия о Московии // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 471–529.

Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. II / отв. ред. Г.Г. Литаврин. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 400 с.

Пирлинг П. Французский иезуит в Москве в XVII столетии // Русская старина. 1902. Т. 111. С. 473–483.

Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / под ред. Ю.А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1986. 543 с.

Флоря Б.Н. Проект русско-французского союза 1680 года против османов // Средние века. 2018. Вып. 79(2). С. 139–146.

Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с.

Шамин С.М. Иностранные памфлеты и курьезы в России XVI – начала XVIII столетия. М.: Издательство Весь Мир, 2020. 392 с.

Mączak A. Rządzący i Rządzeni. Władza i Społeczeństwo w Europie Wczesnonowożytnej. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1986. 326 s.

Nagielski M. Druga Wojna Domowa w Polsce: Z Dziejaow Polityczno-Wojskowych Rzeczypospolitej u Schyku Rznadaow Jana Kazimierza Wazy. Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2011. 375 s.

Recueil des Instructions Données aux Ambassadeurs et Ministres de France Depuis les Traités de Westphalie Jusqu' à la Revolution Française / ed. par A.N. Rambaud. Paris: Ancienne librairie G. Bailliére et cie F. Alcan, 1888. T. V–VI. 344 p.

Recueil des Instructions Données aux Ambassadeurs et Ministres de France Depuis les Traités de Westphalie Jusqu' à la revolution Française / ed. par A.N. Rambaud. Paris: Ancienne librairie G. Bailliére et cie F. Alcan, 1890. T. VIII. 500 p.

Roy P. Louis XIV et le Second Siège de Vienne (1683). Paris: Honoré Champion, 1996. 213 p.

Wagner M. Stanisław Jabłonowski (1634–1702): Polityk i Dowódca. Siedlce: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Rolniczo-Pedagogicznej, 1997. 239 s.

Wójcik Z. Jan Sobieski, 1629–1696. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983. 617 s.

В.М. Железняк

Средняя общеобразовательная школа № 91 (Екатеринбург)

Обзор библиографии образа эпохи Наполеоновских войн в британской литературе

Статья посвящена истории изучения эпохи Наполеоновских войн в литературе Британии. Рассматриваются работы британских, немецких, испанских и российских исследователей, обращенные к сюжетам Наполеоновских войн в британской литературе. Сделан вывод о том, что в круг интересов исследователей входят произведения английской литературы XIX–XX вв. и современные произведения постмодерна, в которых нашел свое отражение образ эпохи Наполеоновских войн. Исследователей интересуют такие аспекты, как влияние контекста эпохи на формирование личности героев, их поступки, образы отдельных исторических деятелей (Наполеон, герцог Веллингтон), а также влияние тематики Наполеоновских войн на формирование национального самосознания англичан.

Ключевые слова: эпоха Наполеоновских войн, образы, историческая память, британская литература.

Эпоха Наполеоновских войн, ставшая важным этапом в историческом развитии европейских государств и России, живо интересовала современников и продолжает вызывать неподдельный интерес у потомков. Исследователи обращаются к образу эпохи, как одной из самых ярких страниц европейской истории, и пытаются выявить в ней события, которые могут быть отнесены к общеевропейским местам памяти. Тематика эпохи Наполеоновских войн постоянно актуализируется также в художественном и мультимедийном пространствах, формирующих массовые представления о событиях прошлого. Особый интерес вызывает история изучения эпохи в британской литературе, так как Британия была одним из главных противников революционной и наполеоновской Франции.

Внимание исследователей британской литературы привлекает стихотворение ирландского поэта Ч. Вольфа «Погребение сэра Джона

Мура после Коруньи»¹, описывающего похороны британского генерала. Специалист по литературе и культуре Британии XIX в., профессор Кэтрин Робсон в статье «Меморизация и мемориализация» пыталась выявить влияние образов стихотворения Ч. Вольфа на последующие поколения, прежде всего, на солдат времен Гражданской войны в США и Первой мировой войны.

Опираясь на источники личного происхождения и учебную литературу, через которую транслировалось стихотворение в англоязычных странах, автор пришла к выводу, что «“Погребение сэра Джона Мура после Коруньи” сыграло роль в современном феномене массового увековечения памяти» участников боевых действий, т.к. неполноценность похорон британского генерала, в сознании многих людей невольно перенесенная на их погибших на войне близких, способствовала «появлению социальных ожиданий» по созданию мемориалов².

В целом, автор, затронув такой важный социальный аспект, как массовое создание мемориалов павших в боях воинов, определила его первостепенным влиянием «Погребения». Но заслуженно ли были отодвинуты на второй план вскользь упомянутые самим автором «растущая демократизация и распространение индивидуализма в обществе»? С утверждением же о том, что если первоначально генерал Дж. Мур был оставлен на чужбине «со своей славой» наедине, то после Первой мировой войны и в результате массового запоминания стихотворения «слава была общей во всей Британии»³, трудно не согласиться.

Отклик у исследователей находит такой аспект, как образы деятелей эпохи Наполеоновских войн в произведениях английского

¹ Дж. Мур – генерал шотландского происхождения, погибший в 1809 г. при штурме французами испанского города Ла-Корунья во время Пиренейских войн. В память о нем и его героической смерти ирландским поэтом Чарльзом Вольфом (1791–1823 гг.) в 1816 г. было написано стихотворение «Погребение сэра Джона Мура после Коруньи». В русском переводе оно известно под названием «На погребение английского генерала сира Джона Мура».

² Robson C. Memorization and Memorialization: 'The Burial of Sir John Moore after Corunna' [Электронный ресурс] // Romanticism and Victorianism on the Net. 2009. № 54. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/ravon/2009-n53-ravon2916/029901ar/> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Robson C. Memorization and Memorialization...

писателя и поэта XX в. Ричарда Олдингтона, в частности в биографии «Герцог: Бытие и рассказ о жизни и достижениях Артура Уэлсли, первого герцога Веллингтона», изданной в 1943 г. в Нью-Йорке⁴.

В предисловии приводятся детские воспоминания писателя: «Новым ученикам школы всегда говорили: “Знаешь, здесь жил герцог Веллингтон”. <...> Из таких впечатлений формируются незабываемые воспоминания детства, и до сего дня в слове «Герцог» я вижу отпечаток величия»⁵. Так, впечатления родившегося еще в Викторианскую эпоху мальчика уже во взрослые годы вызвали интерес к этой личности, вылившийся в ее жизнеописание.

Исследованию идейно-композиционных особенностей произведения Р. Олдингтона посвятила статью филолог, преподаватель Омского государственного педагогического университета О.Л. Гиль. Автор и ранее обращалась к творчеству английского писателя, сделав предметом своего изучения созданные им документально-художественные биографии «собратьев по перу» Ф.М.А. Вольтера, Р.Л. Стивенсона и Д.Г. Лоуренса⁶. Но если в диссертации личность герцога Веллингтона не рассматривалась, то в своей статье автор попыталась определить соотношение документальности и художественности и в жизнеописании полководца.

Прежде всего О.Л. Гиль выразила несогласие с жанровым определением книги в русском издании (исторический роман), причисляя ее «к так называемым “пограничным жанрам”, включающим в себя элементы художественной и документальной прозы»⁷. Отметим автор и факт опущения в русском переводе подзаголовка жизнеописания, благодаря которому в оригинале «биограф не просто предлагает вниманию читателей повествование о судьбе Веллингтона, но и рассматривает историю его жизни с философской точки зрения как

⁴ Aldington R. The Duke: Being an account of the life & achievements of Arthur Wellesley, 1st Duke of Wellington. New York, 1943. 405 p.

⁵ Цит. по: Гиль О.В. Образ Веллингтона в документально-художественной литературе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1. С. 290.

⁶ Гиль О.В. Документально-художественные биографии в творчестве Ричарда Олдингтона: Книги о писателях: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб, 1996.

⁷ Гиль О.В. Образ Веллингтона... С. 289.

“бытие”, “существование”»; подчеркиваются также «заслуги Веллингтона перед страной и короной»⁸.

Исследователь попыталась проследить развитие образа героя на протяжении всей работы путем перечисления основных вех его жизни и карьеры, влияющих на формирование личности. Констатировала она и наличие в Англии «провеллингтонской легенды», позволяющей считать полководца отважным героем, одержавшим важнейшие победы над наполеоновской Францией. О.Л. Гиль пришла к выводу, что «Веллингтон для биографа, прежде всего, великий полководец, а потом уже политик, причем весьма непопулярный»⁹.

Примечательно, что, назвав статью «Образ Веллингтона в документально-художественной литературе», автор дала характеристику лишь одной биографии полководца и, за исключением комментария с подзаголовком в русском издании, обращается к переводу, а не к английскому оригиналу книги.

Ряд работ, посвященных образам Наполеоновской эпохи в британской литературе, принадлежит профессору университета Ланкастера, в 2001–2003 гг. президенту Британской ассоциации по исследованию английского романтизма Саймону Бэйнбриджу («Наполеон и английский романтизм (1995)», «Британская поэзия и Революционные и Наполеоновские войны» (2003), «Вордсворт, война и Ватерлоо» (2015) и др.).

В работе «Наполеон и английский романтизм», открывающей эту серию, исследуется видение Наполеона британскими поэтами «Озерной школы» (У. Вордсворт, С. Кольридж, Р. Саути) и их противниками (лорд Байрон, У. Хэзлитт) на рубеже XVIII–XIX вв. С. Бэйнбридж отмечает, что эти авторы «создавали, присваивали и оспаривали разных Наполеонов как ключевой сюжет их постоянного и фанатичного участия в политических и культурных дискуссиях»¹⁰.

Конструируемый образ Наполеона приобретал у разных поэтов следующие черты: любовь к власти, амбиции, своеволие, злобность. Наполеон являлся героем, его отождествляли с сатаной и Кориоланом

⁸ Гиль О.В. Образ Веллингтона... С. 290.

⁹ Там же. С. 294.

¹⁰ Bainbridge S. Napoleon and English Romanticism. Cambridge; New York, 1995. P. 1.

и др. Так, автор отмечает: «как только Наполеон стал дьяволом в сочинениях Саути и Кольриджа во время Полуостровной войны, дьявол стал Наполеоном. Одно не приходило на ум без другого»¹¹.

Таким образом, С. Бэйнбридж попытался выявить истоки формирования образа французского императора и влияние на этот процесс английской поэзии. Работа сопровождалась карикатурами известных мастеров жанра Дж. Крукшанка и Дж. Гилрея, которые уже в XIX в. усиливали эффект, производимый стихами британских поэтов.

В труде «Британская поэзия и Революционные и Наполеоновские войны» утверждается мысль о том, что поэзия сыграла важную роль в деле формирования образов этих событий, а войны, в свою очередь, оказали значительное влияние на поэтические практики романтизма. В семи главах автор исследует произведения английских поэтов 1790-х – конца 1820-х годов: У. Водсворта (его политические сонеты), В. Скотта («Видение дона Родерика», «Поле Ватерлоо»), В. Крокера («Битва при Талавере»), Г. Байрона («Паломничество Чайльд-Гарольда»), Ф. Хеманс («Стихи», «Семейные привязанности») и др.¹²

С. Бэйнбридж уделяет особое внимание образам, которые использовали поэты для усиления эффекта своих стихов. Так, например, лорд Байрон и Ф. Хеманс представляли войну через осаду и в качестве центрального выбирали образ крепости, цитадели. Поэты использовали осаду для изучения связи войны, полов и истории¹³.

Филологи часто обращаются к рассмотрению образа Наполеоновской эпохи в работах современной английской писательницы Дженет Уинтерсон (М. Асенсио Аростегуи, Т.М. Хацкевич, Е.В. Тега). Действие романа «Страсть» разворачивается в период между взлетом и падением Наполеона. Главные герои – французский армейский повар Анри и венецианка Вилланель. Сведения о Наполеоне даются через призму личного опыта Анри в главе «Император».

М. Асенсио Аростегуи, доктор философии университета Ла-Риоха в Испании, затронула образ Наполеоновской эпохи в творчестве Дж. Уинтерсон в своей статье «Исторический дискурс в романе Дженет

¹¹ Bainbridge S. Napoleon and English Romanticism... P. 131.

¹² Bainbridge S. British Poetry and the Revolutionary and Napoleonic Wars: Visions of Conflict. Oxford; New York, 2003. 259 p.

¹³ Ibid. P. 190–224.

Уинтерсон «Страсть»: политика альтернативности» и в докторской диссертации «Повторяющиеся структурные и тематические особенности в романах Дж. Уинтерсон «Страсть» и «Сексуальная черешня»: Время, пространство и формирование идентичности». Во второй и третьей частях работы рассматривается роль исторических периодов, в которые Уинтерсон помещает действие своих романов.

В статье анализируются две нарративные модели – историческая и фантастическая, соответствующие двум повествователям в романе (это представители исторически «немых» групп – солдат Анри и маркитантка Вилланель). Анри в своем историческом дискурсе лишает историю статуса базового нарратива. У него «история, как прошлое, всегда является объектом для манипулирования». Фантастическая модель героини Вилланель заключается в пересмотре романтических представлений о любви, браке, материнстве и семье. Этот дискурс создает «нарративное пространство, в котором женщины могут быть матерями без необходимости отречения от их свободы и сексуальности». Автор приходит к выводу, что Уинтерсон, помещая действие романа в эпоху Наполеоновских войн, оспаривает главенство мужчин и отводит женщинам важную роль в обществе и в истории¹⁴.

В докторской диссертации М. Асенсио Аростегуи отметила, что у Дж. Уинтерсон «история становится субъективной, ограниченной, предвзятой и открытой для пересмотра»¹⁵. Так, роль эпохи Наполеоновских войн, как исторической канвы для романа, меняется. «История Наполеоновских войн, традиционно изображаемая в исторических романах, это история военных успехов неоднозначного человека, действия которого привели к экспансии Французской империи... Уинтерсон предлагает другие версии этих событий, прибегая к образу разочаровавшегося молодого человека, который изначально увлечен общей атмосферой страстного энтузиазма и решает стать солдатом, но неутолимая страсть Наполеона к власти физически и психологически

¹⁴ *Asensio Arostegui M.* History as Discourse in Jeanette Winterson's "The Passion": The Politics of Alterity // *Journal of English Studies*. 2000. Vol. 2: New Voices in Literature. P. 17.

¹⁵ *Asensio Arostegui M.* Recurrent Structural and Thematic Traits in Jeanette Winterson's "The Passion" and "Sexing the Cherry": Time, Space and the Construction of Identity: thesis Doctoral. Logroño, 2008. P. 24.

уничтожает его»¹⁶. Трансформацию взглядов Анри отражает фраза «Я придумал Бонапарта так же, как он придумал себя»¹⁷.

Т.М. Хацкевич, преподаватель Академии им. Ф.М. Достоевского, подошла к образу Наполеона как «иного / другого» в произведении Дж. Уинтерсон через противопоставление французского императора и героини романа – венецианки Вилланель. Одним из показателей такой инаковости становится маленький рост, «который преподнесен как уродство, вызывающее у императора комплекс неполноценности... Для акцентирования этой черты Уинтерсон нагнетает фразы, включающие в себя прилагательное “маленький”, то есть при концентрации внимания на прилагательном, содержание теряется»¹⁸. Т.М. Хацкевич отмечает эгоистичность и разрушительность образа Наполеона, приписанную английской писательницей императору страсть к поеданию кур, которые становятся символом поедания собственного народа. Автор статьи приходит к следующему заключению: «низкорослый, одинокий, не доверяющий никому (как следствие прихода к власти) и, соответственно, не имеющий друзей. Это император, не знающий свободы и любви, желающий лишь “славы, завоеваний, рабов и лести”. Наполеон представляется... самовлюбленным, не обладающим состраданием, полным безразличия к людям, неспособным любить. Именно он является монстром... В случае Наполеона у Уинтерсон образ “Другого” – это <...> образ <...> бесчувственного, эгоистичного завоевателя»¹⁹.

Е.В. Тега, преподаватель Московского педагогического университета, отметила, как и М. Асенсио Аростегуи, что у Дж. Уинтерсон «история выполняет скорее функцию фона, чем объекта изображения. Между тем, контекст эпохи наполеоновских завоеваний необходим и для раскрытия персонажей в их становлении, и для исследования человеческой природы, которая острее вырисовывается в кризисные периоды»²⁰. Е.В. Тега выявила многозначность в образе Наполеона. Так, она проследила в работе Уинтерсон библейские параллели Напо-

¹⁶ *Asensio Arostegui M. Recurrent Structural and Thematic Traits... P. 75.*

¹⁷ *Ibid. P. 95.*

¹⁸ *Хацкевич Т.М. Образ Наполеона как «иного / другого» в романе Дженет Уинтерсон «Страсть» // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 62.*

¹⁹ Там же. С. 63.

леона с Христом и с Антихристом, обнаружила придуманный англичанами в XIX в. мифологизированный образ Наполеона-людоеда, жестокого императора, готового жертвовать всем ради своей цели, вскрыла комические черты образа. Е.В. Тега пришла к выводу, что «величие императора отчасти объясняется тем, что он виртуозно играет принятую на себя роль, надевая соответствующую маску и заставляя окружающих верить в ее подлинность»²¹.

Таким образом, исследователи творчества Дж. Уинтерсон отмечают, что эпоха Наполеоновских войн используется в романе писательницы «Страсть» в качестве исторической канвы для исследования человеческой природы и интересующих автора гендерных проблем. Подчеркивается противоречивость самого образа французского императора, клише (маленький рост). Наполеон представляется жестоким эгоистичным человеком, не останавливающимся ни перед чем и готовым приносить необоснованные жертвы в угоду своим целям.

Особый вклад в изучение репрезентации образов эпохи Наполеоновских войн в британской литературе внес немецкий исследователь Ларс Петерс, научный референт Берлинского бюро Немецкого национального образовательного фонда. Его диссертация «Романтика войны. Память о революционных и Наполеоновских войнах в Великобритании и Ирландии 1815–1945» была написана в рамках проекта «Нации, Границы, Идентичности: Революционные и Наполеоновские войны в европейской памяти», 2005–2008 гг. Автор отметил «сближение между историческими и литературными науками» в результате «лингвистического поворота» и попытался провести «культурно-научное исследование памяти»²².

В ходе работы историком было выявлено 534 англоязычных романа, посвященных революционным и Наполеоновским войнам. Основные сюжеты в них касались морских сражений, театра войны на

²⁰ *Teга Е.В.* Образ Наполеона в романе Дж. Уинтерсон «Страсть» // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 319.

²¹ Там же. С. 323.

²² *Peters L.* Romances of War: Die Erinnerung an die Revolutions- und Napoleonischen Kriege in Englischsprachigen Romanen aus Großbritannien und Irland (1815–1945). Paderborn, 2012.

Иберийском полуострове, ирландского восстания и событий на родине. Л. Петерс выделил три периода литературной коммеморации Наполеоновской эпохи: 1. коммуникативная память (от эпохи, непосредственно следовавшей за войнами, и до середины XIX в., когда еще живы были свидетели и участники событий); 2. культурная память (с 1886 г. до Первой мировой войны, свидетели событий уже умерли); 3. коллективная историческая память. Историк отметил, что европейская память о революционных и Наполеоновских войнах фрагментирована: это память разделенная (*divided*) (например, партизанская война в России 1812 г., ирландские восстания 1798 и 1803 гг.) и память общая (*shared memory*) (например, личность Наполеона, Ватерлоо, пожар Москвы).

В 2015 г. была опубликована статья Л. Петерса в сборнике «После грозы. 1812 год в коллективной памяти России и Европы», вышедшем по результатам международной научной конференции, организованной Германским историческим институтом в Москве 28–30 мая 2012 г. Статья «Сквозь русские снега»: 1812 год в английских романах (1815–1945): Европейская перспектива» была основана на диссертационном материале. Автор выбрал для статьи три романа из выявленных им 21: роман анонимного автора «Бенсон Поулет, или Французы в Москве», 1833 г. (этап коммуникативной памяти), роман Шарлотты Мэри Янг «Кеннет, или Арьергард Великой армии», 1850 г. (этап культурной памяти), роман для юношества «Сквозь русские снега» Джорджа Альфреда Хенти, 1896 г. (сожженная Москва и Русский поход уже стали неотъемлемой частью британской коллективной исторической памяти). Проанализировав эти романы, Петерс выявил следующую тенденцию: «Исторические романы – пример того, как работала память о Русском походе в Великобритании: чем более далекими становились события, тем более отступали в тень ужасы войны. Если в романе «Бенсон Поулет» еще ставилась задача нарисовать картину русской действительности 1812 г., то и у Янг, и у Хенти в центре – консолидация британской нации, объединяющей англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев. В ретроспективе британской истории делается попытка сформировать миф нации, которую выковала война». Подводя итоги, историк отметил: «В британском

историческом сознании горящая Москва воспринимается лишь как этап на пути к окончательному поражению Наполеона при Ватерлоо. Для английской коллективной памяти герцог Веллингтон был первым, кто смог победить французские войска на Иберийском полуострове, а затем окончательно сокрушил вернувшегося Наполеона при Ватерлоо»²³.

Таким образом, Л. Петерсу удалось провести анализ значительного объема британской художественной литературы за 130-летний период. Вклад историка – в том, что он предложил периодизацию литературной коммеморации эпохи, применил концепцию «мест памяти» для изучения образов эпохи Наполеоновских войн в Великобритании. Однако исследование ограничивается 1945 г., после которого вышел еще ряд литературных источников, в которых фиксируются образы эпохи.

В целом, в круг интересов исследователей входят произведения английской литературы XIX–XX вв. и современные произведения постмодерна, в которых нашел свое отражение образ эпохи Наполеоновских войн. Внимание исследователей привлекают такие аспекты, как влияние контекста эпохи на формирование личности героев, их поступки, образы отдельных исторических деятелей (Наполеон, герцог Веллингтон), а также влияние тематики Наполеоновских войн на формирование национального самосознания англичан.

Библиография

Гиль О.В. Документально-художественные биографии в творчестве Ричарда Олдингтона: Книги о писателях: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб, 1996. 17 с.

Гиль О.В. Образ Веллингтона в документально-художественной литературе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. № 1. С. 289–294.

Петерс Л. «Сквозь русские снега»: 1812 год в английских романах (1815–1945): Европейская перспектива // После грозы: 1812 год

²³ *Петерс Л.* «Сквозь русские снега»: 1812 год в английских романах (1815–1945): Европейская перспектива // После грозы: 1812 год в исторической памяти России и Европы. М., 2015. С. 350–373.

в исторической памяти России и Европы: сб. ст. / под ред. Д.А. Сдвижкова (при участии Гидо Хаусманна); вступит. ст. Д.А. Сдвижкова. М.: Кучково поле, 2015. С. 350–373.

Teга Е.В. Образ Наполеона в романе Дж. Уинтерсон «Страсть» // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 317–326.

Хацкевич Т.М. Образ Наполеона как «иного / другого» в романе Дженет Уинтерсон «Страсть» // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 60–64.

Aldington R. The Duke: Being an account of the life & achievements of Arthur Wellesley, 1st duke of Wellington / R. Aldington. New York: Viking press, 1943. 405 p.

Asensio Arostegui M. History as discourse in Jeanette Winterson's "The Passion": The politics of alterity // Journal of English Studies. 2000. Vol. 2: New voices in literature. P. 7–18.

Asensio Arostegui M. Recurrent Structural and Thematic Traits in Jeanette Winterson's "The Passion" and "Sexing the Cherry": Time, Space and the Construction of Identity: thesis doctoral. Logroño, 2008. 381 p.

Bainbridge S. British Poetry and the Revolutionary and Napoleonic Wars: Visions of Conflict / S. Bainbridge. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2003. 259 p.

Bainbridge S. Napoleon and English Romanticism / S. Bainbridge. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1995. 259 p.

Peters L. Romances of War: Die Erinnerung an die Revolutions- und Napoleonischen Kriege in englischsprachigen Romanen aus Großbritannien und Irland (1815-1945) / L. Peters. Paderborn: F. Schöningh, 2012. 348 s.

Robson C. Memorization and Memorialization: 'The Burial of Sir John Moore after Corunna' [Электронный ресурс] // Romanticism and Victorianism on the Net. 2009. № 54. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/ravon/2009-n53-ravon2916/029901ar/> (дата обращения: 10.05.2023).

Т.А. Краева

*Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

**Женское движение
и проблема женской эмансипации в Германии
во второй половине XIX – начале XX века***

Автор статьи поднимает проблему возникновения женского движения в Германии и его развития в условиях Первой мировой войны. Женское движение, возникнув в середине XIX в., выступало за предоставление политических свобод и вовлечение женщин в новые профессии. К началу Первой мировой войны в женском движении выделялось две ветви: буржуазная и социалистическая, которую также связывают с коммунистическим движением. Автор приходит к выводу, что с началом Первой мировой войны женщинам стали доступны новые профессии. Буржуазная ветвь движения развернула деятельность в помощь властям, тогда как социалистическое позиционировалось как антивоенное.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германия, гендерные исследования, женская эмансипация, женское движение в Германии, Луиза Отто-Петерс, Клара Цеткин, Гертруда Боймер, Хелен Ланге.

Финансовая поддержка: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00201 «Гендерный фактор политической мобилизации в условиях Первой мировой войны: Россия, Франция, Германия»)

В годы Великой «тотальной» войны женщины стали играть те роли, которые традиционно считались мужскими. Новое положение сказалось на модели традиционной патриархальной семьи: теперь в семейных вопросах женщины стали иметь большую значимость, чем прежде. К началу XX в. в Германии, как и в других странах Западного мира, прослеживалась тенденция к женской эмансипации, однако начавшаяся Первая мировая война оказала решающее влияние на этот процесс.

* Статья публикуется в авторском варианте.

В историографии к настоящему времени спорны выводы о женской эмансипации в годы Великой войны: с одной стороны, исследователи настаивают на том, что война усилила женскую эмансипацию, а с другой стороны, указывают на усиление доминирования мужчин.

По состоянию на конец XX в. Г. Брейборн и П. Саммерфильд определили, что Мировая война поспособствовала прогрессивной эмансипации женщин, что выразилось в обретении ими новых ролей и достижении большей независимости. П. Гэтрелл и С. Грэйзел¹ установили, что проблемы женской и мужской мобилизации следует раскрывать через взаимодействие опыта на фронте и в тылу.

Важнейший вклад в исследуемую проблематику внес труд У. Даниэль «Женщины-работницы в воюющем обществе»². В исследовании с помощью статистических данных сделан вывод об усиленной трудовой мобилизации в разных отраслях производства.

В современной историографии актуален вопрос раскрытия понятия гендера. Отмечается, что ранее категория гендера не была достаточно определена, из-за чего иногда происходила подмена понятий женской и гендерной истории. По той причине, что ранее объект гендерной и женской истории имел размытое определение, истории мужчин не уделялось должное внимание. В связи с этим поднимается проблема изучения мужественности и маскулинности исследователями С. Левзеном³ и Д. Краутхэмелом⁴. Данная проблема раскрывается через взаимодействие с женской историей.

¹ Grayzel S.R. *Women's Identities at War: Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France During the First World War*. Chapel Hill, 2014.

² Daniel U. *Arbeiterfrauen in der Kriegsgesellschaft: Beruf, Familie und Politik im Ersten Weltkrieg*. Göttingen, 1989. Т. 84; Daniel U. *The War from Within: German Women in the First World War*. Oxford; New York, 1997. 343 s.

³ Levsen S. *Masculinities* // [Электронный ресурс]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War / ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/masculinities/2015-01-07> (date of access: 30. 03. 2023).

⁴ Crouthamel J. *Deutsche Soldaten und „Männlichkeit“ im Ersten Weltkrieg* // [Электронный ресурс]: Bundeszentrale für politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/182566/deutsche-soldaten-und-maennlichkeit-im-ersten-weltkrieg/> (date of access: 10. 04. 2023).

В отечественной историографии женское движение Германского рейха рассматривается как подготовительный период деятельности женских организаций и достижений их целей периода Веймарской республики. Также исследованы биографии женщин-лидеров, которые, как правило, отражали свои идеи в публицистике.

В условиях Первой мировой войны оказались женщины, которые невольно обретали новые роли, ранее приписываемые мужчинам: работу на военном производстве, транспорте, в качестве сестер милосердия. Женщины, наравне с мужчинами, вовлекались в массовую пропаганду, становились ее объектом. Кроме того, Великая война приходится на завершающий этап первой волны феминизма, когда женщины-активистки ставили перед собой задачи обретения прав. Поэтому трансформацию феминности в годы Великой войны нельзя рассматривать в отрыве от истории женского движения в Германии и в Европе в целом.

Одной из проблем консолидации германского общества в последней трети XIX в. стал женский вопрос, обсуждающийся в контексте первой волны феминизма. Целью германских женщин, как и остальных женщин-представительниц первой волны, стало обретение политических и гражданских прав и свобод. Помимо этого, женщины имели ограниченный доступ к образованию – эта проблема объединит женщин на пути к его получению.

Специфика женского движения в Германии состояла в том, что оно не имело определенной политической ориентации. Политические предпочтения внутри движения не играли весомой роли за некоторыми исключениями. Женщины объединились не с целью продвижения конкретной политической доктрины, а с целью обретения равного положения мужчин и женщин.

Женское движение как явление находит свои истоки в революционных событиях Франции конца XVIII в., однако на германских территориях зарождение женского движения приходится на годы «Весны народов». Первые шаги в организации борьбы за права женщин предпринимает Луиза Отто-Петерс. В 1849 г. она издает женскую газету, на страницах которой звучали призывы к достижению политических свобод (девиз – «гражданки, добивайтесь прав

и свобод»), прав на получение образования, справедливое трудоустройство и оплату труда и получение права голоса. Однако вскоре после революций середины XIX в. активность только зародившегося женского движения снизилась, а газеты с призывами о равноправии стали подвергаться цензуре.

Новый подъем женского движения был также организован Луизой Отто-Петерс, которая в 1865 г. созвала конференцию в Лейпциге, где был провозглашен Всеобщий Германский женский союз (Allgemeiner Deutscher Frauenverein – ADF). Это была первая общенациональная женская организация, которая в годы Германского рейха достигнет больших масштабов и добьется уважения и признания в среде доминирующих политических сил Германии. Целью союза было добиться равноправия⁵. На тот момент действовал Прусский закон о союзах 1850 г., положения которого продолжили действовать до конца существования Второго рейха. По закону женщинам запрещалось принимать участие в политических союзах⁶.

В конце XIX в. в молодом Германском рейхе велась активная борьба женщин за получение работы в медицинской сфере. Однако консервативные установки общества и устойчивое убеждение в отношении женщин: «Kinder, Küche, Kirche» повлияли на ограничение работы женщин в медицине. В те же годы женщины добились обсуждения в Рейхстаге вопроса о предоставлении им избирательного права, но и эта попытка была безуспешной.

Несмотря на отказ общества в предоставлении женщинам требуемых свобод, движение продолжает свое развитие, и в 1890 г. Всеобщий Германский женский союз возглавляет активистка Хелен Ланге, которая до этого принимала участие в создании локальной женской организации. При Х. Ланге была принята программа Всеобщего Германского женского союза, в которой упор делался

⁵ Allen A.T. Feminism, Social Science, and the Meanings of Modernity: The Debate on the Origin of the Family in Europe and the United States, 1860–1914. *The American Historical Review*. 1999. Vol. 104. № 4. P. 1096.

⁶ Прусский закон о союзах, 1850 г. [Электронный ресурс]: Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского. URL: <http://yspu.org/hreader/1/?in=docplace&value=1.2> (дата обращения: 11. 11. 2022).

на предоставление прав в образовательной среде и изменение брачного законодательства.

С целью обретения новых прав, главным образом, права на получение образования, Х. Ланге требует совершенствования образования девушек и в 1887 г. выпускает «Желтую брошюру», в которой критикует женское образование в Германии и призывает к тому, чтобы профессию учителя получали женщины⁷.

В 1894 г. Всеобщий Германский женский союз объединяет все немецкие женские союзы, за исключением социалистических, и трансформируется в Союз Германских женских организаций. Тем самым Союз усиливает свой вес в политической жизни Германии. Союз разделялся на две ветви – лидером умеренного крыла была Х. Ланге, а идеологом и председателем консервативного – Гертруда Боймер. Одним из органов Союза был журнал «Женщина», издававшийся по инициативе Х. Ланге и Г. Боймер. В журнале призывали к консолидации женского движения и обсуждали проблемы, которые был призван решить Союз. Помимо либерального женского движения, обособленно выделялось пролетарское, которое возглавляла член Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и одна из основательниц Коммунистической партии Германии (КПГ) Клара Цеткин⁸.

В начале XX в. объединенное женское движение Германского рейха добивается следующих успехов: рост вовлечения женщин в журналистскую деятельность и создание женских лицеев и гимназий, что позволило женщинам обучаться в университетах. В 1902 г. был организован Германский женский суфражистский союз, целью которого было добиться предоставления женщинам избирательного права. Но деятельность этого союза не привела к достижению им своей цели. В 1911 г. прошло заседание «Германского союза женского избирательного права», где вновь выдвинулись требования в достижении равных политических прав с мужчинами, а также подчер-

⁷ История женщин на Западе. В 5 т. СПб., 2015. Т. 5: Становление культурной идентичности в XX столетии. 624 с.

⁸ Ермаков А.М. Женщины в Германии в первой половине XX века: Практикум. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003.

кивалось, что женское движение не имеет определенной политической ориентации⁹.

Доступ в университеты женщины получают в 1900 г. Первые университеты, открывшие для них двери – во Фрайбурге и Гейдельберге. Так, одними из первых женщин-врачей, получивших образование, стали Ирма Клауснер-Кронхейн и Эльза Розенталь, впоследствии они получили немецкую лицензию на врачебную деятельность. Первым же практикующим врачом-женщиной в Берлине стала Франциска Тибуртиус, получившая образование в Цюрихе¹⁰.

Зародившееся в 1848–1849 гг. движение к рубежу XIX–XX вв. объединило в себе большинство женских организаций Германии и добилось достижения некоторых важных социально-политических свобод. Однако одна из главных целей – получение права голоса для женщин, – будет достигнута лишь после завершения существования Германского рейха¹¹. Консервативные общественные установки о положении женщин не теряли свою актуальность и продолжали обсуждаться во времена Веймарской республики, а с 1933 г. обрели новую силу.

До начала Первой мировой войны женщина виделась хранительницей домашнего очага. В довоенные годы образ женщины всегда был связан с семьей и браком. Однако с уходом мужчин на фронт образовалась нехватка их для создания брачных союзов, традиционное восприятие брака трансформировалось: одинокие женщины постепенно перестали восприниматься обществом как неполноценные. Кроме того, отмечается, что мужчины из среднего класса стали более ответственно подходить к выбору супруги¹².

⁹ Протокол заседания «Германского союза женского избирательного права», 1911 г. [Электронный ресурс]: Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского. URL: <http://yspu.org/hreader/1/?in=docplace&value=1.7> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁰ Пуховская Н.Е. Борьба за женское равноправие в Германии (вторая половина XIX начало XX вв.) // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2010. № 4. С. 196.

¹¹ Краева Т.А. Гендер и война в Германии 1914 г. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2022. № 12. Сер. Германика. Вып. 1. С. 27.

¹² Dollard C. Marital Status and the Rhetoric of the Women's Movement in World War I Germany. *Women in German Yearbook.* 2006. Vol. 22. P. 215.

Женское движение Германии в конце XIX – начале XX в. расхо- дится по двум направлениям: буржуазное, возникшее в результате либеральных волнений середины XIX в., и социалистическое¹³, кото- рое впоследствии будут связывать с коммунистическим. Несмотря на разные взгляды на Первую мировую войну, в их деятельности прослеживалась общая цель – эмансипация женщин¹⁴, но сотрудниче- ство отвергалось по инициативе социалистической ветви, главным образом, К. Цеткин¹⁵.

Буржуазная ветвь женского движения стремилась к равноправию через интеллектуальное и культурное обогащение женщины в рамках существующего государственного строя. Социалистки же говорили о равенстве, в первую очередь требуя равной оплаты труда¹⁶. К. Цеткин была убеждена, что женский вопрос в Германии может быть решен только при преобразовании государственного строя в социалистический¹⁷.

В начале войны Г. Боймер объявила о создании Национальной женской службы (Nationalen Frauendienst – НФД) – вспомогательной организации, целью которой было решение экономических и соци- альных проблем, вызванных войной, в том числе: забота о матерях и детях, организация питания, решение проблем с продовольствием, поиск жилья для нуждающихся и поиск волонтеров¹⁸.

Особую категорию составляли социалистки, которые занимали антивоенные позиции: весной 1915 г. в Гааге прошел конгресс, на котором была создана Международная женская лига за мир и сво- боду. Среди них выделяются такие активистки, как Клара Цеткин, Анита Аугспург, Лида Г. Хейманн и Хелен Штекер. Женщины постановили, что они должны объединиться против войны и что их голоса должны учитываться в решениях ведения войн и установлении

¹³ Чикалова И.Р. Партии, профессиональные союзы, женские организации во Фран- ции, Германии, Великобритании (1815–1914). Минск, 2015. С. 293.

¹⁴ Ibid. P. 212.

¹⁵ Gersdorff U.v. Frauenarbeit und Frauenemanzipation im Ersten Weltkrieg // Francia. 1974. Т. 2. S. 506.

¹⁶ Adams C.E. Women clerks in Wilhelmine Germany: Issues of Class and Gender. Cambridge, 2002. S. 40.

¹⁷ Ibid. S. 503.

¹⁸ Adams C.E. Women clerks in Wilhelmine Germany... S. 510.

мира. На конгрессе были представлены как страны-участницы войны, так и нейтральные; русские и французские женщины конгресс не посетили. Левые активистки не получили поддержки среди иных представительниц феминистского движения по политическим убеждениям.

Таким образом, женское движение в Германии, находящее истоки в событиях 1848–1849 гг., добилось определенных успехов на пути к эмансипации женщин: они получили расширенный доступ к образованию, в том числе университетскому. Некоторые женщины впервые освоили ранее недоступные профессии, главным образом, в журналистской сфере, но важно, что они получили доступ и к врачебной деятельности. Женское движение пыталось включиться и в политическую деятельность, однако особых успехов в этом не добилось. Важным фактором женского движения в женской мобилизации послужило то, что оно было разделено на две ветви: буржуазную и социалистическую. Левая ветвь женского движения выступала против войны и имела своей целью борьбу за равноправие. Буржуазная ветвь сыграла большую роль в процессе мобилизации и работе вспомогательных служб в годы войны, поддерживала государство в вопросе войны и организовывала женщин на пользу войне: были созданы организации, такие как НФД или организации при военных министерствах.

Библиография

Ермаков А.М. Женщины в Германии в первой половине XX века: Практикум. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2003. 95 с.

История женщин на Западе. В 5 т. / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Ф. Тебо; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб., 2015. Т. 5: Становление культурной идентичности в XX столетии. 624 с.

Краева Т.А. Гендер и война в Германии 1914 г. // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2022. № 12. Сер. Германика. Вып. 1. С. 26–30.

Протокол заседания «Германского союза женского избирательного права», 1911 г. [Электронный ресурс]: Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского. URL: <http://yspu.org/hreader/1/?in=docplace&value=1.7> (дата обращения: 11.11.2022).

Прусский закон о союзах, 1850 г. [Электронный ресурс]: Ярославский государственный университет им. К.Д. Ушинского. URL: <http://yspu.org/hreader/1/?in=docplace&value=1.2> (дата обращения: 11.11.2022).

Пуховская Н.Е. Борьба за женское равноправие в Германии (вторая половина XIX начало XX вв.) // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2010. № 4. С. 193–197.

Чикалова И.Р. Партии, профессиональные союзы, женские организации во Франции, Германии, Великобритании (1815–1914). Минск, 2015. 392 с.

Adams C.E. Women Clerks in Wilhelmine Germany: Issues of Class and Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 180 p.

Allen A.T. Feminism, Social Science, and the Meanings of Modernity: The Debate on the Origin of the Family in Europe and the United States, 1860–1914. The American Historical Review. 1999. Vol. 104. № 4. P. 1085–1113.

Crouthamel J. Deutsche Soldaten und “Männlichkeit” im Ersten Weltkrieg // [Электронный ресурс]: Bundeszentrale für Politische Bildung. URL: <https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/182566/deutsche-soldaten-und-maennlichkeit-im-ersten-weltkrieg/> (date of access: 10.04.2023).

Daniel U. Arbeiterfrauen in der Kriegsgesellschaft: Beruf, Familie und Politik im Ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. Т. 84. 368 с.

Dollard C. Marital Status and the Rhetoric of the Women’s Movement in World War I Germany // Women in German Yearbook. Vol. 22. Lincoln: University of Nebraska Press, 2006. P. 211–235.

Gersdorff U.V. Frauenarbeit und Frauenemanzipation im Ersten Weltkrieg // Francia. 1974. Т. 2. S. 502–523.

Grayzel S. R. Women’s Identities at War: Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France during the First World War. Chapel Hill, 2014. 333 с.

Levsen S. Masculinities // [Электронный ресурс]: 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War / ed. by U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, J. Keene, A. Kramer, B. Nasson. Berlin 2014. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/masculinities/2015-01-07> (date of access: 30.03.2023).

Там Хок Чиу

Шаньдунский университет (Шаньдун, КНР)

**«Проход РККА через польскую территорию»
в оценке французской дипломатии в августе
1939 года: просчет политики Франции в переговорах
с СССР накануне германо-польской войны**

Настоящая работа основывается на архивных материалах и историографии и посвящена внешней политике Франции по отношению к СССР и ее тактическому изменению после поднятия вопроса «прохода РККА через польскую территорию в войне с Германией» маршалом К.Е. Ворошиловым в ходе московской военной конференции. Франция, понимая военно-стратегическое значение наличия советских войск на восточной границе гитлеровской Германии, не изменила дипломатический курс в отношении СССР и не принимала конкретных мер по решению вопроса отказа Польши от прохода РККА через Виленский коридор и Галицию, создавая иллюзию продолжения переговоров с СССР, чтобы вызвать в Германии опасения касательно войны «на двух фронтах» и заставить ее хотя бы временно отказаться от проведения «молниеносной войны» против Польши летом 1939 г.

Ключевые слова: франко-советские отношения, косвенная агрессия, проход Красной Армии через территории Польши и Румынии, московская военная конференция, война на два фронта.

Являясь одной из главных европейских держав в версальской системе, Франция играла большую роль не только в управлении общим послевоенным международным порядком Европы с момента заключения Парижского мирного договора в рамках гарантии и взаимопомощи «Малой Антанты» по договорам с Польшей, Румынией и другими государствами в 1920-е – 1930-е годы, но и в системе коллективной безопасности, созданной по инициативе СССР, с начала 1930-х годов (особенно по вопросам о заключении пактов о взаимопомощи с СССР и Чехословакией). Связанные с этим научные проблемы довольно быстро привлекли внимание советских, российских и зарубежных историков и специалистов. Среди главных трудов

по данной теме можно назвать опубликованные в советский период монографии под редакцией МИД СССР и коллектива советских историков¹ В.А. Матвеева², В.Я. Сиполса³ и др. В постсоветский период этой темой продолжают заниматься Ю.Н. Жуков⁴, А.С. Орлов⁵, М.И. Мельтюхов⁶, А.Б. Мартиросян⁷, М.Ц. Арзаканян⁸ и др.⁹ На Западе и в Китае данные проблемы также были изучены в работах А.Дж.П. Тейлора¹⁰, Ч. Моуэта¹¹, У. Рока¹², а также в других работах, склонных к критике СССР¹³, авторы которых считают требование

¹ История дипломатии. Т. 3. М., 1965.

² Матвеев В.А. Провал мюнхенской политики (1938–1939 гг.), М., 1955.

³ Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918–1920 гг.). М., 1959; Сиполс В.Я. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919–1940 гг. Рига, 1968; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1933–1935 гг. М., 1980; Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. М., 1987; Панкрашова М.Н., Сиполс В.Я. Почему не удалось предотвратить войну – Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. (Документальный обзор). М., 1970.

⁴ Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти, М., 2005.

⁵ Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны, М., 2003.

⁶ Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М., 2015.

⁷ Мартиросян А.Б. Накануне 23 августа 1939 г. М., 2009.

⁸ Арзаканян М.Ц. Франция и СССР в 1939 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2020. Т. 11. № 3 (89). С. 25; Арзаканян М.Ц. Советско-французские отношения накануне и в начале Второй мировой войны // Вопросы истории. 2021. № 11-2. С. 222–227.

⁹ Война и политика 1939–1941 гг. М., 2000; Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.), М., 2008; Куманёв Г.А. Проблемы военной истории отечества (1938–1945 гг.), М., 2007.

¹⁰ Taylor A.J.P. The Origins of The Second World War, New American Edition. New York, 1983.

¹¹ Mowat C. Britain Between the Wars 1918–1940, London, 1955. P. 639–642.

¹² Rock W.R. British Appeasement in the 1930's. London, 1977.

¹³ Fuller J.F.C. The Second World War 1939–1945. A Strategic and Tactical History, Kent, 1948. P. 17–32; Haines C.G., Hoffman R.J.S. The Origins and Background of the Second World War, London; New York; Toronto, 1943. P. 509–547; Bell P.M.H. The Origins of the Second World War in Europe, London; New York, 1986. P. 203–302; Topitsch E. Stalin's war. A Radical New Theory of the Origins of the Second World War. New York, 1987. P. 22–142; Vizulis I. The Molotov–Ribbentrop Pact of 1939. The Baltic Case. New York; Westport; London, 1988. P. 1–63; Roberts G. Stalin's Wars from World War to Cold War, 1939–1953. New Haven; London: Yale University Press, 2006. P. 1–62;

маршалом К.Е. Ворошиловым «свободного транзита» советских войск через Польшу и Румынию великодержавным шовинизмом на фоне вооруженных конфликтов в Европе и тайного сближения с гитлеровской Германией.

Документы, опубликованные в «Документах и материалах по истории советско-польских отношений» и других сборниках, показывают совершенно другую историческую картину, согласно которой французские государственные и военные руководители считали требование К.Е. Ворошилова вполне приемлемым для ведения борьбы против гитлеровской агрессии. 15 августа глава военной миссии Франции генерал Ж. Думенк написал в военное министерство, что «с точки зрения устранения опасения поляков имеет тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны вступления [советских войск], становясь исключительно на стратегическую точку зрения»¹⁴. Однако власти Польши были категорически против предложения Франции и отказались от даже тактических уступок на фоне споров о проходе советских войск. С 15 августа Ж. Боннэ неоднократно «убедительно» разъяснял польскому послу Ю. Лукасевичу, что он должен объяснить исключительную важность и серьезность ситуации министру иностранных дел Ю. Беку, и уговорил его тактически согласиться с условиями советского правительства.

Согласно телеграммам Ю. Лукасевича Ю. Беку от 16 и 18 августа и Ж. Боннэ Л. Ноэлю от 16 августа, 15 и 17 августа Ж. Боннэ в переговорах объяснял Ю. Лукасевичу, что требование маршала К.Е. Ворошилова о разрешении прохода советских войск через восточную Малую Польшу и Виленский коридор, являвшееся основным условием сотрудничества СССР с Великобританией и Францией, было бы реализовано лишь на время войны, особенно в случае сопри-

康春林: 〈论二战爆发前苏军西进过境的问题〉 // 《史学集刊》, 2003 年 02 期 57–64、112 页。(Кан Чуньлин О вопросе продвижения советских войск на запад накануне Второй мировой войны // Исторический журнал, 2003. № 2. С. 57–64, 112.)
张盛发: 〈20 世纪 30 年代苏联从集体安全到一国自保的历史考察〉 // 《俄罗斯研究》, 2015 年 04 期, 第 7–33 页。(Чжан Шэнфа С коллективной безопасности до защиты одного государства: изучение по истории политики СССР в 1930-е годы // Изучение по России. 2015. № 4. С. 7–33.)

¹⁴ Документы и материалы по истории Советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7 (1939–1943 гг.). С. 143–144.

косновения Красной Армией с немецким вермахтом на направлении Восточной Пруссии. При этом Ж. Боннэ повторно подчеркнул, что Франция не может принять это решение за Польшу. Так было и на московской военной конференции, когда французская и английская делегации ответили советской стороне, что Польша и Румыния являются суверенными государствами, и Советский Союз должен договориться непосредственно с Польшей о разрешении использования ее территории для транзита войск РККА. Однако советская делегация продолжала считать, что ответственность за переговоры с Польшей и Румынией должны нести французы и англичане. Иначе, по словам Ж. Боннэ, если бы Советский Союз не получил немедленного (положительного) ответа, то переговоры в Москве были бы приостановлены¹⁵.

Несмотря на радикальные антисоветские и антирусские настроения польского руководства, Ю. Лукасевич считал, что дипломатическая игра Франции основывалась на параллельных переговорах с Варшавой и Москвой с целью переложения на поляков ответственности за возможный срыв московских переговоров¹⁶. Впечатление Ю. Лукасевича в целом соответствовало настоящему мотиву правительства Франции. Согласно содержанию телеграммы Ж. Боннэ, он приказал Л. Ноэлю поставить вопрос «о необходимости для польского правительства принять русскую помощь. Вам следует настойчиво подчеркнуть, что возможное русско-польское сотрудничество на восточном театре боевых действий является необходимым условием эффективности нашего общего сопротивления агрессивным планам держав оси, что, поскольку польское правительство много раз признавало ее необходимость, было бы опасно ждать начала военных действий, чтобы представить себе одну из основных форм этого сотрудничества; Вы добавите, что мы не можем предполагать, что, отказываясь обсуждать стратегические условия ввода русских войск, Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия. <...>»¹⁷.

¹⁵ Документы и материалы... С. 161.

¹⁶ Там же. С. 144–145, 160–161.

¹⁷ Там же. С. 145.

Чтобы продемонстрировать мировой общественности активность переговоров с Польшей и СССР, 15 августа Франция также приняла срочное решение о немедленном проведении «варшавских военных переговоров» с правительством Польши во главе с французским атташе в Польше генералом Ф. Мюссом, выехавшим в Варшаву вечером 15 августа с необходимыми инструкциями¹⁸. Кроме того, 17 августа член военной миссии капитан Бофор также отправился в Варшаву на московском поезде¹⁹.

Тактика французской делегации в Варшаве также состояла в том, чтобы любой ценой уговорить поляков, предупредив их о последствиях, грозивших Польше в случае отсутствия военной поддержки от СССР. Генерал Ж. Думенк подчеркивал, что требование прохода советских войск через Виленский коридор, Галицию и территорию Румынии в случае германской агрессии являлось безальтернативной предпосылкой создания военного союза между тремя державами. Чтобы рассеять опасения Польши и уговорить ее временно принять требования и условия СССР, Ж. Думенк повторно предложил полякам представить строгое ограничение зон ввода советских войск. Министр МИД Франции Ж. Боннэ подчеркнул, что система безопасности Франции в Восточной Европе зависит от прохода советских войск через территории Польши и Румынии²⁰.

Получив задачи от МИД Франции, 17 августа посол Франции в Москве П. Наджиар писал в телеграмме Л. Ноэлю: «нас удовлетворило бы положение, при котором польский штаб, если только он не пожелает взять на себя больших обязательств, о чем мы его в данный момент не просим, согласился, хотя бы молчаливо, оказать полное доверие генералу Думенку для разработки совместно с русскими программы сотрудничества, весьма ограниченного географически, которая Вам будет изложена. Если поляки не пойдут на это минимальное предложение, то они сорвут наше соглашение с русскими, что сразу же привело бы к таким последствиям, всю серьезность которых как для них, так и для нас, являющихся их гарантами,

¹⁸ Документы и материалы... С. 144–146.

¹⁹ Там же. С. 160.

²⁰ Там же. С. 145–146.

они могут себе представить»²¹. Но 19 августа начальник генштаба Польши генерал В.Т. Стахевич в беседах с французским и английским военными атташе окончательно отказался от всех вышеуказанных просьб и снова повторил: «завещанная Пилсудским догма, основанная на соображениях исторического и географического порядка, запрещает даже рассматривать вопрос о вступлении иностранных войск на польскую территорию. Только во время военных действий это правило может подвергаться смягчению»²². Одновременно в варшавских переговорах, несмотря на то, что англичане и французы поддерживали позицию СССР о временном использовании территории Польши (восточной Малой Польши, Сувалок, Поморья) в целях непосредственных боев с германской армией, Ю. Бек также отклонил все возможности обсуждения военных вопросов с СССР напрямую или же через делегацию Франции и Англии по причине «отсутствия военных договоров» с СССР и «нежелания» заключения военного договора с русскими²³.

В результате пассивной реакции Польши в ходе франко-польских переговоров 18 августа Э. Даладьё в разговоре с послом США во Франции У. Буллитом заявил, что считает величайшей глупостью со стороны поляков отвергать русское предложение о действенной военной помощи. Э. Даладьё утверждал, что, если бы германские войска напали на Польшу, то Польша должна была быть рада получить помощь от любого государства. Согласно Э. Даладьё, франко-британский альянс направил бы две французские дивизии и одну английскую в Польшу «на помощь», но в дело «международной помощи» необходимо было вовлечь и СССР, в том числе советские сухопутные силы, военные самолеты и танки. Иначе, без участия СССР, Э. Даладьё «не пошлет ни одного французского крестьянина защищать Польшу»²⁴.

Тем не менее, Э. Даладьё предпринял последнюю попытку уговорить Ю. Лукасевича в форме «ультиматума», чтобы тот срочно уведомил польское правительство о необходимости положительного решения вопроса в течение двух дней (иначе Э. Даладьё приказал бы Ж. Думенку подписать военную конвенцию с К.Е. Ворошиловым).

²¹ Документы и материалы... С. 160.

²² Там же. С. 162.

²³ Там же. С. 162–163.

²⁴ Там же. С. 161–162.

21 августа Э. Даладье принял Ю. Лукасевича в парламенте и сообщил ему, что «проход русских войск через Виленский коридор может быть поставлен под контроль франко-британской военной миссии, которая может немедленно выехать в Варшаву и оттуда наблюдать, чтобы этот проход действительно не был ничем иным как проходом и чтобы русская армия – вопреки опасениям польского правительства – не находилась в Виленской области и восточных провинциях с иной целью, кроме как оказания помощи Польше в случае германской агрессии <...> положение представляется мен настолько серьезным, что если мы оба полны решимости помешать войне, необходимо заключить этот военный пакт, который является единственной ощутимой реальностью, могущей запугать Гитлера и вынудить к отступлению»²⁵.

22 августа (т.е. накануне заключения германо-советского договора о ненападении) в варшавских переговорах франко-английская делегация сделала еще одну попытку убедить Польшу согласиться принять условие о проходе Красной Армии через польскую территорию для отражения германской агрессии. При этом Л. Ноэль говорил: «если русская реакция будет неблагоприятной, как Польша, возможно, ожидает, ответственность за срыв московских переговоров, которую в противном случае будет нести Польша, целиком ляжет на Россию; в то же время, если она будет благоприятной, может оказаться возможным ограничить рамки германо-русского соглашения и сделать его совместимым с русскими обязательствами в отношении Франции и Великобритании. <...> Франция дала Польше свои гарантии и оказывает ей финансовую и материальную помощь. Поэтому Франция считает, что она имеет право просить Польшу об этой жертве, в которой заключена последняя надежда на сохранение мира». Л. Ноэль еще раз предупредил, чтобы Польша «взвесила бы все последствия своего отказа»²⁶.

В тот же день (22 августа) в Москве генерал Ж. Думенк лично запросил переговоры с маршалом К.Е. Ворошиловым, чтобы предпринять последнюю попытку договориться с Советским Союзом по заключению отдельного военного договора или, в крайнем случае,

²⁵ Документы и материалы... С. 166.

²⁶ Там же. С. 176.

косвенно узнать позицию СССР по отношениям с Францией и действенности франко-советского пакта о взаимопомощи от 1935 г. в случае заключения какого-либо пакта с гитлеровской Германией²⁷. Ж. Думенк даже «обещал» К.Е. Ворошилову, что «сейчас нам понадобится 3–4 дня, чтобы подписать военную конвенцию. Положение достаточно ясное. То изложение, которое было сделано Шапошниковым, является прекрасной базой для выработки конвенции. Со своей стороны я готов подписать основные предложения, сделанные Шапошниковым»²⁸. Однако К.Е. Ворошилов недвусмысленно отказал Ж. Думенку, так как ключевой проблемой в переговорах являлось нежелание Великобритании и Франции принять участие в войне или общей стратегической операции. К.Е. Ворошилов говорил: «<...> виноваты в этом французская и английская стороны. Вопрос о военном сотрудничестве с французами у нас стоит уже в течение ряда лет, но так и не получил своего разрешения. В прошлом году, когда Чехословакия гибла, мы ожидали сигнала от Франции, наша войска были наготове, но так и не дождались <...> Если бы французская и английская миссии прибыли со всеми конкретными и ясными предложениями, я убежден, что за какие-нибудь 5–6 дней можно было бы закончить всю работу и подписать военную конвенцию <...> если бы поляки дали положительный ответ, то они потребовали бы своего участия в наших переговорах, поскольку этого нет, значит, они не в курсе или не согласны <...> Мы на бесполезную работу не можем тратить времени. Когда будет внесена полная ясность и будут получены все ответы, тогда будем работать <...>»²⁹.

Советский Союз не отказался от возобновления переговоров с Францией и Великобританией при условии полного разрешения «законного прохода своих войск» через Польшу и Румынию, но Ж. Думенку и Э. Даладьё было ясно, что непреодолимой проблемой являлась неготовность и нежелание участия в какой-либо оборонительной войне. Иными словами, в условиях полного тупика московских переговоров Франция, опасаясь внезапного нападения гитлеровской Германии в случае конфликта с немцами по «вопросу

²⁷ Документы и материалы... С. 172–175.

²⁸ Там же. С. 173–174.

²⁹ Там же. С. 174–175.

Данцига» и отсутствия военной поддержки от СССР, была вынуждена в отдельных переговорах с поляками признать необходимость «прохода советских войск через территорию Польши и Румынии» в наступательных боях с вермахтом и неоднократно подтверждала, что Польша должна осознать свою ответственность в сложных и опасных международных отношениях и принять вышеуказанные условия Советского Союза во избежание провала московской военной конференции и связанных с этим негативных последствий.

На базе данного исследования можно сделать следующие выводы. Вопросы, связанные с проходом РККА через Виленский коридор и Галицию, являлись общеизвестной военной аксиомой для СССР³⁰ и западных держав³¹. Несмотря на поверхностную разницу внешне-политических тактик между военными миссиями Франции и Великобритании³², Франция, как и в апреле 1938 – июле 1939 гг., не была готова ни вступить в войну против германской агрессии, ни нести ответственность за оказание военной помощи СССР³³. С момента заключения мюнхенского договора действия Франции и подписание франко-германской декларации 6 декабря 1938 г.³⁴ фактически укрепляли свободу маневра гитлеровской Германии до конца августа – начала сентября 1939 г. Тем не менее, Франции нужны были формальный пакт с СССР от 1935 г. и иллюзия продолжающихся

³⁰ См. Российский государственный архив современной политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 220. Л. 49–65.

³¹ См.: Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 1. London, 1949. P. 161–165, 172–173; National Archives (NA). War Office 106/5860. MO 1 (a). No. 26. F. 16–17.

³² См.: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.): док-ты и мат-лы. М., 1971. С. 494–499; NA. War Office 106/5860. MO 1 (a). No. 26. F. 16–17.

³³ См.: Архив внешней политики Российской федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 18. Д. 27. Л. 109–110; Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2 т. М., 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. С. 382–383, 535; Жуков Ю.Н. Сталин... С. 40–43; Рыжиков В.А. Советско-английские отношения 1917–1977 гг. М., 1977. С. 22–23. Рыжиков В.А. Советско-английские отношения: основные этапы истории. М., 1987. С. 68–69.

³⁴ Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939 гг. М., 1979. С. 197–198; Жуков Ю.Н. Сталин... С. 23; АВП РФ. Ф. 69, Оп. 26. Д. 17. Л. 8–12.

переговоров, чтобы помешать стратегическим замыслам А. Гитлера за счет его возможных опасений о войне на два фронта.

По-видимому, так называемого «изменения» внешнеполитического курса Франции на самом деле не было. Э. Даладье, Ж. Боннэ и другие представители французских политических элит считали, что если переговоры с СССР будут сорваны, то Польша должна будет сама нести ответственность за катастрофические результаты провала англо-франко-советских переговоров и нападения Германии на нее. Таким образом, с помощью споров о проходе РККА на польскую территорию Франции удалось в дипломатической пропаганде переложить ответственность за развязывание германо-польской войны на СССР, Германию и Польшу.

Библиография

Арзаканян М.Ц. Советско-французские отношения накануне и в начале Второй мировой войны // Вопросы истории. 2021. № 11-2. С. 222–227.

Арзаканян М.Ц. Франция и СССР в 1939 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 3 (89). С. 25.

Война и политика 1939–1941 гг. / под ред. А.О. Чубарьян, Н.И. Егоров и др. М.: Наука, 2000. 495 с.

Год кризиса 1938–1939 гг. Документы и материалы: в 2 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. 554 с.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений, М.: Наука, 1973. Т. 7 (1939–1943 гг.) / под ред. И.А. Хренов. Т. Цесляк, Э. Басинский и др. 509 с.

Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939 гг. / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ЧССР. М.: Политиздат, 1979. 471 с.

Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти, М.: Вагриус, 2005. 721 с.

История дипломатии / под ред. А.А. Громыко, И.Н. Земсков, С.Ю. Выгодский и др. Т.3. М.: Политиздат, 1965. 832 с.

Куманёв Г.А. Проблемы военной истории отечества (1938–1945 гг.). М.: Собрание, 2007. 655 с.

Мартиросян А.Б. Накануне 23 августа 1939 г. М.: Вече, 2009. 317 с.

Матвеев В.А. Провал мюнхенской политики (1938–1939 гг.). М.: Госполитиздат, 1955. 264 с.

Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015. 618 с.

Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны. М.: изд. Эксмо-Алгоритм, 2003. 415 с.

Панкрашова М.Н., Сиполс В.Я. Почему не удалось предотвратить войну – Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. (Документальный обзор). М.: Изд-во агентства печати «Новости», 1970. 125 с.

Рыжиков В.А. Советско-английские отношения 1917–1977 гг. М.: Знание, 1977. 64 с.

Рыжиков В.А. Советско-английские отношения: основные этапы истории. М.: Международные отношения, 1987. 276 с.

Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1933–1935 гг. М.: Наука, 1980. 391 с.

Сиполс В.Я. Внешняя политика Советского Союза 1936–1939 гг. М.: Наука, 1987. 335 с.

Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии (1918–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1959. 224 с.

Сиполс В.Я. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919–1940 гг. Рига: Лиесма, 1968. 348 с.

СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.). Документы и материалы. / под ред. А.А. Громько, А.Н. Грылев, И.Н. Земсков и др. М.: Политиздат, 1971. 736 с.

Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.). М.: Наука, 2008. 477 с.

Bell P.M.H. The Origins of the Second World War in Europe. London; New York: Longman, 1987. X, 326 p.

Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 3. Vol. 1 / E.L. Woodward, R. Butler (eds.). London: Her Majesty's stationery office, 1949.

Fuller J.F.C. The Second World War 1939–1945. A Strategical and Tactical History. Kent: Eyre and Spottiswoode Ltd., 1948. 431 p.

Haines C.G., Hoffman R.J.S. The Origins and Background of the Second World War. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1943. 659 p.

Mowat C. Britain Between the Wars 1918–1940. London: Methuen, 1955. 694 p.

Roberts G. Stalin's Wars from World War to Cold War, 1939–1953. New Haven; London: Yale University Press, 2006. 468 p.

Rock W.R. British Appeasement in the 1930's. London: Edward Arnold (Publishers) Ltd., 1977. 111 p.

Taylor A.J.P. English History 1914–1945. New York; Oxford: Oxford and the Clarendon Press, 1965. 708 p.

Taylor A.J.P. The Origins of the Second World War. New York: Penguin Books, 1964. 357 p.

Topitsch E. Stalin's war. A Radical New Theory of the Origins of the Second World War / Translated by A. and B.E. Taylor. New York: St. Martin's Press, 1987. 152 p.

Vizulis I. The Molotov–Ribbentrop Pact of 1939. The Baltic Case. New York; Westport; London: Praeger, 1988. VI, 176 p.

Н.Д. Тихонов

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России*

Эволюция восточногерманской идентичности в первой половине 1970-х годов*

Статья посвящена проблеме изменения восточногерманской идентичности в начале 1970-х годов на фоне ряда внешне- и внутриполитических изменений. На основе конструктивистского подхода и анализа историографии и источников по данной теме выделены основные типы правил, конструируемых политической элитой ГДР, и прослежена их эволюция в первой половине 1970-х годов по сравнению с концом 1960-х годов. Сделан вывод о внутренней парадоксальности конструируемой в исследуемый период восточногерманской идентичности, что являлось следствием двух противоречивых тенденций: снижения конфликтности в отношениях с Западом и поддержания союзнических отношений со странами социалистического лагеря при потребности в формулировании уникальной восточногерманской самоидентификации в условиях сохранения разделения Германии.

Ключевые слова: ГДР, разрядка, установление отношений с ФРГ, Хонеккер, СЕПГ.

С началом 1970-х годов в международных отношениях наметился устойчивый курс на сохранение и углубление политики разрядки, затронувший в том числе и оба германских государства. С заключением в 1972 г. Основополагающего договора между ГДР и ФРГ происходит закрепление статуса-кво в германо-германских отношениях, разделение Германии на два государства признается обоими противостоящими блоками, так же как и возможность их мирного сосуществования. Одновременно происходят изменения и во внутренней политике ГДР – вместо Вальтера Ульбрихта, пытавшегося проводить достаточно самостоятельную как внешнюю, так и внутреннюю политику, к власти в Восточном Берлине при поддержке Москвы приходит

* Статья публикуется в авторском варианте.

Эрих Хонеккер. Новый лидер СЕПГ был более бюрократом, чем революционером, и полностью ориентировался во внешней, а во многом и во внутренней политике на позицию СССР, в отличие от своего предшественника, проявлявшего в отдельных ситуациях собственную инициативу. В этих условиях происходят постепенные изменения в конструируемом политической элитой ГДР нарративе о составляющих восточногерманской идентичности.

В уже объединенной Германии даже через 30 лет после падения Берлинской стены сохраняются различия между Востоком и Западом в экономике, политике и социальной сфере. Различается реакция восточных и западных немцев на ключевые для страны события, будь то миграционный кризис 2015 г. или пандемия коронавируса. Традиционные для Западной Германии центристские политические партии не всегда пользуются популярностью на Востоке, где, напротив, достаточно уверенно себя чувствуют себя «Левая» или «Альтернатива для Германии». В этом свете исследование особого пути Востока Германии во второй половине XX века, конструируемой в это время ее правящими элитами идентичности представляется актуальным, так как в перспективе позволяет лучше анализировать развитие Германии в наши дни.

Методологической основой анализа является концепция конструктивизма правил, разработанная Николасом Онуфом, в рамках которой выделяются три типа правил: репрезентативы, задающие социальные правила определенного объединения, директивы, выражающие требования к служащим в рамках данного объединения, и комиссивы, или правила участия (также правила морального поведения), определяющие дальнейшее поведение всех участников данного объединения¹, а также распределяющие роли союзника, конкурента или врага². Данная методологическая рамка представляется автору наиболее подходящей для исследования, поскольку ключевым вопросом для концепции Николаса Онуфа является вопрос об идентичности³.

¹ Азизов У.Б. Конструктивизм в международных отношениях: интерпретация Николаса Онуфа, Фридриха Кратохвила и Александра Вендта. Санкт-Петербург, 2015. С. 51.

² Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. Москва, 2019. С. 584.

³ Там же. С. 583.

История ГДР в целом и проблема изменения внешней и внутренней политики ГДР на рубеже 1960-х и 1970-х годов в частности подробно освещена в историографии как отечественной, например, в работах Н.В. Павлова⁴, В.В. Нефедова⁵, А.М. Бетмакаева⁶ и А.Ю. Ватлина⁷, так и в зарубежной, в работах таких авторов, как У. Мелерт⁸, К. Эпстейн⁹ и К. Шредер¹⁰. Отдельно стоит выделить наличие ряда исследований, например, М. Кайзера¹¹ и Т. Кунце¹², посвященных конкретно внутривластной борьбе в ГДР на рубеже десятилетий и смене «поколения Ульбрихта» «поколением Хонеккера» в руководстве СЕПГ. Принципиальной научной новизной данного исследования является анализ поставленной проблемы через призму конструктивистского подхода Николаса Онуфа. Методом данной работы является анализ источников, работ отечественных и зарубежных ученых по исследуемой теме. При подборе источников акцент был сделан на сравнении друг с другом двух редакций Конституции ГДР от 1968 г. и от 1974 г., а также задокументированных позиций лидеров Восточной Германии исследуемого периода, Вальтера Ульбрихта и Эриха Хонеккера, по ключевым вопросам внутренней и внешней политики. Данные два типа исторических источников наиболее рельефно отражают констру-

⁴ Павлов Н.В. Внешняя политика ГДР (1949–1990) [Электронный ресурс] // MGIMO.ru. 2012. Февраль. URL: https://mgimo.ru/upload/docs_6/павлов.pdf (дата обращения: 03.06.2023)

⁵ Нефедов В.В. Культурная политика СЕПГ по пропаганде достижений СССР в ГДР и роль СМИ в культуре Восточной Германии в 70-е годы // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 537–540.

⁶ Бетмакаев А.М. Вальтер Ульбрихт: от «руководителя партии» к «руководителю государства». Особенности статусной революции в системе власти ГДР // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. Москва, 2006. С. 97–103.

⁷ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. Москва-Берлин, 2014.

⁸ Mähler U. Kleine Geschichte der DDR. München, 1998.

⁹ Epstein C. The Last Revolutionaries: German Communists and Their Century. Cambridge, 2003.

¹⁰ Schroeder K. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft. 1949–1990. München, 2000.

¹¹ Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht zu Honecker: Funktionmechanismen der SPD-Diktatur in Konfliktsituationen 1962 bis 1972. Berlin, 1997.

¹² Кунце Т. Эрих Хонеккер: взлет и падение бюрократа от власти // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы. Москва, 2006. С. 103–107.

ируемую СЕПГ восточногерманскую идентичность в конце 1960-х – начале 1970-х годов, а также позволяют проследить ее эволюцию.

Для анализа изменений восточногерманской идентичности в 1970-х годах необходимо, в первую очередь, проанализировать ее составляющие, то есть те транслируемые политической элитой ГДР «правила», которые сложились к 1971 г. – концу правления Вальтера Ульбрихта. Наиболее концентрированно они были выражены в новой Конституции ГДР, принятой в 1968 г., в которую, что характерно, были внесены правки вскоре после прихода к власти Э. Хонеккера и предпринятой им корректировки внешней политики ГДР с учетом результатов разрядки. С точки зрения репрезентативного типа правил восточногерманская политическая элита конца 1970-х позиционировала ГДР как «социалистическое государство немецкой нации». Хотя факт «двогосударственности» немцев после Второй мировой войны и признавался, но при этом в 8-й статье указывалось, что «Германская демократическая республика и ее граждане стремятся к преодолению навязанного немецкой нации со стороны империализма раскола Германии»¹³, поэтому ГДР на конституционном уровне позиционировала себя как силу, противостоящую империализму и капитализму.

В конструировании репрезентативных правил этого периода истории ГДР важна и личная роль Вальтера Ульбрихта, выступавшего с рядом теоретических новаций, которые расходились в некоторых деталях с позицией КПСС относительно сложившейся в Восточной Германии общественно-экономической формации. Так, в 1967 г. Ульбрихт выдвинул тезис о построении в Восточной Германии «бесклассового общества» и «развитого социализма», что воспринималось в Москве как протест против закрепления за СССР роли лидера социального прогресса¹⁴. Независимость Ульбрихта в конструировании «рамки» восточногерманской идентичности проявлялась еще сильнее в предпринятых им попытках реформирования социализма в ГДР¹⁵. Директивные правила, то есть определенная система

¹³ Павлов Н.В. Внешняя политика ГДР...

¹⁴ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке... С. 317.

¹⁵ Epstein C. The Last Revolutionaries... P. 181–182.

рангов в заданной рамке идентичности, к концу правления В. Ульбрихта определялись приматом партии над государством, статус «руководителя партии» был выше, чем статус «руководителя государства»¹⁶. В отличие от репрезентативных правил, где Ульбрихт позволял себя отходить от генеральной линии ЦК КПСС, в области распределения служебных полномочий в ГДР авторитет СССР оставался непреерекаем, в ключевых вопросах принципиального расхождения между Москвой и Восточным Берлином все же не было, непонимание наблюдалось лишь в деталях¹⁷. Это, в частности, и привело к тому, что вопрос отставки Ульбрихта и прихода к власти Э. Хонеккера окончательно решился в ходе его беседы с Л.И. Брежневым на XXIV съезде КПСС¹⁸.

Наконец, правила-комиссивы, определяющие поведение восточных немцев по отношению друг к другу и к внешним акторам, имели четкую антизападную и антикапиталистическую окраску при подчеркнуто дружеском и союзническом отношении к СССР, социалистическим странам и антиимпериалистическим движениям во всем мире. В преамбуле принятой в 1968 г. Конституции ГДР содержалось обвинение США и «западногерманского монополистического капитала» в разделении Германии на два государства¹⁹. Распределение роли «врага» для западного влияния распространялось не только на внешнюю политику, но и на внутреннюю: с 1965 г. в руководстве СЕПГ критиковалась молодежная культура Запада как подрывающая «социалистическую мораль», в силу чего негативно оценивалось ее существование²⁰. Одновременно с этим к концу правления Ульбрихта относится и начало нормализации германо-германских отношений в виде обмена визитами канцлера ФРГ Вилли Брандта и председателя Совета Министров ГДР Вилли Штофа в 1970 г., в то время как курс на объединение Германии в партийной пропаганде уступает идее

¹⁶ Бетмакаев А.М. Вальтер Ульбрихт... С. 102.

¹⁷ Schroeder K. Der SED-Staat... S. 207–208.

¹⁸ Павлов Н.В. Внешняя политика ГДР...

¹⁹ Verfassungen der Deutschen Demokratischen Republik (1949–1990) [Электронный ресурс] URL: <https://www.verfassungen.de/ddr/verf68-i.htm> (дата обращения: 03.06.2023)

²⁰ Mählert U. Kleine Geschichte der... S. 73.

о мирном сосуществовании двух германских государств²¹. Однако на доктринальном уровне зафиксировать эту смену роли Бонна по отношению к Восточному Берлину в полной мере предстояло уже следующему поколению лидеров Восточной Германии.

С распространением политики «разрядки» на германо-германские отношения, что выразилось в заключении основополагающего договора между ГДР и ФРГ в 1972 г., вступлении обоих германских государств в ООН в 1973 г. и принятии поправок в Конституцию ГДР в 1974 г., конструируемая СЕПГ восточногерманская идентичность постепенно меняет свои черты. Новые репрезентативные правила формулируются так, что ГДР больше не претендует на включение в рамку восточногерманской идентичности всей немецкой нации, ограничивая свою самоидентификацию «социалистическим государством рабочих и крестьян»²². Таким образом, Восточный Берлин после неудачных попыток Ульбрихта²³ более не претендует на инициативу в решении германского вопроса, уступая место Бонну и Москве.

Другим фактором, оказавшим влияние на смягчение критики Западной Германии в официальном нарративе, является растущая зависимость экономики ГДР от западных кредитов, необходимых для обеспечения «повышения материального и культурного уровня жизни нации», что было заявлено Э. Хонеккером в июне 1971 г. как главная задача партии²⁴. При этом во внутренней политике ГДР, на первый взгляд, появляется даже больше самостоятельности, так как новое поколение руководства СЕПГ осознается внутри страны в полной мере продуктом внутригерманского развития, а не выходцами из Коминтерна²⁵. Приход Хонеккера к власти даже способствовал появлению в обществе надежд на перемены, которые отчасти действительно были воплощены в жизнь, но только там, где это не затрагивало основ власти СЕПГ²⁶. Поэтому с точки зрения директивных правил, то есть системы распределения рангов среди служащих, эпоха

²¹ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке... С. 314.

²² Конституции социалистических государств: сб. в 2 т. Москва, 1987. Т. 1. С. 239.

²³ Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht... S. 320.

²⁴ Кунце Т. Эрих Хонеккер... С. 104.

²⁵ Ватлин А.Ю. Германия в XX... С. 320.

²⁶ Там же. С. 403.

Хонеккера в наименьшей степени отличается от периода правления Ульбрихта: при нем сохраняется ведущая роль партии и продолжает постулироваться ориентация на СССР. Так, вплоть до середины 1980-х годов Хонеккер не подвергал сомнению «руководящую роль» КПСС и не отказывался от особого пути для ГДР²⁷.

Наибольшим изменениям в начале 1970-х годов подверглись правила-комиссивы. Руководство СЕПГ в конструируемом им дискурсе более не акцентировало роль ФРГ как врага, что противоречило бы взятому в Москве и поддерживаемому в рамках новой восточной политики В. Брандта курсу на разрядку в международных отношениях в целом и германо-германских в частности. Однако вместо роли врага Бонн не получает в процессе изменения восточногерманской идентичности какой-либо иной роли, например, «друга» или хотя бы «соперника». Вопрос германо-германских отношений во многом остается нерешенным в рамках изменяемой в начале 1970-х годов восточногерманской идентичности, хотя долгосрочное разделение немецкого народа на два государства становится все более очевидным. В этих условиях происходит размежевание с национальным историческим прошлым, что компенсируется тесными связями с СССР и социалистическими странами²⁸.

Перемены могут быть объяснены особенностями сложившейся к тому моменту внешнеполитической конъюнктуры. С одной стороны, после нормализации отношений с ФРГ и в целом с капиталистическими странами, от кредитов которых зависела экономика ГДР, а также в условиях продолжающейся и, что самое главное, поддерживаемой Москвой политики разрядки демонстративная критика Запада на конституционном уровне, возможная в конце 1960-х годов, уже не была столь актуальной. С другой стороны, очевидным становится долгосрочный характер разделения Германии на два государства, что означает еще большую, чем ранее, потребность в конструировании уникальной восточногерманской идентичности, для чего особое значение придается идее социалистического интернационализма

²⁷ Кунце Т. Эрих Хонеккер... С. 105.

²⁸ Павлов Н.В. Внешняя политика ГДР...

и в особенности «тесного братского союза»²⁹ с СССР. Большое значение руководство ГДР придавало пропаганде достижений СССР в СМИ, что должно было способствовать укреплению устоев «немецкого варианта социализма»³⁰. Реальность, однако, резко контрастировала с формируемым в СМИ образом СССР. Так, нахождение в стране значительного контингента советских войск вело к раздражению восточногерманского населения, а распродажа советскими солдатами жителям Восточной Германии горячего «не помогала формированию образа Советского Союза как передовой страны мира»³¹. Подобное расхождение действительности и проецируемой в СМИ картины само по себе могло и не быть критичным, так как наблюдалось восточными немцами еще с 1950-х годов. Проблема состояла в ставке руководства СЕПГ на дружбу и союз с СССР как на ключевое обоснование уникальности и истинности восточногерманского пути развития. В условиях самоустранения Восточного Берлина от формулирования позитивной повестки в германо-германских отношениях при одновременном снижении градуса критики Бонна и Вашингтона в официальном дискурсе именно включенность в социалистическое содружество становилась ключевым компонентом официального нарратива, призванного обосновать правильность как внешне-, так и внутриполитического курса ГДР.

Можно сделать вывод, что восточногерманская идентичность к началу 1970-х годов стала во многом парадоксальной в силу сочетания в ней последствий двух противостоящих друг другу тенденций: как объективной потребности подчеркнуть особый исторический путь ГДР в условиях закрепления разделения Германии на два государства с различными социально-экономическими и политическими системами, так и субъективной необходимости для нового поколения лидеров ГДР после отставки представителя «старой гвардии» Вальтера Ульбрихта оставаться в фарватере внешней политики Советского Союза, от чего зависело сохранение власти в партии и государстве. Последнее означало как отказ от каких-либо экспериментов с рефор-

²⁹ Конституции социалистических государств... С. 241.

³⁰ Нефедов В.В. Культурная политика СЕПГ... С. 537.

³¹ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке... С. 316.

мированием социализма с учетом восточногерманской специфики, так и утрату инициативы в вопросе решения германского вопроса. Конструирование восточногерманской идентичности через противостояние с империализмом и капитализмом, возможное еще в Конституции ГДР от 1968 г., также оказывается ограниченным из-за, в первую очередь, экономической потребности в нормализации отношений с ФРГ и капиталистическим миром в целом. Проблема отсутствия у ГДР внутренне непротиворечивой, устойчивой национальной идентичности не была столь заметна в течение 1970-х годов, когда уровень жизни населения все же демонстрировал устойчивый рост, но по мере снижения темпов экономического развития становилась все более очевидной, особенно после начала перестройки в СССР и требований из Москвы о проведении руководством ГДР реформ по образцу советских.

Библиография

Азизов У.Б. Конструктивизм в международных отношениях. СПб.: Алетейя, 2015. 160 с.

Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. 608 с.

Бетмакаев А.М. Вальтер Ульбрихт: от «руководителя партии» к «руководителю государства». Особенности статусной революции в системе власти ГДР // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.). М.: Директ-Медиа Пабблишинг, 2006. С. 97–103.

Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 477 с.

Конституции социалистических государств: сб. в 2 т. / редкол.: Б.А. Страшун, Б.Н. Топорнин, Г.Х. Шахназаров; вступ. ст. И.П. Ильинского. М.: Юридическая литература, 1987. Т. 1: СССР, НСРА, НРБ, ВНР, СРВ, ГДР, КНР, КНДР. 334 с.

Кунце Т. Эрих Хонеккер: взлет и падение бюрократа от власти // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков

(Москва, 28–30 октября 2005 г.) / под ред. Б. Бонвеча и А.Ю. Ватлина. Москва: ДиректМедиа Паблишинг, 2006. С. 103–107.

Нефёдов В.В. Культурная политика СЕПГ по пропаганде достижений СССР в ГДР и роль СМИ в культуре Восточной Германии в 70-е годы // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 537–540.

Павлов Н.В. Внешняя политика ГДР (1949–1990) [Электронный ресурс] // MGIMO.ru. 2012. Февраль. URL: https://mgimo.ru/upload/docs_6/павлов.pdf (дата обращения: 03.06.2023).

Epstein C. The Last Revolutionaries: German Communists and Their Century. Cambridge: Harvard University Press, 2003. 322 p.

Kaiser M. Machtwechsel von Ulbricht zu Honecker: Funktionmechanismen der SPD-Diktatur in Konfliktsituationen 1962 bis 1972. Berlin: Akademie Verlag, 1997. 480 s.

Mählert U. Kleine Geschichte der DDR. München: C. H. Beck Verlag, 1998. 208 s.

Schroeder K. Der SED-Staat. Partei, Staat und Gesellschaft. 1949—1990. München: Propyläen Taschenbuch, 2000. 782 s.

Verfassungen der Deutschen Demokratischen Republik (1949–1990) [Электронный ресурс] URL: <https://www.verfassungen.de/ddr/verf68-i.htm> (дата обращения: 03.06.2023).

Н.С. Мищенко

Вятский государственный университет (Киров)

**Когда Запад не был «коллективным»:
учет советского фактора в планировании внешней
политики США и Франции в конце 1970-х годов**

В настоящей статье курс США в отношении СССР в конце 1970-х годов сопоставляется с политикой Франции, которая имела большое влияние в Европе, но занимала обособленную позицию в НАТО. Такое сравнение показательно для выяснения степени согласованности внешнеполитических курсов государств Запада в части принятия совместных решений в отношении СССР. Обосновывается вывод, что советский фактор вносил разногласия в франко-американские отношения. Франция выражала озабоченность в связи с политикой СССР в области прав человека и протестовала против модернизации советского ракетно-ядерного комплекса, но реагировала не так остро, как США, желая сохранить разрядку. США не были заинтересованы в сохранении этой политики, так как рассматривали разрядку лишь как передышку в конфронтации с СССР и были нацелены на победу в Холодной войне.

Ключевые слова: разрядка международной напряженности, советский фактор, США, Франция, Холодная война, Дж. Картер, В. Жискард д'Эстен.

Разрядку международной напряженности часто определяют как снижение уровня враждебности, которое наступает после фазы напряженности между соперничающими державами. Однако сама разрядка не была цельным процессом; в Европе она началась раньше (1960-е годы) и сосредоточилась на проблемах безопасности и сотрудничества. В США условия для разрядки сложились лишь к концу 1960-х годов, и сама политика понималась как передышка перед новым витком конфронтации.

В настоящем исследовании сравниваются внешнеполитические программы США и их союзника – Франции, – для того, чтобы выявить степень самостоятельности одной из ведущих европейских

держав, раньше США вступившей на путь разрядки и к концу 1970-х гг. достигшей существенного прогресса в развитии добрососедских отношений с государствами Восточной Европы, включая Советский Союз.

В современных условиях важно располагать максимально полными и точными знаниями об опыте взаимодействия США и их европейских союзников в выработке политики в отношении СССР / России на разных этапах развития международных отношений. Одной из актуальных проблем современной исторической науки является установление взаимосвязи между глобальными процессами и конкретными формами политического взаимодействия государств в переходные периоды истории. Одним из таких периодов является конец 1970-х гг., характеризующийся окончанием разрядки международной напряженности и началом завершающей фазы Холодной войны. Кроме того, заслуживает внимания и сам феномен разрядки, позволяющий понять, всегда ли Запад был коллективным в отношении СССР.

В подходах Франции и США к разрядке изначально присутствовали различия, отражавшие принципиальные расхождения между двумя стратегиями – атлантизмом и европеизмом. Франция не выступала за сдерживание СССР на глобальном уровне, но опасалась снижения решимости США отстаивать общие интересы Запада¹. США придерживались концепции сочетания дозирования силового давления и сотрудничества, а Франция полагалась на то, что сближение Востока и Запада обеспечит укрепление взаимосвязей в мире, приведет к повсеместной демократизации и обеспечит стабильность. Президент Франции Ж. Помпиду 6 октября 1970 г. заявил, что «все народы стремятся к установлению дружественных и мирных отношений, каковы бы ни были различия экономических систем»². Французский подход к разрядке был более рациональным, чем американский.

В историографии имеется немало работ отечественных и зарубежных исследователей, посвященных разрядке международной напря-

¹ Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами. М., 2016. С. 19.

² Там же. С. 19.

женности, внешней политике США и Франции и Холодной войне в целом. Их авторы (В.И. Батюк, В.А. Кременюк, А.С. Манькин, В.О. Печатнов, М.Ф. Полюнов, В.Т. Юнгблюд, О. Банге, Р. Гартхоф, Дж. Гэдис, К. Нельсон, У. Леффлер, Ю. Хэнхимеки, О.А. Вестад, В. Лот)³ и ряд других, как правило, останавливаются на проблемах контроля за вооружениями, общеевропейской безопасности, внешней торговли и соперничества сверхдержав в третьем мире. Вне фокуса исследования обычно остается ситуация внутри соперничавших систем и блоков, подробно не анализируются обстоятельства согласования союзниками общего курса в отношении своего главного противника. Например, в монографии американского историка и дипломата Р.Л. Гартхофа⁴ освещено развитие американско-советских отношений с 1969 по 1980 гг., показано, как различия в идеологии, внешнеполитических целях и национально-государственных интересах определяли политику США и СССР. В статье французского историка Ф. Бозо⁵ предпринята попытка определить победителей в Холодной войне, а также рассмотрены усилия Франции по преодолению Холодной войны. В статье французского исследователя Л. Кумеля⁶ освещена политика французского президента Ф. Миттерана в отношении СССР и изучены причины данной политики. В статье В.Т. Юнгблюда рассмотрены феномен разрядки международной

³ *Батюк И.В.* Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории. М., 2018; *Кременюк В.А.* Уроки холодной войны. Москва, 2015; *Печатнов В.О.* Как иначе могла закончиться холодная война? // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков: 1985–1991. М., 2021; *Печатнов В.О.* Soviet-American Relations Through the Cold War // История и политика. М., 2022; *Печатнов В.О., Манькин А.С.* История внешней политики США. М., 2012; *Hanhimaki J.* The rise and Fall of Détente: American Foreign Policy and the Transformation of the Cold War. Washington, D.C., 2013; *Loth W.* Overcoming the Cold War: A History of Détente, 1950–1991. New York, 2002; *The Long Détente: Changing Concepts of Security and Cooperation in Europe, 1950s – 1980s.* Budapest; New York, 2017; *Westad O.A.* The Cold War: A World History. New York, 2017.

⁴ *Garthoff R.L.* Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington, 1985.

⁵ *Bozo F.* “Winners” and “Losers”: France, the United States, and the End of the Cold War. 2009. Vol. 33, Iss. 5. P. 927–956.

⁶ *Coumel L.* François Mitterrand et l'URSS // Matériaux Pour l'histoire de Notre Temps. 2011. № 101–102. P. 32–34.

напряженности и ее структура. Несмотря на большое количество работ по истории Холодной войны и международным отношениям в 1970-е годы, роль советского фактора при координации внешней политики США и Франции в конце 1970-х годов предметом самостоятельного исследования не становилась.

Президент Франции В. Жискара Д'Эстен проводил политическую линию, которая подчеркивала преемственность с курсом его предшественников Ш. Де Голля и Ж. Помпиду, много сделавших для развития сотрудничества с СССР. Он продолжил курс на углубление франко-советского диалога, но его политика провоцировала упреки со стороны французских правых и вызывала раздражение Вашингтона⁷.

Президент Франции был политическим реалистом и критиковал американского президента Дж. Картера за чрезмерную напористость во внесении вопроса о правах человека в международную повестку. Его главное возражение против позиции американского лидера сводилось к тому, что его частые и бескомпромиссные обвинения СССР в преследовании диссидентов ставили под угрозу процесс разрядки. В интервью в июле 1977 г. (вскоре после визита Л.И. Брежнева в Париж в июне 1977 г.) он охарактеризовал разрядку в отношениях между Москвой и Вашингтоном как единственную разумную альтернативу эскалации гонки вооружений. Французский президент подчеркивал, что не верит, что разрядка – это уловка СССР, направленная на то, чтобы усыпить Запад ложным чувством безопасности, пока они добиваются глобального военного превосходства и мирового господства⁸. Цели, по мнению Жискара Д'Эстена, у Москвы были не воинственными и конструктивными: ограничение, а затем и полное прекращение гонки ядерных вооружений на основе паритета; признание существования свободных от идеологии конкретных областей, перспективных для развития взаимовыгодного экономического, политического и культурного сотрудничества⁹.

⁷ *Vedrine H. Une Amitié Constante Mais Sans Abandons* [Электронный ресурс] URL: <http://www.mitterrand.org/Une-amitie-constante-mais-sans.html> (дата обращения: 20.05.2023).

⁸ *Lane R.L. The Foreign Policies of the Fifth Republic: A Study in Presidential Styles*. 1981 [Электронный ресурс] URL: <https://scholarworks.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4248&context=etd> (дата обращения: 15.05.2023).

⁹ *Ibid.*

Стратегия США в отношении разрядки была, по сравнению с французской, менее последовательной. Тем не менее, к концу 1960-х годов сложились условия для возобновления переговоров, в гонке вооружений наметился паритет. В Вашингтоне и в Москве понимали, что для смещения баланса сил в свою сторону придется начать новый ее виток, для которого потребуются колоссальные затраты без малейших гарантий на достижение превосходства. Обе стороны в это время испытывали внутренние экономические трудности и нуждались в стабилизации отношений, передышке, которую можно было бы использовать для модернизации экономики. Обострение китайско-советского раскола также делало курс на улучшение отношений с Соединенными Штатами более привлекательным для СССР. Кроме того, США в это время искали наименее болезненный способ завершить войну во Вьетнаме и рассчитывали на помощь СССР в этом деле¹⁰. Поскольку обе стороны были готовы двигаться навстречу друг другу, в начале 1970-х годов наметилось потепление в их отношениях, что способствовало прогрессу в переговорах по контролю вооружений и включению в дипломатическую повестку вопросов торговли, научного сотрудничества и технологического обмена.

Наиболее значимые достижения разрядки пришлось на период 1972–1975 гг. В мае 1972 г. на саммите в Москве был подведен итог первого раунда переговоров по ограничению стратегических вооружений, завершившихся подписанием ОСВ-1. Не менее важным достижением стал также Договор о противоракетной обороне. За этим последовало подписание значительного пакета соглашений о сотрудничестве в сфере торговли, науки, технологий и культурных обменов¹¹. В середине десятилетия, в 1975 г., Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе завершила двухлетние интенсивные переговоры по подписанию Хельсинкского заключительного акта, в котором признавались политические границы, устанавливались

¹⁰ *Vedrine H. Une Amitié Constante Mais Sans Abandons...*

¹¹ *Юнгблуд В.Т. Разрядка в советско-американских отношениях: научно-технологический срез проблемы // Вестник гуманитарного образования. № 4 (28), 2022. С. 57*

меры укрепления доверия в военной области, создавались возможности для расширения культурных связей и защиты прав человека¹².

Однако американский взгляд на разрядку существенно отличался от французского. Выступая в Американской торговой палате в Токио 28 мая 1975 г., Картер заявил, что американский народ поддерживает продолжение политики разрядки с Советским Союзом и Китаем, но не за счет тесного сотрудничества и консультаций с друзьями и союзниками США¹³. Это означало, что в случае его прихода в Белый дом разрядка в отношениях с СССР не будет его приоритетом, поскольку во главу угла будет поставлено укрепление отношений с союзниками. Картер критически высказался в адрес республиканских администраций Р. Никсона и Дж. Форда и указал на недопустимость акцентированного сближения с «потенциальными противниками» (т. е. СССР и социалистическими странами. Авт.) и легковесного отношения к интересам и потребностям союзников. В заключение он подчеркнул, что разрядка должна осуществляться на взаимовыгодной основе посредством серии продолжительных, взвешенных и открытых дискуссий между всеми заинтересованными участниками, а не путем секретных соглашений между двумя или тремя национальными лидерами. Однако сама политика разрядки не отрицалась.

В том же выступлении Картер наметил «новые подходы» к внешней политике США, которые, по сути, являлись стартовым проектом внешнеполитической части его предвыборной программы. Существенных новаций в них не было, однако заслуживает внимания сам перечень «новых подходов» и их очередность. Будущий президент заявлял: США должны направить усилия на прекращение продолжающегося распространения атомного оружия по всему миру, которое является столь же бессмысленной тратой драгоценных ресурсов, сколь и смертельной опасностью для человечества; США должны играть активную и конструктивную роль в разрешении локальных конфликтов, которые могут привести к серьезным столкновениям; США должны проявлять интерес к правам человека и гуманитарным

¹² Détente and Arms Control, 1969–1979 [Электронный ресурс] URL: <https://history.state.gov/milestones/1969-1976/detente> (дата обращения: 06.05.2023).

¹³ Address by Jimmy Carter [Электронный ресурс] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d2> (дата обращения: 11.05.2023).

проблемам и обеспечить просвещенное лидерство в мировом сообществе¹⁴. Разрядка в списке приоритетов названа не была, зато отдельным пунктом были выделены права человека.

После прихода в Белый дом Картер и его окружение использовали предварительные наработки для планирования первоочередных внешнеполитических действий. В письме Л.И. Брежневу в январе 1977 г. Картер подтвердил свою позицию по разрядке. Был сделан акцент на том, что должно произойти улучшение двусторонних экономических отношений, но на основе взаимной и эквивалентной выгоды для обеих стран. Подчеркивалось, что США не будут безразличны к положению дел в области индивидуальных прав и свобод человека. Он отмечал, что конкуренция между двумя обществами, имеющими разные идеалы, неизбежна, но это не должно препятствовать общим усилиям по формированию более мирного, справедливого и гуманного мира¹⁵.

Руководство СССР ожидало от новой администрации США продолжения начатых ранее процессов по всей повестке двусторонних и международных отношений, а не назиданий о правах человека. Саму постановку этой проблемы применительно к советским диссидентам в Кремле и в Министерстве иностранных дел оценивали как вмешательство во внутренние дела. Первые шаги администрации Картера существенно снизили уровень доверия в двусторонних отношениях. К концу десятилетия непрочные американско-советские отношения стали ухудшаться. Хотя лидеры двух стран в июне 1979 г. подписали договор ОСВ-2, в то же время параллельно развивались иные процессы, противоречившие духу разрядки и, в конечном итоге, обусловившие ее завершение. Главные из них – инициатива размещения ракет средней дальности в Европе и кампания в поддержку советских диссидентов. По каждому из этих направлений Вашингтон пытался до конца выдержать твердую линию и заручиться в этих вопросах поддержкой Парижа. Руководство Франции неизменно, декларативно солидаризируясь с Вашингтоном, указывало на свою особую позицию в этих вопросах, напоминая, что в его междуна-

¹⁴ Address by Jimmy Carter...

¹⁵ Letter From President Carter to Soviet General Secretary Brezhnev [Электронный ресурс] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d17> (дата обращения: 05.06.2023).

родной стратегии европейская безопасность и разрядка международной напряженности являются приоритетами гораздо более высокого уровня. Например, в связи с развертыванием Советским Союзом ракет СС-20 Жискар д'Эстен деятельно участвовал в разработке ответных мер стран Запада на саммите в Гваделупе в январе 1979 г., однако, стремясь сохранить независимость, он не пожелал ассоциировать Францию с «двойным решением» НАТО в декабре 1979 г.¹⁶ Осуждая ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г., он уклонялся от присоединения к санкциям США в отношении СССР¹⁷.

В конечном счете у Соединенных Штатов и Советского Союза были разные представления о том, что означает разрядка. Еще до того, как в конце декабря 1979 г. в Афганистан были введены советские войска, дух сотрудничества уступил место соперничеству сверхдержав. Курс на разрядку в США в силу ряда причин отличался непоследовательностью. Политика Франции была более стабильной, приверженной ценностям разрядки и в определенной степени сдерживала США. Советский фактор обострил франко-американские отношения и породил ряд существенных разногласий. Руководство Франции в отдельных случаях выражало озабоченность касательно некоторых аспектов внутренней и внешней политики Москвы (как правило, в связи с модернизацией СССР своего ракетно-ядерного комплекса, проблемой еврейской эмиграции и притеснением диссидентов), но делала это в мягкой форме. Париж хотел сохранить разрядку, считая ее важным достижением общеевропейского политического процесса. В США к концу 1970-х годов курс на разрядку уже не считался приоритетом; в отличие от Франции, здесь разрядка рассматривалась как передышка в конфронтации с СССР, после чего должен был быть возобновлен курс на победу в Холодной войне.

¹⁶ Bozo F. Mitterrand, la Diplomatie Française et la “Nouvelle” Guerre Froide (1981–1984) [Электронный ресурс] URL: <https://books.openedition.org/pur/25897> (дата обращения: 02.06.2023)

¹⁷ Ibid.

Библиография

Батюк И.В. Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории. М.: Весь мир, 2018. 332 с.

Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н. И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 303 с.

Кременюк В.А. Уроки холодной войны. Москва, Аспект Пресс, 2015. 319 с.

Печатнов В.О. Как иначе могла закончиться холодная война? // Окончание холодной войны в восприятии современников и историков: 1985–1991 / под ред. О.В. Павленко, В.И. Журавлевой. М.: РГГУ, 2021.

Печатнов В.О. Soviet-American Relations Through the Cold War // История и политика. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022.

Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Междунар. отношения, 2012. 669 с.

Юнгблюд В.Т. Разрядка в советско-американских отношениях: научно-технологический срез проблемы // Вестник гуманитарного образования. 2022. № 4 (28). С. 53–69.

Address by Jimmy Carter [Электронный ресурс] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d2> (дата обращения: 11.05.2023)

Bozo F. “Winners” and “Losers”: France, the United States, and the End of the Cold War. 2009. Vol. 33, Iss. 5. P. 927–956.

Bozo F. Mitterrand, la Diplomatie Française et la “Nouvelle” Gguerre Froide (1981–1984) [Электронный ресурс] URL: <https://books.openedition.org/pur/25897> (дата обращения: 02.06.2023)

Coumel L. François Mitterrand et l’URSS // Matériaux Pour l’histoire de Notre Temps. 2011. № 101–102. P. 32–34.

Détente and Arms Control, 1969–1979 [Электронный ресурс] URL: <https://history.state.gov/milestones/1969-1976/detente> (дата обращения: 06.05.2023)

Garthoff R.L. Détente and Confrontation. American-Soviet Relations from Nixon to Reagan. Washington: Brookings Institution, 1985. 1147 p.

Hanhimaki J The Rise and Fall of Détente: American Foreign Policy and the Transformation of the Cold War. Washington, D.C.: Potomac Books, 2013.

Lane R. L. The Foreign Policies of the Fifth Republic: A Study in Presidential Styles. 1981. [Электронный ресурс] URL: <https://scholarworks.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4248&context=etd> (дата обращения: 15.05.2023)

Letter From President Carter to Soviet General Secretary Brezhnev [Электронный ресурс] URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01/d17> (дата обращения: 05.06.2023)

Loth W. Overcoming the Cold War: A History of Détente, 1950–1991. New York: PALGRAVE, 2002. 225 p.

The Long Détente: Changing Concepts of Security and Cooperation in Europe, 1950s – 1980s / ed. by O. Bange, P. Villaume. Budapest; New York: Central European University Press, 2017.

Vedrine H. Une Amitié Constante Mais Sans Abandons [Электронный ресурс] URL: <http://www.mitterrand.org/Une-amitie-constante-mais-sans.html> (дата обращения: 20.05.2023).

Westad O.A. The Cold War: A World History. New York: Basic Books, 2017. 710 p.

Отечественная история

С.Ю. Тарабрин

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)*

Угровская епископия в XIII–XIV веках

Статья посвящена вопросу открытия епископской кафедры в Угровске князем Даниилом Романовичем Галицким в начале XIII в. Информация об Угровской епископии сохранилась только в Ипатьевской летописи. Чтобы проверить летописные известия, автор рассмотрел канонические, политические, экономические аспекты проблемы открытия новой епископии. Также были проанализированы свидетельства источников о епископе Асафе Угровском, которого некоторые исследователи объединяют с летописными церковнослужителями Асафом Владимиро-Волынским и Осафом Новгородским. Сделан вывод о том, что существование Угровской епископии маловероятно, так как ее открытие не подтверждается другими источниками, а свидетельство Ипатьевской летописи можно оспорить. Также открытие кафедры в Угровске противоречит каноническим нормам.

Ключевые слова: Угровская епархия, епископ Асаф, князь Даниил Галицкий.

Развитие структуры Русской митрополии слабо освещено в исторических источниках. К сожалению, в них зачастую ничего не сообщается об открытии новых церковных единиц. Так, из 14 кафедр домонгольского периода точно известно время возникновения только Смоленской епископии. В результате историки вынуждены реконструировать возникновение епископских кафедр на основе косвенных свидетельств источников, в первую очередь, летописей.

Одной из таких епископий, чье время возникновения остается дискуссионным, является Угровская кафедра, возникшая при князе Данииле Романовиче Галицком. Изучение ее открытия позволит лучше понять механизм создания новых кафедр на Руси, роль княжеской власти в этом процессе, особенности взаимодействия Церкви со светской властью в Галицком княжестве в первой половине XIII в.

Информация об Угровской епископии содержится только в Ипатьевской летописи: «Данилови бо княжащоу во Володимѣрѣ созда градъ

Оугорескь и постави во ньмь пискоупа»¹. Также в летописи упоминается «пискоупь Асафь Воугровьский», который пытался самочинно занять митрополичью кафедру, в результате чего епископия была перенесена в Холм². Другие источники, в первую очередь византийские списки епископских кафедр, не содержат информации об Угровской епископии.

Проблемы возникновения Угровской епископии так или иначе касались все историки, рассматривавшие структуру Русской митрополии в XIII в. Обычно исследователи при описании Угровской епископии в целом придерживались летописного рассказа. Подобным образом поступали как дореволюционные историки³, так и современные⁴.

Наиболее детальная реконструкция истории кафедры с опорой на летописный текст была проведена Я.Н. Щаповым. Он воссоздал ее следующим образом: в 1219 г. Даниил Романович Галицкий отвоевал у польского короля Лешка Белого ряд городов, в число которых входил и Угровск. Чтобы утвердиться на этой территории, галицкий князь решил укрепить город и поставить в нем епископа. Однако разрушение Угровска монгольским войском и попытка местного епископа захватить митрополичий стол привели к переносу кафедры в созданный Даниилом Романовичем Холм, который князь хотел сделать своей столицей⁵. Данная конструкция с некоторыми хронологическими вариантами в целом является основной. Однако с этой точкой зрения не согласен А.П. Толочко, который считает, что

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. Стб. 842.

² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

³ Макарий (Булгаков М.П.). История Русской Церкви. СПб., 1857. Т. 3. Прим. 50; Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 339–340.

⁴ Назаренко А.В., Флоря Б.Н., Турилов А.А. Владимиро-Волынская епархия // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 728; Домбровский Д. Даниил Романович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 123; Gil A. Prawosławna eparchia chelmska do 1596 roku. Lublin, Chelm, 1999. S. 60, 61.

⁵ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 52–54; Поппэ А. Карта Киевской митрополии и список ее епархий // Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб, 1996. С. 445; Gil A. Prawosławna eparchia... S. 65–67.

Угровская епископия не была создана Даниилом Галицким, а является лишь результатом ошибочного прочтения источников⁶.

Уже Е.Е. Голубинский обратил внимание на то, что Угровск сморится инородным телом в ряду епископских городов, которые в большинстве своем являлись центрами крупных княжеств⁷. Существование Угровского княжества не подтверждается источниками. Угровск, наряду с Берестьем, Верещиным, Столпье и Комовым, входил в число городов, которые постоянно переходили из одних княжеских рук в другие, и которые пытались захватить Польша и Венгрия. Эти населенные пункты, по мнению Н.Ф. Котляра, представляли собой «какой-то устойчивый территориальный комплекс» и могли быть созданы еще Романом Мстиславичем⁸. Даже в этом списке городов Угровск не всегда указывался на первом месте. Возможно, что они существовали как оборонительные крепости и не имели ремесленно-торгового населения⁹. По мнению А. Гиля, город находился в стороне от торговых путей¹⁰. Какого-либо самостоятельного угровского князя не известно. Поэтому предположение С.Д. Панишко о существовании Угровского княжества выглядит маловероятным¹¹. Замечание А.П. Толочко, что появление в Угровске епархии противоречит религиозным канонам, выглядит справедливым¹². Хотя в ходе археологических работ были обнаружены вал, ров, а также следы кирпича, которые можно трактовать как наличие каменной церкви¹³, все же полученного материала пока недостаточно, чтобы признать Угровск крупным административным центром.

⁶ Толочко А.П. Основание Холмской епископии // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. XXV. № 1. С. 254–277.

⁷ Голубинский Е.Е. История Русской церкви... С. 338.

⁸ Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 147.

⁹ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 147–148.

¹⁰ Gil A. *Prawoslawna eparchia*... S. 60, 61.

¹¹ Панишко С.Д. Угровське князівство Данила Романовича [Електронний ресурс] // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С. 58–65.

¹² Толочко А.П. Основание Холмской епископии... С. 259.

¹³ Панишко С.Д. До проблеми локалізації давньоруського Угровська // Київська старовина. 1997. № 5. С. 168–177.

Ф. Гербачевский указал, что после правления Даниила город очень быстро захирел и превратился в село¹⁴.

Исследователи, которые придерживаются точки зрения, что Угровск все же был крупным городом или даже центром княжества, в своих построениях опираются именно на свидетельство об открытии епископской кафедры в Угровске¹⁵. Единственным известным религиозным сооружением города являлся монастырь Св. Даниила Столпника, время основания которого неизвестно. А.В. Майоров предположил, что монастырь был основан Даниилом Галицким в честь его патронального святого¹⁶. По мнению С.Д. Панишко, монастырь появился в начале XIII в. при Александре Всеволодовиче или Данииле Галицком¹⁷. Однако начало формирования культа Св. Даниила в галицко-волинских землях все же следует связать с Романом Мстиславичем, отцом галицкого князя, поэтому, возможно, монастырь мог быть создан и при нем.

Если Даниил планировал перенести в Угровск свою столицу, то этому событию должны были предшествовать крупные строительные работы. Однако в летописи содержится лишь лаконичная запись, что Даниил «созда градъ Оугорескъ». А.П. Толочко расценил это сообщение как ошибку летописца¹⁸, так как первое упоминание о Угровске относится к 1204 г.¹⁹, соответственно, возникновение города могло произойти во второй половине XII в.²⁰ Все же более верной видится трактовка, что в этой записи речь идет о создании укреплений в Угровске²¹. Особенно разительно это сообщение

¹⁴ Гербачевский Ф. Русские древности и памятники православия Холмско-Подляской Руси (Люблинской и Седлецкой губернии). Варшава, 1892. С. 133, 134.

¹⁵ Панишко С.Д. Угровське князівство Данила Романовича...; Майоров А.В. Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4. С. 35.

¹⁶ Майоров А.В. Даниил Галицкий... С. 35.

¹⁷ Панишко С.Д. Угровське князівство Данила Романовича...

¹⁸ Толочко А.П. Основание Холмской епископии... С. 263–264.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 721.

²⁰ Панишко С.Д. Угровське князівство Данила Романовича...

²¹ Модест (Стрельбицкий Д.К.) Холмская православная епархия. Варшава, 1886. С. 22.

выглядит в сравнении с описанием обустройства Даниилом Романовичем Холма²².

Запись о создании Угровска и поставления в нем епископа выглядит инородным телом в летописном рассказе об основании города Холма, разрывая цельное повествование. Рассказ о постройке Даниилом Холма датируется второй половиной 50-х годов XIII в. при второй редакции летописи²³. Зачем и когда в него была помещена вставка об Угровске, неизвестно. В то же время П.П. Толочко считает, что рассказ о создании Холма и вставка об Угровске принадлежат перу одного автора и являются единым целым, хотя исследователь и признал, что «рemarkа об Угровске <...> на первый взгляд кажется даже чем-то инородным в повествовании о Холме»²⁴.

Вставка об Угровске связана с упоминанием епископа Асафа Угровского, который «сходи на столь митрополичь и за то свѣржень бы стола своего», в результате чего епархия была переведена в Холм²⁵. Персона этого иерарха также вызывает много вопросов. Летописная статья, в которой содержится сообщение о Асафе Угровском, начинается с перечня владими́ро-во́лынских епископов, деятельность которых выпала на годы правления Даниила и Василька Романовичей, далее следует информация о постройке Холма, а затем – описание эпизода с попыткой захвата митрополичьей кафедры. Список епископов открывает иерарх Асаф. Также о владими́ро-во́лынском епископе Осафе содержится информация в новгородском летописании. Этот иерарх был одним из претендентов на новгородскую кафедру, но проиграл по жребию. Указанный эпизод датирован в летописи 1229 г.²⁶ А. Поппэ предположил, что во всех трех случаях речь идет об одном и том же человеке²⁷. Однако Я.Н. Щапов обратил внимание, что владими́ро-во́лынский епископ Асаф описан в летописи

²² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 842–845.

²³ Юсупович А. «Богу же изволившю Даниль созда градъ Холмъ»: когда и как Холм стал столичным городом // *Rossica Antiqua*. 2014. № 1. С. 47.

²⁴ Толочко П.П. Статья 6731 года Галицко-Во́лынской летописи и время ее написания // *Ruthenica*. 2005. Т. IV. С. 51.

²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 740.

²⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 68.

²⁷ Поппэ А. Митрополиты Киевские и всея Руси // Щапов Я.Н. Государство и церковь... С. 202.

как «блаженный» и «преподобный», что не вяжется с образом мятежного епископа²⁸. Дискуссионным является вопрос о соотношении его с Осафом новгородских летописей. Я.Н. Щапов высказал мнение, что в записи 1229 г. идет речь о владими́ро-волынском Асафе. На основании этого исследователь сделал предположение о наличии конфликта между Даниилом и епископом, который тем самым хотел покинуть враждебного князя²⁹. А.П. Толочко связал новгородского Осафа с Асафом Угровским, так как владими́ро-волынский епископ, будучи главой кафедры, не мог претендовать на другую, согласно 14-му правилу Святых апостолов³⁰. Таким образом, Асаф пытался стать новгородским иерархом, не будучи поставленным в епископы. В таком случае Осаф не может быть соотношен с владими́ро-волынским Асафом, так как владими́рский епископ значится в списке первым, то есть его деятельность пришлась на начало правления Даниила и Василька во Владимире в 1216 г.³¹ Представляется странным, что Асаф назван «угровским», учитывая, что в новгородской летописи о нем говорится как о владими́рском епископе. По мнению А.П. Толочко, епископ происходил из Угровска, или же местом его предыдущего служения был угровский монастырь Св. Даниила³², и был главой Владимиро-Волынской епархии. Информация об Асафе Угровском и заменившем его епископе Иване является продолжением списка владими́ро-волынских иерархов, а сообщение о создании Холма в перечне епископов является позднейшей вставкой³³.

А.П. Толочко, расценив сведения об открытии кафедры в Угровске как позднейшую вставку и предположив происхождение Асафа из Угровска, пришел к выводу, что Угровской епархии не существовало, перемещение же кафедры в Холм произошло из Владимира-Волынского.

²⁸ Щапов Я.Н. Государство и церковь... С. 53.

²⁹ Там же. С. 53.

³⁰ Правила православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. М., 2001. С. 74–76.

³¹ Домбровский Д. Даниил Романович... С. 118.

³² Толочко А.П. Основание Холмской епископии... С. 263.

³³ Там же. С. 263–264.

Определенные сомнения в существовании Угровской епархии накладывают обстоятельства, в которых она должна была возникнуть. Неясно, с какой целью Даниил хотел открыть епархию в приграничной крепости, ведь во Владимире-Волынском уже была епархия. Предположение Я.Н. Шапова³⁴, что Даниил конфликтовал с местным епископом и, открывая новую кафедру, пытался создать ему конкурента, не подтверждается источниками³⁵. До битвы под Ярославом в 1245 г. главной задачей Даниила было утвердиться в Галиче. Возможно, постоянное противодействие со стороны галичан вынудило князя задуматься о новой столице³⁶, и по летописным свидетельствам такой столицей должен был стать Холм. Вследствие деятельности галицкого князя Холм стал крупным религиозным центром, имевшим широкие внешнеполитические связи, в первую очередь с Византией³⁷. Даже если Даниил рассматривал вначале Угровск в качестве нового центра своих владений, открытие епископии должно было состояться лишь после того, как город бы стал крупным административным центром, а не наоборот. Вероятным выглядит открытие именно Холмской епархии, возможно, вследствие перемещения владими́ро-во́лынско́го епископа, а не перенос кафедры из Угровска. Известно, что в 1328 г. в Холмске уже существовала епархия³⁸. На основании перечня предсмертных вкладов во́лынско́го князя Влади́мира Васи́лькови́ча в 1288 г., где отсутствует упоминание о вкладе в Холмскую епархию³⁹, А.П. Толочко предположил, что открытие кафедры произошло в промежутке между 1289 и 1328 гг., скорее всего, после бегства митрополита Максима из Киева в 1299 г., когда в Во́лынско́й земле началась подготовка к открытию независимой митрополии⁴⁰. В таком случае остается открытым вопрос, как в

³⁴ Шапов Я.Н. Государство и церковь... С. 52–53.

³⁵ Толочко А.П. Основание Холмской епископии... С. 256–257.

³⁶ Домбровский Д. Даниил Романович... С. 120; Gil A. Prawoslawna eparchia... S. 60.

³⁷ Буко А. Холм и Столпье: русско-византийский контекст средневековых памятников юго-восточной Польши // Российская археология. 2012. № 4. С. 26–36.

³⁸ Васильевский В.Г. Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Февраль. Ч. CCLV. С. 450.

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 926.

⁴⁰ Толочко А.П. Основание Холмской епископии... С. 272–277.

отсутствие митрополита могла быть открыта новая кафедра. Если же не учитывать вклад Владимира Васильковича как возможную нижнюю границу, так как им были охвачены далеко не все кафедры Южной Руси, например, Туровская, то, вероятнее всего, открытие Холмской епархии должно было произойти при митрополите Кирилле, который был ставленником Даниила и вполне мог пойти навстречу князю в его желании обрести епископа в Холме.

Отсутствие упоминания Угровска в константинопольских списках русских епархий также можно расценить как довод в пользу того, что в городе не было епархии. Для перечня кафедр характерен консерватизм, так, например, в списке середины XIV в. присутствуют Переяславская и Черниговская епархии, центр которых фактически был перенесен в Сарай и Брянск, соответственно. Также в списке значится Юрьевская епископия, которая на тот момент, по всей видимости, уже не существовала. В то же время в перечне указана Холмская епархия⁴¹. Однако даже сомнения в источниках не позволяют говорить с уверенностью об отсутствии Угровской епархии. Вполне возможно, что переписчик владел не дошедшей до нас информацией об открытии епископии, однако распорядился ей неаккуратно, вставив ее в рассказ о другом городе.

Библиография

Буко А. Холм и Столпье: русско-византийский контекст средневековых памятников юго-восточной Польши // Российская археология. 2012. № 4. С. 26–36.

Васильевский В.Г. Записи о поставлении русских епископов при митрополите Феогносте в Ватиканском греческом сборнике // Журнал Министерства народного просвещения. 1888. Февраль. Ч. CCLV. С. 445–463.

Гербачевский Ф. Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Седлецкой губернии). Варшава, 1892. 147 с.

Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. 968 с.

⁴¹ Darrouzes J. Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae. Paris, 1981. P. 403.

Домбровский Д. Даниил Романович // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 118–125.

Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. 184 с.

Майоров А.В. Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 4. С. 32–50.

Макарий (Булгаков М.П.). История Русской Церкви. СПб., 1857. Т. 3. 340 с.

Модест (Стрельбицкий Д.К.) Холмская православная епархия. Варшава, 1886. 181 с.

Назаренко А.В., Флоря Б.Н., Турилов А.А. Владимиро-Волынская епархия // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8. С. 726–732.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. 561 с.

Панишко С.Д. До проблеми локалізації давньоруського Угровська // Київська старовина. 1997. № 5. С. 168–177.

Панишко С.Д. Угровське князівство Данила Романовича [Електронний ресурс] // Король Данило Романович і його місце в українській історії. Львів, 2003. С. 58–65.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 573 с.

Поппэ А. Карта Киевской митрополии и список ее епархий // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб, 1996. С. 443–445.

Поппэ А. Митрополиты Киевские и всея Руси // *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 191–206.

Правила православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. М., 2001. 650 с.

Толочко А.П. Основание Холмской епископии // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. XXV. № 1. С. 254–277.

Толочко П.П. Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время ее написания // *Ruthenica*. 2005. Т. IV. С. 47–53.

Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. 232 с.

Юсупович А. «Богу же изволившю Даниль созда градъ Холмъ»: когда и как Холм стал столичным городом // *Rossica Antiqua*. 2014. № 1. С. 44–62.

Darrouzes J. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981. 521 p.

Gil A. *Prawosławna eparchia chelmska do 1596 roku*. Lublin, Chelm, 1999. 260 s.

Д.В. Новикова

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Юрий Звенигородский как военно-политический союзник великого князя Василия I

В статье рассматриваются политические действия Юрия Звенигородского в рамках военного союза с великим князем Василием I. В работах, посвященных князю Юрию, затрагивается преимущественно его политика после смерти Василия Дмитриевича, однако анализ его участия в московских делах до 1425 г. позволяет более полно раскрыть Юрия Звенигородского как политическую фигуру, проследить его роль в истории Московского княжества. Автор приходит к выводу, что участие князя Юрия в московской политике имело большое значение: благодаря своим полководческим талантам звенигородский князь успешно проводил военные кампании, что способствовало не только упрочению власти великого князя, но и укреплению позиций самого Юрия, что позволило ему впоследствии вступить в борьбу за великое княжение с Василием II.

Ключевые слова: Юрий Звенигородский, военно-политический союз, Василий I, договорная грамота, великое княжение, Дмитрий Донской, поход на Нижний Новгород, междоусобная война.

Юрий Дмитриевич Звенигородский – одна из неоднозначных и малоизученных личностей в истории Руси. Князь Юрий – третий из восьми сыновей¹ великого князя Дмитрия Ивановича Донского и великой княгини Евдокии. После смерти отца Юрий Дмитриевич наследовал звенигородский и галический уделы. Политическая жизнь князя распадается на два периода, разделенных смертью Василия I в 1425 г.: первый – это время союзничества с великим князем Московским, второй – время междоусобной войны в московском княжеском доме, в которой Юрий принимал активное участие.

¹ Сыновья Дмитрия Донского: Даниил (умер при жизни Дмитрия Ивановича в 1379 г.), Василий, Юрий, Симеон (ум. 1379), Андрей, Петр, Иван, Константин.

Военно-политический союз Юрия Звенигородского и Василия I в историографии отдельно не рассматривался. В исследованиях, посвященных Юрию Звенигородскому и его политической деятельности, главным образом, рассматриваются вопросы, связанные с правами Юрия на московский престол и его борьбой за великое княжение после 1425 г.² В работе А.А. Зимина³ представлен анализ роли Юрия Дмитриевича в московских делах. Исследователь разделил политическую деятельность князя на три направления: антиордынскую борьбу (поход на болгар и казанских татар), контакты с Нижним Новгородом (походы против нижегородских князей) и Новгородом Великим (княжение Юрия на новгородских территориях до осени 1406 г.). Отдельные эпизоды и документы, касающиеся военно-политического союза Юрия с великим князем, были проанализированы В.А. Кучкиным⁴, А.А. Горским⁵ и С.Л. Киневым⁶. В данной статье предлагается более комплексно взглянуть на роль Юрия в военно-политическом союзе с Василием I. В настоящее время особенный интерес вызывает изучаемый период, заложивший основы духовной и культурной жизни Московского княжества: на это время приходится деятельность прп.

² *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (1238–1505). СПб., 1891. Т. 2. С. 222–236; *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 385; *Греков И.Б.* Мир истории: русские земли в XIII–XV вв. М., 1988. С. 61.

³ *Зимин А.А.* Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 70–73.

⁴ *Кучкин В.А.* Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галичским князем Юрием Дмитриевичем // *Средневековая Русь*. Вып. 6. М., 2006. С. 155–158; *Кучкин В.А.* Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешне-политические договоры. М., 2003. С. 274–327; *Кучкин В.А.* О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // *Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой*. М., 2001. С. 214–224; *Кучкин В.А.* О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» (к вопросу о методах исторического исследования) // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2006. № 3 (25). С. 106–132. *Кучкин В.А.* О новом издании договоров и завещаний русских князей XIV–XVI вв. // *Российская история*. 2016. № 3. С. 3–26.

⁵ *Горский А.А.* Датировка похода Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2004. № 4 (18). С. 82–93.

⁶ *Кинёв С.Л.* Духовная грамота Великого князя Дмитрия Ивановича и порядок наследования великого княжения в Северо-Восточной Руси в XV в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 363. С. 99–102.

Сергия Радонежского и его учеников, работа греко-русской мастерской, в которой трудились Феофан Грек и Андрей Рублев, автор известной иконы “Троица”. Юрий Звенигородский являлся одной из ключевых фигур московской политической жизни конца XIV – начала XV вв., в силу своей значимости князь Юрий имел вес в культурно-религиозной сфере: из шести сохранившихся раннемосковских храмов три⁷ были созданы при его непосредственном участии. Рассмотрение политической ситуации, в частности, союзнических отношений с Василием I, проясняет обстоятельства создания многих памятников, причины возникновения связей князя с видными духовными лидерами эпохи (прп. Савва Сторожевский, прп. Кирилл Белозерский и др.).

Юрий Дмитриевич обладал авторитетом и некоторым влиянием благодаря своему особому положению: согласно духовной грамоте Дмитрия Донского в случае смерти Василия великое княжение должно было быть передано Юрию, как следующему сыну Дмитрия Ивановича. Близость к великому княжению отделяла Юрия от других младших сыновей Донского. Наравне с Василием Дмитриевичем, наследником великого князя, он участвовал в важных мероприятиях Московского княжества: в 1378 г. Юрий в возрасте трех лет вместе с великим князем и братом Василием присутствовал на погребении митрополита Алексия. В докончании (договоре) великого князя Дмитрия Ивановича и князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича от 1389 г.⁸ Юрий возводился в статус «равного брата» по отношению к своему двоюродному дяде Владимиру Серпуховскому, тогда как младшие дети Донского были отнесены к разряду «младшей братьи».

Основание союза между Юрием и Василием было заложено Дмитрием Донским в его второй духовной грамоте: «А вы, дети мои, живите за один»⁹. Союзнические отношения были закреплены докончанием между князьями конца 1392 г. – начала 1393 г. Обязательства,

⁷ Успенский собор в Звенигороде, Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря, собор Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре;

⁸ Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950. № 11 С. 30–33. (далее – ДДГ).

⁹ ДДГ № 12. С. 33.

регламентированные этим документом, выполнялись братьями вплоть до смерти Василия I в 1425 г.

В данном соглашении были закреплены статусы обоих братьев. Юрий Дмитриевич признавал старшинство Василия Дмитриевича, а сам назывался «братом младшим»¹⁰, что подтверждало соответствующие статьи духовной грамоты Дмитрия Донского¹¹. Василий I обязался держать Юрия «в братстве и во чти, безо обиды»¹². При помощи договора достигался военно-политический союз князей. Князья обязались «бытии заодин до конца своего живота»¹³, враг или друг одного из них становился соответственно врагом или другом другого. Действительно, ряд последующих договоров заключался от лица обоих братьев: договор 1390 г. с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским¹⁴, московско-тверской договор 1399 г.¹⁵, договор с можайским князем Андреем Дмитриевичем и дмитровским – Петром Дмитриевичем, – 1401–1402 гг.¹⁶, договор с рязанским князем Федором Ольговичем от 1402 г.¹⁷

Союзнические отношения между братьями проявились также в ситуации, когда смоленский князь Юрий Святославич, тесть Юрия Дмитриевича, в 1404 г. обратился к нему за помощью¹⁸, но не получил ее, так как оказание поддержки смоленскому князю не совпадало с интересами великого князя. В правление Василия I его тесть, литовский князь Витовт, стремился расширить свою власть над некоторыми

¹⁰ ДДГ № 12. С. 33.

¹¹ Кучкин В.А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 129–130.

¹² ДДГ № 14. С. 39.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ ДДГ № 11. С. 30.

¹⁵ ДДГ № 15. С.41. Московско-тверской договор 1399 г. заключается от лица великого князя Василия Дмитриевича и его «братьи младшей» – двоюродного дяди Владимира Серпуховского и брата Юрия, князя звенигородского и галицкого. Другие братья Василия I – Андрей и Петр, достигшие к 1399 г. совершеннолетнего по меркам того времени возраста, в договоре не названы. Видимо, они занимали невысокое положение в местной княжеской иерархии, а потому не были включены в число названных по имени договаривавшихся сторон.

¹⁶ ДДГ № 18. С. 51.

¹⁷ ДДГ № 19. С. 52.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 229. Стб. 320.

русскими областями, в частности над Смоленском: он совершил несколько походов на владения смоленского князя Юрия Святославича. Смоленский князь обращался за помощью к Москве, однако не получил ее. Видимо, Василий уклонился от столкновений с тестем, а князь Юрий Дмитриевич не решился нарушить договор с великим князем и поддержать своего родственника, Юрия Святославича.

В документе также указано, что Василий I обязался «жаловати»¹⁹ Юрия и его вотчину, то есть материально поощрять брата за выполнение союзнических обязательств. При возникновении необходимости Юрий обязывался участвовать в военных действиях на стороне московского князя: «А гдеъ ти, г(о)с(поди)не, боудеть всеести на кон(ь) или ти мен(а) послати, и мнеъ так(о) же и всеести безъ ослоушаниа»²⁰.

Договорной грамотой были предусмотрены меры и условия для успешного проведения внешних военных операций. Итогом этого соглашения стало то, что Василий Дмитриевич приобрел военного союзника, а Юрий Дмитриевич получил право на компенсацию за оказание военной помощи. Благодаря выгодным для обеих сторон условиям этот договор оказался долговременным: на протяжении всего правления великого князя между ним и его братом резких столкновений не было. Следствием этого стало отправление князя Юрия в военные походы на новгородские, ордынские (поволжские), двинские земли.

В течение правления Василия Дмитриевича произошел ряд конфликтов великого князя с Новгородом. Это было связано, в первую очередь, со стремлением Василия I подчинить своей власти новгородские земли и с сопротивлением этому новгородцев, которые желали оставаться независимыми от великого князя. В некоторых московско-новгородских конфликтах на стороне Василия I принимал участие князь Юрий Дмитриевич. Согласно своим обязательствам по договорной грамоте он возглавил карательный поход великого князя против Новгорода в 1392 г.

¹⁹ ДДГ № 14. С. 40.

²⁰ Там же. С. 39.

В 1391 г. в Новгород приехал митрополит Киприан с целью вернуть право суда в Новгороде, которое принадлежало и прежним митрополитам. Новгородцы, получив от великого князя право не ездить на суд в Москву, решили получить право не обращаться за церковным судом к митрополиту²¹. В 1385 г. новгородцы написали грамоту, в которой было зафиксировано это право, и закрепили ее крестным целованием. В ответ на претензии митрополита Киприана они стали ссылаться на этот документ. Митрополит потребовал уничтожить его, на что новгородцы ответили отказом. Митрополит Киприан обратился к великому князю, который был заинтересован в разрешении этого конфликта, так как зависимость Новгорода от московского митрополита была в действительности зависимостью от Москвы. В 1392 г. великий князь отправил в Новгород послов с требованием выдачи черного бора²² и грамоты. Митрополит соглашался разрешить новгородцев от клятвопреступления, то есть нарушения крестного целования, которым была скреплена грамота.

После отказа новгородцев Василий I отправил князя Юрия и серпуховского князя Владимира в поход против Новгорода. Поход князей имел переломное значение в данном московско-новгородском столкновении, в его ходе были взяты многие новгородские волости, в частности, город Торжок. Благодаря военным действиям князя Юрия конфликт удалось разрешить. Несмотря на некоторое сопротивление жителей Торжка, в конечном итоге новгородцы запросили мира и отослали митрополиту крестоцеловальную грамоту, а также выплатили все суммы, требуемые великим князем.

Имя звенигородского князя упоминается и в другом эпизоде, связанном с московско-новгородскими отношениями в период правления Василия I. В 1417 г. бояре князя Юрия Глеб Семенович, Семен Жадковский и Михаил Росохин осуществили поход на Двинскую и Заволочскую земли. В ходе военной операции эти территории были захвачены, Колмогоры сожжены. Пленные новгородские бояре выпла-

²¹ Митрополит обладал правом «месячного суда», то есть мог пересматривать решения суда новгородского архиепископа.

²² Черный бор – нерегулярный налог, который собирался великим князем в связи с необходимостью платить увеличенную дань в Орду.

тили денежную сумму, «окупь»²³. Бояре князя Юрия отправились на Двинскую и Заволочскую земли из Вятки²⁴, отчины великого князя. Следовательно, данный поход был осуществлен по приказу великого князя Василия I. Несмотря на то, что Юрий Дмитриевич лично в походе не участвовал, он исполнил свои обязательства по договорной грамоте, отправив войска под предводительством своих бояр на Двинскую и Заволочскую земли.

Значительным событием в политической карьере князя Юрия Дмитриевича стал поход на Нижний Новгород и Поволжье. В 1395 г. ордынский царевич Ентяк и суздальский князь Семен Дмитриевич захватили нижегородские владения, находившиеся в подчинении великого князя. Василий I в ответ на эти действия отправил московские полки, во главе которых поставил своего брата Юрия.

Нижний Новгород с 1392 г. находился в подчинении Василия I. Эти территории великому князю передал золотоордынский хан Тохтамыш во время поездки Василия Дмитриевича в Орду. Через несколько лет после этого, в 1395 г., разгорелся военный конфликт между Тохтамышем и Тамерланом, верховным эмиром Чагатайского улуса. Весной 1395 г. Тамерлан отправился в поход, в ходе которого грабил владения Тохтамыша²⁵ до февраля – марта 1396 г. В частности, в октябре 1395 г. он отправил царевича Ентяка на Нижний Новгород²⁶. Этим распоряжением Тамерлана воспользовался соперник Василия I, суздальский князь Семен Дмитриевич²⁷. Он сам претендовал на нижегородское владение и не был согласен с тем, что эти территории перешли под власть великого князя. Князь Семен вместе с Ентяком и татарским войском подошли к городу и обманом захватили его, однако им пришлось отступить и бежать в Орду, когда они узнали

²³ ПСРЛ. Т. 25. С. 243. Стб. 339.

²⁴ *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси... С. 226

²⁵ Также Тамерлан дошел до границ Рязанского княжества и разорил г. Елец. Это событие заставило Василия I предпринять меры по обороне Москвы. Великий князь мобилизовал армию, опасаясь нападения.

²⁶ *Кучкин В.А.* О времени похода князя Юрия Дмитриевича... С. 131.

²⁷ Отец князя Семена, князь Дмитрий Константинович владел Нижним Новгородом в 1365–1683 гг. На этом основании его сыновья Семен и Василий претендовали на нижегородское княжение.

о приближении великокняжеских войск, которые возглавлял Юрий Дмитриевич.

Возможно, поход князя Юрия был отправлен не с целью освободить Нижний Новгород от Ентяка, а с целью именно «пленить землю Татарскую»²⁸. Это подтверждают сведения Московского летописного свода. Летописец пишет, что сначала Ентяк и князь Семен «услышаша, что хочеть на них князь великы ити ратью, и побѣгоша къ Ордѣ»²⁹, а затем, Василий I «слышавъ се и събра рати многы посла брата своего князя Юрья Дмитриевича»³⁰. Таким образом, в момент отправления похода освободить Нижний Новгород не было необходимости, так как великий князь был уже осведомлен, что Ентяк и князь Семен бежали в Орду. После их бегства татарские владения в Поволжье остались без управления и военной защиты: летописец подчеркивает, что «соупротивленья нигдѣ не бывало»³¹. Этой ситуацией и воспользовались русские полки во главе с князем Юрием Дмитриевичем.

Тамерлан не мог защитить эти территории, так как его войско было обессилено и голодало после одиннадцати месяцев похода³². Также взятые князем Юрием города до вторжения Тамерлана принадлежали Тохтамышу; на этих территориях на протяжении 1395–1396 гг. продолжали жить подвластные ему люди. Следовательно, ущерб, который нанесли московские полки, рассматривался как провинность перед Тохтамышем. Это нашло отражение в московско-тверском договоре 1399 г.

Обращает на себя внимание факт достаточно быстрого сбора и отправления русских полков, который можно объяснить тем, что войска уже были готовы выступить в связи с угрозой нападения Тамерлана.

В ходе этого похода были взяты города Великий Булгар, Жукотин, Казань, Керменчук, причем, как отмечают летописи, никто не пом-

²⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 225–226. стб. 315 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ ПСРЛ. Т. 39. С. 134. стб. 234.

³² *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т 2. С. 185.

нил, чтобы Русь когда-либо так далеко заходила в татарские земли³³. В течение трех месяцев московские полки «землю их воева»³⁴, то есть грабили. Поход закончился возвращением русских ратей с «великою побѣдою», а также с «многую корыстью»³⁵ и «многымъ богатствомъ»³⁶.

Впервые русские войска вторглись и разоряли татарские территории, тогда как до этого все столкновения с Ордой происходили непосредственно на русских землях. Основным результатом данного похода было обогащение московского князя. Об этом свидетельствует сообщение от 1398 г. о том, что великий князь послал «много серебра в милость»³⁷, то есть оказал помощь Константинополю. Ранее финансовое положение в княжестве не позволяло длительное время выкупить княжича Василия Дмитриевича из ордынского плена, в котором он содержался до 1387 г. Теперь же, после похода князя Юрия, появилась финансовая возможность не только решать внутренние проблемы княжества, но и помогать нуждающемуся государству. Именно после этого похода в уделе Юрия Дмитриевича, Звенигороде, начинается активное строительство, которое требовало больших финансовых ресурсов.

Однако не стоит забывать, что данный поход мог стать причиной осложнения отношений великого князя с Тохтамышем. В московско-тверском договоре содержатся статьи относительно возможной компенсации ущерба, причиненного Москвой³⁸. Потери татарской стороны в результате московского похода, скорее всего, должны были быть значительными, так как были опустошены четыре крупных города и взята «многая корысть»³⁹. На момент составления договора никаких претензий еще выдвинуто не было⁴⁰, однако в будущем такая возмож-

³³ ПСРЛ. Т. 4. С. 90. Т. 8, С. 47–48

³⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 225–226. стб. 315.

³⁵ Там же.

³⁶ ПСРЛ. Т. 39. С. 134. стб. 234.

³⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 228. стб. 318.

³⁸ ДДГ № 15. С. 41. Соответствующие статьи начинаются с фразы «а положит на нас в том ц(а)рь виноу», то есть «если возложит хан на нас вину в этом».

³⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 225–226. стб. 315.

⁴⁰ На момент составления договора Тохтамыш готовился к борьбе с Темир-Кутлуг-гом, территорию Орды не контролировал и был не в состоянии подкрепить силой свои требования к московскому князю.

ность могла возникнуть. Тем не менее, в летописях нет подтверждения, что со стороны Орды последовали санкции за поход на Поволжье.

Приведенный анализ позволяет широко рассмотреть деятельность Юрия Звенигородского в рамках военного союза с Василием I. Их сплочение, возникшее в начале правления Василия Дмитриевича, поддерживалось в течение почти всего великого княжения. В рамках этого союза князь Юрий Звенигородский выполнял ответственные поручения своего брата, участвуя в военных конфликтах на его стороне. Несмотря на политический союз, Василий Дмитриевич воспринимал Юрия как потенциального соперника своего сына в наследовании великого княжения и стремился упрочить положение Василия Васильевича⁴¹. Используя свой статус потенциального наследника великокняжеского престола, Юрий Дмитриевич активно участвовал в московских делах. Звенигородский князь в порученных ему военных походах проявил свои незаурядные стратегические и организаторские способности. Итоги этих походов способствовали расширению и укреплению положения Московского княжества среди русских земель. К 1425 г. Юрий Дмитриевич имел все основания претендовать на великое княжение, обладая авторитетом в землях Северо-Восточной Руси. Потенциал, обретенный в первый период политической деятельности, сделал возможной длительную борьбу за власть наравне с великокняжеским сыном Василием Васильевичем.

Библиография

Борисов Н.С. Иван III. М.: Мол. гвардия, 2008. 644 с.

Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. 214 с.

Горский А.А. Датировка похода Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» и некоторые аспекты московско-тверских отношений в конце XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (18). С. 82–93.

Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2007. 368 с.

Греков Н.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. 374 с.

⁴¹ Второе завещание князя Василия I в 1417 г., в котором он передал все свои владения и великокняжеский стол своему сыну Василию, исключило возможность перехода великого княжения к Юрию.

Греков И.Б., Шахмагонов Ф.Ф. Мир истории: русские земли в XIII–XV вв. М., 1988. 334 с.

Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. 289 с.

Кинёв С.Л. Духовная грамота Великого князя Дмитрия Ивановича и порядок наследования великого княжения в Северо-Восточной Руси в XV в. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 99–102.

Кучкин В.А. Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 62–83.

Кучкин В.А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 129–130.

Кучкин В.А. О дате взятия царевичем Ентяком Нижнего Новгорода // Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 214–224.

Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 274–327.

Кучкин В.А. Договор великого князя Василия Дмитриевича с братом звенигородско-галицским князем Юрием Дмитриевичем // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 155–158.

Кучкин В.А. О времени похода князя Юрия Дмитриевича в «Татарскую землю» (к вопросу о методах исторического исследования) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 106–132.

Кучкин В.А. О новом издании договоров и завещаний русских князей XIV–XVI вв. // Российская история. 2016. № 3. С. 3–26.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. 459 с.

Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. М., 1998. 459 с.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. Т 2. 308 с.

Черепнин Л.В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., 1950. № 11 С. 30–33.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период (1238–1505). В 2 т. Т. 2. СПб., 1891. 696 с.

Б.А. Никишин

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)*

«Записки» С.А. Порошина как исторический источник и литературный памятник XVIII века

В статье рассматривается история создания, изучения и публикации «Записок» воспитателя великого князя Павла Петровича С.А. Порошина. Показана источниковедческая ценность «Записок» как важнейшего исторического источника и литературного памятника XVIII в. «Записки» С.А. Порошина содержат множество ценных сведений как о придворных нравах, так и о формировании личности будущего императора Павла I. Отдельно затрагивается судьба составителя «Записок» С.А. Порошина. В заключении сделан вывод о том, что дневниковые записи С.А. Порошина не утратили эвристического потенциала за счет широты охвата при описании различных сторон придворной жизни XVIII столетия. Предлагаются возможные пути для дальнейшего изучения этого бесценного источника.

Ключевые слова: С.А. Порошин, Павел Петрович, придворная атмосфера, записки, исторический источник.

*«Порошин умел остаться русским человеком, горячим патриотом, имевшим прежде всего в виду пользу и славу России»
(С.М. Соловьев)¹.*

«Записки» представляют собой дневниковые записи Семена Андреевича Порошина (1741–1769), которые он практически ежедневно вел с 20 сентября 1764 г. по 13 января 1766 г., будучи воспитателем великого князя Павла Петровича. 28 июня 1762 г. С.А. Порошин был назначен кавалером при великом князе Павле Петровиче и находился при нем неотлучно. Актуальность обращения к «Запискам» С.А. Порошина заключается в уникальности данного источника, который позволяет составить представление о детских годах Павла и придворной атмосфере в начале царствования Екатерины II.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. СПб. Стлб. 192.

С.А. Порошин указывает, что его «Записки» отчасти видели и читали пять человек: граф Н.И. Панин, митрополит Платон (Левшин), майор кадетского корпуса И.Е. Глебовский, капитан кадетского корпуса А.А. Беклешов и штатский советник В.К. Рубановский. Кроме того, С.А. Порошин показывал свои рукописи некоторым любопытным купцам, особенно в тех местах, которые с выгодной стороны раскрывают личность Павла Петровича. О существовании записок знали З.Г. и И.Г. Чернышевы, которые неоднократно изъявляли желание ознакомиться с этими интересными свидетельствами².

Пожалуй, главным читателем дневниковых записей С.А. Порошина был его воспитанник великий князь Павел Петрович. В определенной мере «Записки» использовались в воспитательных целях, поскольку наряду с описанием происходивших событий содержали оценку поступков цесаревича и сопровождалась нравоучительными рассуждениями. Знакомясь с записями своего наставника, Павел должен был обращать внимание на недостатки в своем поведении и стремиться к их исправлению на основе указанных разъяснений. С.А. Порошин ответственно подходил к делу воспитания цесаревича и ставил перед собой задачу привить Павлу безграничную любовь к России, уважение к русскому народу и отечественной истории в лице великих деятелей. В частности, Петр Великий и его сподвижники представляли перед цесаревичем в качестве примера для подражания.

«Записки» С.А. Порошина неоднократно становились главным источником при освещении различных проблем, связанных с детством Павла Петровича: литературных предпочтений цесаревича³; устройства апартаментов Екатерины II в Зимнем дворце⁴; детских лет цесаре-

² Афанасьев А.Н. Записка С.А. Порошина // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1862. Кн. 4. С. 49.

³ См.: Семенов В.А. Что читал Павел I // Наше наследие. 1996. № 38. С. 14–17.

⁴ См.: Комелова Г.Н. Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. СПб., 2000. Т. I. XVIII – первая треть XIX века. С. 45–73.

вича⁵; военных пристрастий и игр Павла Петровича⁶ и др.⁷ В этом отношении актуальность изучения «Записок» и их востребованность у исследователей не вызывают сомнений.

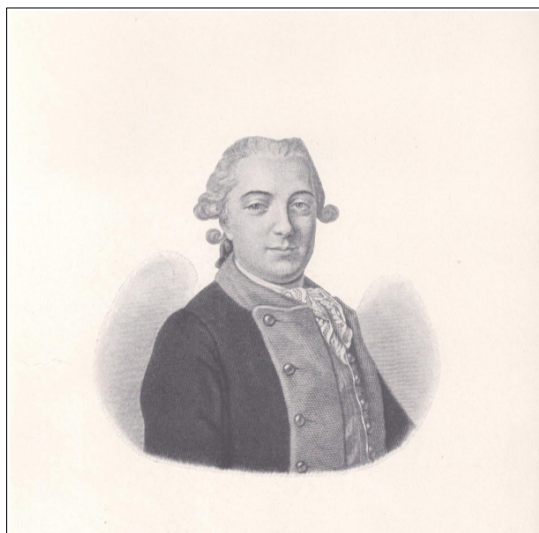

Рис. 1. Семен Андреевич Порошин.
С гравированного портрета П.Ф. Бертонье.
(Отдел эстампов и фотографий Российской
национальной библиотеки (ОЭФ РНБ) МП/2–П598)

⁵ См.: Уханова И.Н., Федорова В.И. Детские годы великого князя Павла Петровича // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. СПб., 2000. Т. I: XVIII – первая треть XIX века. С. 165–181.

⁶ См.: Юркевич Е.И. Военные занятия и игры великого князя Павла Петровича: по страницам дневника С.А. Порошина // Музей: новейшая история: мат-лы науч. конф. ГМЗ «Гатчина». СПб., 2005. С. 167–173.

⁷ См.: Листов В.С. Исторические подтексты реплики «Перестаньте ребячиться» в «Пиковой даме» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 6. С. 29–34; Воронков В.К., Матвиенко Е.В. Формирование характера будущего императора: воспоминания современников // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сб. ст. XXXVII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2022. С. 56–58; Аникин В.М. Физика и физики при дворе Екатерины Великой // Физик: ученый, педагог, наставник: сб. нуч. тр. Саратов, 2023. С. 25–34.

«Записки» С.А. Порошина впервые были изданы в 1844 г.⁸ профессором Санкт-Петербургского университета В.С. Порошиным (внуком И.А. Порошина; внучатым племянником С.А. Порошина) по рукописи из семейного архива и с тех пор неоднократно переиздавались с дополнительными фрагментами (в 1881, 2013 и 2015 гг.)⁹. Вероятно, оригиналом «Записок» являлась рукопись, которая долгое время хранилась в семье И.А. Порошина¹⁰. На данный момент ее местонахождение неизвестно.

До наших дней сохранилось три варианта рукописи «Записок»: экземпляр, который принадлежал императору Павлу I, хранится в собрании Павловского дворца; второй вариант рукописи хранится в Российском государственном архиве древних актов; третий экземпляр находится в Государственном архиве Российской Федерации¹¹.

В статье А.Н. Афанасьева за 1862 г. приводятся дополнения к «Запискам» С.А. Порошина, которые затрагивают самые ранние детские годы Павла (1755–1761). Записи детских воспоминаний Павла, сделанные С.А. Порошиным в 1764–1765 гг. со слов великого князя, позволяют восстановить некоторые события, происходившие в царствование императрицы Елизаветы Петровны и прояснить особенности воспитания Павла Петровича. Кроме того, располагая копией, списанной в 1787 г. Н.Н. Бантышем-Каменским с подлинной рукописи С.А. Порошина, А.Н. Афанасьев имел возможность сличить копию

⁸ См.: *Порошин С.А.* Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престола Российского. СПб., 1844.

⁹ См.: *Порошин С.А.* Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престола Российского. СПб., 1881; *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола российского; Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича: (неизданная тетрадь Записок С.А. Порошина). М., 2013; *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. М., 2015.

¹⁰ *Порошин С.А.* Записки... СПб., 1844. С. XVII–XVIII.

¹¹ *Порошин С.А.* Записки... М., 2015. С. 8–9.

рукописи с печатной версией «Записок» и выявить некоторые сокращения и умолчания¹².

В 1866 г. М.И. Семевский опубликовал в «Русском вестнике» результаты своего исследования после сличения списка «Записок», принадлежащего А.Б. Куракину, с изданием 1844 г.¹³ Помимо незначительных разночтений историку удалось выявить также ряд существенных дополнений.

В 1869 г. в «Русском архиве» была опубликована неизданная тетрадь С.А. Порошина «Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича», которая включала в себя недостающие фрагменты «Записок» за период с 26 марта по 12 июля 1765 г.¹⁴ Данная рукопись вместе с письмами и другими документами хранилась в семье сестры С.А. Порошина – Анны Андреевны.

В 1881 г. М.И. Семевский на основе рукописи, хранящейся в Павловском дворце, осуществил вторую публикацию «Записок» С.А. Порошина¹⁵. Данное издание было дополнено фрагментами дневника за 1765 г., опубликованными в 1869 г. в «Русском архиве». Таким образом, в 1881 г. появилось полное издание «Записок», которое включало все известные фрагменты.

В 2015 г. вышло наиболее полное издание, которое, как и издание 1881 г., включало все известные фрагменты «Записок» и сопровождалось комментариями к тексту и многочисленными иллюстрациями. В приложении к изданию 2015 г. были включены документы, связанные с воспитанием цесаревича, и материалы, посвященные истории изучения и публикации рукописи С.А. Порошина. Сильной стороной издания 2015 г. стало наличие нового, существенно дополненного именного указателя.

¹² Афанасьев А.Н. Записка С.А. Порошина... С. 33.

¹³ Семевский М.И. Семен Андреевич Порошин. 1741–1769 (Неизданные прибавления к его запискам) // Русский вестник. Т. 64. 1866. Август. С. 421–455.

¹⁴ См.: Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С.А. Порошина). 1765 год // Русский архив. 1869. Вып. 1. С. 1–74.

¹⁵ См.: Порошин С.А. Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престола Российского. СПб., 1881.

«Записки» С.А. Порошина являются ценным источником, раскрывающим детские годы цесаревича: развитие характера и мировоззрения Павла; привычки и особенности личности цесаревича; взаимоотношения с Екатериной II и ее вельможами; качество обучения; вовлеченность в жизнь двора; придворные нравы в начале царствования Екатерины II и др.

Опираясь на дневниковые записи С.А. Порошина, мы видим определенный портрет юного Павла: это был эмоциональный мальчик с живой мимикой и выразительным лицом, с несколько вздернутым носом и добрыми глазами. С детства Павел немного картавил и отличался неусидчивостью (много резвился, играл, шутил и часто подпрыгивал)¹⁶.

Практически ежедневно Павел Петрович упражнялся на токарном станке, играл со своими воспитателями в бильярд, карты и шахматы¹⁷. В числе увеселений Павел любил французский театр и маскарады. На маскарадах Павел появлялся в сопровождении юношей его возраста, которые имели возможность посещать великого князя и беседовать с ним¹⁸.

Духовным воспитанием Павла успешно занимался ученый монах Платон (Левшин), который впоследствии стал московским митрополитом. Имея дар слова, Платон плодотворно воздействовал на эмоции цесаревича, привил Павлу любовь к службе, усердие в образовании¹⁹.

Огромное влияние на формирование взглядов Павла Петровича оказала библиотека в Зимнем дворце. Чтение книг из библиотеки Вольтера и Дидро позволило Павлу стать одним из самых образованных людей своего времени. К 11-летнему возрасту великий князь познакомился со множеством исторических сочинений, с произведениями французских просветителей и римских классиков. Чтение являлось неотъемлемой частью образовательного процесса. Павел особенно любил рассматривать различные книжные картинки и эстампы²⁰.

¹⁶ Порошин С.А. Записки... СПб., 1844. С. 7, 13–14, 19.

¹⁷ Там же. С. 17, 22, 30, 36, 78.

¹⁸ Там же. С. 5–6.

¹⁹ Там же. С. 3.

²⁰ Там же. С. 94.

По распоряжению Н.И. Панина за столом великого князя ежедневно обедали видные екатерининские сановники: З.Г. и И.Г. Чернышевы, И.П. Елагин, А.В. Олсуфьев, Г.А. Спиридов, П.И. Панин, А.С. Строганов и др.²¹ Разговоры за столом при участии Павла занимают значительное место в «Записках» С.А. Порошина. Эти беседы любопытны прежде всего тем, что ярко демонстрируют взгляды и нравы деятелей того времени. «Эти люди хорошо помнят недавнюю старину, хорошо помнят первую половину века; но они уже прожили время, изменившее во многом их понятия, и они относятся отрицательно к хорошо знакомой им старине; если б не было этого отрицательного отношения, то они бы не стали говорить об известных явлениях, считая их делом обыкновенным»²² – справедливо заметил С.М. Соловьев. В этом отношении «Записки» С.А. Порошина позволяют проследить, как менялось отношение к тем или иным событиям отечественной истории в восприятии представителей двух поколений, приходящихся на первую и вторую половину XVIII в. В частности, изменилось отношение к человеческой личности: телесные наказания постепенно стали уходить в прошлое, более остро стала восприниматься критика²³. Насмешкам подвергались старинные обычаи в домашнем управлении, скупость и неопрятность²⁴. При этом в придворной атмосфере по-прежнему любили рассказывать различные анекдоты и распространять всевозможные слухи. Сохранение обычаев былых времен С.М. Соловьев небезосновательно связывает с существованием в обществе «значительной доли детскости, неразвитости»²⁵. Например, в придворном обществе одобрительно отзывались о нелюбви императрицы Елизаветы Петровны к шутам и в то же время открыто потешались над молодым и трусливым князем А.Б. Куракиным²⁶.

Цесаревич был окружен учителями, которые всячески старались вовлекать юного Павла в познавательные беседы. Неудивительно, что

²¹ Порошин С.А. Записки... СПб., 1844. С. 33–56.

²² Соловьев С.М. История России с древнейших времен... Стлб. 200–201.

²³ Порошин С.А. Записки... СПб., 1844. С. 69.

²⁴ Там же. С. 113–114.

²⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен... Стлб. 201–202.

²⁶ Порошин С.А. Записки... СПб., 1844. С. 172, 175, 344, 428, 520.

мировоззрение цесаревича во многом формировалось на основе бесед с учителями. За влияние на наследника при дворе велась скрытая борьба. Одним из следствий этой борьбы была отставка С.А. Порошина.

Рис. 2. Семен Андреевич Порошин. 1891 г. Портретная галерея «Современного Календаря». Русские писатели. (Отдел эстампов и фотографий Российской национальной библиотеки (ОЭФ РНБ) МП/4-Н305,1)

3 мая 1766 г., находясь проездом в Москве, С.А. Порошин написал письмо графу Г.Г. Орлову, в котором красноречиво изложил свою невиновность перед императрицей и просил защиты²⁷. По мнению С.А. Порошина, причиной его отставки от двора были интриги завистливых учителей-немцев, которые боролись за влияние на наследника²⁸. Настоящая причина его несчастья, по-видимому, заключалась в другом. Неудовольствие императрицы вызвал дневник С.А. Порошина, в котором он отражал все стороны придворной жизни²⁹. Кроме

²⁷ Письмо С.А. Порошина к графу Г.Г. Орлову // Русский архив. 1867. Вып. 2. Стлб. 192–195.

²⁸ Порошин С.А. Записки... СПб., 1844. С. 526.

²⁹ Цесаревич Павел Петрович. Исторические материалы, хранящиеся в Библиотеке дворца города Павловска // Русская старина. 1874. Т. IX. № 4. С. 673.

того, С.А. Порошина не любил обер-гофмейстер Н.И. Панин за интерес, проявленный молодым воспитателем к графине А.П. Шереметевой (позже невесте Н.И. Панина)³⁰. Г.Г. Орлов при всей его силе и желании не властен был возвратить С.А. Порошина ко двору, но, вероятно, способствовал его назначению командиром Старооскольского пехотного полка³¹. 12 сентября 1769 г. 28-летний С.А. Порошин скончался близ Елисаветграда во время похода в Турцию.

Подводя итог, отметим, что дневниковые записи С.А. Порошина не утратили эвристического потенциала за счет широты охвата при описании различных сторон придворной жизни XVIII столетия.

Изучение «Записок» С.А. Порошина необходимо проводить в неразрывной связи с историческими документами, которые подробно описывают основные задачи и методы воспитания Павла Петровича. В первую очередь это «Всепогоднейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорского высочества», составленное в 1760 г. Н.И. Паниным, и «Наставление императрицы Елизаветы Петровны графу Н.И. Панину о воспитании великого князя Павла Петровича» 1761 г. Несомненный интерес представляют «Рассуждения, касающиеся до воспитания Его Императорского Высочества Благоверного государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича»³², написанные в 1762 г. С.А. Порошиным. Опора на данные документы позволит более детально понять порядок воспитания и обучения Павла, который нашел отражение в «Записках» С.А. Порошина.

Предметом дальнейшего научного исследования может стать сравнение всех сохранившихся рукописных текстов «Записок» для выявления сходств и различий. Уникальность «Записок» С.А. Порошина заключается также и в том, что они не являлись законченным литературным произведением. Дневниковые записи создавались С.А. Порошиным в качестве подготовительных материалов для написания более обстоятельного труда, посвященного истории великого князя Павла Петровича. Однако задумке С.А. Порошина не

³⁰ Письмо С.А. Порошина к графу Г.Г. Орлову... Стлб. 196–197.

³¹ Собственноручное черновое письмо С.А. Порошина к графу Г.Г. Орлову // Русский архив. 1869. Вып. 1. Стлб. 66.

³² См.: Порошин С.А. Записки... М., 2015. С. 510–518.

суждено было сбыться, и для исследователей открылась уникальная возможность познакомиться с множеством сведений и подробных деталей относительно воспитания Павла и придворной атмосферы в начале царствования Екатерины II. В этом отношении «Записки» С.А. Порошина будут актуальны еще для многих поколений историков.

Библиография

Аникин В.М. Физика и физики при дворе Екатерины Великой // Физик: ученый, педагог, наставник: сб. нуч. тр. Саратов, 2023. С. 25–34.

Воронков В.К., Матвиенко Е.В. Формирование характера будущего императора: воспоминания современников // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сб. ст. XXXVII Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2022. С. 56–58.

Комелова Г.Н. Апартаменты Екатерины II в Зимнем дворце // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. Т. I. XVIII – первая треть XIX века. СПб., 2000. С. 45–73.

Листов В.С. Исторические подтексты реплики «Перестаньте ребячиться» в «Пиковой даме» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 6. С. 29–34.

Письмо С.А. Порошина к графу Г.Г. Орлову // Русский архив. 1867. Вып. 2. Стлб. 192–197.

Порошин С.А. Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престолу Российского. 2-е изд., испр. и значит. доп. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1881. 636 с.

Порошин С.А. Записки служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича наследника престолу Российского. СПб.: тип. К. Крайя, 1844. 563 с.

Порошин С.А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича / подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент., именной указ. Н.Ю. Бахаревой, В.А. Семёнова. М.: Кучково поле, 2015. 592 с.

Порошин С.А. Записки, служащие к истории Его Императорского Высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича, наследника престола российского; Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича: (неизданная тетрадь Записок С.А. Порошина). М.: Кучково поле, 2013. 477 с.

Семевский М.И. Семён Андреевич Порошин. 1741–1769 (Неизданные прибавления к его запискам) // Русский вестник. Т. 64. 1866. Август. С. 421–455.

Семёнов В.А. Что читал Павел I // Наше наследие. 1996. № 38. С. 14–17.

Собственноручное черновое письмо С.А. Порошина к графу Г.Г. Орлову // Русский архив. 1869. Вып. 1. Стлб. 66.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. 2-е изд. Кн. 6. Т. XXVI–XXIX. СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1895–1896. Стлб. 192, 200–202.

Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича (Неизданная тетрадь Записок С.А. Порошина). 1765 год // Русский архив. 1869. Вып. 1. С. 1–74.

Уханова И.Н., Фёдорова В.И. Детские годы великого князя Павла Петровича // Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. СПб., 2000. Т. I: XVIII – первая треть XIX века. С. 165–181.

Цесаревич Павел Петрович. Исторические материалы, хранящиеся в Библиотеке дворца города Павловска // Русская старина. 1874. Т. IX. № 4. С. 673.

Юркевич Е.И. Военные занятия и игры великого князя Павла Петровича: по страницам дневника С.А. Порошина // Музей: новейшая история: мат-лы науч. конф. ГМЗ «Гатчина». СПб., 2005. С. 167–173.

Е.В. Мирошкин

Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

Офицерский корпус полевых полков Сибирской инспекции: изменения в ходе военных реформ Павла I

Статья посвящена изменениям в офицерском корпусе полевых полков, располагавшихся в Сибири, в ходе реформ Павла I. Изучение этих изменений позволяет полнее представить ход и итоги проведения армейского реформирования, так как последнее в первую очередь сказывается на кадровом составе войск. Сведения об офицерах сосредоточены в послужных списках – периодических отчетных документах со сведениями о службе офицеров. Были отобраны дела, относящиеся к периоду 1798–1799 и 1800–1801 гг. Сделаны выводы, что средний возраст офицеров в годы правления Павла I снизился, доля офицеров из непривилегированного населения снизилась, а среди штаб-офицеров выросла доля штаб- и обер-офицерских детей. В годы правления Павла I в сибирские полки попали также иностранцы, которые составляли немалую долю среди штаб-офицеров.

Ключевые слова: Сибирь, Павел I, офицерский корпус, регулярная армия, реформы.

Армия играет большую роль в жизни государства и часто подвергается реформированию, поэтому пристальное внимание к офицерам – к тем, кто придает армии ее четкую структуру, определяет ее боевую подготовку и дисциплинированность – позволяет пролить свет на итоги армейского реформирования, так как преобразования эти (организационные, уставные, кадровые) в первую очередь затрагивают именно кадровый состав армии. Изучение же изменений в офицерском составе войск, стоящих в Сибири, столь далеко от столицы регионе, позволяет отчетливо представить непосредственную реализацию программы армейского реформирования: теоретический расчет столичных военных ведомств преломляется реальностью, региональной спецификой, что дает своеобразные итоги.

Реформы императора Павла I в военной сфере остаются еще малоизученными: хотя они и рассматриваются в обобщающих работах по истории русской армии¹, но отдельно почти не изучались. Акцент в работах делается на законодательном аспекте реформирования, тогда как реализации уделено мало внимания. Именно изучение офицерского корпуса позволяет наиболее наглядно проследить процесс реформирования и его итоги. Единственной работой, в которой рассматривается повседневная жизнь русской армии павловской эпохи, является монография Е.И. Юркевича о военном гарнизоне Санкт-Петербурга², однако и здесь кадровому составу уделено мало внимания.

В региональном измерении павловские реформы тоже не получили еще должного изучения: армейские преобразования затрагиваются в ряде публикаций³, но состав и перемены в офицерском корпусе и здесь остались без внимания. Лишь совсем недавно вышла статья А.В. Дмитриева⁴, посвященная анализу кадрового состава полевых полков Сибирской инспекции. Статью эту можно считать открывающей изучение различных аспектов реализации павловских военных преобразований в Сибири, а также их влияния на офицерский корпус.

Информация о жизни и службе офицеров сосредоточена в документах учета личного состава частей русской армии – послужных списках. Послужной список – «отчетный документ со сведениями

¹ См., напр.: Керсновский А.А. История русской армии: в 4 т. М., 1992. Т. 1. С. 171–193; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 315, 321, 328–329, 427–433; Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота, 1698–1801: боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 193–224; и др.

² Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.: Центрполиграф, 2007.

³ См., напр.: Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. В 2 ч. СПб., 1889. Ч. 1. С. 72–114; Альбовский Е. История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск, 1902. С. 86–158; Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул, 2005. С. 9–21; Андрейчук С.В. Сибирская инспекция: структура, управление и дислокация (1796–1808 гг.) // Исторический ежегодник. 2010. Новосибирск, 2010. С. 179–190; и др.

⁴ Дмитриев А.В. Кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии в конце XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 158–166.

о прохождении службы всего личного состава войсковой части»⁵, который представляет собой таблицу, в которую внесены следующие сведения: фамилия, имя, отчество, возраст, происхождение, история получения чинов, опыт участия в военных кампаниях, семейное положение, наличие штрафов и судимостей, текущее местоположение, достоинство к повышению. Формуляр этих списков определен в 1793 г., а периодичность их подачи в Инспекторскую экспедицию Военной коллегии – указом от 31 марта 1798 г.: послужные списки должны были составляться каждые полгода⁶.

В годы правления Павла I в Сибири находились следующие полевые (т.е. не гарнизонные) войска: Томский, Ширванский, Селенгинский пехотные полки, 19-й и 20-й егерские полки, Сибирский и Иркутский драгунские полки. Для изучения изменений в офицерском корпусе были отобраны послужные списки, сосредоточенные в фонде 489 «Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), относящиеся к четырем полкам: Ширванскому пехотному, 20-му егерскому, Сибирскому и Иркутскому драгунским. Для того, чтобы иметь возможность проследить динамику изменений, были выбраны парные дела, относящиеся к более раннему (1798–1799 гг.) и более позднему (1800–1801 гг.) периодам⁷. Выборка представляется достаточно репрезентативной: в этих делах сосредоточена информация о 241 офицере, из которых 40 относились к категории штаб-офицеров (шефы, полковники, подполковники, майоры), а 201 – к обер-офицерам (капитаны, штабс-капитаны, поручики, подпоручики, прапорщики, а также аудиторы, квартирмейстеры, шталмейстеры).

Весь учтенный офицерский корпус представлял собой разнообразную картину социального происхождения: 109 человек относились к русскому дворянству, 30 – к иностранному (прибалтийские немцы, поляки, венгры, греки и прочие, принявшие временное подданство,

⁵ Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: в 3 т. М., 2013. Т. 1. С. 4.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 24. № 17898. С. 519–521.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619, 1621, 1751, 1752, 2375, 2376, 2573, 2574.

например, французские эмигранты), 60 человек принадлежали к категории штаб- и обер-офицерских детей⁸. 42 человека относились к непривилегированным слоям населения: здесь встречаются, например, солдатские, унтер-офицерские и поповские дети, бывшие мануфактурные рабочие, а также дети чиновников низкого ранга. По занимаемым чинам социальное происхождение офицеров распределилось так: из 40 штаб-офицеров 28 человек принадлежали к дворянству, из них 12 иностранцев, семь человек принадлежали к прослойке штаб- и обер-офицерских детей. Оставшиеся восемь человек принадлежали к непривилегированным категориям населения или детям гражданских чиновников. Примечательно, что в штаб-офицерские чины вышли три солдатских сына, один из них – Василий Кузьмич Вяткин – даже стал полковником, причем чины подполковника и полковника он получил уже в годы правления Павла I⁹, что идет вразрез с расхожим мнением об ограничении возможностей продвижения по службе офицеров недворянского происхождения¹⁰.

Если среди штаб-офицеров дворяне составляли большинство, то в обер-офицерских чинах дворян было немногим больше половины (108 из 201 человек, из них 16 – иностранцы). Большую долю офицеров составляли дети штаб- и обер-офицеров: 22 и 39 человек соответственно. 40 человек не принадлежали ни к дворянству, ни к детям офицеров: 28 из них были детьми военных (солдат, унтер-офицеров, казаков), четверо были из семьи священнослужителей, пятеро – из семей гражданских служащих (дети коллежских секретарей и ассессоров, протоколистов, врачей), двое были вольноопределяющимися, о происхождении которых ничего не известно, и один был мануфактурным мастеровым.

Приведенные подсчеты относятся ко всему периоду павловского правления, учитывая последний внесенный в послужные списки чин каждого офицера. Нагляднее же проследить изменения в кадровом

⁸ Штаб- и обер-офицерскими детьми называли тех, кто был рождён до получения их отцом первого штаб- или обер-офицерского чина соответственно. В павловское правление первым обер-офицерским чином считался чин прапорщика (XIV класс в Табели о рангах), первым штаб-офицерским чином – майорский (VIII класс).

⁹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619. Л. 84 об. – 85.

¹⁰ См., напр.: *Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Русская пехота...* С. 194.

составе по чинам возможно при рассмотрении офицерского состава, разделяя послужные списки на ранний (1798–1799 гг.) и поздний (1800–1801 гг.) периоды. Для сравнения были отобраны следующие параметры: возраст, социальное и этническое происхождение, владение крепостными.

В годы правления Павла I возрастной состав офицерского корпуса полевых полков, расположенных в Сибири, претерпел изменения, которые показаны в виде таблицы.

Таблица 1

Средний возраст офицеров полевых полков по периодам*

	1798–1799	1800–1801
Штаб-офицеры	39	37
Шефы, полковники, подполковники	50	36
Майоры	36	37
Обер-офицеры	30	28
Капитаны	34	32
Штабс-капитаны	34	32
Поручики	30	30
Подпоручики	28	25
Прапорщики	26	23
Аудиторы, квартирмейстеры, шталмейстеры	32	33

* Составлено по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619, 1621, 1751, 1752, 2375, 2376, 2573, 2574.

Как видно, офицерский состав полков во второй период заметно моложе, чем в первый. Наиболее резкое «омоложение» наблюдается среди командного состава: шефов, полковников, подполковников. В 1798 г. шефом Сибирского драгунского полка состоял 64-летний французский эмигрант граф Виомениль, который к 1800 г. уже покинул Россию, а в Ширванском полку служил 63-летний полковник

В.К. Вяткин, который к 1800 г., вероятно, вышел в отставку в силу преклонного возраста¹¹. Их сменили более молодые офицеры.

Обер-офицерский состав также, хотя и менее заметно, помолодел. В делах, относящихся к периоду 1800–1801 гг., встречается больше десятка молодых офицеров, как правило, из обер-офицерских детей, которые начинали свою службу в данном полку и здесь же получали свои первые обер-офицерские чины уже в годы правления Павла I. Так, 25-летний обер-офицерский сын Гавриила Яковлевич Лосев начал свою службу подпрапорщиком в 1790 г. в Сибирском драгунском полку и здесь же получил чины прапорщика и подпоручика в 1799 г. с разницей в месяц¹². 24-летний Егор Филиппович Абызов, тоже из обер-офицерских детей, начал службу рядовым Иркутского драгунского полка в 1792, а в 1799 г. он с разницей в несколько месяцев получил чины унтер-офицера и прапорщика¹³. В 20-м егерском полку служили два выпускника Шкловского кадетского корпуса, молодые польские дворяне Савицкий и Евневич, которые по выпуске из училища в 1800 г. были сразу определены в полк в чине прапорщиков, в котором, впрочем, оставались недолго: в том же году они были произведены в подпоручики¹⁴. Такое быстрое производство в чинах было характерной чертой военной службы в эпоху Павла I. Если при Екатерине II срок выслуги чина сократился до двух-трех лет¹⁵, то при ее сыне многие офицеры получали повышение каждый год и даже чаще.

Учитывая тот факт, что Павел I лично утверждал производство в чины штаб- и обер-офицеров¹⁶, можно говорить о целенаправленной политике по «омоложению» офицерского состава полевых частей.

Социальное происхождение офицеров также изменилось за годы правления Павла I.

¹¹ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2573. Л. 47 об. – 48; Д. 1619. Л. 84 об. – 85.

¹² Там же. Д. 2574. Л. 73 об. – 74.

¹³ Там же. Д. 2376. Л. 24 об. – 25.

¹⁴ Там же. Д. 1752. Л. 52 об. – 54.

¹⁵ Дмитриев А.В. Кадровый состав... С. 164.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи... Т. 24. № 17570. С. 11.

Таблица 2

**Социальное происхождение штаб- и обер-офицеров
по периодам (количество человек/доля в %)***

	1798–1799	1800–1801
Штаб-офицеры	23/100	27/100
Из дворян	17/74	18/67 %
Из штаб- и обер-офицерских детей	2/9	6/22
Из прочих категорий населения	4/17	3/11
Обер-офицеры	154/100	159/100
Из дворян	81/53	85/53
Из штаб- и обер-офицерских детей	44/28	44/28
Из прочих категорий населения	29/19	30/19

* Составлено по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619, 1621, 1751, 1752, 2375, 2376, 2573, 2574.

Из таблицы видно, что среди штаб-офицеров произошли существенные изменения, тогда как на социальном составе обер-офицеров преобразования Павла I не отразились. Среди штаб-офицеров значительно снизилась доля дворян, тогда как доля детей штаб- и обер-офицеров выросла на 13 %. Стремление императора Павла I сделать военную службу занятием исключительно дворянским хотя и медленно, но реализовывалось: несмотря на отдельные случаи выдвижения офицеров из непривилегированных слоев общества (об одном таком примере писалось выше), налицо тенденция к сокращению числа выходцев из таких групп населения. Известно, что в последнее десятилетие екатерининского правления доля офицеров неблагородного происхождения составляла 18 %¹⁷, в 1798–1799 гг. же эта доля достигает 17 %, а в 1800–1801 гг. – уже 11 %.

Проводившиеся реформы и кадровая политика не могли не отразиться на имущественном состоянии офицеров. Наглядно распределение владеющих крепостными дворян по чинам по периодам представлено в таблице. Градация по количеству крепостных объясняется

¹⁷ Дмитриев А.В. Кадровый состав... С. 161.

тем, что человек, владевший более 20 душами, мог прожить на доходы с имения, тогда как дворяне с меньшим количеством крепостных были вынуждены подаваться на службу, как правило, военную. К собственникам в таблице также причислены владеющие крепостными совместно с братьями или сестрами.

Таблица 3

**Распределение душевладельцев по чинам
(количество человек/доля в %)***

	1798–1799	1800–1801
Штаб-офицеры	17/100	18/100
Крупные собственники (от 100 душ)	–	1/5,5
Средние собственники (от 20 душ)	2/12	–
Мелкие собственники	2/12	1/5,5
Собственность за отцом или матерью	4/23	3/17
Не имеют крепостных	9/53	13/72
Обер-офицеры	81/100	84/100
Крупные собственники (от 100 душ)	–	–
Средние собственники (от 20 душ)	5/6	5/6
Мелкие собственники	7/9	4/5
Собственность за отцом или матерью	34/42	35/42
Не имеют крепостных	35/43	40/47

* Составлено по: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619, 1621, 1751, 1752, 2375, 2376, 2573, 2574.

В полевых частях, расположенных в Сибири, многие офицеры-дворяне вообще не имели крепостных крестьян. Из 139 дворян (русских и иностранных) лишь 18 человек имели крепостных крестьян в своей собственности, включая совместное владение с братьями и сестрами. У большинства дворян крепостные числись только за их родителями. Среди штаб-офицеров доля дворян без крепостных крестьян существенно выше, чем среди обер-офицеров. Лишенные дополнительных источников доходов, они имели в военной службе

единственный источник средств к существованию и достигали здесь высоких чинов. Число «неимущих» штаб-офицеров выросло почти на 20 % за промежутки в 1–2 года. Объясняется это может отличной службой, которая в павловское время стала особо поощряться.

Любопытно, что среди штаб-офицеров наблюдается мало выходцев из состоятельных помещичьих семей. За отцом майора Ширванского полка Саввой Дементьевичем Арсеньевым числилось 15 душ¹⁸, майор 20-го егерского полка Михайло Гедеин владел всего двумя крепостными¹⁹, и даже сам шеф того же полка Дмитрий Шишков был собственником только 50 душ²⁰. Настоящим магнатом на их фоне смотрится шеф Сибирского полка князь Иван Сергеевич Одоевский, владевший 900 крепостными крестьянами²¹.

Среди обер-офицеров встречается гораздо больше выходцев из богатых семей. Например, отец подпоручика Андрея Петровича Брежинского владел 138 крепостными²², отец подпоручика Павла Николаевича Чичерина был собственником 300 душ²³, а отец венгерского дворянина Карла Осиповича Коши имел на родине 500 крепостных²⁴. В единоличной или совместной собственности обер-офицеров находилось от трех до 77 крепостных крестьян. Хотя в процентном соотношении распределение имущественных слоев дворян осталось прежним в более позднем периоде, количество душ во владении в каждой категории увеличилось: стало больше офицеров, чьи родители владели более чем сотней крепостных (один в периоде 1798–1799 гг. против четырех в 1800–1801 гг.), количество крепостных у собственников «средней руки» тоже выросло с 2–10 душ в среднем в раннем периоде до 5–21 в позднем. Некоторые офицеры владели крупными владениями совместно с братьями или сестрами. Так, штабс-капитан Иван Андреевич Кубасов владел вместе с братом 77 крепост-

¹⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1621. Л. 61 об. – 62.

¹⁹ Там же. Д. 1751. Л. 5 об. – 6.

²⁰ Там же. Л. 40 об. – 41.

²¹ Там же. Д. 1621; Там же. Д. 2574. Л. 53 об. – 54.

²² Там же. Д. 1619. Л. 109 об. – 110.

²³ Там же. Д. 2376. Л. 21 об. – 22.

²⁴ Там же. Л. 26 об. – 27.

ными²⁵, а подпоручик Петр Леонтьевич Казимеров делил с братом и сестрами 36 крестьян²⁶.

Приведенные данные свидетельствуют о разнородности дворянского сословия: наряду с аристократами, владевшими несколькими сотнями крестьян, несли службу в Сибири и те, кто был собственником двух-трех крепостных. Много было тех, о ком в послужных списках отмечалось стандартной фразой: «за ним мужеска полу душ не имеется»²⁷. Как отмечалось выше, офицерский состав был относительно молод, поэтому так часто встречаются те офицеры, родители которых являются помещиками.

Этническое происхождение являет собой довольно богатую картину. В отобранных полках в Сибири в годы правления Павла I служило 39 иностранцев: девять поляков, шесть французов, шесть немцев, четыре венгра, четыре грека, два англичанина, один итальянец и один швед. Иностранцы составляли большую долю штаб-офицеров. Так, среди четырех дворян из числа шефов, полковников и подполковников (всего шесть человек) в 1798–1799 гг. трое были иностранцами. Один из них – французский эмигрант граф Виомениль – командовал Сибирским драгунским полком. Вместе с ним в полк были зачислены майорами молодые французские аристократы граф Долон и маркиз де Тустен. В 1799 г. они отбыли в действующую армию и в Россию больше не возвращались, но в списках еще формально числились²⁸. Командных чинов достиг и другой француз из семьи принявших российское подданство гугенотов Антон Антонович Скалон²⁹. Греки Петр Ивелич и Николай Шпарович, итальянец Иосиф Делианкурт вступили в русскую службу в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг.³⁰

Армейские реформы Павла I и проводившаяся кадровая политика заметно отразились на офицерском корпусе частей, охранявших границу в Сибири. Во-первых, целенаправленно принимались меры по снижению среднего возраста офицеров: повышения получали молодые дворяне и дети военных, служившие в сибирских полках, в полки

²⁵ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2574. Л. 62 об. – 63.

²⁶ Там же. Д. 1619. Л. 107 об. – 108.

²⁷ См., напр.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1621. Л. 64об. –65, 80об. –81; Д. 2376. Л. 11об. –12.

²⁸ Там же. Д. 2574. Л. 56 об. – 57.

²⁹ Там же. Д. 2376. Л. 1 об. – 2.; *Альбовский Е.* История Иркутского полка... С. 106–108.

³⁰ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1621. Л. 60 об. – 61, 63 об. – 64, 68 об. – 69.

инспекции назначались выпускники кадетских училищ. Во-вторых, снизилась доля офицеров, происходивших из непривилегированных слоев населения, и, наоборот, среди штаб-офицеров возросла доля штаб- и обер-офицерских детей. В-третьих, к концу павловского правления на службу попадало больше офицеров-душевноладельцев «средней руки» и выходцев из обеспеченных помещичьих семей. Наконец, пополнило здешний офицерский корпус вступление на русскую службу французских эмигрантов.

Библиография

Альбовский Е. История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1902. 334 с.

Андрейчук С.В. Сибирская инспекция: структура, управление и дислокация (1796–1808 гг.) // Исторический ежегодник. 2010. Новосибирск, 2010. С. 179–190.

Андреевич В.К. Сибирь в XIX столетии. В 2 ч. СПб.: Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Ч. 1. 298 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М.: Воениздат, 1958. 646 с.

Дмитриев А.В. Кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии в конце XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 158–166.

Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. М.: Голос, 1992. Т. 1. 304 с.

Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота 1698–1801: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М.: АСТ, 1995. 296 с.

Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 24. 869 с.

Ростов Н.Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул: АлтГТУ, 2005. 304 с.

Татарников К.В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель: В 3 т. / Сост., вступ. статья, оформл. К.В. Татарников. М., 2013. Т. 1. С. 3–25.

Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.: Центр-полиграф, 2007. 280 с.

М.А. Козлова

*Институт истории и археологии
Уральского отделения Российской академии наук
(Екатеринбург)*

Слухи как индикатор общественных ожиданий городского населения Российской империи первой трети XIX века

На основе анализа содержания и выявления механизмов распространения слухов делается вывод о формировании сети «неформальной коммуникации» в городской среде. Выделены социальные функции слухов, направленные на выражение недовольства и нереализованных ожиданий населения. Необходимость мониторинга общественных настроений обусловила внимание государственных институтов к распространению заведомо опасной для общественного спокойствия информации. Рассмотренные слухи о целенаправленных заражениях и новом «еврейском положении» не сосредотачивались на предложении механизмов реализации актуальных общественных проблем и вопросов. Недосказанность и таинственность, характерные для слухов, стимулировали дальнейшее распространение потенциально опасной для общественного спокойствия информации.

Ключевые слова: слухи, общественное мнение, проблематика исследований слухов, общественные ожидания.

Финансовая поддержка: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00649, <https://rscf.ru/project/23-18-00649/>

Исследование истории слухов как индикатора общественных настроений – одно из перспективных направлений в современной исторической науке. Однако сложность такого рода исследований обусловлена спецификой источниковой основы и недоверием ряда историков к так называемой «непроверенной информации». Довольно часто понятие «слух» употребляется в негативном значении и связывается с распространением заведомо ложной информации. Но выявление содержания и направленности слухов имеет значительный эври-

стический потенциал, т.к. позволяет существенно дополнить информацию о состоянии общественного сознания не только в образованной среде российского общества, но и в группах, представители которых не оставили после себя текстов, отражающих их мировосприятие.

Слухи как способ передачи информации посредством «доверительного общения» встроены в сеть неформальной коммуникации и являются способом освоения и адаптации индивида к изменениям окружающей реальности, отражением определенных негативных и/или позитивных ожиданий. В данном контексте слухи – это индикатор, определяющий перемену настроений, ожидания определенных социальных групп. Возникая по причине недостатка информации, они становятся способом заполнить информационный вакуум вокруг наиболее значимых для современников проблем.

Изучение феномена слухов – в исторической исследовательской литературе довольно молодое направление. Связано это, в первую очередь, с двойственным восприятием слухов как источника непроверенной, ложной информации. Долгое время историки избегали анализа слухов как источника формирования общественного мнения, оставляя данную тему на периферии исторического исследовательского пространства. О.А. Гайлит в обобщающей статье «Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков» объясняет это неувимостью, сложностью определения и объяснения слухов¹. Помимо фиксации слуха, необходимо выявить механизм распространения, причины появления, а также интерпретировать содержание сообщений исходя из общего социокультурного контекста. Авторы статей, опубликованных в сборнике «Слухи в России XIX–XX веков», обратили особое внимание на необходимость совершенствования методов работы со слухами, определив их как древнейшую форму массовой коммуникации².

О.В. Кораблева в статье «Слухи как фактор формирования общественного мнения»³ выводит на первый план вопрос взаимодействия

¹ Гайлит О.А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 45–52.

² Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск, 2011. С. 8.

слухов и общественного мнения. Исследователь характеризует стадии формирования и развития слухов, а также степень их влияния на настроения людей. Кораблева отмечает: «Слух есть то значение, посредством которого еще временная и нестабильная коллективность возникает из совокупности. Публика слуха может расширяться, включая тех лиц, которые изначально не были ни заинтересованы, ни информированы о ситуации»⁴. Автор замечает, что соотнесение понятий «общественное мнение» и «слухи» позволяет выделить ряд схожих черт. Сходство, по мнению социолога, выражается в формировании данных феноменов на одном уровне, наличии одних субъектов в рамках индивидуумов, групп, общностей, схожих механизмов формирования и функции⁵.

Одним из первых отечественных исследований, обращенных к изучению феномена слухов, стала работа С.Н. Чернова «Слухи 1825–1826 гг. (Фольклор и история)». Советский историк определил слухи как материал для изучения общественных ожиданий и настроений: «...слух может быть использован для труднейшей и ответственной области научного восстановления отдельных отрезков социально-политической борьбы: здесь слухи дают материал не только для изучения настроений и взглядов сложившихся и передавших их лиц и кругов, но и для выяснения их конкретных планов, тактики и социально-политических программ»⁶.

Ключевым исследованием в рамках анализа слухов является работа К.В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.»⁷. Чистов рассмотрел слухи как составную часть социально-утопических легенд, бытовавших среди населения России. Автор выделил «слухи и толки», мемораты и фабулаты как три формы бытования фольклорной прозы, в рамках которых бытовали легенды,

³ Кораблева О.В. Слухи как фактор формирования общественного мнения // Социосфера. 2010. № 4. С. 136–140.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Там же. С. 138.

⁶ Чернов С.Н. Слухи 1825–1826 гг. (Фольклор и история) // У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории русского декабризма. Саратов, 1960. С. 329.

⁷ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. 341 с.

предания и сказы⁸. Чистов отметил «слухи и толки» как нормальную (самостоятельную) форму передачи системы представлений социального коллектива⁹.

И.В. Побережников в работе «Слухи в социальной истории: типология и функции» определил слухи как «вневременной и всепроникающий механизм, оказывающий существенное воздействие на социальное взаимодействие»¹⁰. Слухи как неотъемлемый элемент в структуре неформальной коммуникации общества дополняют формальные коммуникации неформальной сетью «доверительных сообщений». Существенная важная характеристика слухов – неофициальность источника их распространения. И.В. Побережников выделил социальные функции слухов: адаптация, осмысление обществом инноваций; установление контроля над угрожающими изменениями реальности; ориентация и стандартизация коллективного поведения¹¹.

Для первой четверти XIX в. характерно осознание со стороны государства необходимости мониторинга настроений в обществе, что, в свою очередь, влекло за собой попытки создания разветвленной системы надзора за распространением потенциально опасной информации. Проблематика слухов, определяющихся в данном исследовании к отдельной тематической группе «городских слухов», весьма разнообразна. Сюда можно отнести жалобы и пасквили на отдельных чиновников, слухи о разбойниках и грабителях, домыслы населения, связанные с распространением заразных болезней, вопрос отдельных национальных групп в рамках Российской империи. Объединяет данные слухи один принципиально важный фактор – средой распространения слухов являлся город, а связанные с ним социально-экономические особенности напрямую влияли на содержание распространяемой среди городского населения «непубличной» информации.

Контроль за распространением потенциально опасной информации обусловил пристальное внимание государственных институтов к вопросу сохранения «общественного спокойствия». Ключевой темой

⁸ Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды... С. 11.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции. Екатеринбург, 1995. С. 3.

¹¹ Там же. С. 3.

стали массовые беспокойства населения на предмет распространения опасных болезней. Недостаточная информированность и обеспокоенность карантинными мерами, вводимыми губернской администрацией, приводили к распространению вредной для общественной безопасности слухов и домыслов.

Так, в докладе министра внутренних дел А.Б. Куракина от 28 мая 1807 г. была представлена записка об открывшейся в предместьях Астрахани заразительной болезни. А.Б. Куракин отчитался о принятых мерах предосторожности и о «сроках карантинного очищения, как для выезжающих, так и для приезжающих, и о прочих обстоятельствах, до сего относящихся»¹².

Министр сообщил о распространении в городе тревожных слухов, связанных с введением карантинных мер. Якобы одним из способов распространения заразы стал хлеб, в который, по слухам, подмешивали некие порошки, в связи с чем местная администрация ввела строгий контроль по выпуску хлебов: «Что между тем, как дело сие было в таком положении, слухи в городе распространились, что в хлеб кладутся какие-то вредные порошки, что хлебникам запрещено делать хлебы без свидетельства полиции и лекарей, и все сие для того, чтобы удостоверить в существовании заразы; хотя сие найдено совершенно ложною молвою, тем не менее произведено было над всеми задержанными хлебами химическое испытание для успокоения только народа»¹³. Доклад министра свидетельствует об особом внимании местных органов власти к городской молве, особенно в рамках острых, напряженных ситуаций, таких как распространение заражения среди населения. Слухи могли стать поводом к проверке «тревожных известий».

В «Историческом обзоре деятельности Комитета министров» также зафиксировано сообщение о появлении в 1807 г. чумы, ставшей причиной крупных беспорядков в Астрахани. Местное население собиралось у дома губернатора, выражало недовольство закрытием фабрик. Торговцы же распространяли слухи об отсутствии болезни,

¹² Журналы Комитета министров. СПб., 1888. Т. 1. С. 142.

¹³ Там же. С. 142.

якобы «...эти меры придуманы только для притеснения жителей...»¹⁴. Здесь также зафиксирован слух о «вредных порошках», подмешиваемых в хлеб, но уже в другом варианте. Согласно народной молве, инициатором отравления хлебов стала местная полиция¹⁵, что, в свою очередь, подстрекало население к неповиновению и несоблюдению принимаемых местной администрацией мер.

Другой вариант слухов, связанных с распространением опасной болезни, появился на западных границах империи, но уже в более поздний период. Так, в 1829 г. в Минской и Виленской губерниях стали широко известны слухи о появившихся якобы «заразительных на людях болезнях»¹⁶. В народе говорили о чуме или «моровой язве». Наместник Царства Польского Великий князь Константин Павлович 31 октября 1829 г. получил письмо от министра внутренних дел А.А. Закревского, согласно которому информация о «моровом поветрии» решительно опровергалась: «...повеления об осмотре в Минской губернии месте, подозреваемом в чумной заразе и об открытии повода к ложному о том слуху и лице, оный распространивших»¹⁷. Однако, несмотря на утверждения министра о бесосновательности слухов, началось расследование по выявлению источника распространения «опасной информации».

Выяснилось, что некоторое время слухи о заразительных болезнях получали широкое распространение в Пруссии, «...оказавшихся якобы, в Минской губернии, что в Кенигсберг пришло из Ковно частное письмо, которое содержало в себе известие о Моровой язве, оказавшейся в Борисове, и что подобные слухи носились в губернии с присовокуплением, что многие семейства готовились уже к отъезду из Ковно»¹⁸. В Ковно был отправлен чиновник с целью выяснить «...повод к сему ложному слуху и о лицах, оный распространивших». В случае справедливости слухов рекомендовалось «...принять противу того нужные узаконенные меры осторожности»¹⁹.

¹⁴ Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902.

¹⁵ Там же. С. 116.

¹⁶ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1402. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Л. 4 об.

¹⁹ Там же. Л. 5 об.

В рапорте Константину Павловичу минский гражданский губернатор Викентий Иванович Гечан-Гечевич также настаивал на ложности распространяемых слухов: «По поводу разнесшихся слухов о существовании будто бы во вверенной мне Губернии Моровой язвы, с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения, прислан был сюда чиновник Министерства Внутренних дел, и лично удостоверившись, о совершенной неосновательности таковых слухов, отправился в дальнейшие места своего назначения»²⁰.

В ходе расследования появилось несколько вариантов источников распространения слухов о заразной болезни. Первый соотносил отправную точку молвы к Ковенскому уездному доктору, коллежскому советнику Ковальскому, получившему сведения о чуме от некоего знакомого. Однако сам доктор в этом не сознался²¹.

Вторым же выявленным источником «толков» стал ковенский житель, 2-ой гильдии купец Гермо, торговавший посредством сплава по Неману русских продуктов в Пруссию. Гермо якобы получил письмо от купца Шидлера с предостережением о скорой остановке коммуникации с Пруссией ввиду известий от Правительства о распространении заразы. Действительно, в ходе расследования выяснилось: «...поводом тех роспущенных слухов граница со стороны Прусской была заперта около двух недель и от непропуску шедших по Неману из внутренних Российских губерний судов, некоторые из промышленников понесли убытки...»²².

Вышеупомянутый купец Гермо отправил тревожное письмо живущему на границе с Пруссией купцу Глику с предостережением: «Также говорят, что в Борисове Минской губернии есть падеж скота, и даже свирепствует там и дальше прилипчивые на людях болезни; дома в которых больные оказываются, говорят, так тесно заперты, что может быть по несколько людей умирают с голоду. И так любезный друг, сделай завещание свое, смерть нам близка, либо моровая язва не далеко от нас»²³. Так купец, получив частную информацию о закрытии границ и распространении заразной болезни от одного лица,

²⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1402. Л. 17.

²¹ Там же. Л. 30 об.

²² Там же. Л. 31.

²³ Там же. Л. 32 об.

передал сообщение уже с довольно существенными прибавлениями и резким эмоциональным окрасом.

Судя по всему, Гермо не ограничился распространением новостей только одним адресатом, и слух, существенно преувеличенный, получил дальнейшее развитие. Данный пример хорошо иллюстрирует процесс трансформации информации, передаваемой посредством слухов. Содержательное наполнение слуха исходной точки в значительной степени преобразуется, гиперболизируется в дальнейшем, даже несмотря на отсутствие явных свидетельств, как в данном случае – проявлений заразной болезни.

Другой ключевой темой в рамках «социальных слухов» стала проблема национальных меньшинств. Нерешенные социально-экономические вопросы и проблема инкорпорации присоединенных к империи территорий являлись ключевыми причинами, стимулировавшими ожидания и рефлексию населения, выражавшуюся и в распространении ряда слухов. Особое внимание уделялось сохранению «общественной безопасности» в западных губерниях империи, польскому и еврейскому вопросам.

В 1824 г. в западных губерниях начинали распространяться слухи о скором составлении нового «Положения о евреях», что вызвало волнения и, как следствие, – «непозволительные денежные складки». Материалы расследования по данному делу, представленные в докладе цесаревичу Константину Павловичу, сохранились в бумагах наследника в фонде Собственной его императорского величества канцелярии²⁴. Согласно материалам по расследованию данных слухов, в народе пошла молва о новом еврейском положении, согласно которому еврейское население на территории Российской империи должно было быть привлечено к обязательной военной службе, а также вводился запрет на брак до достижения 25-летнего возраста²⁵. Как реакция на слухи – «...евреи прибегают к раввинам, которые имеют сильное на них влияние, налагают строгие посты и молитвы в цели умиловления Бога к помилованию народа еврейского»²⁶.

²⁴ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1278. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Л. 6.

²⁶ Там же. Л. 6.

Распространение информации, как нарушавшей «общественное спокойствие», вызвало у губернской администрации опасения: «Сколько слухи сии могут быть, с одной стороны, вовсе не неосновательны, столько на другой вредны и нарушают общее спокойствие <...> заключают в себе намерение к склонению евреев на не позволенные складки»²⁷.

Согласно рапорту, составленному Константином Павловичем для императора, слухи о новом положении начали распространяться с 1823 г. в городе Вильно. Об этом свидетельствует личное письмо раввина Берко Зельмана, в котором в ответ на приглашение от еврейской общины раввин сообщал, не сможет приехать в Вильно по причине «происходящих там беспокойств о приближавшемся сроке выгнания евреев из двух Белорусских губерний»²⁸. В связи с распространением тревожных толков губернская администрация выпустила циркуляр за подписью минского губернатора Викентия Ивановича Гечан-Гечевича, в котором опровергались «неосновательные слухи»²⁹.

Позднее, уже в 1827 г., слухи о тайных еврейских складках получили дальнейшее распространение. Среди евреев ходила молва о приезде некоего раввина Аизыка, посетившего Херсон якобы «для сбора с богатых евреев складочных денег, в распоряжение Еврейских депутатов, находящихся в Санкт-Петербурге, и требующих от живущих в разных местах России Евреев Капитала в 100 т. Рублей, для обработки какого-то дела...»³⁰. Раввин уверял о сборе средств для неких депутатов, способных лоббировать интересы евреев в столице.

Так, ожидания еврейского населения Российской империи о возможном изменении их социально-экономического положения в стране, направленные скорее на моделирование худшего варианта, приводили к возникновению слухов и домыслов о готовящемся «еврейском положении». Данные «толки» имели экономическое следствие – законодательно запрещенные еврейские складки, что вызывало еще большую озабоченность государственных институтов

²⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1278. Л. 6.

²⁸ Там же. Л. 6–7 об.

²⁹ Там же. Л. 34.

³⁰ Там же. Л. 203.

и влекло за собой необходимость опровержения распространяемой информации. Однако в рамках рассмотренного дела нельзя упускать из виду и надежды еврейского населения на положительные трансформации, направленные на веру в силу неких депутатов, способных при финансовой поддержке оказать существенное влияние на отношение к предполагаемому «Положению» в столице.

Таким образом, варианты сценария городских слухов довольно разносторонни и очень часто направлены на «разоблачение» преступлений и пороков местной администрации. Однако данные слухи далеко не всегда в полной мере соотносились с реальностью. Городские «толки» зачастую транслировали бытовые социально-экономические трудности. Содержательная часть слухов сообщает об основных ожиданиях населения, стремящихся заполнить «информационный вакуум» вокруг основных насущных вопросов. А основной посыл данных «толков» – поиск причин данных проблем, зачастую персонализированных в рамках обвинения конкретных личностей. Решения же данные слухи довольно часто не предлагали, возлагая надежду на справедливость высших органов власти империи.

Слухи, моделируя сеть «неформальной коммуникации», транслировали наиболее важные для населения ожидания. Исходя зачастую из недостаточной осведомленности, слухи являлись попыткой заполнить информационный вакуум и предложить решение той или иной проблемы. Для рассматриваемого периода характерна активизация со стороны государства выявления и контроля распространения ложной, клеветнической информации, приравниваемой к слухам. Социальные слухи представлены вариантами рефлексии о возможных решениях национальных вопросов, а также «тревожной» информации о распространении заразных болезней. Отправной точкой слухов выступала идея, будь то «еврейское положение» или обвинения в целенаправленных заражениях населения. Однако на механизме реализации обсуждаемых в обществе вопросов подобные рассуждения не сосредотачивались. Привлекательность слухов во многом связана с образом таинственности, недосказанности, что, в свою очередь, стимулировало дальнейшее развитие и трансформацию подобных устных сообщений.

Библиография

Гайлит О.А. Исследовательские возможности слухов и проблемы их изучения в работах современных историков // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 4 (20). С. 45–52.

Журналы Комитета министров. Царствование императора Александра 1. СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1888. Т. 1. 504 с.

Исторический обзор деятельности Комитета министров / С.М. Середонин: в 5 т. СПб.: Канцелярия Ком. министров, 1902. Т. 1. 609 с.

Кораблева О.В. Слухи как фактор формирования общественного мнения // Социосфера. 2010. № 4. С. 136–140.

Побережников И.В. Слухи в социальной истории: типология и функции. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 60 с.

Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Челябинск: Каменный пояс, 2011. 368 с.

Чернов С.Н. Слухи 1825–1826 гг. (Фольклор и история) // У истоков русского освободительного движения. Избранные статьи по истории русского декабризма. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1960. 424 с.

Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.

Г.С. Хорохордин

*Новосибирский государственный
педагогический университет (Новосибирск)*

**Формирование поселенческих концентров
в волостях Томского уезда Томской губернии
в первой четверти XX века как отражение
локальных особенностей динамики сети
сельских поселений**

Статья посвящена анализу процесса формирования сельских поселенческих концентров внутри волостей Томского уезда Томской губернии в первой четверти XX в. На основе статистических и картографических материалов были определены уровни внутриволостной периферии, а также центральные (протогородские) селения, которые выступали «ядром» складывающихся с начала XX в. поселенческих концентров. В ходе процесса реформирования низового административно-территориального деления произошли качественные изменения внутри сельской поселенческой сети уезда, изменившие устойчивые центрально-периферийные связи, в результате чего образовались новые волости с иной структурой административных и социально-экономических связей.

Ключевые слова: Томская губерния, Томский уезд, сельская поселенческая сеть, поселенческий концентр, волостная структура.

Изучение сельской поселенческой сети Сибири на протяжении нескольких десятилетий вызывает пристальный интерес исследователей. При этом малоизученными остаются вопросы, посвященные сети сельских поселений отдельных территориальных образований Западносибирского региона, в частности, Томского округа-уезда Томской губернии. Обращение к исследованию формирования поселенческой структуры внутри волостей уезда в первой четверти XX в., на наш взгляд, является актуальным направлением. Для этого в настоящей статье было введено понятие *поселенческий концентр* – многоуровневая зона периферии, объединенная одним поселенческим ядром

и существующая внутри устойчивого административного образования (волости) по принципу взаимовыгодной социально-экономической связи между населенными пунктами. Целью настоящего исследования является анализ процесса формирования сельских поселенческих концентров внутри волостей Томского уезда Томской губернии в первой четверти XX в.

В историографии темы проблема центрально-периферийных связей между сельскими поселениями затрагивалась Э.Б. Алаевым¹, Е.Е. Горяченко², А.Ю. Павловым³, А.Я. Троцковским⁴, А.И. Татарниковой⁵. Авторами были рассмотрены различные подходы к определению уровней сельской поселенческой периферии, выделены ключевые различия между существовавшими типами сельских поселений.

К началу XX в. в Томском уезде Томской губернии сложились предпосылки для отказа ряда поселений от натурального способа хозяйствования, что приводило к развитию последних как торговых и промышленных центров, в результате чего эти населенные пункты становились центрами социально-экономической жизни соседних деревень и поселков, именно они выступали в качестве «ядра» для локальной периферии. При анализе картографических материалов разных лет издания и сопоставлении их с опубликованной статистической информацией, а также неопубликованными архивными данными, были выявлены территориальные особенности размещения сети сельских поселений Томского уезда Томской губернии. С их помощью удалось определить специфику формирования локальных групп сельских населенных пунктов Томского уезда во второй половине XIX – первой четверти XX в.

¹ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М., 1983.

² Горяченко Е.Е., Заславская Т.И., Мучник И.Б., Ямпольский В.Т. Социально-экономическая типология поселений как средство изучения и прогнозирования развития деревни // Сибирская деревня в условиях урбанизации. Новосибирск, 1976.

³ Павлов А.Ю. Типологизация сельских территорий по уровню и устойчивости социально-экономического развития // International agricultural journal. 2019. № 4. С. 346–360.

⁴ Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография. Барнаул, 2013.

⁵ Татарникова А.И. Томская деревня в 1900–1920-е гг.: динамика численности и величины // Genesis: исторические исследования. 2022. № 10. С. 49–58.

В качестве поселенческого ядра могло выступать селение, являвшееся экономическим и социокультурным «магнитом», в зоне влияния которого оказывались периферийные села и деревни. С точки зрения типологического статуса таковыми являлись протогородские населенные пункты. Происходившее оформление концентров с ярко выраженным поселенческим ядром возможно объяснить через теорию модернизации традиционного общества. Подобную закономерность стоит рассмотреть через три волны модернизации. В качестве ключевого варианта теории была использована модель И.В. Побережникова, которую историк определил как пространственно-ориентированную. В этой модели делается акцент на природно-географические факторы модернизации и взаимосвязь между общей динамикой модернизации и динамикой региональной структуры⁶. На первом этапе (1860-е – 1870-е годы) происходило становление крупных сельских поселений, которые приобретали функции ядра. На втором этапе, который связан со «столыпинскими» преобразованиями начала XX в., оформляется четкая зона периферии концентров, состоящая из переселенческих поселков. На третьем этапе (1917 – середина 1920-х годов) модернизационные процессы проникали во фронтирную зону («инородческие» северные волости и управы), в результате чего «стирались» элементы традиционного управления и хозяйствования – упразднение «инородческих» волостей и управ, появление новых элементов социально-экономической инфраструктуры.

Все эти процессы отразились на динамике масштабов поселенческой сети, поскольку устойчивый концентр из нескольких селений внутри волости мог быть преобразован в самостоятельную низовую территориальную единицу, а ядро, в свою очередь, приобретало статус административного центра. При этом важно подчеркнуть еще две особенности, которые влияли на центральное положение ядра – это удобное географическое местоположение и транспортная доступность, что обеспечивало жителям соседних селений приближение к месту притяжения вне зависимости от времени года.

⁶ *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

В качестве примера можно привести одну из волостей Томского уезда, в которой одновременно существовало несколько поселенческих концентров, группирующих внутри себя ряд поселений и поэтапно расширяющих свое территориальное влияние на прилегающие земли. В Чаусской волости в течение второй половины XIX – начала XX в. сложилось три крупных центра – Чаусский, Новотырышинский и Вьюнский. Поселенческим ядром выступали три села – Чаусское, Новотырышинское и Вьюны, которые имели удобное географическое положение, определявшее их центральный статус (ядро) на начальном этапе расселения – реки Чаус, Оеш, Вьюна. Первый уровень периферии составляли старожильческие деревни, возникшие приблизительно в одно время с центральными селами и имевшие общую с ядром природно-ресурсную привязку (реки, озера): Чаусский центр – деревни Скала, Подгорная, Оеш (р. Чаус); Новотырышинский центр: деревни Воробьева, Соколова, Вахрушева (р. Оеш); Вьюнский центр: деревни Паутова, Кандыкова, Южина (р. Вьюна). Второй уровень периферии состоял из малодворных селений – выселков, заселков, заимок, которые являлись начальным этапом расширения центра. Как правило, они возникали вблизи старожильческого сельского поселения и несли вспомогательную хозяйственную функцию. В Чаусской волости этот тип селения не получил широкого распространения, тем не менее, в 1870-е гг. во Вьюнском центре крестьянами деревни Кандыковой образуется заимка Тропина⁷.

Третий уровень периферии начал формироваться в начале XX в. под влиянием волны массовых крестьянских переселений, в результате чего стали появляться переселенческие поселки, основываемые на специально отведенных участках с разрешения землеустроительных партий. Это были места «нового освоения», которые ранее не подвергались заселению как в ходе первоначального складывания поселенческой сети (XVIII – первая половина XIX в.), так и последующего (образование однодворных селений приходится на 60–80-е гг. XIX в.). В Чаусском центре третий уровень периферии был выражен слабо ввиду устойчиво сложившейся практики землепользо-

⁷ Подсчитано по: Списки населенных мест Томской губернии 1859–1911 гг. СПб.; Томск, 1868–1911 гг.

вания и распределения земли среди сельских обществ. Периферия Новотырышинского центра, напротив, активно осваивается. Следует заметить, что этот процесс происходил под влиянием природно-географического фактора; в частности, переселенческие поселки возникают уже не вдоль рек, а основываются на безводной территории, в результате чего для жизнеобеспечения строятся колодцы. Выюнский центр имел ту же поселенческую тенденцию – появление новых поселков вне рек (рис. 1). Крупные реки и лесистые участки лесостепной зоны были «закреплены» за ядром и первой периферией центра, в то время как для новоселов земля отводилась по остаточному принципу. Как уже отмечалось нами ранее, уровни периферии поселенческого центра складывались под влиянием ряда природно-географических условий. При этом определяющим фактором к заселению территории были не только водные объекты, но и условия окружающей среды. Имелись отличия между районами лесостепной, подтаежной (смешанных лесов) зон – ядро на крупных реках, периферия вдоль небольших речек и таежной полосы; большинство селений на одной большой реке.

Рис. 1. Визуальная модель Выюнского поселенческого центра Чаусской волости Томского округа-уезда

На том этапе, когда уровень взаимосвязи между селениями одного поселенческого центра достигал высокой степени социокультурного и производственно-экономического проникновения, возникали предпосылки к оформлению локальной поселенческой сети в административно-территориальную единицу – волость. Так, Новотырышинская группа селений, расширившаяся третьим уровнем периферии (переселенческими поселками) с 1904 по 1911 гг. и обособившаяся от Чаусского административного управления, становится отдельной волостью. Вьюнский центр получает административно оформленную территорию к 1923 г. также за счет увеличения числа сельских поселений и установления самостоятельных от волостного центра поселенческих связей⁸ (рис. 2).

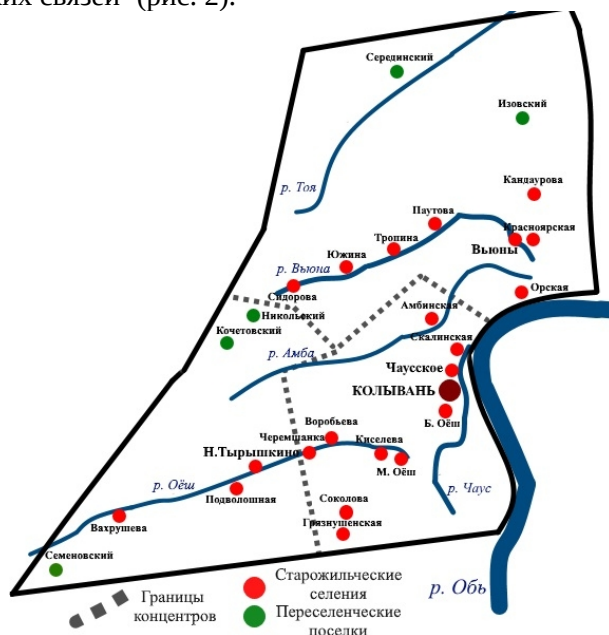

Рис. 2. Схематичная картографическая модель границ поселенческих центров Чаусской волости Томского округа-уезда

⁸ Список населенных мест Сибирского края [за 1926 г.] Новосибирск: Стат. ком. Сибкрайисполкома, 1928. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири.

Состояние сельской поселенческой сети Томского уезда/округа в первой четверти XX в. было подвергнуто изменениям, вызванным сменой курса государства в проведении аграрной и переселенческой политики, а также экономической и социокультурной модернизацией в Сибирском крае и в стране в целом⁹. Государственная политика на протяжении всего исследуемого периода была отмечена поиском вариантов развития территории Томского округа-уезда. В начале XX в. удалось расширить сеть сельских поселений, вводя в оборот ранее неземлеустроенные участки. Образование во всех частях Томского уезда переселенческих поселков для нужд переселяющихся из европейской части крестьян стало рубежным событием в отношении поселенческой сети. Резкое увеличение количества постоянно проживающего населения запустило ряд государственных механизмов, которые должны были обеспечить сохранность сложившихся политико-правовых и социально-экономических связей внутри уезда. Одним из самых сложных стало реформирование внутреннего низового административно-территориального деления. Разделение старых и создание новых волостей, придание центрального статуса ряду населенных пунктов создает типологическое разнообразие внутри уезда и каждой конкретной волости. Увеличение числа новоселов в отдельно взятой местности (внутри волости) создает предпосылки к оформлению новых поселенческих концентров, которые становятся прообразами будущих отдельных волостей/районов в течение второй половины 1910-х – первой половины 1920-х годов. Процессы землеустройства и изменения механизмов административного управления, начатые в дореволюционный период, продолжают фактически до 1925 г., когда на смену старой уездно-волостной системе приходит районно-окружная, завершившая процесс поселенческого перехода, длившегося более 20 лет, и оформившая устойчивые центрально-периферийные связи внутри территорий бывшего Томского уезда (Новосибирский и Томский округа Сибирского края)¹⁰.

⁹ Татарникова А.И. Томская деревня... С. 49–58.

¹⁰ Хорохордин Г.С. Административно-территориальное деление (волостного уровня) Томского округа (уезда) Томской губернии во второй половине XIX – первой четверти XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 153. URL: <http://istikurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-12.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

Необходимо отметить, что образование на территории волостей Томского уезда концентров приводило к установлению локальных поселенческих связей между небольшими группами селений. Развитие периферии получило новый импульс на рубеже XIX–XX вв. в результате переселенческого движения. Модернизационные процессы охватывали крупные сельские населенные пункты, которые становились местами притяжения для жителей окрестных деревень. При этом можно выделить два типа сельских концентров – старожильческий и переселенческий. В первом случае в качестве поселенческого ядра выступало селение, основанное в районе «старого» освоения и не менявшее свой статус для жителей окрестных деревень на протяжении десятилетий (Новотырышинское Чаусской волости; Болотное и Варюхино Ояшинской волости; Монастырское Богородской волости). Во втором случае концентр возникал на землях «нового» освоения, когда переселенческий поселок за короткий период становился крупным селением и с точки зрения поселенческих масштабов (численность населения, количество дворов), и с социально-экономической составляющей. В качестве примеров можно привести п. Петропавловский Петропавловской волости, п. Алексеевский одноименной волости (изначально это периферия Ояшинской волости, землеустроенные территории под переселения). Кроме того, определенную роль в процессе складывания рисунка сети поселений играли города. Урбанизирующие факторы в наибольшей степени влияли на те селения, которые были расположены вблизи городских центров уезда: Томск, Новониколаевск, Колывань, Тайга (метаконцентры). Для территории Томского уезда в большей степени была характерна аграрная модель урбанизации¹¹.

В большинстве случаев на процесс формирования поселенческих концентров влияли *социально-экономические факторы – транспорт и сельская промышленность*. Так, сельские населенные пункты, располагавшиеся на трактах и волостных дорогах, имели наибольшую динамику развития основных показателей, что говорит о большом влиянии фактора транспортной доступности в ходе процесса развития сельской поселенческой сети. Протогородские селения, находившиеся

¹¹ Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.) Екатеринбург, 2012. С. 68.

на пути крупных трактов (Московско-Сибирский, Барнаульско-Томский, Барнаульско-Колыванский, Томско-Кузнецкий), формировали устойчивые поселенческие концентры ввиду их доступности для людских потоков и привлекательности с точки зрения установления социально-экономических связей с периферийными деревнями и поселками.

Также немаловажную роль в этом процессе играла Транссибирская магистраль. Старожильческие поселения, находившиеся вдоль железной дороги, получали дополнительный импульс развития. Становление таких протогородских селений, как Коченево, Прокудское, Болотное (которые являлись и ядрами своих поселенческих концентров), изменяло роль населенных пунктов в общей структуре поселенческой сети. За счет большего притока крестьян-переселенцев на этих территориях шел процесс образования новых населенных пунктов (становление третьего уровня периферии поселенческих концентров). Особый интерес вызывает пример станции Тайга, которая стала «метаядром» юго-восточной части Томского уезда. Крупный железнодорожный узел стал катализатором заселения ближайшей местности крестьянами-переселенцами. К 1911 г. вблизи станции формируется Таловская волость, которой можно дать статус «переселенческой», поскольку все сельские населенные пункты были переселенческими или хуторскими поселками.

В течение второй половины XIX в. на территории Томского округа-уезда происходит развитие отдельных промышленных элементов поселенческой инфраструктуры. В южной части появляются мукомольные и маслобойные заведения. В центральных волостях сосредотачивается кустарная промышленность – кожевенная, винокуренная, скипидарная, керосиновая, паточная, стеклодельная. Заметное влияние в этом процессе отводилось Томску, вокруг которого формировался центр социально-экономического притяжения.

К 1911 г. в развитии сельской промышленности наступает этап, когда были окончательно оформлены центры специализации. Производства, специализирующиеся на выпуске конкретного вида товара и сгруппированные в относительной близости друг от друга, а также расположение центров локальных групп селений на важных транс-

портных направлениях повлияли на формирование ряда поселенческих концентров Томского уезда.

В качестве примера можно привести Николаевскую волость, где каждое второе селение было ориентировано на маслоделие (25 маслодельных заводов). Если рассматривать группы селений этого территориального образования, можно проследить взаимосвязь между производственной ориентацией и центрами поселенческого тяготения внутри административной единицы. На территории Николаевской и «включенной» в нее Амбарцевской «иностранческой» волости (пять маслодельных заводов)¹² существовали следующие концентры, объединенные общностью географического положения и производственно-экономической специализации: Молчановский, Кривошеинский, Николаевский, Иштановский, Монастырский (рис. 3). Сформированные в начале XX в. поселенческие связи по производственному принципу предопределили появление на базе концентров новых административных образований. Так, к 1914 г. выделяются Молчановская и Монастырская волости, к 1920 г. образуется Иштановская и Казырбакская (из Амбарцевской «иностранческой»). К 1926 г., в результате нового административного деления, два села – Молчаново и Кривошеино, – получают статус районных центров. В селах Николаевском, Монастырском, Кривошеинском действовали еженедельные базары, что делало их важнейшими торговыми центрами для окрестных селений.

Необходимо отметить, что становление поселенческих концентров происходило не только за счет транспортного и производственно-экономического факторов. Такая же тенденция наблюдалась и в отношении объектов социокультурной сферы – увеличение доли школ, больниц, объектов связи по отношению к числу селений и проживающего на территории уезда населения. В ряде случаев ядром центра выступало протогородское селение, имевшее, с точки зрения социокультурной инфраструктуры, «уникальный» набор духовных, образовательных и медицинских объектов. В локальной поселенческой структуре их количество и качество (значение) должно было быть больше, чем в периферийных населенных пунктах.

¹² Список населенных мест Томской губернии 1911. С. 65–109.

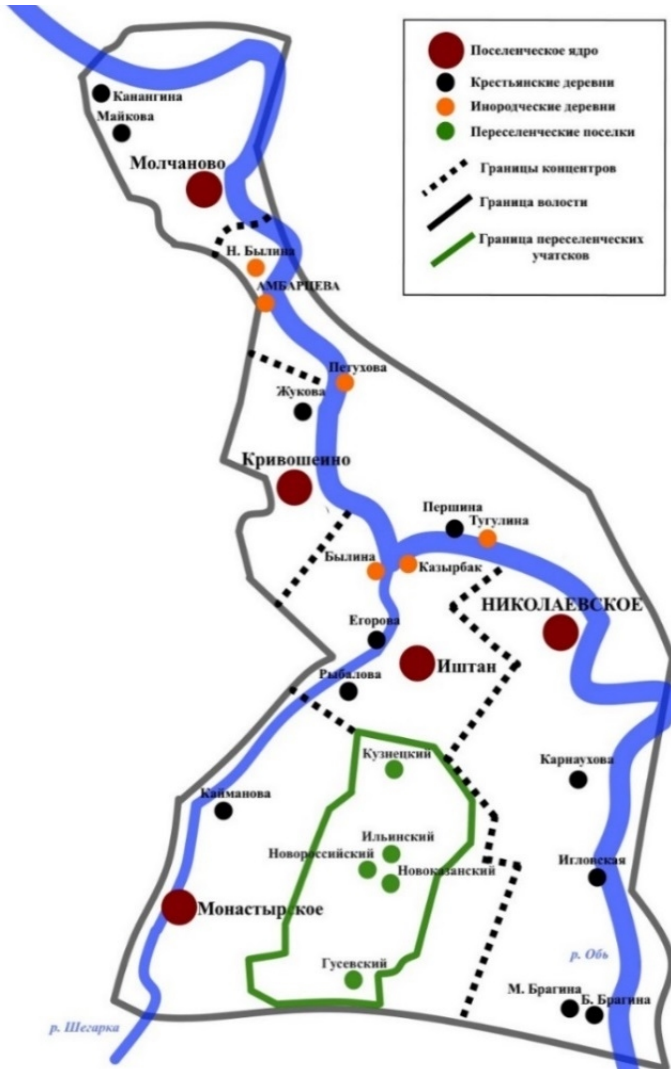

Рис. 3. Схематичная картографическая модель поселенческих концентров Николаевской волости Томского уезда в начале XX в.

В конце статьи необходимо сделать несколько выводов о процессе формирования поселенческих центров на территории Томского уезда Томской губернии. Во-первых, реки, озера, ручьи являлись ключевым звеном в складывании *радиального рисунка заселения* внутри образовавшегося поселенческого центра. Как правило, именно с территории, наиболее благоприятной и обеспеченной водными объектами, начиналось поэтапное заселение от существующего селения в близлежащие места с похожими условиями. В качестве сопутствующего фактора, определявшего рисунок заселения, могла выступать природная зональность, от которой зависела степень включенности селения в земледельческую или промысловую ориентацию.

Во-вторых, государственная политика была отмечена поиском вариантов развития территории Томского округа-уезда. В начале XX в. удалось расширить сеть сельских поселений, вводя в оборот ранее не землеустроенные участки. Образование во всех частях Томского уезда переселенческих поселков для нужд переселяющихся из европейской части крестьян стало рубежным событием в отношении поселенческой сети. Одним из самых сложных стало реформирование внутреннего низового административно-территориального деления. Разделение старых и создание новых волостей, придание центрального статуса ряду населенных пунктов создает типологическое разнообразие внутри уезда и каждой конкретной волости. Увеличение числа новоселов в отдельно взятой местности (внутри волости) создает предпосылки к оформлению новых поселенческих центров, которые становятся прообразами будущих отдельных волостей/районов в течение второй половины 1910-х – первой половины 1920-х гг. В-третьих, формирование сельских поселенческих центров находилось в прямой зависимости от центрального селения («ядро» центра). Уровень социально-экономического и социокультурного развития этого населенного пункта влиял на устойчивость межпоселенческих связей с периферийными деревнями и поселками. От наличия в центральном поселении объектов производственной и социокультурной инфраструктуры, а также от положения ядра относительно путей сообщения зависели масштабы зоны влияния, распространяемого на уровни сельской периферии.

Библиография

Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М., 1983. 290 с.

Горяченко Е.Е., Заславская Т.И., Мучник И.Б., Ямпольский В.Т. Социально-экономическая типология поселений как средство изучения и прогнозирования развития деревни // Сибирская деревня в условиях урбанизации. Новосибирск, 1976. С. 7–30.

Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 471 с.

Павлов А.Ю. Типологизация сельских территорий по уровню и устойчивости социально-экономического развития // International agricultural journal. 2019. № 4. С. 346–360.

Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 237 с.

Татарникова А.И. Томская деревня в 1900–1920-е гг.: динамика численности и величины // Genesis: исторические исследования. 2022. № 10. С. 49–58.

Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / науч. ред. А. Я. Троцковский. Барнаул, 2013. 330 с.

Хорохордин Г.С. Административно-территориальное деление (волостного уровня) Томского округа (уезда) Томской губернии во второй половине XIX – первой четверти XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 140–154. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-12.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

С.А. Юсупова

*Государственный академический университет
гуманитарных наук (Москва)*

«Туркестанский сборник» как источник по истории органов городского самоуправления Ташкента и Верного (последняя треть XIX – начало XX века)

Статья входит в комплекс работ, связанных с изучением источниковой базы проблемы городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства последней трети XIX – начала XX в. В представленной статье автор рассматривает материалы «Туркестанского сборника» как исторический источник по истории органов городского самоуправления. В исследовании проведен анализ материалов «Туркестанского сборника» по таким направлениям, как состав, хозяйственная деятельность, расходы и доходы Ташкентской и Верненской городских дум. Сборник включает газетные и журнальные вырезки статей о городском самоуправлении, выдержки из журналов заседаний городской думы, доклады членов городского самоуправления, книги, которые позволяют восстановить некоторые факты истории становления и развития городского самоуправления в Ташкенте и Верном.

Ключевые слова: «Туркестанский сборник», городская дума, Туркестанское генерал-губернаторство, гласные, источниковедение.

Финансовая поддержка: статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»).

Изучение опыта организации и развития городского самоуправления в городах Российской империи, в том числе в городах центральноазиатской окраины в пореформенный период, представляет большой интерес для исследователя. Изменения, которые происходили в этот период, затронули все сферы общества. Данный вопрос постоянно находится в фокусе внимания отечественных исследователей,

имеет важное значение и требует привлечения разнообразных видов источников: законодательных и нормативных актов, делопроизводственных документов, статистических и периодических изданий, мемуаров. Ранее автором уже были изучены некоторые аспекты источниковедческого характера по теме городского самоуправления на примере Туркестанского генерал-губернаторства¹.

Целью данного исследования является представление результатов изучения материалов «Туркестанского сборника», его информативных возможностей, источниковедческой ценности для исследования городского самоуправления в Ташкенте и Верном последней трети XIX – начала XX в. Изучение особенностей формирования и деятельности органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства позволяет сформировать более полную картину истории городского самоуправления в Российской империи в пореформенный период.

Полное наименование источника: «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности» («Туркестанский сборник»). Труд является уникальным в своем роде, его составлением и пополнением занимались на протяжении более 50 лет в разное время выдающиеся библиографы, востоковеды. Хотя общая идея сборника сохранялась, методика подбора материала отличалась: в первых томах присутствовал материал из книжных изданий, позже превалировал материал из журналов, отсутствовали вырезки из газетных заметок. В 2002 г. сотрудниками Национальной библиотеки Узбекистана имени Алишера Навои были сняты цифровые фотоснимки «Туркестанского сборника»².

¹ Юсупова С.А. «Туркестанские ведомости» как источник изучения деятельности городского самоуправления на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции. Новосибирск, 2020. С. 99–106; Юсупова С.А. Источниковедческий аспект изучения истории городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства (вторая половина XIX–начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5 (115). С. 108–112.

² Умаров С.И. «Туркестанский сборник» – уникальный источник в изучении центральной Азии [Электронный ресурс] // Доклады 7-ой Международной конференции «Central Asia – 2013: Интернет и информационно-библиотечные ресурсы в науке,

На современном этапе мы можем отметить, что материалы сборника все чаще используются как богатая источниковедческая основа для изучения края: на его материалы ссылаются, они анализируются исследователями³. Теоретическая значимость данной работы обусловлена проводимым анализом материалов «Туркестанского сборника» по выбранному нами направлению научного поиска – органам городского самоуправления Ташкента и Верного последней трети XIX – начала XX в.

Идея создания «Туркестанского сборника» принадлежала первому генерал-губернатору Туркестанского края Константину Петровичу фон Кауфману: «в интересах как местного интеллигентного общества, так и в особенности группы людей, предавшихся с похвальным рвением изучению нового края и быта населяющих его народностей...»⁴. Была признана необходимость собрать по возможности полную коллекцию литературных трудов по Средней Азии и затем коллекционировать, также по возможности, всю текущую литературу о Туркестане – журнальную, газетную. Вырезки из газет и журналов по мере выхода наклеивались на бумагу, затем листы брошюровались, переплетались вместе с напечатанным титульным листом в типографии, составляя таким образом том.

Для работы над сборником Константин Петрович в 1868 г. пригласил библиографа Владимира Измайловича Межова. Под его руководством в Санкт-Петербурге было издано 416 томов. Затем выпуск сборника прекратился, а в 1907 г. в Ташкенте работа по наполнению сборника возобновилась. Тома с 417 по 543 были составлены под

образовании, культуре и бизнесе». URL: https://www.academia.edu/8271766/_ТУРКЕСТАНСКИЙ_СБОРНИК_УНИКАЛЬНЫЙ_ИСТОЧНИК_В_ИЗУЧЕНИИ (дата обращения: 05.05.2023).

³ Базаров К. Освещение в «Туркестанском сборнике» процесса развития сельского хозяйства Андижанского уезда Азии // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 30–34; *Елишбаев С.К.* Кокандское ханство в 40-х–70-х годах XIX века: политический расклад сил (по материалам «Туркестанского сборника») // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2012. № 5 (33). С. 109–120.

⁴ *Петровский А.Г.* Генерал-адъютант Константин Петрович фон-Кауфман 1-й как устроитель Туркестанского края (1867–1882 гг.) // Туркестанский сборник. Ташкент. Т. 548. С. 49.

руководством библиографа Николая Васильевича Дмитровского, с 544 по 591 том – под руководством востоковеда Александра Александровича Семенова. Идея создателя пережила его, инициатива была поддержана последующими генерал-губернаторами Туркестанского края. Еще три тома были составлены уже в советский период под руководством библиографа Евгения Карловича Бетгера.

«Туркестанский сборник» содержит свыше 200 тыс. страниц и свыше 8 тыс. материалов из изданных в XVII–XIX столетиях на русском, французском, немецком, английском, итальянском, испанском, латинском языках книг, брошюр, журналов и газет. Эти печатные издания включали материалы о разных сторонах жизни среднеазиатского общества: географии, этнографии, юриспруденции, статистики, лингвистики и т.д. Как отмечал В.И. Межов, «Туркестанский сборник» являлся в некотором смысле энциклопедией.

Для удобства работы со сборником были подготовлены и изданы указатели: «Систематический и азбучные указатели сочинений и статей на русском и иностранном языках», которые помогают исследователю сориентироваться во всем многообразии материалов. Характерные особенности заметны и в указателях, например, только в указателе к томам 417–591 присутствует детализация распределения материала, имеются разделы, посвященные городскому хозяйству и управлению.

Органы городского самоуправления были учреждены в 1877 г. в Ташкенте и Верном на основании «Городового положения» 1870 г. В других городах городским хозяйством заведовала местная администрация. В 1892 г. последовала новая городская реформа, однако она затронула только города Семиреченской области. В этот период она входила в состав Степного генерал-губернаторства. В Ташкенте городская дума продолжала работать по «Городовому положению» и Правилам, разработанным специально для Ташкента.

Мы исключили из подборки материалы, посвященные отдельным вопросам образования, здравоохранения, благоустройства и т.д.: для нас интерес представлял материал, непосредственно освещающий деятельность городского самоуправления. С помощью указателей нами были выявлены материалы, посвященные изучаемому аспекту.

Возле каждого заглавия статьи имеется ссылка на соответствующий том сборника и первоисточник (Таблица 1).

Таблица 1

Перечень публикаций о городском самоуправлении Ташкента и Верного, представленных в «Туркестанском сборнике»*

Наименование указателя	№ статьи в указателе	Наименование статьи	Источник статьи	Номер тома «Туркестанского сборника»
Туркестанский сборник: Систематический и азбучные указатели сочинений и статей на русском и иностранном языках. Т. 301–416	617	«Из Верного»	«Восточное обозрение». 1882. № 28.	Т. 326, С. 130–131.
	617	«Из Верного»	«Восточное обозрение». 1883. № 5.	Т. 326, С. 134.
	617	«Из Верного»	«Восточное обозрение». 1883. № 12.	Т. 326, С. 135–136.
	650	«Внутренние известия. Ташкент»	«Новое время». 1883. № 2755.	Т. 358, С. 89–90.
	650	«Внутренние известия. Ташкент»	«Новое время». 1883. № 2789	Т. 358, С. 92–93.
	637	Всепогоднейший адрес Ташкентского городского общества Государю Императору, заседания и постановления Ташкентской городской думы в 1879 г. (выдержки)	Журналы Ташкентской городской Думы за 1879 г.	Т. 358, С. 132–163.
	638	Заседания и постановления	Журналы Ташкентской	Т. 358, С. 181–197.

		Ташкентской городской думы 18 июня и 30 июля 1879 г. (выдержки)	городской думы за 18 июня и 30 июля 1879 г.	
	641	Доклад «О преобразовании ташкентских городских училищ»	Журнал Ташкентской городской думы 1879 г.	Т. 358, С. 163–181.
Туркестанский сборник: Систематический указатель. Т. 417–591.	2872	Доклад ташкентского городского головы «О генеральной переоценке недвижимых имуществ в г. Ташкенте»	«Ташкентский курьер». 1908. № 142, 143.	Т. 468, С. 143–148.
	2876	Маллицкий Н.Г. Докладная записка о деятельности ташкентского городского общественного управления	«Туркестанские ведомости». 1909. №№ 165, 168, 171, 176–178, 180–182, 184–187.	Т. 511, С. 78–112.
	2877	«Национальные курии»	«Московские ведомости». 1909. № 250.	Т. 515, С. 198–200.
	2882	Ситович А. Своевременно ли преобразование нынешних хозяйственных управлений городов Туркестанского края в муниципалитеты.	«Ташкентский курьер». 1910, № 203.	Т. 543, С. 64.
	–	Петровский А.Г. Генерал-адъютант Константин	Книга	Т. 548, С. 1–84.

	Петрович фон-Кауфман 1-й как устроитель Туркестанского края (1867–1882 гг.). Ташкент, 1913. 84 с.		
509	Луговской И.К. Ташкент 50 лет тому назад и теперь. Ташкент, 1914.	Книга	Т. 548, С. 85–96.
2883	Бродский Л.Г. Ташкент 1877–1912. К 35-летию городского общественного управления. Ташкент, 1912. 87 с.	Книга	Т. 548, С. 97–157.
2884	Маллицкий Н.Г. Речь в первом собрании гласных Ташкентской городской думы десятого созыва после принесения присяги 9 ноября 1914 г.	Брошюра	Т. 548, С. 158–185.
2881	Назаров П.О. Муниципализация ташкентских предприятий	«Ташкентский курьер». 1910. № № 143,144	Т. 548, С. 186–194.
510	Маллицкий Н.Г. Ташкент (Исторический очерк). Ташкент, 1915.	Книга	Т. 588, С. 128–141.
506	Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и насто-	«Туркестанские ведомости». 1909. №№ 201,	Т. 513, С. 162–171. Т. 515,

		ящем: исторический очерк. Ташкент, 1912. 520 с.	204, 207, 214, 219, 221, 229, 235, 262	С. 25–33. Т. 516, С. 71–72. Т. 520, С. 162–164.
	507	Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк. Ташкент, 1912. 520 с.	Книга	Т. 590, С. 1–204.

* Составлено по: Розенбах И.О., Межов В.И. Туркестанский сборник: Систематический и азбучные указатели сочинений и статей на русском и иностранном языках. Т. 301–416. СПб., 1888. 139 с.; Маслова С.В. Туркестанский сборник: Систематический указатель: Т. 417–591. Ташкент, 1940. 446 с.

Как видно из таблицы, материал в большой степени посвящен истории городского самоуправления Ташкента. Однако сам В.И. Межов отмечал в предисловии систематического указателя, что сборник не представляет той полноты, которую он хотел достигнуть, поскольку ряд книг и публикаций ему так и не удалось получить. Это относилось в первую очередь к региональным изданиям и даже к некоторым столичным. Кроме того, в «Туркестанский сборник» не вошли статьи из газеты «Туркестанские ведомости» за исключением тех, что были перепечатаны в четырех томах «Ежегодника»⁵. Стоит учесть и человеческий фактор, так как невозможно было уследить за всем издаваемым объемом материалов, который нужно было приобрести, просмотреть и разместить в хронологическом порядке.

Материал по городскому самоуправлению представлен в «Туркестанском сборнике» за счет газет «Восточное обозрение», «Новое время», «Ташкентский (Туркестанский) курьер», «Туркестанские ведомости», «Московские ведомости».

Газета «Туркестанские ведомости» была официальным органом Туркестанского генерал-губернаторства, издавалась с 1870 по 1917 г. в Ташкенте. В ней согласно ст. 68 «Городового положения» 1870 г.

⁵ Межов В.И. Туркестанский сборник: Систематический и азбучный указатель сочинений и статей: в 3 т. СПб., 1878. Т. 1. Предисловие.

и п. 8 Правил о применении Высочайше утвержденного 16 июля 1870 г. «Городового положения» к городу Ташкенту должны были публиковаться определения городской думы⁶.

Остальные газеты являлись общественно-политическими, литературными: газета «Ташкентский курьер» издавалась в Ташкенте с 1906 по 1916 г., в 1908 г. была переименована в «Туркестанский курьер»; газета «Восточное обозрение» была основана в Санкт-Петербурге, затем издание было перенесено в Иркутск, издавалась с 1882 по 1906 г.; газета «Новое время» издавалась с 1868 по 1917 г. в Санкт-Петербурге, газета «Московские ведомости» издавалась с 1756 по 1917 г.

На страницах этих газет поднимались острые вопросы, затрагивались серьезные социальные и политические проблемы, что не раз привлекало внимание администрации. Так, в 1908 г. в докладе Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора по поводу газеты «Ташкентский курьер» отмечалось: «вредное направление газеты не раз вызывало административные меры против ее воздействия. Сначала в виде увещаний и предупреждений, затем штрафов, дальнейшая борьба с этой газетой только внушениями и штрафами как оказавшаяся несостоятельной, должна быть оставлена и газета <...> закрыта»⁷. А газета «Восточное обозрение» была закрыта в 1906 г. как «нелояльная к правительству». Редакция газеты «Новое время» неоднократно получала цензурные предупреждения, издание на длительный срок приостанавливалось.

В «Туркестанском сборнике» нам встретились следующие публикации о деятельности органов городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства последней трети XIX – начала XX в.: в газете «Восточное обозрение» № 28 за 1882 г. была опубликована заметка критического содержания о незаконном пути поступления на службу, халатности со стороны городского секретаря и занятии должности городским архитектором в составе верненского городского общественного управления. Еще одна заметка вышла в «Восточном

⁶ Высочайше утвержденное «Городовое положение» от 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. № 48498. СПб, 1874. С. 821–839; Туркестанские ведомости. 1877. №34.

⁷ Шадманова С. Архивные документы – важный источник изучения истории периодической печати Туркестана // Гасырлар авазы – эхо веков. 2011. № 3/4. С. 255.

обозрении» № 5 за 1883 г. под заголовком «Из Верного», в которой рассказывалось об открытии новой приходской школы для 100 мальчиков по инициативе городского головы. В 1879 г. городской голова пригласил купечество на заседание Думы, где объяснил ситуацию с недостатком средств в городском бюджете ввиду приближающегося дня 25-летнего царствования Государя и просил купечество о помощи городу в виде пожертвования на создание школы. Стоит отметить, что купечество и жители положительно отнеслись к делу и выразили свою готовность помочь.

Сообщение от лица гласного городской думы Верного в газете «Восточное обозрение» № 12 за 1883 г. было продолжением заметки, опубликованной в выпуске № 28 «О наших думских беспорядках», посвященной выбору городского архитектора. Обращает на себя внимание эмоциональное завершение публикации: «Выходя из зала заседания, осталось только сказать про себя: “Господи! Прости им, не видят, ибо, что творят!”».

Статья в газете «Новое время» № 2755, № 2789 за 1883 г. посвящена делу о злоупотреблениях городского головы Константина Михайловича Максимовича. Сообщалось о том, что ожидается приезд одного из выдающихся петербургских присяжных поверенных для защиты К.М. Максимовича и других лиц. Также на странице газеты обсуждался размер вознаграждения поверенного: по слухам, он должен был составить около 15 тыс. руб. Будучи еще членом Управы, К.М. Максимович заведовал установлением справочных цен по городу, которые служили основанием к определению цен по различным подрядам, зачастую отданных ему без всяких торгов. Иными словами, он сам устанавливал цены, условия подряда и затем сам их выполнял. Злоупотребления были раскрыты после ревизии Ф.К. Гирса в 1882 г. Далее автор статьи пожелал, чтобы «виновность не обрушивалось исключительно на мелких исполнителей, чтобы и более высшие чины, содействовавшие и покровительствующие несли хоть частицу общей ответственности»⁸.

Крайне важному вопросу организации местного самоуправления посвящена статья в газете «Московские ведомости» № 250 за 1909 г.

⁸ Новое время. 1883. № 2755 // Туркестанский сборник. Ташкент. Т. 358. С. 89–90.

«О национальных куриях». Данный вопрос представляется актуальным в рассматриваемый период, так как организация национального представительства, в том числе в органах городского самоуправления, осложнялась, поскольку территорию населяли несколько национальностей, исповедующих разную веру, говорящих на разных языках, и их представительство в городской думе не было равным.

В 358 томе «Туркестанского сборника» представлен материал из журналов заседаний Ташкентской городской думы за 1879 г., в которых отражены проблемы городского хозяйства. Например, 8 января 1879 г. гласными обсуждались вопросы о производстве в управе торгов на поставку керосина, необходимого для освещения города в 1879 г. и 1880 г., о расходах по городскому хозяйству, о выдаче винокурным заводчикам разрешений на содержание питейных заведений, о рассмотрении сметы городских доходов и расходов на 1879 г. На заседании Ташкентской городской думы 22 января 1879 г. заслушивались: вопрос о выдаче Ташкентскому полицейскому управлению на канцелярские расходы 1 500 руб. и инициатива гласного думы В.Н. Череванского о необходимости устройства казарм для нижних полицейских чинов; на заседании 27 февраля 1879 г. – вопрос об утверждении и распространении по Туркестанскому краю через периодическую печать условий аренды мест на Воскресенском базаре, предложение гласного И.Д. Прединского о пересмотре правил ирригации; на заседании 15 марта 1879 г. было доложено предложение начальника края на имя городского головы о необходимости тщательного осмотра и быстрой очистки площадей, базаров, дворов: «Граждане города Ташкента выбирая из своей среды гласных думы конечно вправе рассчитывать, что их представители употребят все меры к избавлению города от распространения всевозможных эпидемий»⁹.

Как правило, в журнале городским секретарем записывались дата, порядковый номер заседания, количество присутствующих гласных, повестка заседания, содержание каждого вопроса, постановление Думы по каждому вопросу. Если вопрос был емким, то готовился

⁹ Журнал ташкентской городской думы за 1879 г. (в сокращенном изложении) // Туркестанский сборник. Ташкент. Т. 358. С. 136–137.

доклад, который прикреплялся к журналу, например, доклад комиссии, посвященный вопросу преобразования ташкентских училищ¹⁰, доклад ташкентского городского головы о генеральной переоценке недвижимых имуществ¹¹.

Том 548 «Туркестанского сборника» посвящен различным вопросам ташкентского городского общественного управления с 1868 г. до начала XX в. Он включает труды А.Г. Петровского, И.К. Луговского, Л.Г. Бродского. Стоит выделить ряд трудов ташкентского городского головы Николая Гуревича Маллицкого, которые являются ценным источником для изучения городского самоуправления Ташкента начала XX в.¹²

В работе «Ташкент (Исторический очерк)» автор отмечает: «Я не стану приводить в параллель современное состояние Ташкента, – с его сравнительно высоким благоустройством, поражающим не только иногородних туземцев края... но и заезжего русского путешественника... Я остановлюсь лишь на Ташкентском городском общественном управлении. Уже через 11 лет после взятия города русская власть мудро даровала Ташкенту то, к чему его давно уже приучала история, – самоуправление... беспристрастный историк по достоинству оценит громадную работу, которая выполнена ташкентским городским общественным управлением»¹³.

Подводя итоги исследования «Туркестанского сборника» как источника сведений по истории городского самоуправления, отметим, что он имеет в этом качестве весомое значение. Включенные в «Туркестанский сборник» публикации по вопросам городского самоуправления позволяют восстановить неизвестные ранее факты из истории городского самоуправления, а также помогают выявить их документальные первоисточники. Несмотря на то, что составители сборника не вели

¹⁰ Там же. С. 163–181.

¹¹ Ташкентский курьер. 1908. № 142,143 // Туркестанский сборник. Ташкент. Т. 468. С. 143–148.

¹² Маллицкий Н.Г. Докладная записка о деятельности ташкентского городского общественного управления // Туркестанские ведомости. 1909. № 165, 168, 171, 176–178, 180–182, 184–187.

¹³ Маллицкий Н.Г. Ташкент (Исторический очерк) / Туркестанский сборник. Т. 588. Ташкент. С. 141.

целенаправленный и систематический отбор материалов по городскому самоуправлению, представленная информация имеет высокую ценность для исследователя, поскольку сборник включает материалы, например, таких зачастую труднодоступных или плохо сохранившихся выпусков газет, как «Восточное обозрение», «Семиреченские областные ведомости», «Ташкентский (Туркестанский) курьер», которые издавались в разных городах Российской империи.

Библиография

Базаров К. Освещение в «Туркестанском сборнике» процесса развития сельского хозяйства Андижанского уезда // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 30–34.

Елшибаев С.К. Кокандское ханство в 40-х-70-х годах XIX века: политический расклад сил (по материалам «Туркестанского сборника») // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2012. № 5 (33). С. 109–120.

Маллицкий Н.Г. Докладная записка о деятельности ташкентского городского общественного управления // Туркестанские ведомости. 1909. № 165, 168, 171, 176–178, 180–182, 184–187.

Маллицкий Н.Г. Ташкент (Исторический очерк) // Туркестанский сборник. Т. 588. Ташкент, 1915. С. 128–141.

Маслова С.В. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности: Систематический указатель: Т. 417–591. Ташкент, 1940. 446 с.

Межов В.И. Туркестанский сборник: Систематический и азбучный указатель сочинений и статей: в 3 т. Т. 1. Предисловие. СПб., 1878. 184 с.

Петровский А.Г. Генерал-адъютант Константин Петрович фон-Кауфман 1-й как устроитель Туркестанского края (1867–1882 гг.) // Туркестанский сборник. Ташкент, 1913. Т. 548. С. 49.

Розенбах И.О., Межов В.И. Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности: систематический и азбучные указатели сочинений и статей на русском и иностранном языках. Т. 301–416. СПб., 1888. 139 с.

Умаров С.И. «Туркестанский сборник» – уникальный источник в изучении центральной Азии [Электронный ресурс] // Доклады 7-ой Международной конференции «Central Asia – 2013: Интернет и информационно-библиотечные ресурсы в науке, образовании, культуре и бизнесе». URL: https://www.academia.edu/8271766/_ТУРКЕСТАНСКИЙ_СБОРНИК_УНИКАЛЬНЫЙ_ИСТОЧНИК_В_ИЗУЧЕНИИ (дата обращения: 05.05.2023).

Шадманова С. Архивные документы – важный источник изучения истории периодической печати Туркестана // Гасырлар авазы – эхо веков. 2011. № 3/4. С. 255.

Юсупова С.А. «Туркестанские ведомости» как источник изучения деятельности городского самоуправления на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной молодежной научной школы-конференции / редкол.: Т.И. Морозова, И.С. Чернова [и др.]. Новосибирск, 2020. С. 99–106.

Юсупова С.А. Источниковедческий аспект изучения истории городского самоуправления Туркестанского генерал-губернаторства (вторая половина XIX–начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 5 (115). С. 108–112.

Дун Юй

Пекинский государственный университет (Пекин, КНР)

Краткий анализ роли военных в трансформации туркменского общества в конце XIX – начале XX века

Данная статья посвящена описанию роли военных в трансформации туркменского общества. На основе систематизации и анализа исследований туркменских и российских историков определено влияние царской России, проводившей в туркменском крае военную политику и политику воинской повинности, на усиление значения военных кадров среди туркмен. Сделан вывод о том, что переход туркмен в современное общество был уникальным среди коренных народов Центральной Азии из-за их своеобразной исторической культуры и социальной организации, ключевым фактором которой была армия. Туркмены не только осуществили модернизацию вооруженных сил, но и соприкоснулись с современной западной мыслью, получив образование в русских военных училищах, а Первая мировая война стала решающим моментом для начала трансформации туркмен в современную нацию.

Ключевые слова: туркмены, военные, модернизация, Текинский кавалерийский полк, Первая мировая война.

В некоторых китайских исследованиях XX в.¹ модернизации Центральной Азии уделялось больше внимания крупным этническим группам, таким как узбеки и казахи, и меньше исследованию туркмен. После распада Советского Союза туркменские историки использовали открытые архивы для проведения большого количества исследований туркменских кавалерийских полков, сражавшихся на стороне царя до и после Первой мировой войны, что привлекло внимание российских

¹ Сунь Ч. 70 лет изучения Центральной Азии в Китае: достижения и проблемы // Журнал Ляонинского университета (издание философии и социальных наук). 2019. № 5. С. 1–8; Юань Ц. В поисках «мирового острова»: становление и эволюция познания Центральной Азии в современном Китае. Пекин, 2020.

академических кругов². Но эти исследования не связывают военную деятельность с туркменской модернизацией. Фактически переход туркмен в современное общество был уникальным среди коренных народов Центральной Азии из-за их своеобразной исторической культуры и социальной организации, ключевым фактором которой была армия. В данной статье предполагается дать характеристику военной трансформации и трансформации современного туркменского общества.

1. Туркмены в конце XIX – начале XX в.

Приблизительно в XIX в. йомуды, как одно из крупнейших племен, составлявшее более половины туркменского населения Хивинского ханства, действовали, главным образом, на его территории. Они были военной силой, на которую Хивинское ханство больше всего полагалось³. В то же время текинцы являлись самым многочисленным племенем среди туркмен. Из всех туркменских племен текинцы (теке) были наиболее воинственными и упорными в своем сопротивлении России⁴. Хотя туркменские племена и не создавали своих стран, они всегда сохраняли относительно независимое положение. Это связано с их военной стратегией и кочевой культурой, а также с использованием чужих конфликтов⁵.

Туркмены постоянно конфликтуют с узбеками, а также персами, имеющими давнюю культуру и более четкую идентичность. «Каждый туркмен твердо знает свою родовую линию, и почти не отделяет своих личных интересов от интересов своего рода. <...> Солидарно они выступают только против представителей другого племени или

² Наибольший вклад в изучение этого вопроса внес туркменский историк О.А. Гундогдыев, подробнее его работы будут представлены ниже. На основе доступных материалов в соавторстве с О.А. Гундогдыевым Д.С. Аннаоразов обсуждает вопрос участия туркменских солдат в Первой мировой войне. А. А. Андреев рассматривает особенности Текинского конного полка как национального военного формирования на иррегулярной основе. Подробная информация о вышеуказанных исследованиях будет представлена ниже.

³ Абдурасулов У. Конфликт как ресурс: анатомия «Туркменских Беспорядков» в Хорезме, 1914–1916 гг. // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 141–186.

⁴ Ван Ч. Всеобщая история Центральной Азии, современный том. Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 2010. С. 343.

⁵ *Handbook of Major Soviet Nationalities*. New York; London, 1975. P. 264.

других народов»⁶. Известный историк В.В. Бартольд⁷ также отмечал во «Введении в историю туркменского народа», что туркмены – единственный тюркоязычный этнос со своей определенной генеалогией.

Огузы-туркмены постепенно обратились в ислам в IX в.⁸, однако туркменский народ еще сохранял большое количество обычаев и привычек доисламского периода. Большинство туркмен находились вдали от крупных городов Средней Азии, таких как Самарканд и Бухара, бывших в то время центрами исламской культуры. Чем дальше от исламского культурного центра, тем слабее соблюдение религиозных обрядов, тем сильнее исполнение собственных национальных обычаев⁹.

Таким образом, с XVI в. политическая организация туркмен в Средней Азии представляет собой союз племен, не имеющий своей собственной национальной власти, но имеющий сильную самость, основанную на кровно-общем предке (Огуз-хане) и отличающую их от других местных этнических групп в Средней Азии.

2. Туркмены вне движения Джадид.

Движение за реформы, объединенное с националистическим направлением мысли против колониализма в конце XIX в., переросло в движение за социальные реформы с либерализмом и модернизмом в мусульманских районах России и оказало глубокое влияние на современную историю Средней Азии. Как сказал Адиб Халид: «Джадиды представляют собой модернизацию мусульманских культурных традиций в Центральной Азии, светские интеллектуалы владеют европейским дискурсом мысли»¹⁰.

Однако, согласно традиционным представлениям, туркмены были исключены из модернизационного движения мусульман в Средней Азии, а именно движения джадидов. Будучи авторитетным исследо-

⁶ Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II, Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. С. 623.

⁷ Там же. С. 584

⁸ Туманович О. Туркменистан и Туркмены (материалы к изучению истории и этнографии). Полторацк, 1926. С. 8.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Khalid A. Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. California, 1998. P. 106.

вателем Джадида, Халид утверждает, что «туркменская элита также достигла довольно иного урегулирования с российским правительством (действительно, несколько ханов получили чины в русской армии), и в Культурной или религиозной реформе (движение Джадида) никогда не представлялось многообещающее явление в туркменском обществе на фоне отсутствия книжной грамотности и традиций городской жизни»¹¹.

В течение этого периода власти царской России открыли русскоязычные школы для туркменских детей в Закаспийском государстве (которое сегодня охватывает большую часть Туркменистана) с упором на некоторые светские предметы¹². Л. Эдгар указывал, что цель такого рода школ – «воспитать у местных жителей уважение к царской власти и стране, уважение к законам и власти России» и «подготовить к тому, чтобы стать переводчиками, приказчиками, офицерами и учителями»¹³.

Во время завоевания Россией Туркмении Туркмен-хан и другие военачальники постепенно осознали, что царская Россия существенно отличалась от прежних местных режимов в Средней Азии, поэтому они стали сотрудничать с ней и отправлять своих детей в вышеупомянутые местные школы и даже военные академии в европейской части царской России¹⁴. «Командующий императорской армией был всесторонне развитым человеком, имевшим не только военную подготовку, но и получившим самые высокие стандарты образования в обществе. По сути туркмены, как военная нация, отправляли своих лучших представителей в военно-командные училища»¹⁵. По возвращении в Туркмению они направили в военное министерство письмо с просьбой открыть военную школу для туркмен в районе Внешнего Каспия с преподаванием русского, арабского и персидского языков¹⁶.

¹¹ *Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR.* Cornell University Press, 2019. P. 45–46.

¹² Подробнее об этой местной русскоязычной школе, которой руководят русские, см.: *Clement V. Learning to Become Turkmen: literacy, language and power, 1914–2014.* Pittsburgh, 2018. P. 19–21.

¹³ *Edgar A.L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan.* Princeton, 2004. P. 31.

¹⁴ *Gündogdyýew Ö.A. Teke atly polkunyň söweş ýoly (1914–1918 ý.).* Aşgabat, 2013. S. 32–40.

¹⁵ *Ibid.* S. 35.

¹⁶ *Ibid.* S. 36.

В процессе перехода к современному обществу отправная точка превращения армии в туркменскую также связана с особой национальной политикой царской России. В период правления царя Николая I имперское командование пришло к выводу, что одним из лучших способов объединения групп с самым разным происхождением и религиозным мировоззрением является зачисление их на военную службу в Императорскую российскую армию и гвардейскую военную службу¹⁷. В Центральной Азии ситуация несколько отличалась. В Туркестане, где губернатором был К.П. фон Кауфман, проводилась очень осторожная этническая политика, включавшая запрет на формирование этнических вооруженных сил. Поскольку Туркменская область, где в основном находились министерства туркмен – теке и йомуд, – административно подчинялась Кавказскому военному округу, Закаспийская область, где располагался Туркменистан, также, главным образом, контролировалась Кавказским военным округом на первом этапе завоевания, поэтому только туркмены могли служить в армии. В силу связанности «политикой строгого запрещения образования национальных вооруженных сил» в Туркестанском генерал-губернаторстве кавказцы использовали практику формирования местных отрядов милиции из «туземного» населения¹⁸. Кроме того, в 1890 г. Закаспийская область сразу же была отдана в непосредственное ведение военного министерства, что еще больше увеличило разницу между ее методом управления и Туркестанским генерал-губернатором, даже после того, как Закаспийская область была передана в управление губернатору Туркестана. Поэтому военная служба (не в качестве обслуживающего персонала) стала существенным отличием туркмен от других среднеазиатских аристократических этносов¹⁹. Эта политика, в свою очередь, усилила влияние военной элиты в туркменском обществе.

В донесении командующему Кавказским военным округом от 30 марта 1885 г. генерал А.В. Комаров особо отметил героизм туркмен, сказав, что джигиты приложили все усилия, чтобы стать

¹⁷ Андреев А.А. Туркмены в Первой Мировой Войне: Текинский Конный Полк // Политэкс. 2014. Т. 10. № 2. С. 161–169.

¹⁸ Присоединение Туркмении к России: сб. арх. док-тов. Ашхабад, 1960. С. 532.

¹⁹ Handbook of Major Soviet Nationalities... P. 265.

достойными слугами государя и своей кровью завоевали право на братскую дружбу²⁰. Туркмены Ахала и Мерва служили добровольно. Что касается причин, по которым они добровольно храбро сражались за царскую Россию, то туркменские историки называют следующие: туркмены сохранили свою автономию; предотвратили гражданские беспорядки в Туркменистане и военные конфликты с соседними странами; правительство России поощряло развитие туркменского сельского хозяйства и оказывало помощь в этом отношении; воинская доблесть и военная служба в сознании туркмен имели высокий статус; проявилось уважение со стороны русских, особенно офицеров, которые приветствовали туркменскую храбрость²¹.

Среди вышеперечисленных причин мы видим доброжелательность, вызванную модернизацией, принесенной царской Россией туркменскому народу, а также видим важное положение военных в туркменском обществе.

3. Туркменская кавалерия до и после Первой мировой войны.

Начиная с 1992 г. туркменский историк О.А. Гундогдыев провел интервью с родственниками ветеранов Туркменского кавалерийского полка в годы Первой мировой войны и проанализировал документы, обнаруженные в Российском государственном военно-историческом архиве и Российском историческом архиве, частично отражающие положение туркмен в годы Первой мировой войны.

В 1885 г. была создана Туркменская конная милиция (Türkmen atly diwiziony). Помимо участия в боях в Афганистане и других местах она использовалась, главным образом, для поддержания общественного порядка. Туркмены, завербованные в качестве офицеров, должны были получить образование в европейской военной школе, а также свободно владеть русским и туркменским языками²².

В 1892 году Туркменская конная милиция была переименована в Туркменский конно-иррегулярный дивизион (Türkmen atly-regular diwiziony). 30 января 1911 г. Туркменский конно-иррегулярный дивизион был переименован в Туркменский конный дивизион (Türkmen

²⁰ *Аннаоразов Д.С.* Туркменские воины на фронтах Первой мировой войны // Вопросы истории. № 8. 2014. С. 103–123.

²¹ *Gündoğdyýew Ö.A.* Teke atly polkunyň söweş ýoly... S. 23.

²² *Ibid.* S. 30.

atly diwiziony). В июле 1914 г., вскоре после начала Первой мировой войны, это подразделение стало называться Туркменским конным полком (Türkmen atly polk), входившим в состав 11-й кавалерийской дивизии. Согласно архивным документам, которые собрал Гундогдыев, часть была оснащена оружием на сумму 60 тыс. руб. и участвовала в различных разведывательно-боевых мероприятиях.

Губернатор Туркестана высоко отзывался о Туркменском кавалерийском полку. Их ахалтекинские лошади, отличная от русской кавалерии тактика, искусство верховой езды и героический дух – все это поражало русских официальных лиц²³. Даже царь Николай II сказал: «Искренне благодарю туркмен»²⁴. На германском фронте 67 всадников были награждены Георгиевским крестом, более 70 – награждены орденами Св. Станислава и Св. Анны различных степеней²⁵.

В то же время для того, чтобы местное население края могло получать достоверные известия о войнах и текущих событиях, царское правительство создало первую туркменскую газету на арабском алфавите, получившую название «Закаспийская туземная газета» (Рузнамей-и Маверай-и Бахры-Хазар). Хотя целью издания были оглашение известий о фронтовой победе в Закаспийской области и укрепление имиджа царской власти, помимо публикации приказов начальника Закаспийской области пропагандистские сводки о войне включали и письма туркменских кавалеристов с передовой. Помимо всевозможных сведений о жизни имелись также разделы о туркменской национальной истории, туркменской литературе, стихах туркменских поэтов, туркменской интеллигенции, полемические статьи и др.²⁶ В конце XIX – начале XX в. роль газет на национальных языках в процессе национальной модернизации и преобразования в Центральной Азии очевидна. Газеты на национальных языках других коренных

²³ *Gündoğdyýew Ö.A. Teke atly polkunıň söweş ýoly... S. 19.*

²⁴ *Андреев А.А. Туркмены в Первой Мировой Войне... С. 161–169.*

²⁵ *Гундогдыев О.А. Как стадо испуганных бурей овец, гнали текинцы неприятеля // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 67–69.*

²⁶ *Германов В. Милитаристские и антивоенные выступления, борьба за национальную самоидентификацию в ходе восстаний 1916 г. в Закаспийской области Туркестанского края // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном. Москва, 2017. С. 125–126. Подробнее см. *Goçmyradow H., Annagurdow M. Türkmen žurnalistikasynyň taryhy. Aşgabat, 2010. S. 11–12.**

этносов Средней Азии, как правило, были основаны националистически настроенной интеллигенцией, но у туркмен эту задачу выполняло царское правительство для нужд войны.

В 1915 г. Туркменский кавалерийский полк был включен в состав 32-го армейского корпуса 9-й армии и участвовал в боях на Карпатах. 31 марта 1916 г., согласно приказу начальника штаба Верховного Главнокомандующего № 415, Туркменский конный полк в составе Ахалтека и Мервтека был официально переименован в Текинский конный полк (Теке атлы полки)²⁷. С тех пор туркменская конница продолжала сражаться на стороне царской России в Европе. Они также захватили большое количество австро-венгерских солдат. «В Туркестан было отправлено много заключенных. Они построили железную дорогу и восстановили старый вокзал в Красноводске»²⁸. Красноводск (сегодня Туркменбашы в Туркменистане) остается одним из крупнейших портовых городов на Каспийском море.

После Февральской революции большинство текинских полков, оставшихся на фронте, участвовали в Гражданской войне в России. Туркмены передового текинского полка были потрясены внезапным отречением царя, отказались быть верными Временному правительству и отступить с передовой на том основании, что они присягнули царю²⁹. Вскоре после этого эти туркменские бойцы приняли командование генерала Л.Г. Корнилова, командующего Петроградским военным округом, который позже выступил против Временного правительства. Во время противостояния Корнилова и Керенского туркменские боевики твердо поддерживали первого и служили его вооруженной охраной. Туркмены безгранично доверяли Корнилову, ведь он служил в Туркмении в конце XIX в., свободно говорил на туркменском языке и не раз заходил с туркменами на территорию Афганистана с разведывательными заданиями³⁰. Помимо Корнилова, некоторые бойцы Текинского кавалерийского полка воевали против большевиков как сторонники белогвардейцев, таких как Деникин и

²⁷ Центральный государственный архив трудовых отношений города Москвы (ЦГАТ). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 4041. Л. 36.

²⁸ *Аннаоразов Д.С.* Туркменские воины... С. 103–123.

²⁹ *Gündoğduýew Ó.A.* Teke atly polkunyň söweş ýoly... S. 74.

³⁰ *Гундогдыев О.А.* Как стадо испуганных бурей овец... С. 67–69.

Колчак. 26 января 1918 г. в Киеве был официально расформирован Текинский кавалерийский полк.

Уже после Февральской революции часть туркменских воинов была репатрирована в Закаспийскую область, часть стала красногвардейцами, участвовала в гражданской войне в Прикаспии. Поэтому советско-российская гражданская война также стала разделителем и вызвала распри среди туркмен. Именно в ходе Первой мировой войны у туркмен возникла идея перехода от самоуправления к независимости (*garaşsyzlyk*), понимание «страны» и «нации» стало меняться от традиционного представления о верности защитнику в сторону поиска независимости и осуществления национальной модернизации. Генерал Эрдели, личный представитель генерала Деникина, приехавший в Закаспийскую область в феврале 1919 г., писал в своем рапорте: «Туркмены стоят в тупике. Они мечтают о независимости. Они равнодушны к расширению влияния нашей армии»³¹. И большевики тоже со временем скорректировали свою стратегию и пообещали независимость Туркмении, ввиду чего большое количество солдат (около 200) из бывшего Текинского полка перешло на сторону Красной Армии³².

4. Заключение.

Русский этнограф Ю.М. Ботяков считает: «Война была постоянным фактором в жизни туркмен на протяжении многих поколений»³³. Туркменская военная элита глубоко вовлечена в новейшую историю России и стала мостом для распространения различных современных идей в туркменском обществе. Вначале туркменские солдаты говорили: «За царя и за родину каждый тик готов это сделать, а если нужно, то и жизнью пожертвует»³⁴. Однако во время Октябрьской революции именно эти туркменские военнослужащие, а не туркмены, оставшиеся в Туркмении, подверглись масштабному разделу. Кто-то из бывших туркменских солдат вступил в Красную Армию, кто-то примкнул к басмачеству, а кто-то эмигрировал за границу, что является лучшим доказательством их идейной дифференциации. Новые

³¹ *Gündogdyýew Ö.A. Teke atly polkunyň söweş ýoly... S. 129.*

³² *Ibid.* S. 129.

³³ *Ботяков Ю.М. Аламан. Социально экономические аспекты института набега у туркмен. СПб., 2002. С.3*

³⁴ *Gündogdyýew Ö.A. Teke atly polkunyň söweş ýoly... S. 71.*

слова «независимость», «класс» и «нация» стали предметом их размышлений.

Туркмены осуществили модернизацию военной организации и вооружения в ряде войн конца XIX – начала XX в., а также провели идеологическую и кадровую подготовку масштабной модернизационной реформы и строительства в Туркменской области после образования Советского Союза.

Библиография

Edgar A.L. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton University Press, 2004. 320 p.

Goçmyradow H., Annagardow M. Türkmen žurnalistikasynyň taryhy. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat ullugy. 2010. 153 s.

Gündogdyýew Ö.A. Teke atly polkunýň söweş ýoly (1914–1918 ý.). Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2013. 216 s.

Clement V. Learning to become Turkmen: literacy, language and power, 1914–2014. Pittsburgh, 2018. P. 19–21

Handbook of Major Soviet Nationalities / Zev Katz, Rosemarie Rogers, Frederic Harned. New York; London: Free Press and Collier Macmillan, 1975. 481 p.

Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. Ithaca: Cornell University Press, 2019. 440 p.

Khalid A. Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press, 1998. 400 p.

Абдурасулов У. Конфликт как ресурс: анатомия «Туркменских Беспорядков» в Хорезме, 1914–1916 гг. // Ab Imperio. 2018. № 3. С. 141–186.

Андреев А.А. Туркмены в Первой Мировой Войне: Текинский Конный Полк // Политэкс, 2014. Т. 10. № 2. С. 161–169.

Аннаоразов Д.С. Туркменские воины на фронтах Первой мировой войны // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 103–123.

Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. 1024 с.

Ботяков Ю.М. Аламан. Социально экономические аспекты института набега у туркмен. СПб., 2002. 191 с.

Ван Ч. Всеобщая история Центральной Азии, современный том. Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 2010. С. 343.

Германов В. Милитаристские и антивоенные выступления, борьба за национальную самоидентификацию в ходе восстаний 1916 г. в Закаспийской области Туркестанского края // Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном / ред.-сост. Т.В. Котюкова. Москва: Русский импульс, 2017. С. 125–126

Гундогдыев О.А. Как стадо испуганных бурей овец, гнали текинцы неприятеля // Военно-исторический журнал. 2004. № 7. С. 67–69.

Присоединение Туркмении к России: сб. арх. док-тов / под ред. А. Ильясова. Ашхабад, 1960. 823 с.

Сунь Ч. 70 лет изучения Центральной Азии в Китае: достижения и проблемы // Журнал Ляонинского университета (издание философии и социальных наук). 2019. № 5. С. 1–8

Туманович О. Туркменистан и Туркмены (материалы к изучению истории и этнографии). Полторацк: Туркменское государственное издательство, 1926. 126 с.

Юань Ц. В поисках «мирового острова»: становление и эволюция познания Центральной Азии в современном Китае. Пекин: Издательство литературы по социальным наукам, 2020. 180 с.

А.А. Кононов

Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

Обжалование решений волостного суда в начале XX века: как крестьяне отстаивали свои интересы в жалобах к крестьянским начальникам

Статья посвящена взаимодействиям крестьян с крестьянскими начальниками в Западной Сибири в начале XX в. Многие крестьяне были недовольны решениями волостного суда, поэтому вынуждены были подавать апелляционные обращения к чиновникам. Целью исследования является изучение способов борьбы крестьян за свои интересы. Источниками исследования являются апелляционные жалобы и постановления по ним. Многие аргументы в прошениях сводились к показаниям свидетелей и действиям волостных судей. Большинство постановлений крестьянских начальников оставляли жалобы без последствий, но иногда жалобщикам удавалось убедить чиновников. Делается вывод о наличии ошибок в работе волостного суда, о способностях крестьян отстаивать свои интересы и о полезности судебных функций крестьянских начальников для крестьян.

Ключевые слова: волостной суд, апелляционная жалоба, судопроизводство, крестьянский начальник, уездный съезд.

Волостной суд – одна из тем для изучения крестьянской жизни начала XX в. На материале дел волостного судопроизводства можно рассмотреть правовую культуру крестьян дореволюционной России. Волостными судьями были сами крестьяне, зачастую неграмотные, поэтому некоторые их решения были неверными. Для изменения наказания или отмены решения крестьяне подавали апелляционные жалобы к крестьянским начальникам. На основании этих жалоб можно изучить отношение крестьян к правовому регулированию проблем, способы отстаивания своих интересов, особенности взаимоотношений крестьян и чиновников уездного уровня. По материалам делопроизводства крестьянских начальников можно изучить особенности механизма работы уездных чиновников, проследить их отношение к проблемам крестьян.

О крестьянской жизни писали разные историки. Одним из активных исследователей волостного судопроизводства является В.Б. Безгин¹. Особое внимание историк уделяет изучению соотношения закона и норм обычного права в волостном судопроизводстве. Историк Е.В. Почеревин в своей монографии о низовой административно-судебной системе изучает компетенции волостного и сельского самоуправления, а также институт крестьянских начальников². Историк описывает взаимоотношения крестьян и чиновников в Западной Сибири, рассматривает губернский уровень власти и исследует функции крестьянских начальников и отношение к ним крестьянства³. Также Почеревин анализирует административную деятельность чиновников по регулярному делопроизводству, рассматривает их документооборот⁴. Деятельность уездных съездов в Западной Сибири описывает и В.В. Гермизеева⁵.

Про востребованность судебных функций крестьянских начальников со стороны населения писала М.А. Гордеева⁶. Исследователь-

¹ *Безгин В.Б.* Волостной суд сельской России (вторая половина XIX – начало XX века) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12 (20). С. 32; *Безгин В.Б.* Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Право и политика. 2013. № 10. С. 1373–1380.

² *Почеревин Е.В.* Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX – 1917 г.). Бийск, 2013.

³ *Почеревин Е.В.* Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4 (3). С. 148–150.

⁴ *Почеревин Е.В.* Организация крестьянскими начальниками регулярного делопроизводства в структурах низового самоуправления Алтайского округа Томской губернии в начале XX в. // Наука и бизнес: пути развития. История, философия, социология. 2013. № 3 (21). С. 26–29.

⁵ *Гермизеева В.В.* Деятельность съездов крестьянских начальников в Западной Сибири: к вопросу об эффективности (1898–1917) // Национальные приоритеты России. 2019. № 1 (32). С. 3–8.

⁶ *Гордеева М.А.* Востребованность судебных функций крестьянских начальников со стороны крестьян Томской губернии в начале XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 121–128. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-10.pdf> (дата обращения: 13.05.2023); *Гордеева М.А.* Деятельность крестьянских начальников Томской губернии в начале XX в.: государственный контроль над органами крестьянского самоуправления // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 95–106.

ница пришла к выводу, что крестьяне активно использовали жалобы в повседневной жизни, и их большое количество может говорить о стремлении крестьян добиваться своих целей любыми способами.

Новизна настоящего исследования заключается в подробном изучении как тактик и аргументов, которые использовали крестьяне при обжаловании решений волостного суда, так и положений, на основании которых крестьянские начальники принимали решения.

Крестьянские начальники были вышестоящей инстанцией по отношению к волостному суду. Поток жалоб к ним на решения волостных судов был достаточно значительным. Это подтверждает база данных нескольких волостных судов⁷, по которой на 13 % судебных разбирательств крестьяне подавали апелляции. Распространенность этой процедуры говорит о том, что крестьяне часто были не согласны с приговорами судей и были готовы их оспаривать.

Авторами жалоб были в основном ответчики, они были недовольны решениями взыскания денег или ареста. Это можно объяснить тем предположением, что истцу со свидетелями или документальными доказательствами было несложно выиграть суд, а в случае проигрыша он мог разрешить некоторые конфликты внесудебным способом. Ответчикам же в случае проигрыша приходилось выполнять постановление суда, поэтому обжалование было единственным способом изменить приговор или отменить его вовсе.

В своих жалобах крестьяне излагали суть рассматриваемого дела и перечисляли претензии к решению волостного суда. Как правило, обращение начиналось с приведения постановления суда. Далее описывалась предыстория конфликта, сообщалось о деталях судебного процесса. Обращения могли быть оформлены как сплошным текстом, так и в виде перечня пунктов. Это означает, что не было унифицированного шаблона, и крестьянам был предоставлен простор для творчества.

Важность свидетелей для волостного судопроизводства показывают апелляционные жалобы. Частым аргументом в жалобах к крестьянским начальникам была неявка свидетелей на волостной суд. Недовольство вызывало то, что судьи не соглашались с предложением

⁷ Почеревин Е.В. Низовая административно-судебная система... С. 228.

о приостановке судебного процесса для вызова таких свидетелей. На заседаниях волостного суда в большинстве дел больше свидетелей выступало на стороне истца, поэтому можно сделать предположение о наличии трудностей у ответчиков в процессе заявления свидетелей. Обычно в жалобах приводились фамилии нескольких неявившихся свидетелей, причем иногда среди этих важных для дела лиц упоминались и свидетели по должности: кандидаты по старосте или сельские старосты⁸.

Другим распространенным поводом жалобы приводился факт опоры судей на родственных свидетелей другой стороны. Эти свидетели обвинялись в даче ложных показаний, а волостные судьи – в том, что им поверили⁹. Это обвинение показывает, что судьи выслушивали все показания на судебном заседании, но вопрос о том, шли ли судьи на поводу у этих свидетелей или получали от них лишь факты, остается открытым.

В качестве иного аргумента крестьяне высказывали недовольство списком приглашенных на суд свидетелей, в том числе тех, с кем жалобщик находился в состоянии вражды. Обращения с таким содержанием не единичны, хотя свидетели в таких делах могли быть очевидцами происшедшего, поэтому на суде не все зависело только от злого умысла свидетелей, вопреки сообщениям жалобщиков. Также вызывал недовольство у крестьян вызов на суд только нужных истцу свидетелей. Так, в одном из дел жалобщик писал, что он также может пригласить родственников, которые покажут в его пользу¹⁰. Это исключительный, но показательный случай для понимания отношения крестьян к роли свидетелей в волостном судопроизводстве.

Крестьяне обращались не только с претензиями о выборке свидетелей, но и о качестве их показаний. Жалобщики обвиняют волостных судей в доверии тем свидетелям, что не знали обстоятельств дела и оттого дали неверные показания. Крестьяне также просили обратить внимание и на то, что суд не опирался на документальные доказа-

⁸ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 261. Оп. 1. Д. 1. Л. 75 об.; Ф. 261. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

⁹ ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1. Л. 205.

¹⁰ Там же. Л. 16.

тельства¹¹. Именно на этот повод особенно обращали внимание крестьянские начальники при вынесении решений по апелляциям.

Волостных судей подозревали в предвзятости. Так, например, автор одного из прошений обратил внимание на родство судьи с истицей¹². Это подозрение интересно, поскольку у каждого судьи должно было быть много родственников, но при этом жалобы подобного рода единичны. Этот редкий случай можно по-разному интерпретировать: либо судьи часто разбирали дела своих родственников, и это являлось нормой, ведь об этом зафиксировано мало жалоб, либо судьи не судили родственников, и поэтому такой прецедент вызвал недовольство.

Практически во всех апелляциях заявлялась незаконность решений волостного суда, но это никак не подкреплялось ссылками, а обоснованием незаконности являлся подробный пересказ конфликта с просьбой вновь решить дело по закону. Лишь в редких случаях сообщались положения нарушений, например, статья Устава о наказании¹³ или даже ссылки с разъяснениями на несколько указов Сената, на постановление сельского схода и съезда крестьянских начальников¹⁴.

Совсем в немногих случаях просители предоставляли вместе с жалобой иные документы: приговоры общества¹⁵, заборную книжку из магазина артели¹⁶ и различные удостоверения, например, о засвидетельствовании крестьянином и полицейским сотским последствий конфликта¹⁷.

Такие подробные аргументы можно объяснить тем, что жалобщики видели в крестьянских начальниках тех людей, кто разрешит дело справедливо и с учетом всех приведенных доказательств, в отличие от волостных судей. Это показывает, что многие крестьяне адаптировались к системе и не боялись уездных чиновников, а использовали их в борьбе за свои интересы.

¹¹ ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2. Л. 144.

¹² Там же. Д. 1. Л. 96.

¹³ Там же. Д. 2. Л. 304.

¹⁴ Там же. Л. 290–291 об.

¹⁵ Там же. Л. 42.

¹⁶ Там же. Л. 158 об.

¹⁷ Там же. Д. 1. Л. 205 об.

В начале XX в. практика обжалований была не нова. Разбор судебных обращений и другие задачи крестьянских начальников были подробно регламентированы во «Временном положении о крестьянских начальниках»¹⁸. Получив апелляционную жалобу, крестьянский начальник в течение двух недель должен был разрешить вопрос самостоятельно или передать жалобу на рассмотрение уездного съезда. Единолично рассматривать жалобы крестьянский чиновник мог по делам о взыскании денег и тяжбам об имуществе, не превышающим десяти рублей, а также по делам с приговором к аресту не свыше трех дней¹⁹. Дела на более крупные суммы передавались уездному съезду. На уездном съезде заседало во время работы с жалобами не менее трех членов съезда, а решения утверждались большинством голосов; в случае их равенства голос председательствующего имел перевес²⁰.

Чиновники посылали извещения о времени разбора жалобы, но личная явка сторон была не обязательна²¹. Любопытно, что практически во всех случаях стороны не являлись на заседание съезда. Это могло быть связано не только с отдаленностью многих сел от уездного центра, но и с тем, что крестьяне иначе воспринимали съезд крестьянских начальников. Не исключено, что некоторые просители могли не иметь надежд на удовлетворение своих прошений.

Разбор дел на уездном съезде был специфичен и отличался от волостного суда. На разбирательство не вызывались свидетели, и не было необходимости в присутствии тяжущихся сторон, а чиновники работали только с документами. Но в жалобах приводилась позиция только одной стороны, а копии записей решений волостного суда были краткими, отчего было непросто выстроить объективную картину происшедшего. Поэтому крестьянские начальники часто не вникали в суть дела, предпочитали не перечить волостным судьям и отклонить жалобу. В таких случаях оформлялся лист с постановле-

¹⁸ Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 2 июня 1898 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. XVIII. Отд. 1. 1898. СПб. 1901. № 15503.

¹⁹ Временное положение о крестьянских начальниках... С. 404.

²⁰ Там же. С. 412.

²¹ ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1. Л. 214.

нием о том, что апелляцияльная жалоба признается не заслуживающей удовлетворения, и решение волостного суда должно остаться в силе.

Но иногда крестьянам удавалось убедить чиновников. Если крестьянский начальник находил решение суда неправосудным, то жалоба перенаправлялась на рассмотрение уездного съезда. Обсудив жалобу, съезд крестьянских чиновников утверждал или отменял решение суда. Интересно, что в результате оказывалась возможной ситуация, когда съезд чиновников мог не согласиться с крестьянским начальником по перенаправленной жалобе и оставить решение волостного суда в силе. Известен такой случай; это дело о взыскании 2 руб. 15 коп.²², но по нему было дано лишь короткое сообщение о том, что постановление правильно и жалоба неосновательна.

Чиновники находили ошибки в работе волостных судей. Общей причиной удовлетворения апелляций, несмотря на разные тематики конфликтов, являлась недостаточная доказанность иска. В некоторых случаях это было связано с тем, что крестьянские судьи не запросили от истца доказательств, а требовали таковых только от ответчика²³. Также судьи оказывались неправы в том, что некоторые свидетельские показания не всегда могли являться доказательствами. По одному из разбирательств уездные чиновники определили, что между сторонами не было заключено письменного договора о найме в прислугу, поэтому ответчику не было надобности запасаться доказательствами уплаты, т.к. истица это не доказала²⁴. Это интересное постановление, поскольку подобные споры о найме на работу встречаются часто, но речь о договоре в них не ведется.

Другой распространенный вариант постановления уездного съезда также связан с недостаточными доказательствами – это удовлетворение одной части иска, а другой – отмена. Это могло быть в случаях с двойным наказанием, таким как взыскание денег и арест. Например, чиновники могли считать доказанной к взысканию только признанную ответчиком сумму, если истец не предоставил доказательств на остальную часть денег²⁵. Другая причина бездоказательности части

²² ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 286 Л. 61–61 об.

²³ ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1. Л. 148–148 об.

²⁴ Там же. Л. 230–230 об.

²⁵ Там же. Л. 51–51 об.

взыскания – истец о ней изначально не ходатайствовал, а волостной суд изменил взыскание после опроса свидетелей²⁶.

Были и особые решения; например, уездный съезд нашел приговор волостного суда неправильным и постановил изменить ответчика по делу²⁷. Крайне редко съезд мог возвращать дела на повторное рассмотрение в волостной суд для выяснения подробностей жалобы²⁸.

Решения уездного съезда отправлялись волостному старшине и исполнялись тем крестьянским начальником, по участку которого было это дело, либо по его поручению должностными лицами волостного и сельского самоуправления²⁹. Если проситель оставался недоволен результатом обжалования, то имелась возможность подать кассационную жалобу на работу крестьянских начальников в Общее присутствие губернского управления в течение 30 дней со дня объявления решения. Такие жалобы были единичными.

Таким образом, изучение обжалования решений волостного суда позволяет понять взаимоотношения крестьян с крестьянскими начальниками в Западной Сибири в начале XX в. Апелляционные обращения к уездным чиновникам были вынужденной мерой для многих крестьян, недовольных решением волостного суда. Такие обращения показывают способных отстаивать свои интересы крестьян, а также то, что волостной суд не мог окончательно разрешить ряд конфликтов. Многие из аргументов жалоб сводились к некачественной работе волостных судей по анализу свидетельских показаний, что подтверждает важность роли свидетеля в волостном судопроизводстве. Крестьянские начальники неактивно вмешивались в разбор дел и оставляли часть жалоб без последствий и комментариев. Но иногда жалобщикам удавалось убедить чиновников. Основная причина частичного или полного удовлетворения жалобы и отмены решения суда – недостаточная доказанность иска. В ряде случаев крестьянские начальники находили существенные ошибки в работе волостных судей, поэтому можно считать, что судебные функции крестьянских начальников были полезны для крестьян.

²⁶ ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1. Л. 133–133 об.

²⁷ ГАТО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 286. Л. 78–78 об.

²⁸ Там же. Л. 93–93 об.

²⁹ Временное положение о крестьянских начальниках... С. 412.

Библиография

Безгин В.Б. Волостной суд сельской России (вторая половина XIX – начало XX века) // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12 (20). С. 32.

Безгин В.Б. Правовые обычаи в обыденном сознании и повседневной жизни российского крестьянства второй половины XIX – начала XX века // Право и политика. 2013. № 10. С. 1373–1380.

Гермизеева В.В. Деятельность съездов крестьянских начальников в Западной Сибири: к вопросу об эффективности (1898–1917) // Национальные приоритеты России. 2019. № 1 (32). С. 3–8.

Гордеева М.А. Востребованность судебных функций крестьянских начальников со стороны крестьян Томской губернии в начале XX века [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 121–128. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-10.pdf> (дата обращения: 13.05.2023)

Гордеева М.А. Деятельность крестьянских начальников Томской губернии в начале XX в.: государственный контроль над органами крестьянского самоуправления // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 95–106.

Почеревин Е.В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX – 1917 г.). Бийск, 2013. 285 с.

Почеревин Е.В. Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4 (3). С. 148–150.

Почеревин Е.В. Организация крестьянскими начальниками регулярного делопроизводства в структурах низового самоуправления Алтайского округа Томской губернии в начале XX в. // Наука и бизнес: пути развития. История, философия, социология. 2013. № 3 (21). С. 26–29.

Д.О. Никулин

*Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (Новосибирск)*

Русско-японская война 1904–1905 годов как катализатор Первой русской революции 1905–1907 годов: обзор современной историографии

События Русско-японской войны и Первой русской революции стали своего рода репетицией последовавших за ними Первой мировой войны и революций 1917 г. За последние десятилетия интерес историков к этим событиям вырос – как за счет изменения идеологических парадигм, так и за счет их столетних юбилеев. Было опубликовано немало работ, что требует написания историографического обзора о событиях русско-японской войны, оставшейся все же несколько в тени событий 1914–1917 гг. При этом в силу того, что в настоящее время наша страна вновь вступила в полосу испытаний, наиболее актуальной представляется взаимосвязь между войной и революцией как пример катализатора негативных последствий, на что и будет сделан особенный акцент в настоящей статье.

Ключевые слова: Русско-японская война, Первая русская революция, историография, восприятие масс, причины революции.

Русско-японская война имела огромное значение для хода истории России начала XX в., став своего рода «репетицией» последовавших событий 1914–1917 гг.: война, последовавшая за ней революция, мирный договор, вызвавший у многих современников неприятие. Война сыграла важнейшую роль в начале революции, и это – один из главных ее политических итогов, более важный, нежели территориальные уступки по мирному договору. В последние десятилетия возрос интерес исследователей к этой войне, что закономерно привело к публикации материалов, обобщающих новейшую историографию. Тем не менее, эти обобщения не пытаются рассматривать ее с точки зрения какой-то конкретной исторической проблемы.

В настоящее время в мире вновь имеет место политический кризис; своевременные выводы, сделанные на основе опыта исторических

событий, могут дать ключ к пониманию способов его преодоления. Пересмотр привычных по советской историографии положений назрел давно; так, А.Н. Сахаров, полемизируя с ними еще в 2007 г., утверждал, что Первая русская революция набрала силу только к октябрьской стачке, до этого же момента Россия могла и должна была продолжать войну¹. Цель данной статьи – на материалах историографии выявить основные положения о взаимосвязи Русско-японской войны и Первой русской революции, главные факторы, характерные для войны и ставшие, по мнению исследователей, ключевыми причинами начала революции.

Главным источником по вопросу стала для нового поколения историков периодическая печать. Отражению революционных событий в прессе посвящены работы Ю.Г. Благодар, А.А. Черкасова, А.В. Степанова, Е.А. Ледовских, В.А. Холодова. В их работах отмечается, что огромное влияние на настроения в тылу оказывали новости с фронта. Так, информация о высокой смертности в осажденном Порт-Артуре негативно сказывалась даже на консервативных жителях Кубани, хотя местные газеты старались не судить военное руководство за ошибки слишком строго, а обвиняли обывателей в нехватке патриотизма². Тем не менее, известны случаи отказа казаков от традиционного для них исполнения полицейских функций³.

Негативно сказывались новости с фронта и на другой традиционной опоре монархии – православной церкви. Согласно сведениям Е.А. Ледовских, «Тамбовские епархиальные ведомости» писали, что «мы не могли предвидеть того упорства и фанатичной решимости, с которою сражаются теперь с нами японцы»⁴. Кроме того, священ-

¹ Сахаров А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Реальность и вымыслы // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 4. С. 301–308.

² Благодар Ю.Г. Трагический 1905 год на страницах газеты «Кубанские областные ведомости»: сражения в Китае и революция в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 60–70.

³ Акоева Н.Б. Эволюция политического сознания кубанских казаков в годы Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 9.

⁴ Ледовских Е.А. Неофициальный взгляд православной церкви на события Русско-японской войны (1904–1905) и революции (1905–1907) // Вестник Воронежского государ-

ники осудили царя за Кровавое воскресенье. По мнению верующих, он этим согрешил против своей роли «отца народа»⁵. В «Орловских епархиальных ведомостях» японцы представлялись как агрессоры-язычники. Из газеты «Орловский вестник» видно, что для крестьянского населения мобилизация мужей и сыновей на войну с Японией воспринималась как потеря кормильцев, а новости о военных неудачах омрачали привычный ход провинциальной жизни. Глубокий след в сознании населения оставило поражение эскадры З.П. Рожественского в Цусимском сражении⁶.

Но не везде положению на фронте обывателями уделялось такое значительное внимание. Так, А.А. Черкасов, изучавший сочинские газеты, отмечает, что, по мере того как все больше времени проходило с начала войны, жители Сочи все меньше вспоминали о войне, на первый план к началу революции вышли для них их собственные бытовые проблемы⁷.

Российские либералы встретили войну патриотично настроенными, но отношение одного из их печатных органов, «Вестника Европы», изменяется осенью 1904 г. В январе выходит резкая статья, содержащая обзор конфликта в течение всей его длительности. Виновниками войны были объявлены придворные концессионеры лесной промышленности в северной Корее⁸.

В кандидатской диссертации Т.В. Чибиковой, посвященной прессе Западной Сибири, отмечается, что сибирская пресса расценила потерю Порт-Артура как случайное явление; большее недовольство вызвало поражение под Мукденом. С февраля 1905 г. газеты стали

ственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2019. № 3. С. 77.

⁵ Ледовских Е.А. Неофициальный взгляд православной церкви... С. 78.

⁶ Холодов В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в восприятии населения Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 111–123.

⁷ Черкасов А.А. Центр и окраины: русско-японская война глазами провинциальной периодической печати // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1. С. 191.

⁸ Степанов А.В. Между либерализмом и патриотизмом: журнал «Вестник Европы» в годы русско-японской войны // Вестник Ивановского государственного университета. 2004. № 2. С. 8–15.

искать причины поражений, что было связано с внутренней политикой. Причиной была названа неудобная местность, а также, в случае Цусимского сражения, плохая подготовка экипажей и руководство. Окончательно, впрочем, газеты политизировались после публикации Манифеста 17 октября⁹.

А.А. Старунская на примере газеты «Южный край» также считает, что отношение в самом российском обществе к войне постепенно менялось – от единодушного порыва до признания слабости русского флота и армии и желания скорейшего мира, который также был воспринят неоднозначно. Мрачные рассказы фронтовиков приводили к недовольству, направленному на правительство и царя¹⁰.

С.В. Пышнограев подытоживает, что информационное обеспечение войны в первые месяцы делало упор на героизм моряков, что не было убедительным на фоне поражений флота, а у цензурных комитетов не было необходимого опыта работы. После же Цусимы общественность потеряла доверие к государственной пропаганде. Революция поспособствовала требованиям разобраться в причинах поражения¹¹. К схожим выводам пришла Н.В. Жиликова, особенное внимание обратив на невозможность высказать недовольство легально¹².

Написаны и работы, посвященные роли войны в жизни обывателей. Ю.В. Куперт и А.В. Луценко отмечают, что командование не заботилось о моральной подготовке армии к военным событиям. Обыва-

⁹ Чибикова Т.В. Развитие западносибирской легальной периодической печати и ее общественно-политическая проблематика в период 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004.

¹⁰ Старунская А.А. Русско-японская война как одна из важнейших предпосылок начала первой революции в России 1905–1907 гг. и ее освещение в провинциальной прессе // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): мат-лы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–16 марта 2014 г. СПб., 2014. С. 91–96.

¹¹ Пышнограев С.В. Русский флот в информационном противостоянии в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013.

¹² Жиликова Н.В. Особенности освещения революционных событий 1905 года в провинциальной периодике (по материалам томских газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник») // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 3. С. 151–166.

телям казалось непонятным оставлять родные места и участвовать в войне с народом, который не причинил им никакого непосредственного зла¹³. С.Ф. Аманов, описавший повседневность Костромской и Ярославской губерний, утверждает, что война повысила интерес уездных обывателей к прессе, благотворительности, а военные неудачи поспособствовали росту критики в адрес власти¹⁴. А.О. Буранок отмечает, что «население, в большинстве своем, ранее не слышало, кто такие японцы и где находятся Маньчжурия с Кореей»¹⁵. Согласно исследователю, Цусима стала финальным ударом по популярности войны в обществе: война казалась проигранной, флот – уничтоженным, что приводило крестьян к закономерному выводу о необходимости мира¹⁶.

В диссертации Е.А. Гладкой отмечаются проводы войск на фронт с участием первых лиц государства как средство пропаганды. Она прослеживает, что поражения в русско-японской войне отразились в национальном сознании обывателей, что нашло выражение в литературных произведениях о войне: песнях, стихах, шутках. Упоминается в ее диссертации и позиция политических партий¹⁷.

В кандидатской диссертации Е.А. Смирновой отмечается, что наибольшее значение первая русская революция имела среди дворян, земцев, интеллигенции и студенчества, осуждавших войну. Тем не менее, по ее оценке вплоть до мая 1905 г. основная часть населения благосклонно относилась к войне. Положение изменилось после

¹³ *Куперт Ю.В., Луценко А.В.* Роль общественного сознания в Русско-японской войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 15–28.

¹⁴ *Аманов С.Ф.* Влияние Русско-японской войны на повседневную жизнь уездных городов Костромской и Ярославской губерний // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. № 3-1. С. 62–65.

¹⁵ *Буранок А.О.* Устная информация о Русско-японской войне в восприятии самарского крестьянства // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №2-1. С. 90.

¹⁶ *Буранок А.О.* Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Оренбург, 2009. С. 26.

¹⁷ *Гладкая Е.А.* Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

Цусимского сражения и Иваново-Вознесенской стачки¹⁸. Усугубился конфликт самодержавия и гражданского общества.

Агитации политических партий, в том числе среди военнопленных, также посвящены работы ряда авторов¹⁹. Так, Д.А. Кузнецов и Ю.Н. Кузнецова утверждают, что эсеры планировали использовать русско-японскую войну для разжигания массовых беспорядков и борьбы с властью. По мнению же В.И. Ленина смысл русско-японской войны состоял в раскрытии несостоятельности самодержавия. Он утверждал даже, что в войне Япония сыграет «великую революционную роль», ускорив поражение царизма и приведя к подъему европейских рабочих на борьбу с классовыми угнетателями²⁰. С ним закономерно не согласились меньшевики, считавшие, что вслед за поражением и крушением царизма никакого освобождения не последует.

В Воронежской губернии также была развернута агитация, в которой война характеризовалась как захватническая, ведущаяся по «одному слову царя». Главной ее причиной называлось желание русского правительства захватить Маньчжурию. С.В. Пышнограев и В.Н. Фурсов приходят к выводу, что основное недовольство вызывал у воронежцев существующий государственный строй, а не война с Японией²¹.

По оценке Ю.А. Климовой, до революционных событий эсеры изображали как внутреннего врага правительство, признавая

¹⁸ Смирнова Е.А. Отношение провинциального общества к Русско-японской войне 1904–1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006.

¹⁹ Шацилло В.К. Революционная агитация среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг. // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 1 (11). С. 56–67; Кузнецов Д.А., Кузнецова Ю.Н. Агитационная деятельность политических партий и движений в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3 (12). С. 81–85.

²⁰ Магомедов Р.Р. Русско-японская война (1904–1905) и ее место в концепции В.И. Ленина о мировой революции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 2. С. 186–187

²¹ Пышнограев С.В., Фурсов В.Н. Антивоенная агитация революционных организаций Воронежской губернии в период русско-японской войны 1904–1905 годов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, Политология, Экономика, Информатика. 2013. Вып. 26, № 8 (151). С. 115–119.

культурную связь между царем и крестьянством. С началом революционных событий, впрочем, эсеры начинают изображать в качестве виновника всех бед и его; судя по приведенным выше данным других авторов, это имело под собой определенные основания, если после Кровавого воскресенья даже духовенство усомнилось в царе. Тем не менее, решающего успеха эти пропагандистские изменения не имели²². И.Н. Гребенкин и А.С. Романика отмечают двойственность эсеровской пропаганды: с одной стороны, они обличали войну как империалистическую, с другой – обвинили власти в поражении, посчитав, что это позорит страну²³.

Схожий материал содержится в статье Н.П. Курускановой, писавшей конкретно о сибирских эсерах. В частности, согласно ее сведениям, эти эсеры писали, что самодержавие скоро погибнет; солдат же изображали бездушными машинами и призывали их перестать проливать кровь, требовали от народа призывать власти остановить войну²⁴. Н.Д. Ростов и М.А. Ширшов приводят данные, согласно которым из-за забастовок правительственного телеграфа в ноябре – декабре 1905 г. эшелоны с демобилизованными стали скапливаться на границе Забайкальской и Сибирской железных дорог. Был деморализован XIII-й корпус, на который были возложены восстановление движения и охрана пути, что привело к насилию²⁵.

А.С. Шестопалова пишет, что после поражения в русско-японской войне и участия армии в подавлении Первой русской революции произошло ухудшение «социального самочувствия» офицеров. Это проявилось в снижении популярности профессии военного, что привело к оскорблениям и избиениям офицеров²⁶.

²² Климova Ю.А. Образ внутреннего врага в печати сибирских эсеров в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Клио. 2016. № 11 (119). С. 67–73.

²³ Гребенкин И.Н., Романика А.С. Военный вопрос в идеологии и практике социалистов-революционеров рубеже XIX–XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4(81). С. 41–42.

²⁴ Курусканова Н.П. Русско-японская война в освещении нелегальной печати сибирских эсеров // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1638.

²⁵ Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Влияние революционных событий в Сибири 1905–1906 гг. на организацию и проведение эвакуации частей и соединений русской армии из Маньчжурии // Мир Евразии. 2017. № 1 (36). С. 59–61.

Ю.В. Пикалов причины поражения России видит в неактуальном учреждении наместничества на Дальнем Востоке, отказе от строительства амурского участка транссибирской магистрали в пользу Китайской Восточной железной дороги, Южно-Маньчжурскую ветку которой японцы впоследствии захватили. Кроме того, он отмечает слабость дипломатии России, которая пошла на передачу Японии Южного Сахалина²⁷.

Ключевые, на наш взгляд, работы, посвященные восприятию населением русско-японской войны, написаны Э.А. Воробьевой и М.В. Шиловским применительно к Сибири. Э.А. Воробьева в своей диссертации и монографии утверждает, что ключевую роль сыграла неудачная попытка «маленькой победоносной войны», какой должна была стать для России русско-японская война. Пропаганда войны была изначально эффективной, но быстро создала, по ее мнению, слишком героизированный образ войны, который привел к резкому падению доверия к власти при первых же неудачах. Ключевым моментом войны Э.А. Воробьева считает падение Порт-Артура, а затем – поражения под Мукденом и при Цусиме. Кроме того, Э.А. Воробьева выделяет такие факторы, как продовольственный кризис, а также затруднения, связанные с выдачей семьям призванных надлежащего пособия. В результате кризиса цены на самые необходимые товары выросли в 3–15 раз, выплата пособий проводилась с массой злоупотреблений²⁸. Кроме того, имелись проблемы с приемом и содержанием раненых. Свою роль сыграли и альтернативные публикации о войне, в частности, записки В.И. Немировича-Данченко. Согласно сведениям автора, весной 1905 г. продолжение войны стало расцениваться как смертельное для региона²⁹.

²⁶ Шестопалова А.С. Отражение “социального самочувствия” офицеров Российской армии после русско-японской войны и Первой русской революции 1905–1907 гг. в отечественной публицистике // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Всерос. молодеж. науч. шк.-конф. с междунар. участием, Новосибирск, 27–29 сентября 2018 г. Новосибирск, 2018. С. 227.

²⁷ Пикалов Ю.В. Причины поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (46). С. 45–50.

²⁸ Воробьева Э.А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Новосибирск, 2021. С. 241.

К схожим выводам приходит в своих работах М.В. Шиловский. Он отмечает, что в Сибирском военном округе призвано было 78,5 % трудоспособных мужчин, а также упоминает реквизицию лошадей как один из важных факторов, повлиявших на рост цен и голод в восточном Забайкалье в 1905 г.³⁰ При этом волнения среди мобилизованных он считает не классовым протестом, а лишь недовольством задержками на железных дорогах³¹. Поражения сибиряки связывали с «полной несостоятельностью нашего государственного строя»³². Также М.В. Шиловский выделяет позорность Портсмутского мирного договора как фактор, дополнительно обрушивший авторитет властей; демобилизованные военнотружущие возглавили волнения. Любопытно, что, по сведениям М.В. Шиловского, местная администрация не могла бороться с выступлениями начинавшейся революции, так как вместо кадровых частей, ушедших на фронт, в городах оставались запасные батальоны, на которые нельзя было положиться в этом вопросе – ценой повторения этой ошибки в 1917 г. стало падение монархии. В то же время из вагонов, направляемых в Манчжурию, забастовщики похитили свыше 32 тыс. винтовок, несколько сот револьверов и сотни пудов взрывчатки³³.

Таким образом, большинство исследователей на материалах разных регионов страны отмечают фактически единый порядок событий: воодушевление с началом войны; первые разочарования, связанные с поражениями, которые противоречили государственной пропаганде, а также ростом цен и мобилизацией; коренной перелом и

²⁹ Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009.

³⁰ Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012.

³¹ Шиловский М.В. Военнотружущие в русских революциях: особенности участия (на примере азиатской России) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 92–96.

³² Сибирская жизнь (Томск). 1905. 11 июля. Цит. по: Шиловский М.В. Позабывтый катаклизм: специфика революции 1905–1907 гг. в Сибири // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сб. ст. Всерос. науч. конф. (Сургут, 24–25 нояб. 2017 г.). Сургут, 2017. С. 72.

³³ Там же. С. 74.

упадок настроений, связанный с падением Порт-Артура и Кровавым воскресеньем; наконец, поражения под Мукденом и в Цусимском сражении, окончательно разочаровавшие даже вернейших сторонников самодержавия и убедившие обывателей в необходимости мира, условия которого вызвали недовольство. Не стоит забывать и об эвакуации частей из Маньчжурии и поставках оружия, способствовавших революционным событиям в Сибири. Тезис о решающем значении октябрьской стачки, в целом, не подтвердился: война окончательно потеряла популярность в народе задолго до нее. При этом стоит особенно отметить важность правильного соотношения пропаганды с реальным положением дел, бесперебойной работы транспортной системы – как на фронте, так и в тылу, а также необходимость борьбы со злоупотреблениями при выдаче семьям мобилизованных пособий и со спекуляцией.

Библиография

Акоева Н.Б. Эволюция политического сознания кубанских казаков в годы Русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5. С. 7–10.

Аманов С.Ф. Влияние Русско-японской войны на повседневную жизнь уездных городов Костромской и Ярославской губерний // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. № 3-1. С. 62–65.

Благодер Ю.Г. Трагический 1905 год на страницах газеты «Кубанские областные ведомости»: сражения в Китае и революция в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 4. С. 60–70.

Буранок А.О. Информационное обеспечение русско-японской войны в провинции (на материалах Самарской губернии): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Оренбург, 2009. 28 с.

Буранок А.О. Устная информация о Русско-японской войне в восприятии самарского крестьянства // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 2-1. С. 90–94.

Воробьева Э.А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2021. 252 с.

Воробьева Э.А. Русско-японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего Востока (по материалам ведущих местных периодических изданий): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 20 с.

Гладкая Е.А. Русско-японская война в массовом сознании и общественной мысли русского общества в начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 26 с.

Гребенкин И.Н., Романика А.С. Военный вопрос в идеологии и практике социалистов-революционеров на рубеже XIX–XX вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 4 (81). С. 39–44.

Жилякова Н.В. Особенности освещения революционных событий 1905 года в провинциальной периодике (по материалам томских газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник») // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 3. С. 151–166.

Климова Ю.А. Образ внутреннего врага в печати сибирских эсеров в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Клио. 2016. № 11 (119). С. 67–73.

Кузнецов Д.А., Кузнецова Ю.Н. Агитационная деятельность политических партий и движений в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 3 (12). С. 81–85.

Куперт Ю.В., Луценко А.В. Роль общественного сознания в Русско-японской войне // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 15–28.

Курусканова Н.П. Русско-японская война в освещении нелегальной печати сибирских эсеров // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1638.

Ледовских Е.А. Неофициальный взгляд православной церкви на события Русско-японской войны (1904–1905) и революции (1905–1907) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2019. № 3. С. 76–79.

Магомедов Р.Р. Русско-японская война (1904–1905) и ее место в концепции В.И. Ленина о мировой революции // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. №2. С. 184–190.

Пикалов Ю.В. Причины поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (46). С. 45–50.

Пышнограев С.В. Русский флот в информационном противостоянии в период русско-японской войны 1904–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013. 23 с.

Пышнограев С.В., Фурсов В.Н. Антивоенная агитация революционных организаций Воронежской губернии в период русско-японской войны 1904–1905 годов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История, Политология, Экономика, Информатика. 2013. Вып. 26, № 8 (151). С. 115–119.

Ростов Н.Д., Ширишов М.А. Влияние революционных событий в Сибири 1905–1906 гг. на организацию и проведение эвакуации частей и соединений русской армии из Маньчжурии // Мир Евразии. 2017. № 1 (36). С. 57–66.

Сахаров А.Н. Русско-японская война 1904–1905 гг. Реальность и вымыслы // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. № 4. С. 301–308.

Смирнова Е.А. Отношение провинциального общества к Русско-японской войне 1904–1905 гг. (на материалах губерний Верхнего Поволжья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006. 37 с.

Старунская А.А. Русско-японская война как одна из важнейших предпосылок начала первой революции в России 1905–1907 гг. и ее освещение в провинциальной прессе // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала первой мировой войны): материалы Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 14–16 марта 2014 года. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2014. С. 91–96.

Степанов А.В. Между либерализмом и патриотизмом: журнал “Вестник Европы” в годы русско-японской войны // Вестник Ивановского государственного университета. 2004. № 2. С. 8–15.

Холодов В.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в восприятии населения Орловской губернии (по данным Орловской прессы) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. С. 111–123.

Черкасов А.А. Центр и окраины: русско-японская война глазами провинциальной периодической печати // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1. С. 188–191.

Чибикина Т.В. Развитие западносибирской легальной периодической печати и ее общественно-политическая проблематика в период 1905–1907 гг.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Омск, 2004. 28 с.

Шаццлло В.К. Революционная агитация среди военнопленных русской армии в Японии в 1904–1906 гг. // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2018. №1 (11). С. 56–67.

Шестопалова А.С. Отражение “социального самочувствия” офицеров Российской армии после русско-японской войны и Первой русской революции 1905–1907 гг. в отечественной публицистике // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов Всерос. молодеж. науч. шк.-конф. с междунар. участием, Новосибирск, 27–29 сентября 2018 г. Новосибирск: Издательско-полиграфический центр Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Институт истории СО РАН, 2018. С. 219–227.

Шиловский М.В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2012. 320 с.

Шиловский М.В. Позабытый катаклизм: специфика революции 1905–1907 гг. в Сибири // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сб. ст. Всерос. науч. конф. (Сургут, 24–25 нояб. 2017 г.). Сургут, 2017. С. 70–78.

Шиловский М.В. Военнослужащие в русских революциях: особенности участия (на примере азиатской России) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 1 (10). С. 92–96.

Д.А. Бакланов

*Российский государственный
гуманитарный университет (Москва)*

Русские революции 1905–1917 годов в осмыслении Ричарда Пайпса

Статья посвящена главному труду известного американского историка Ричарда Пайпса – «Русской революции». Автор анализирует тома 1990 г. и 1994 г. в историографическом и социально-политическом контексте, выявляя особенности трактовки революции в России Пайпсом и учитывая его предшествующие научные изыскания. Отмечается существенное влияние на его интеллектуальные построения русских историков-эмигрантов: его учителя – М.М. Карповича – и трудов непосредственного участника событий 1917 г. – П.Н. Милюкова. Автор приходит к выводу о прямой корреляции между сломом советской системы в 1991 г. и представленной интерпретацией революции ученым в заключительном томе 1994 г.

Ключевые слова: Ричард Пайпс, Русская революция, интеллектуальная история, интеллектуальная биография, американская русистика.

Финансовая поддержка: Работа выполнена в рамках проекта РГГУ («Интеллектуальная биография в исследованиях молодых историков») (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Проблема Русской революции, безусловно, являлась важнейшей для американской русистики времен Холодной войны. В попытке ответить на трепещущий вопрос о закономерности или случайности этого события ученые успели сформировать отдельные подходы, направления и даже научные школы. Но так или иначе революция 1917 г. оставалась своеобразным маркером не только историографического, но и социального свойства, притом как для советского, так и для западного обществ. Известный ученый М. Малиа писал: «Ни один из западных историков не может поэтому писать о российской революции, косвенно не упоминая о Западе, и ни один из них,

анализируя положение в России, не может отрешиться от того, что делает он это с позиций человека Запада. Всякий раз, когда начинало казаться, что советский эксперимент вот-вот завершится успехом, позиции правых на Западе автоматически слабели; когда же шансы на его успех снижались, соответственно ухудшались перспективы у западных левых»¹.

Между тем труд Ричарда Пайпса – «Русская революция» – выпал на пик его популярности, по-своему ознаменовав падение Советского Союза и вместе с тем личный триумф историка. В этой связи анализ *opus magnum*, пожалуй, наиболее именитого западного специалиста в области российской истории представляется чрезвычайно важным и актуальным.

В головокружительной веренице событий начала XX в. Пайпс рассмотрел множество различных сюжетов, требующих специальных историографических обзоров. Мы остановимся лишь на тех проблемах и вопросах, которые имеют взаимосвязь с его предшествующими и последующими интеллектуальными изысканиями. Нас будет в меньшей мере интересовать содержательная часть труда Пайпса и его видение событий 1899–1924 гг. – именно так он определяет хронологию революции². В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать труд ученого в контексте его интеллектуальной биографии, погрузившись в историографический и социально-политический контекст эпохи, чего еще не было сделано в исследованиях творчества Пайпса.

«Русская революция» (далее – «Р.Р.») представляет собой объемный исторический труд из двух томов 1990 г. с последующим дополнением третьего – «Россия при большевиках» (далее – «Р.П.Б»), вышедшего в 1994 г. На русский язык монография была переведена и издана в 1994 г. и 1997 г. тиражом в несколько тысяч экземпляров (хотя еще в начале 1990-х годов тираж должен был составить внушительные 100 тыс. копий).

¹ Малия М. В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // Отечественная история. 1992. № 4. С. 178.

² Пайпс Р. Русская революция: в 2 ч. Ч. 1. М., 1994. С. 7–8.

Остов всего повествования пронизывает идея Пайпса о ключевой роли интеллигенции в революционных событиях в России. В своих прошлых работах ученый разграничивал разные направления и движения внутри этой социальной группы (об этом, в частности, свидетельствует его статья 1960 г.³). В «Р.Р.» интеллигенция была наделена отрицательными чертами и в основном характеризовалась лишь со стороны радикально настроенных ее представителей, т.е. революционеров.

В свою очередь, русский народ, по его мнению, в подавляющем большинстве состоявший из неграмотного крестьянства с дологическим мышлением, не осознавал, что находится под влиянием интеллигенции. У крестьян не было развито чувство права и собственности⁴. Бессознательность и аморфность народа, представленная Пайпсом, – не что иное, как гневная диатриба в сторону «ревизионистов», возложивших на широкие социальные слои свои собственные чаяния.

В первом томе большевики и прочие социалистические ответвления (за исключением разве что эсеров и их сугубо террористической деятельности) остались не замечены Пайпсом. Имя В.И. Ленина, главного действующего лица второго тома, упоминается в первой части лишь восемь раз. Этот искусственный контраст был создан с целью продемонстрировать роковую случайность выхода большевиков на крупную политическую сцену после Февраля.

Негласно признанный ключевой частью трилогии – второй том «Большевики в борьбе за власть», охватывал события с февраля 1917 по 1918 гг. Именно этим трудом Пайпс вызвал наибольший резонанс в академическом сообществе, т.к. за редкими исключениями оставил незамеченными достижения «ревизионистов» 1970–1980-х годов. В отличие от первого тома, здесь Пайпс преимущественно сосредоточился на отдельных исторических персоналиях. В центр его внимания попали Л.Г. Корнилов, А.Ф. Керенский и их противостояние, император Николай II и главный злодей – В.И. Ленин, а также большевистская партия как «воплощение личности» ее создателя⁵.

³ Pipes R. The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia // Daedalus. The Russian Intelligentsia. 1960. Vol. 89. № 3. P. 487–502.

⁴ Пайпс Р. Русская революция... Ч. 1... С. 127.

⁵ Пайпс Р. Русская революция... Ч. 2... С. 7.

Большевизм предстает в качестве абсолютного и беспрецедентного зла. Тем не менее, его истоки отчетливо прорисовываются в российской политической культуре. Пайпс проводит наследственную связь между народничеством и его влиянием на Ленина вплоть до 1900 г. Согласно Пайпсу, к этому времени последний полностью отошел от социал-демократических идей в пользу идеологии Народной воли⁶.

Как отметил П. Кенез, ученик Пайпса и в то же время один из наиболее авторитетных представителей «ревизионистского» направления, автор предстал перед читателями в роли истца, «безжалостно исключаящего каждую тему и клочок информации, которые не имеют отношения» к самому «обвинению»⁷. В беркианской манере Пайпс выносит обвинительный вердикт Октябрьскому перевороту, выданному за революцию, как преступному недоразумению. Большевикам во многом удалось прийти к власти по причине косности царизма, халатности Временного правительства и аморфности масс.

Большевикам вменяются в вину далеко не только злодеяния в масштабах российской территории: преднамеренное уничтожение миллионов жителей, развязывание Гражданской войны, безжалостная политика военного коммунизма и т.д. Большевики, по мнению Пайпса, стали провозвестниками череды трагедий всего XX столетия. Сконструированный ими режим однопартийной диктатуры лег в основу фашистских и нацистских режимов в Италии и Германии соответственно. В этой связи, согласно Пайпсу, если бы большевики не пришли к власти в 1917 г., у Гитлера не оказалось бы идейных вдохновителей и, как следствие, Второй Мировой войны можно было бы избежать. Убийство царской семьи, в свою очередь, как считает ученый, стало «прелюдией к массовым убийствам XX века»⁸. Кроме того, большевики создали концентрационные лагеря на принципиально новых началах⁹. Все это, по мнению Пайпса, заложило фундамент тоталитаризма как новой формы политического режима, неизвестной миру до 1917 г. В следующем томе историк напишет:

⁶ *Пайпс Р.* Русская революция... Ч. 2... С. 26.

⁷ *Kenez P.* The Prosecution of Soviet History: A Critique of Richard Pipes' The Russian Revolution // The Russian Review. 1991. Vol. 50. № 3. P. 346.

⁸ *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 2... С. 478.

⁹ Там же. С. 527–528.

«В начале 20-х, когда Муссолини устанавливал свой режим, а Гитлер основывал свою партию, в Советском Союзе – и нигде более – уже существовали все необходимые институты и процедуры»¹⁰.

Заключительная часть эпопеи о революции «Р.П.Б.» увидела свет в 1994 г. Труд был посвящен событиям 1918–1924 гг. По всем внешним признакам «Р.П.Б.» является частью антологии «Р.Р.», ее третьим и заключительным томом. Эта книга хронологически продолжает второй том – «Большевики в борьбе за власть», а та, в свою очередь, первый – «Агония старого режима». Однако, как признает сам автор, задумывалась она как «особняком стоящая работа»¹¹. И, действительно, четырехлетняя разница в англоязычном издании книг не позволяет в полной мере причислить «Р.П.Б.» к общему нарративу «Р.Р.», который был задан еще в разгар Холодной войны. Так, «Р.П.Б.» 1990 г. коррелирует скорее с «Россией при старом режиме» 1974 г., но является уже не прелюдией, а кодой к ней. Собственно, монография изначально задумывалась под символическим названием «Россия при новом режиме»¹².

Важно отметить, что после 1991 г. ситуация в изучении России на Западе существенно изменилась. «Архивная революция» вывела советологов на распутье. «Советологическая мантра» – «Мы не можем наверняка утверждать, что произошло на самом деле до тех пор, пока советские архивы закрыты» – отныне потеряла всякий вес¹³. С одной стороны, западным специалистам стали доступны тонны ранее неизвестных засекреченных материалов, что должно было помочь им в выстраивании более объективной и многофакторной исторической модели. С другой, – столь радикальные и для многих неожиданные перемены в российской архивоведческой практике поставили перед русистами и советологами вопросы из категории «исследовательской чистоплотности», а именно – способны ли они отказаться от своих прошлых убеждений под влиянием нового массива источников. Как известно, по второму пути решились пойти немногие. «Мне еще

¹⁰ *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 296.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 1... С. 9.

¹³ Цит. по: *Kenez P.* The Prosecution of Soviet History. Vol. 2 // *The Russian Review.* 1995. Vol. 54. № 2. P. 265.

не приходилось слышать от историка что-то подобное: “В свете новых доступных материалов я должен пересмотреть свои взгляды на фундаментальный аспект советской истории”. Вместо этого мы все склонны находить то, что ищем; мы отправляемся на рыбалку в те места, где водится наша любимая рыба», писал Кенез в 1995 г.¹⁴

Исключением из общего правила не стал и Ричард Пайпс. Ученый признавался, что ему не удалось найти чего-то содержательно нового для своей книги¹⁵, что, на первый взгляд, несколько принижало значимость труда в свете запросов читателя, но в то же время подтверждало выводы его предшествующих изысканий, сформулированных до 1991 г. Тем не менее в «Р.П.Б.» он в значительно большей степени основывался на архивных материалах, хотя подавляющую часть источниковой базы, как и прежде, составляли историография и опубликованные источники личного происхождения. Именно на них Пайпс выстраивает фундамент своей аргументации.

В то же время видоизменяется концепт «отсутствия неизбежности революции» – идеи, которую в научный дискурс привнесли русские эмигранты. Эта идея звучит в предисловии к русскому изданию, написанному в декабре 1992 г.: «Книга заведомо разочарует две категории читателей: *тех, кто полагает, что события 1917 года были неизбежны* и по сути явлением положительным, и *тех, кому они представляются противоестественным отходом от верного исторического пути России* (курсив мой – Д.Б.)»¹⁶. В конце предисловия Пайпс обращается к событиям современности. По его убеждению, изучение событий начала XX в. позволит «избежать старых ошибок в будущем», когда Россия «найдет в себе силы восстать из руин, куда ввергло ее семидесятилетнее коммунистическое правление, и впервые в своей истории приступит к построению государства, покоящегося на народной воле»¹⁷. Во вступлении, датированном маем 1989 г., также сказано о неизбежности революции. Но сделано это с принципиально иных позиций: Пайпс, в противовес бердяевскому фатализму неизбежности революции в России сродни наступлению «ледникового

¹⁴ Цит. по: Kenez P. The Prosecution of Soviet History. Vol. 2... P. 265.

¹⁵ Пайпс Р. Россия при большевиках... С. 6.

¹⁶ Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1... С. 5.

¹⁷ Там же. С. 6.

периода» или «падению Римской империи», указывает на идеологическую и методологическую предвзятость историков, намекая на советских коллег и «ревизионистов»: «Научный подход требует от историка критической оценки источников и честного отношения к фактам, в них почерпнутым»¹⁸.

В конечном счете Русская революция видится Пайпсу, с одной стороны, трагической случайностью, ставшей преступлением против всего человечества, но с другой, – рядом закономерных факторов, задолго до самого события предвещавших о нем: потеря авторитета царской власти, дезинтеграция крестьянства, никогда не знавшего реальной свободы, сконструированный миф о рабочем классе и радикальная интеллигенция, возложившая на широкие массы свои собственные чаяния. По мнению Пайпса, правительство должно было ограничить свою власть и пойти на сотрудничество с консерваторами еще в 1860-е годы. Однако в силу исторических причин монархия этого не сделала, т.к. власть имущие «во глубине души считали Россию, как встарь, личной вотчиной царя». Запоздалые уступки после революции 1905 г., наоборот, только «разожгли аппетиты радикалов и подтолкнули на еще более дерзкие шаги»¹⁹. Но и ответить на вызовы времени император также не мог, т.к. инструментарий для подобного рода ответов был изобретен только Лениным.

По убеждению Пайпса, данные обстоятельства способны «прояснить, но не оправдать нежелание монархии предоставить консерваторам право голоса в правительстве»²⁰. Этот пассаж, несомненно, исходил из современных политических представлений автора и его опыта взаимодействия с высшими структурами власти своей страны.

Именно политические и отчасти культурные факторы подтолкнули царизм к падению. Обстоятельства социально-экономического свойства не оказали столь существенного влияния на эти процессы. В афористическом ключе Пайпс переворачивает важнейшие понятия исторического материализма – базис и надстройку. Социально-политические

¹⁸ Пайнс Р. Русская революция. Ч. 1... С. 10.

¹⁹ Пайнс Р. Россия при большевиках... С. 585.

²⁰ Там же. С. 586.

факторы, по его мнению, лишь «“пена” на поверхности течений, в действительности определяющих судьбы человечества»²¹.

Из всей либерально-авторитарной палитры марксизма в России возобладали лишь те элементы учения, которые «отвечали унаследованной из Московской Руси вотчинной психологии»²². Тоталитаризм же явился синтезом марксизма и российской истории²³. Так, большевики, всячески стремясь сепарироваться от царской модели управления, в конечном счете неосознанно ее воспроизводили²⁴. Помимо ссылок на российскую политическую культуру и особенности приращения к ней марксизма, Пайпс апеллирует и к западному влиянию. Он отмечает «ошибочность учения века Просвещения», откуда исходил коммунизм, характеризуя представление о человеке как о «некоем материальном составе, лишенном души и собственных мыслей», вероятно, в качестве самой вредоносной идеи в истории²⁵.

Очевидным источником вдохновения для ученого стала «История второй русской революции» П.Н. Милюкова²⁶. Пайпс следует за Милюковым в изложении отдельных событий и представлении хода Русской революции как таковой. Кроме того, многие идеи Милюкова также были переняты Пайпсом. Эта монография была написана в эмиграции, когда лидеру кадетов пришлось невольно дистанцироваться от объекта своего изучения. По его мнению, революция «вскрыла ее тесную и неразрывную связь со всем русским прошлым»²⁷. Ключевым фактором в эскалации конфликта стало противоречие между старыми отжившими формами социально-политического устройства и новым курсом после 1905 г. Когда Россия пыталась ступить на путь парламентской демократии и конституционализма, срабатывал «инстинкт самосохранения старого режима и его защитников»²⁸. Однако конфликт «старой государственности» с «новыми

²¹ Пайпс Р. Россия при большевиках... С. 587.

²² Там же. С. 592.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 598.

²⁵ Там же. С. 605.

²⁶ Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. Вып. 1–3.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Там же. С. 17

требованиями» наметился еще в конце XVII в. Под углом этого конфликта формировалось крайне одностороннее мировоззрение многих поколений интеллигенции²⁹. Но Милюков все же считал, что революция, так или иначе, была неизбежна. Пытаясь найти виновных, он возлагал большую часть ответственности на власть. При этом доля вины лежала и на плечах интеллигенции³⁰. Отмечал историк и «бессознательность и темноту русской народной массы»³¹.

Как уже было отмечено, тезис об отсутствии неизбежности революции, отстаиваемый еще с 1920-х годов русскими историками-эмигрантами, был перенесен Пайпсом на страницы собственного труда. Однако он исходил совсем из иных побуждений, нежели, к примеру, его учитель – М.М. Карпович. Последний писал об интеллектуальном, культурном расцвете накануне 1917 г.³², а Пайпс, держа в уме «вотчинную модель», выстраивал картину напряженности и в обществе, и в правительстве. Соглашаясь с пагубностью советского строя, Пайпс тем не менее увидел много общего между советским и имперским режимами. В «Р.Р.» интеллигенция была представлена исключительно ее радикальной частью.

С одной стороны, ученый описывал революцию как спонтанную, с другой, уделяя много внимания истории революционного движения, Пайпс подразумевал, что оно было каким-то образом ответственным за случившееся. Однако, учитывая изложенное в «России при старом режиме», которая была заявлена как первая часть фундаментального труда, мы можем проследить и третьего виновника революции, а именно царизм, в руках которого была сосредоточена вотчинная власть. Эта веками укорененная в истории России модель, подчас неосознаваемая и самими правителями, предписывала определенную систему взаимодействия между властью и народом. Словно осьминог, вотчинный режим распластал свои щупальца на все сферы общественной жизни, центром притяжения которых неизменно оставался вопрос о собственности.

²⁹ Милюков П.Н. История второй русской революции... С. 18.

³⁰ Там же. С. 13.

³¹ Там же. С. 14.

³² Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 285.

В свою очередь, большевики не были инородным организмом, выросшим полностью из западноевропейского марксизма. Они также не признавали право населения на частную собственность. Не зная преимуществ реальной легитимной политической борьбы, завладев властью, они перенесли выстраданный в подполье и ссылках опыт уже на своих сограждан.

Не стоит забывать и о хронологии, которую представил Пайпс. Согласно его интерпретации, одна лишь кульминация революции наступила еще в 1899 г. Большевики тем самым встали на путь разворачивающегося революционного процесса.

Таким образом, первоначальный тезис об «отсутствии неизбежности» во вступлении 1989 г. исходил из идеи о предвзятости историков в изучении революции, их этического безразличия и эсхатологизма относительно уже свершившихся событий. «Отсутствие неизбежности» в работе 1992 г. имело совсем иные мотивы – оно сулило русскому народу, освобожденному от пут тоталитаризма, право на свободу. Тем самым Ричард Пайпс осознанно отошел от своих прошлых установок, а именно от «вотчинной теории», т.к. посчитал, что после семидесятилетнего владычества коммунистов Россия будет способна избавиться и от вотчинных оков.

Однако это заимствование – идея об отсутствии неизбежности революции – не смогло гладко и безболезненно встроиться в общую концепцию Пайпса. Фабула «Р.Р.» существенно выбивается из череды его предшествующих и дальнейших интеллектуальных построений. Несмотря на это, труд Пайпса стал олицетворением победы тоталитарного подхода над ревизионистами после распада СССР, что принесло ученому славу «ниспровергателя советского мифа». Это, впрочем, продлилось недолго: на Западе уже во второй половине 1990-х годов, ввиду утраты идеологической актуальности, интерес к истории России, проблеме Русской революции в общем и фигуре Пайпса в частности начал стремительно спадать.

Библиография

Kenez P. The Prosecution of Soviet History: A Critique of Richard Pipes' The Russian Revolution // *The Russian Review*. 1991. Vol. 50. № 3. P. 345–351.

Kenez P. The Prosecution of Soviet History. Vol. 2 // *The Russian Review*. 1995. Vol. 54. № 2. P. 265–269.

Pipes R. The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia // *Daedalus*. The Russian Intelligentsia. 1960. Vol. 89. № 3. P. 487–502.

Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012. 352 с.

Малиа М. В поисках истинного Октября (Размышления о советской истории, западной советологии и новой книге Ричарда Пайпса) // *Отечественная история*. 1992. № 4. С. 178–185.

Милюков П.Н. История второй русской революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921. Т. 1. Вып. 1–3. 248 с.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.

Пайнс Р. Русская революция. В 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 1994. 398 с.

Пайнс Р. Русская революция. В 2 ч. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 1994. 584 с.

Пайнс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. 662 с.

А.А. Кожаева

Новосибирский государственный университет (Новосибирск)

Конструирование социально-правовой дискриминации «лишенцев»: основные и сопутствующие ограничения

Кампания по лишению избирательных прав части населения 1918–1936 гг. с первых же дней ее реализации в 1918 г. конструировалась как социально-правовая дискриминация. Советская власть, определяя круг лиц, лишенных избирательных прав, выполняла функцию поддержания социального контроля над различными группами населения. Кампания «лишенчества» со временем принимала расширительный характер за счет увеличения количества лиц, попадавших в дискриминационные списки, а также из-за пополнения практик дискриминации, затрагивающих повседневную жизнь «лишенцев». В статье на основе законодательно-нормативных источников охарактеризованы основные дискриминационные формы кампании «лишенчества» в виде основных и сопутствующих ограничений. Сделан вывод о влиянии государственных норм на социальную систему постреволюционного общества.

Ключевые слова: «лишенцы», «лишенчество», социально-правовая дискриминация, РСФСР, СССР.

10 июля 1918 г. на четвертом заседании V Всероссийского съезда Советов была принята Конституция РСФСР. С одной стороны, основным закон закрепил введенный в июле 1917 г. принцип всеобщих выборов. С другой стороны, его отдельные положения существенно ограничивали указанное достижение революций. Так, в 65-ой статье¹ Конституции РСФСР 1918 г. определялся круг лиц, лишенных избирательных прав². Кроме того, 23-я статья сделала возможным отне-

¹ Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. С. 29.

² Законодательно устанавливалось семь категорий «лишенцев»: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей

сение к числу «лишенцев» тех, кто пользовался правами «в ущерб интересам социалистической революции»³.

В исторических исследованиях кампания по лишению избирательных прав части советского населения на протяжении долгого времени рассматривалась в соответствии с марксистско-ленинской методологией. Необходимость существования категорий «лишенцев» не подвергалась сомнению, а тематика «лишенчества» вписывалась в рамки исследования советского государственного строительства⁴. С конца 1980-х годов проблема «лишенчества» стала темой специальных исторических исследований в связи с отказом от прежних методологических конструктов⁵. Региональные исследователи, опираясь на архивные материалы различных территориальных единиц страны, изучили отдельные категории «лишенцев», установили численность «лишенцев» в конкретных регионах⁶. При достаточно большом количестве исследований, посвященных механизмам и инсти-

полицей, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

³ Конституции и конституционные акты РСФСР... С. 24.

⁴ См., например: *Владимирский М.Ф.* Организация советской власти на местах. М., 1921; *Бродович С.М.* Советское избирательное право. Л., 1925; *Морозов Л.Ф.* Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960; *Ивницкий Н.А.* Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972; *Чистяков О.И.* Конституция РСФСР 1918 г. М., 1984; и др.

⁵ *Добкин А.И.* Лишенцы: 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 600–628; *Манькин В.А.* Личные дела лиц, лишенных избирательных прав: исследовательские перспективы и возможности // Источниковедение XX столетия: тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 136–137.

⁶ См., например: *Саламатова М.С.* Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М., 1996. С. 9–23; *Килин А.П.* Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 95–105; *Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф.* Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; *Валуев Д.В.* Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Библиотека журнала «Странник» // Издательство «Маджента», 2012; и др.

тутам кампании «лишенчества», опубликовано мало работ, дающих представление о формировании социально-правовой дискриминации за счет сопутствующих ограничений в различных сферах жизни «лишенцев». Изучение природы, динамики и механизмов реализации указанной кампании является актуальной проблемной областью в связи с необходимостью углубленного анализа масштабов и форм государственной политики в социальной сфере в послереволюционный период.

Цель статьи состоит в характеристике форм реализации социально-правовой дискриминации. Под социально-правовой дискриминацией в настоящем исследовании понимается отношение к различным группам советского населения, выраженное в отсутствии избирательных прав (правовая дискриминация), а также в наличии комплекса сопутствующих ограничений, не всегда закрепленных юридически и затрудняющих социальную адаптацию (социальная дискриминация). Государство, ставившее целью кампании «лишенчества» обеспечение контроля над потенциально чуждыми ему группами населения, добивалось этого при помощи комплекса дискриминационных ограничений, которые можно условно разделить на две группы – *основные и сопутствующие*.

Основные ограничения представляли собой различного рода дискриминационные меры в избирательной сфере, впервые провозглашенные в Конституции РСФСР 1918 г. Семь основных категорий «лишенцев», а также примкнувшие к ним впоследствии категории административно-ссылных⁷, членов семей «лишенцев»⁸ и бывших белых офицеров⁹, лишались пассивного и активного избирательного права, т.е. права избирать и быть избранным. Однако слишком широкие и неточные формулировки Конституции создавали ряд административных проблем в осуществлении избирательного законодательства. Неразделенность полномочий, неверное составление списков, задержка сроков проверки ходатайств и другие проблемы, которые на первом этапе осуществления кампании «лишенчества» объяснялись

⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее – СУ РСФСР). 1922. № 51. Ст. 646.

⁸ СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 18, п. «д».

⁹ СУ РСФСР. 1926 г. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 15, п. «к».

слабой проработкой законодательства в области лишения избирательных прав, в действительности сохранялись на протяжении всей восемнадцатилетней истории указанной кампании.

Процедура составления списков лиц, не имеющих права участвовать в выборах, была установлена только в Инструкции 1922 г.¹⁰ Избирательные комиссии на основе материалов местных исполнительных комитетов или сельских советов должны были составить списки лиц, лишенных избирательного права и после проверки сведений направить местным советам и вышестоящим избирательным комиссиям. С 1924 г.¹¹ список подотчетных структур был расширен за счет административных и судебных органов. На протяжении семи лет не были оговорены документы, которые потенциально могли стать основанием для включения человека в список «лишенцев». Впервые они были зафиксированы в Инструкции 1925 г.: справки судебных органов о лишении прав по суду; документы финансовых отделов об уплате подоходного или промыслового налога, а также о выборке патентов (для торговцев и предпринимателей); сведения страховых касс о взносах; справки административных органов, местных исполнительных комитетов и советов¹². Несмотря на установленные в инструкциях правила составления списков, этот процесс на практике осуществлялся с множественными нарушениями. В информационных отчетах и сводках об избирательных кампаниях на местах фиксировались две взаимоисключающие проблемы при составлении списков «лишенцев» – «недолишение» и «перелишение».

В первом случае избирательные комиссии и местные советы обвинялись в недостаточном увеличении количества лиц, лишенных избирательных прав. Недостаточное количество «лишенцев» связывалось с невнимательным отношением членов избирательных комиссий к донесениям на отдельных лиц, а также с нахождением в исполни-

¹⁰ Законы о выборах в советы и «советском строительстве». 1918–1922 гг. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13765> (дата обращения: 12.03.2023).

¹¹ Законы о выборах в советы. 1924–1933 гг. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13936> (дата обращения: 15.03.2023).

¹² СУ РСФСР. 1925. № 79. Ст. 603. Гл. II, ст. 14, п. «а» – «д».

тельных комитетах и избирательных комиссиях лиц, подлежащих лишению избирательных прав.

С другой стороны, избирательные комиссии обвинялись в преувеличении числа «лишенцев» за счет необоснованного включения в списки некоторых граждан: «В некоторых местах прямо щеголят: “вот мол мы много лишили”; К примеру: Усть-Сосновский Райизбирком в прошлом году лишил 56, а в этом году 689»¹³. В отдельных случаях составители отчетов пытались объяснить, каким образом происходило «перелишение». Так, в информационном отчете о пере-выборах за 1927 г., отправленном во Всероссийский центральный исполнительный комитет, отмечалось увеличение числа городских «лишенцев» «за счет бывших офицеров и военных чиновников, по отношению которых в некоторых городах были допущены ошибки»¹⁴. Ситуация в деревне характеризовалась, как наиболее сложная из-за последующих социальных конфликтов: «Случаи неправильного лишения по сравнению с городом преобладают и местами доходят до грубого искажения инструкции, вызывая обострение борьбы социальных групп деревни»¹⁵.

Стремительное увеличение числа «лишенцев» приходится на вторую половину 1920-х гг. В 1925 г. большевики в результате снятия ряда ограничений, связанных с проведением политики расширения социальной базы в деревне, добились противоположного результата – коммунисты стали терять позиции в советах. Следствием этого стало значительное ужесточение избирательного законодательства. Число «лишенцев» увеличилось с 1 040 894 чел. в 1926 г. до 3 716 855 чел. в 1929 г.¹⁶ Однако было бы неверным связывать увеличение числа «лишенцев» во второй половине 1920-х гг. только лишь с появлением новых категорий. Значительный прирост лиц, не имевших права участвовать в выборах, происходил и из-за грубых нарушений в осуществлении установленных процедур, в т.ч. в составлении дискриминационных списков.

¹³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Р-47. Оп. 1. Д. 277. Л. 50.

¹⁴ Там же. Д. 293. Л. 66.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирск, 1998. С. 15.

Однако тяжесть статуса «лишенца» являлась результатом действия множественных *сопутствующих* ограничений, а не потери возможности участия в выборах. Лишение избирательных прав является особой формой люстрации, т.е. законодательного ограничения влияния групп и отдельных лиц на политику страны в условиях смены власти или режима.

Первые законодательные ограничения были установлены сразу же с определением основных категорий «лишенцев». Так, согласно третьей статье Конституции РСФСР 1918 г. учреждалась мера в виде полного разоружения имущих классов в противовес созданию Красной Армии¹⁷. Подробное разъяснение этого пункта было дано в декрете СНК «О призыве в тыловое ополчение лиц, не подлежащих призыву в Красную Армию» от 20 июля 1918 г. «Лишенцы» не подлежали призыву в Красную Армию, вместо этого они зачислялись в ряды тылового ополчения¹⁸. Служба в тыловом ополчении существенно отличалась от традиционной военной обязанности. Лица, составлявшие тыловое ополчение, подвергались дополнительным ограничениям и были лишены льгот, имевшихся у красноармейцев. С 1925 г. лица, зачисленные в ряды тылового ополчения, обязаны были выплачивать специальный налог¹⁹.

Второе официально зафиксированное ограничение касалось потребительских обществ. 7-я статья декрета «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г. запрещала «лишенцам» быть избранным в органы управления и контроля потребительской коммуны²⁰, вскоре получившей название потребительского общества²¹. А после принятия декрета ЦИК и СНК «О потребительской кооперации» от 20 мая 1924 г.²² «лишенцам» вовсе запрещалось создавать потребительские кооперативы и вступать в них. Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 октября 1930 г. «О недопущении кулаков

¹⁷ Конституции и конституционные акты РСФСР... С. 23.

¹⁸ СУ РСФСР. 1917–1918. № 54. Ст. 604.

¹⁹ СЗ СССР. 1925. № 76. Ст. 76.

²⁰ СУ РСФСР. 1919. № 17. Ст. 191.

²¹ Там же. № 34. Ст. 339.

²² СЗ СССР. 1924. № 64. Ст. 645.

и лишенцев в кооперацию»²³ подтверждало прежнее постановление, однако определяло список «лишенцев», которые в качестве исключения могли быть приняты в кооперацию, но такая возможность была затруднена и не всегда достижима.

Отнесение к категории «лишенцев» автоматически означало исключение попавшего в списки из числа трудящихся, что в свою очередь означало потерю возможности получить какую-либо социальную поддержку от государства. Так, 30 апреля 1920 г. СНК учредил такую форму государственной поддержки, как трудовой продовольственный паек, который могли получать трудящиеся, лица, находящиеся в отпуске по болезни или уходу за ребенком, безработные, оформившие пособие по безработице, а также кустари и ремесленники, «не эксплуатирующие чужого труда»²⁴. Человек, включенный в список «лишенцев», не мог претендовать на получение пайка, однако получал бесплатное питание для своих детей в возрасте до 14-ти лет²⁵. В 1929 г. Наркомат труда и Центральное управление социального страхования издали инструкцию, объясняющую применение двух постановлений ЦИК и СНК: «О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет» от 3 июля 1929 г.²⁶ и «О пенсионном обеспечении медицинских и ветеринарных работников в сельских местностях и рабочих поселках за выслугу лет» от 25 сентября 1929 г.²⁷ Кроме того, дети «лишенцев» не могли получать пособие по случаю смерти или «безвестного отсутствия» кормильцев²⁸. С введением карточной системы в 1929 г. «лишенцы», кроме их детей, теряли возможность получать основные продукты питания.

Часть официальных ограничений касалась трудовой сферы жизни советского социума, однако в первую очередь затрагивали систему государственных органов. Так, например, в декрете ВЦИК от 21 октября 1920 г. определялся запрет для «лишенцев» поступать на

²³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: док-ты и мат-лы. М., 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 690.

²⁴ СУ РСФСР. 1920. № 34. Ст. 165.

²⁵ СУ РСФСР. 1919. № 20. Ст. 238.

²⁶ СЗ СССР 1929. № 63. Ст. 582.

²⁷ Там же. № 46. Ст. 396.

²⁸ СЗ СССР. 1930. № 11. Ст. 132.

службу в судебную систему советского государства: они не могли быть народными судьями (ст. 12), народными заседателями (ст. 16), народными следователями и следователям по важнейшим делам (ст. 31)²⁹. Советская власть, кроме того, была заинтересована в ограничении прежнего влияния отдельных групп на местное управление. Мерой такого ограничения стал запрет службы в волостных исполнительных комитетах и сельских советах служащим религиозных культов. Так, согласно декрету СНК «О порядке предоставления работы служащим религиозных культов» от 13 января 1921 г., указанной категории «лишенцев» запрещено было состоять на службе в следующих отделах исполнительных советов: народного образования, юстиции; земледелия; Рабоче-Крестьянской Инспекции; Отделе Управления; продовольствия³⁰.

27 марта 1924 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР «О сельских исполнителях» с целью упрочить контроль над селом учреждался институт сельских исполнителей, выполняющих правоохранительные функции. Одновременно с этим «лишенцы» теряли возможность стать сельскими исполнителями, а также облагались «особым сбором, устанавливаемым губернскими исполнительными комитетами и поступающими в доход сельских советов по покрытию расходов по охране общественного порядка, личной и имущественной безопасности или по благоустройству селения»³¹.

Трудовая дискриминация в основных отраслях экономики не была официально узаконенным ограничением, а фиксировалась лишь в нескольких косвенных постановлениях, напрямую не касавшихся «лишенцев». Так, даже несмотря на острейшую нехватку рабочей силы в годы первой пятилетки, государство, стремившееся к полной монополизации рынка труда, старалось не допустить неорганизованного самотека на предприятия и особенно дискриминированного населения. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. отдельно фиксировались особые меры

²⁹ СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

³⁰ СУ РСФСР. 1921. № 8. Ст. 56.

³¹ СУ РСФСР. 1924. № 28. Ст. 266.

«по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов»³². Отдельно в постановлении указывались рекомендации о разработке «жестких мер к дальнейшему недопущению таких элементов на производство»³³.

К концу 1930 г., осознав необходимость в рабочей силе, Наркомат труда постановил оказать содействие для «лишенцев», желающих найти работу. Для этого «лишенцам» необходимо было зарегистрироваться в управлении кадров, которое в свою очередь должно было предложить им работу. Отдельно указывалась необходимость посылать «лишенцев», а вместе с ними и вычищенных со службы по первой категории³⁴ «исключительно на массовые физические работы»³⁵. Перечень таких работ включал в себя самые тяжелые сферы: лесоразработки, лесозаготовки, сплав леса, торфоразработки, погрузочно-разгрузочные работы, борьбу со снежными заносами и др.³⁶ Если «лишенец» отказывался от такой работы, то он на год снимался с учета в управлении кадров и не мог получить других предложений. Государство со своей стороны оказывало поддержку по перевозке имущества в случае переезда на новое место работы.

Развитию трудовой дискриминации способствовало введение паспортной системы в 1932 г. Отсутствие паспортов у «лишенцев» создавало дополнительное препятствие при устройстве на работу. Отметим также, что большинство случаев трудовой дискриминации не было следствием официального запрета на трудоустройство «лишенцев». В большинстве случаев решение о найме и увольнении «лишенцев» принимали непосредственно работодатели, опасаясь иметь связь с дискриминированными по политическим основаниям группами населения.

³² Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М., 2005. Кн. I. С. 70–76.

³³ Там же. С. 75.

³⁴ Лица, отстраненные от службы в результате чистки советского аппарата, которые не могли продолжить работу в советских учреждениях.

³⁵ Постановление НКТ СССР «О порядке регистрации и посылки на работу лиц, лишенных избирательных прав или вычищенных по первой категории» от 23 декабря 1930 г. // Наше строительство. 1931. № 1. С. 172.

³⁶ Наше строительство. 1931. № 1. С. 172.

Ряд сопутствующих ограничений непосредственно касались семейной жизни «лишенцев». Так, например, в Кодексе законов о браке, семье и опеке, утвержденном в 1926 г.³⁷, определялся запрет для «лишенцев» усыновлять детей, а также быть попечителями и опекунами. Исключением являлись «лишенцы» первых трех категорий (лица, использующие наемный труд, живущие на нетрудовой доход и торговцы). Однако в 1930 г. все категории «лишенцев» потеряли возможность усыновления, опеки и попечительства³⁸. Дети «лишенцев», приобретя дискриминационный статус «в наследство» от родителей, были ограничены в правах на получение образования: их исключали из старших классов образовательных учреждений, а попытки подростков детей «лишенцев» продолжить обучение в ВУЗах и техникумах в результате проведения в них «чисток» не были удовлетворительными.

Таким образом, дискриминационная мера в виде лишения избирательных прав части населения не ограничивалась рамками исключительно политико-правовой сферы, поскольку в большинстве «лишенцы» теряли возможность социальной адаптации как таковой. Тяжесть статуса «лишенца» в 1918–1936 гг. в первую очередь была связана с многочисленными сопутствующими основной дискриминации ограничениями.

Библиография

Бродович С.М. Советское избирательное право. Л., 1925. 132 с.

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Библиотека журнала «Странник» // Издательство «Маджента», 2012. 155 с.

Владимирский М.Ф. Организация советской власти на местах. М., 1921. 146 с.

Добкин А.И. Лишенцы: 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; Спб.: Феникс: Atheneum. 1992. С. 600–628.

Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. М., 1972. 360 с.

³⁷ СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

³⁸ Там же. 1930. № 19. Ст. 241.

Килин А.П. Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в Советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург, 1997. С. 95–105.

Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. 299 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). Новосибирский ун-т. Новосибирск, 1998. 91 с.

Манькин В.А. Личные дела лиц, лишенных избирательных прав: исследовательские перспективы и возможности // Источниковедение XX столетия. Тезисы докладов и сообщений. М., 1993. С. 136–137.

Морозов Л.Ф. Решающий этап борьбы с нэпманской буржуазией (1926–1929 гг.). М., 1960. 103 с.

Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. I. 912 с.

Саламатова М.С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы. Сборник статей молодых историков. М.: Звенья, 1996. С. 9–23.

Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998. 256 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. 927 с.

Чистяков О.И. Конституция РСФСР 1918 г. М.: Издательство Московского университета, 1984. 206 с.

И.А. Суздальцев

*Государственное бюджетное образовательное учреждение
Школа № 1381 (Москва)*

Деятельность К.Б. Радек в Коминтерне

В статье рассматривается деятельность К.Б. Радека в Коммунистическом Интернационале, обобщены опубликованные в России и за рубежом статьи и монографии по теме, привлечены стенографические материалы конгрессов Коминтерна, в которых принимал участие Радек, а также архивные источники из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Автор пришел к выводу, что Радек занимал одну из лидирующих позиций в Коминтерне с 1920 по 1923 г., так как в этот период он входил в его руководящий орган – Исполком (ИККИ), был одним из разработчиков тактики этой международной организации, часто выступал на конгрессах, руководил отделами журнала «Коммунистический Интернационал», был одним из руководителей делегации Коминтерна на Конференции трех интернационалов.

Ключевые слова: ИККИ, Малое Бюро ИККИ, Конференция трех интернационалов, единый рабочий фронт, «пятерка».

К.Б. Радек – очень противоречивая фигура в отечественной истории. В начале 1920-х годов он входил в ЦК РКП(б), в Исполком Коминтерна (ИККИ), был сотрудником газет «Правда» и «Известия», однако уже в 1927 г. его исключили из партии и выслали из Москвы. После наступившего в 1930 г. непродолжительного периода его частичной реабилитации в 1937 г. Радек был приговорен к 10 годам тюрьмы, а в 1939 г. погиб.

Если в советской историографии Радек практически не упоминался, за исключением редких обвинений его в «троцкизме»¹, то за рубежом его изучали достаточно активно: исследовалось его участие

¹ Волков С.В. Борьба Коминтерна против троцкизма в период дискуссии 1923/24 г. в РКП(б) // Вестник Московского университета. Серия IX, история. 1975. № 4. С. 3–20.

в Ноябрьской революции в Германии², политические взгляды³, а в 1970 г. увидела свет монография американского историка У. Лернера «Карл Радек. Последний интернационалист»⁴. Это одно из немногих исследований, в которых рассматривалась деятельность Радека именно в Коминтерне: Лернер считает, что при основании Коминтерна В.И. Ленин опирался на Радека и Г.Е. Зиновьева, при этом Радек, по мнению историка, не видел в Зиновьеве большого препятствия для использования Коминтерна как инструмента планирования, контроля, организации, а при необходимости и сдерживания революций в той или иной стране⁵.

На современном этапе как в отечественной, так и в зарубежной историографии появляются публикации, посвященные Радеку: в них анализируются его идеологические воззрения⁶ (в том числе в ряде новых монографий⁷), деятельность в Германии в 1918–1919 гг.⁸, в составе «объединенной оппозиции»⁹, даже участие в составлении анекдотов¹⁰. Однако деятельность Радека в Коминтерне практически не рассматривается; при этом освобождение от «историко-партийного подхода» в отечественной науке, а также открытие российских

² Carr E.H., Philips Price M. Radek's "Political Salon" in Berlin 1919 // *Soviet Studies*. 1952. Vol. 3. No. 4. P. 411–430.

³ Moorhus R.W. Three Varieties of European Socialist Internationalism Before the First World War: Nieuwenhuis, Kautsky, and Radek // *Peace & Change*. 1974. Vol. 2. Iss. 1. P. 36–41.

⁴ Lerner W. Karl Radek. The Last Internationalist. Stanford, 1970. P. vii.

⁵ Ibid. P. 94–96.

⁶ Riga L. Reconciling Nation and Class in Imperial Borderlands: The Making of Bolshevik Internationalists Karl Radek and Feliks Dzierzynski in East Central Europe // *Journal of Historical Sociology*. 2006. Vol. 19, No. 4. P. 447–472.

⁷ Артемов В.А. Карл Радек. Идея и судьба. Воронеж, 2000; Fayet J.-F. Karl Radek (1885–1939). Biographie Politique. Bern, 2004.

⁸ Филатов Н.М. Историография первой недолговечной советской республики на немецкой земле // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета*. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 127–138.

⁹ Шабалин В.В. Профессиональная деятельность бывших участников объединенной оппозиции в 1930-е гг. (на примере биографий большевиков, подписавших «Заявление 83-х») // *Genesis: исторические исследования*. 2012. № 1. С. 1–11.

¹⁰ Архипова А.С., Мельниченко М.А. Ранние анекдоты о Сталине: материалы к систематизированному собранию (1925–1940) // *Вестник РГГУ*. Сер.: Литературоведение. Языковедение. Культурология. 2009. № 9. С. 271–352.

архивов вполне могло бы способствовать уточнению ряда вопросов, либо рассмотренных недостаточно, либо нуждающихся в пересмотре, что обуславливает актуальность проблемы. Например, само историческое значение Коминтерна в рамках идеологической концепции СССР позиционировалось неоднозначно: с одной стороны, находила отражение героизация организации как действительный образец пролетарского интернационализма, с другой – исследователи были вынуждены констатировать факт о недостижимости главной цели его создания – революции во всемирном масштабе. Лидеры Коминтерна, позже репрессированные, не всегда справедливо обвинялись в заговорщической, антисоветской деятельности.

Карл Бернгардович входил в число главных действующих лиц в III Интернационале, начиная со II конгресса, учредительный же конгресс он пропустил по причине того, что в феврале 1919 г. был арестован в Берлине за участие в организации спартаковского восстания.

Вернувшись в начале 1920 г. в Россию, он практически сразу же приступил к подготовке II конгресса Коминтерна, став секретарем ИККИ. 24 апреля 1920 г. Радек был избран в Малое Бюро ИККИ – руководящий орган Исполкома¹¹. На конгрессе Радек выступал с докладом «Профессиональные союзы и фабрично-заводские комитеты», с отчетом и заявлением комиссии о профессиональных союзах и фабрично-заводских комитетах, участвовал в прениях по своему докладу, а также в прениях о допущении представителей Независимой социал-демократической партии Германии и Французской социалистической партии в комиссию об условиях приема в Коммунистический Интернационал, по национальному и колониальному вопросу, об условиях приема в Коммунистический Интернационал, о представительстве партий в ИККИ. Радек выступал очень часто и главным образом по вопросам, в которых имелось несогласие иностранных делегатов, когда необходимо было проявить определенную «жесткость». Например, в прениях о «21 условии» приема в Коминтерн Радек обвинил «независимцев» (членов Независимой социал-демокра-

¹¹ Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.М., Ширина К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 8.

тической партии Германии), которые не соглашались с «условиями», в том, что они направили «германскую революцию в фарватер Антанты», старались запутать рабочих и способствовали высылке российского посольства из Германии. Прения о представительстве партий в ИККИ начались после оглашения списка Исполкома, когда с несогласием выступил Д. Вейнкоп по причине того, что в Исполкоме не оказалось ни одного делегата от Нидерландов. Радек был вынужден «объяснить» ему, что в Исполком вошли представители от стран с большим революционным движением; стран, которые уже были советскими республиками, либо стран, которые имеют решающее значение в политике Интернационала¹². Полномочия Радека в Малом Бюро ИККИ были продлены¹³, полномочия самого Бюро возросли: теперь этот орган получил право назначать полномочных представителей Коминтерна в зарубежные компартии¹⁴.

В конце 1920 – начале 1921 г. Радек вместе с Зиновьевым участвует в разработке новой тактики Коминтерна – единого рабочего фронта¹⁵. Несмотря на свою позицию по защите линии Коминтерна перед лицом иностранных делегатов, Радек был одним из инициаторов дискуссии (внутри русской делегации) накануне III конгресса Коминтерна: после неудачного Мартовского восстания в Германии (вооруженные выступления коммунистов в марте 1921 г. в Берлине, Гамбурге, Дрездене и др.) он вместе с Г.Е. Зиновьевым и Н.И. Бухариным считал, что эти выступления могут способствовать созданию революционной ситуации; В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий и Л.Б. Каменев выступали с критикой, называя их позицию левацкой. Это создавало серьезную опасность раскола делегации РКП(б); в конечном итоге решением Политбюро ЦК РКП(б) была создана единая комиссия по выработке резолюций, куда вошли все шесть вышеупомянутых

¹² Второй конгресс Коминтерна. Июль – август 1920 г. М., 1934. С. 90, 112–116, 178–183, 333–346, 362–363, 416–424, 432, 453.

¹³ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.М., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна... С. 22.

¹⁴ Протокол заседания Малого Бюро 25-го августа 1920 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 3. Д. 49. Л. 5.

¹⁵ Артемов В.А. Карл Радек... С. 98.

делегатов предстоявшего конгресса, что посодействовало прекращению конфликтной ситуации¹⁶.

На конгрессе Радек снова выступал с одним из основных докладов – «О тактике Коминтерна», а также докладом комиссии по тактике, трижды участвовал в прениях по докладу о деятельности Исполкома Коминтерна, по вопросу о Германской коммунистической рабочей партии, по докладу о тактике РКП(б)¹⁷. Риторика Радека снова была очень решительной: он нападал на делегатов от Коммунистической рабочей партии Германии (КРПГ), называя их «негодными молодцами», отвечая на их критику, что «этот номер вам даром не пройдет»¹⁸. В ответ на то, что их делегатам было выделено мало времени, Радек ответил: «Все разговоры о затыкании рта являются ребячеством после того, как мы увидели, что товарищи из ГКРП вполне достаточно пользовались своим ртом, и мы надеемся, что ГКРП и впредь будет широко пользоваться этой весьма полезной частью тела»¹⁹. Также Радек обвинил чешского делегата Б. Шмерала в оппортунизме за пропаганду тактики «пассивного ожидания революции», за «полуцентризм»²⁰. Сам же Радек по-прежнему не снимал с повестки дня вопрос о мировой революции, рассматривая стабилизацию капитализма как временную заминку²¹. 14 июля 1921 г. был вновь избран в Малое Бюро ИККИ (в сентябре 1921 г. переименованное в Президиум ИККИ), также вошел в постоянную комиссию пропаганды при ИККИ и стал заведующим отдела мировой политики журнала «Коммунистический Интернационал»²².

Параллельно с вышеуказанной дискуссией, которая не была вынесена за рамки Политбюро ЦК РКП(б), в партии существовала «рабочая оппозиция» во главе с С.П. Медведевым и А.Г. Шляпни-

¹⁶ Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. С. 91, 140.

¹⁷ Третий всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг., 1922. С. 120–125, 159–162, 194, 196–197, 204–228, 364–367, 439.

¹⁸ Там же. С. 121.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ Радек К. Пять лет Коминтерна. М., 1924. Т. 1. С. 34, 41, 49–50.

²¹ Артемов В.А. Карл Радек... С. 103.

²² Адибеков Г.М., Шахназарова Э.М., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна... С. 41, 43, 45.

ковым, которую Радек «громил» на расширенном пленуме ИККИ в феврале – марте 1922 г., призывая «положить конец игре»²³, что нашло отражение в решении комиссии и способствовало ее окончательному разгрому на XI съезде РКП(б).

Радек был одним из руководителей делегации Коминтерна на Конференции трех интернационалов (II, II ½ и III), состоявшейся в Берлине 2–5 апреля 1922 г., выступал за то, чтобы сделать ставку исключительно на сотрудничество с II ½ Интернационалом: «Вся тактическая задача состояла в том, чтобы путем изоляции помешать ему [II Интернационалу] сорвать Берлинскую конференцию»²⁴. Позиция Радека по сотрудничеству с II ½ Интернационалом возобладала, так как 17 апреля от имени Политбюро ЦК РКП(б) Зиновьев, Ленин, Троцкий, Сталин и Каменев направили Радеку и Бухарину следующую телеграмму: «Обе речи Радека очень хороши. Предлагаем немедленно в комиссии девяти поставить вопрос о переговорах в Генуе»²⁵. Однако, даже несмотря на договоренность по итогам конференции о создании постоянно действующего органа – «Комиссии девяти», этот компромисс длился недолго: уже на первом заседании комиссии делегация Коминтерна заявила о своем выходе из нее. Радек считал, что значительная доля вины в отношении негативных итогов переговоров лежит на Зиновьеве из-за статьи «Когда состоится всемирный рабочий конгресс?», опубликованной в «Правде» 18 мая, где утверждалось, что если представители II Интернационала будут и дальше саботировать работу Комиссии девяти, то делегация Коминтерна будет вынуждена отказаться от дальнейшего в ней участия: «Для меня было очевидно, что требование Зиновьева опубликовать его статью перед собранием Девятки является тактической ошибкой»²⁶ – писал Радек, идя на явную конфронтацию с лидером Коминтерна.

²³ Из протокола №107 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 4 марта 1922 г. Примечания // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М., 2004. С. 123.

²⁴ Письмо Радека в Политбюро ЦК 8-го апреля 1922 г. // РГАСПИ Ф. 5. Оп. 3. Д. 33. Л. 125.

²⁵ Цит. по: Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна... С. 106.

²⁶ Письмо К. Радека Г. Зиновьеву об окончании переговоров // Драбкин Я.С. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 401.

Архивные документы позволяют нам говорить о существовании в период IV конгресса Коминтерна т.н. «пятерки» членов ИККИ от РКП(б) – Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина и Радека. В основном она была сформирована для того, чтобы сместить руководство Французской коммунистической партии (ФКП), которое не принимало единый рабочий фронт, проголосовав против еще на стадии его предварительного обсуждения²⁷, а также для реорганизации ИККИ с целью наделения его еще более серьезными полномочиями. О существовании этого «негласного комитета» говорит, например, письмо Троцкого, в котором он пишет, что стенограмма речи на заседании французской комиссии будет у него и может быть предоставлена по требованию любого из членов «пятерки»²⁸. Французский вопрос потребовал от руководства Коминтерна усилить влияние на входящие в его состав зарубежные секции, для чего была необходима реорганизация ИККИ, что также обсуждалось внутри «пятерки» – 11 ноября Зиновьев направил телефонограмму Ленину, Троцкому, Бухарину и Радеку с просьбой, если по проекту реорганизации ИККИ есть замечания, срочно их высказать²⁹. В конечном счете французских коммунистов обвинили в саботаже тактики единого фронта, на национальном Совете ФКП в январе 1923 г. было полностью обновлено руководство ЦК, а полномочия ИККИ были расширены до самостоятельного принятия решений в отношении освобождения члена или целой группы членов зарубежных секций от партийных должностей³⁰. На самом конгрессе Радек выступил с рядом основных докладов – «Наступление капитала»³¹, «Ликвидация Версальского мира и задачи Коминтерна», «Коммунистический Интернационал и Восток», в которых отказался от задачи завоевания власти, признав, что массы не

²⁷ Суздальцев И.А. IV конгресс Коминтерна: особенности проведения и освещение в коммунистической прессе // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2022. № 2(46). С. 88.

²⁸ Письмо Троцкого Ленину, Зиновьеву, Радеку, Бухарину О критике французской компартии // РГАСПИ Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 35.

²⁹ Телефонограмма Зиновьева Ленину, Троцкому, Бухарину, Радеку 11.11.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 43.

³⁰ Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна... С. 117, 120.

³¹ IV конгресс Коминтерна. Доклады т.т. Ленина, Троцкого, Клары Цеткин и друг. Стенографический отчет. Харьков: Пролетарий, 1923. С. 124–173.

верят сейчас в такую возможность³², вошел в Президиум ИККИ, в Агитационно-пропагандистский отдел, стал заведующим Восточным отделом, ответственным редактором «Коммунистического Интернационала», референтом по Германии, Голландии, Швейцарии и Польше³³.

1923 г. характеризуется началом ослабления позиций Радека как в Коминтерне, так и в РКП(б). Одной из главных причин этого, безусловно, стало формирование против Троцкого (сторонником которого он являлся) т.н. «тройки» (Зиновьев, Каменев, Сталин) в рамках борьбы за власть после смерти Ленина. Да, Радек был одним из «резидентов» РКП(б), отправленных в Германию в октябре 1923 г. для содействия членам КПП в осуществлении революции, но сами большевики не верили в ее успех – состав этой делегации был максимально формальным, в него входили деятели, достаточно далекие от повседневной работы в Коминтерне³⁴. В январе 1924 г. на заседании Президиума ИККИ Радек вместе с руководителями КПП был объявлен главным виновником в неудачной попытке захвата власти немецкими коммунистами³⁵. До V конгресса Коминтерна Радек был освобожден от должности ответственного редактора «Коммунистического Интернационала», на конгрессе был обвинен в мелкобуржуазном уклоне и смещен со всех постов в III Интернационале.

Таким образом, в период с 1920 по 1923 гг. Радек, безусловно, являлся одним из лидеров Коминтерна: был одним из ведущих его теоретиков, одним из разработчиков новой тактики этой международной организации, часто выступал на конгрессах III Интернационала, чаще всего по вопросам, в которых имелось несогласие иностранных делегатов, чтобы с помощью решительной риторики проводить линию руководства Коминтерна; печатался в «Коммунистическом Интернационале», был одним из руководителей делегации Коминтерна на Конференции трех интернационалов. Пик его актив-

³² Артемов В.А. Карл Радек... С. 116–117, 119.

³³ Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.М., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна... С. 66, 72, 77, 83.

³⁴ Суздальцев И.А. Нужна ли была большевикам мировая революция? // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2022. № 4. С. 44.

³⁵ Пантелеев М.М. Агенты Коминтерна. М., 2005. С. 9.

ности в Коминтерне приходится на 1921–1922 гг.: Радек выступал с основными докладами на конгрессе, дискутировал с лидерами РКП(б), причем периодически с положительным для себя итогом, входил в «пятерку» ИККИ на IV конгрессе Коминтерна, которая приняла ряд судьбоносных для Коминтерна и входящих в него партий решений. Увеличение числа публикаций, посвященных деятельности Карла Бернгардовича, дает нам основание полагать, что интерес к его персоне будет увеличиваться и будут изучены ранее неизвестные страницы в биографии этого революционера.

Библиография

Адибеков Г.М., Шахназарова Э.М., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.

Артемов В.А. Карл Радек. Идея и судьба. Воронеж: Центрально-черноземное книжное издательство, 2000. 175 с.

Архипова А.С., Мельниченко М.А. Ранние анекдоты о Сталине: материалы к систематизированному собранию (1925–1940) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2009. № 9. С. 271–352.

Волков С.В. Борьба Коминтерна против троцкизма в период дискуссии 1923/24 г. в РКП(б) // Вестник Московского университета. Серия IX, история. 1975. № 4. С. 3–20.

Второй конгресс Коминтерна. Июль – август 1920 г. М.: Парт. изд., 1934. 785 с.

Из протокола №107 заседания Политбюро ЦК РКП(б). 4 марта 1922 г. Примечания // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 123.

Пантелеев М.М. Агенты Коминтерна. М.: ЭКСМО, 2005. 350 с.

Письмо К. Радека Г. Зиновьеву об окончании переговоров // Дробрин Я.С. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М.: Наука, 1998. С. 401–403.

Радек К.Б. Пять лет Коминтерна. М.: Красная Новь, 1924. Т. 1. 371 с.

Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. 206 с.

Суздальцев И.А. Нужна ли была большевикам мировая революция? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. С. 39–50.

Суздальцев И.А. IV конгресс Коминтерна: особенности проведения и освещение в коммунистической прессе // Вестник МГПУ. Сер.: Исторические науки. 2022. № 2(46). С. 85–96.

Третий всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Пг.: Гос. изд-во, 1922.

Филатов Н.М. Историография первой недолговечной советской республики на немецкой земле // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. № 1. Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. С. 127–138.

IV конгресс Коминтерна. Доклады т.т. Ленина, Троцкого, Клары Цеткин и друг. Стенографический отчет. Харьков: Пролетарий, 1923. 206 с.

Шабалин В.В. Профессиональная деятельность бывших участников объединенной оппозиции в 1930-е гг. (на примере биографий большевиков, подписавших «заявление 83-х») // Genesis: исторические исследования. 2021. № 1. С. 1–11.

Carr E.H., Philips P.M. Radek's "Political Salon" in Berlin 1919 // Soviet Studies. 1952. Vol. 3. No. 4. P. 411–430.

Fayet J.-F. Karl Radek (1885–1939). Biographie politique. Bern: Peter Lang SA, 2004. 813 p.

Lerner W. Karl Radek. The Last Internationalist. Stanford, 1970. 240 p.

Moorhus R.W. Three Varieties of European Socialist Internationalism Before the First World War: Nieuwenhuis, Kautsky, and Radek // Peace & Change. 1974. Vol. 2. Iss. 1. P. 36–41.

Riga L. Reconciling Nation and Class in Imperial Borderlands: the Making of Bolshevik Internationalists Karl Radek and Feliks Dzierzynski in East Central Europe // Journal of Historical Sociology. 2006. Vol. 19. No. 4. P. 447–472.

В.В. Слискова

*Российский государственный гуманитарный
университет (Москва)*

**«Самостоятельный исследователь»:
профессиональная биография биолога В.Н. Шредер
(1920–1930-е годы)**

В статье рассматривается профессиональная биография биолога Веры Николаевны Шредер (1897–?) – сотрудницы Института экспериментальной биологии (далее – ИЭБ), действовавшего в 1920-х годах в составе Государственного института народного здравоохранения Наркомздрава РСФСР (далее – ГИНЗ), а затем – в статусе самостоятельного учреждения. Профессиональный путь В.Н. Шредер представляет интерес как с точки зрения анализа индивидуальной работы научных сотрудников естественнонаучного профиля в условиях трансформации науки в 1920-х годах, так и в контексте изучения аспекта активного включения женщин в научно-исследовательский процесс в указанные годы. Основу источниковой базы исследования составили делопроизводственные документы ИЭБ и ГИНЗ, представленные в Архиве Российской Академии наук и Государственном архиве Российской Федерации.

Ключевые слова: советская наука, 1920-е годы, Институт экспериментальной биологии, биография, В.Н. Шредер.

Период 1920-х годов в современной историографии определяется как время наиболее интенсивного развития науки, поскольку именно тогда активно учреждались научно-исследовательские институты, лаборатории, опытные станции, бюро. Деятельность большинства вновь образованных учреждений была подчинена решению конкретных задач, поставленных перед обществом. Например, комплексного решения со стороны власти и науки требовала тяжелая эпидемиологическая ситуация, сложившаяся к концу 1910-х годов¹.

¹ Васильев Г.К. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М., 2001. С. 58; Миронова Н.А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М., 2020. С. 5, 37.

Перед системой здравоохранения была поставлена задача организации комплексной инфраструктуры для разработки методик лечения и профилактики эпидемических заболеваний и применения ее на практике в масштабах всей страны². Так, в 1918 г. в системе Наркомздрава РСФСР для изучения наиболее актуальных вопросов эпидемиологии, санитарии и гигиены был создан Государственный институт народного здравоохранения (далее – ГИНЗ)³. В свою очередь в состав ГИНЗ вошли и другие институты, символизировавшие создание «новой» науки, одним из которых был Институт экспериментальной биологии (далее – ИЭБ)⁴.

В свою очередь научная инфраструктура, предполагавшая расширение масштабов исследовательской работы, требовала увеличения числа научных сотрудников⁵. Такая необходимость, а также принятие в 1917–1918 гг. ряда законодательных актов в сфере высшего образования и науки способствовали активному вхождению новых социальных групп, в том числе – женщин, в научное сообщество в 1920-х гг.⁶. ГИНЗ не стал исключением: среди общего количества его научных работников женщины составляли заметную часть и являлись полноправными сотрудницами. Они занимали должности в отделах ГИНЗ наравне с мужчинами, руководили работой лабораторий и активно проводили научные исследования. Об этом свидетельствуют выявленные в АРАН и ГАРФ делопроизводственные документы и документы по личному составу института⁷. Анализ данных источников позволяет восстановить профессиональный путь отдельных ученых, а также – изучить аспект их участия в реализации научных

² Миронова Н.А. Великая эпидемия... С. 53–63.

³ Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. М., 1966. С. 134.

⁴ Слискова В.В. «Препровожаем материал, характеризующий работу»: об устройстве Государственного института народного здравоохранения в 1920-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2022. № 22. С. 139–140.

⁵ Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020. С. 137–140.

⁶ Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 98.

⁷ Помелова М.А. Особенности научного сообщества опытных станций Института экспериментальной биологии (начало XX века) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8 (38). С. 200–201.

исследований, имевших социальное значение в 1920-х годах. В данном контексте интерес представляет изучение научных биографий сотрудниц, начавших свою карьеру в начале 1920-х годов в институтах ГИНЗ. Наиболее ярким примером такой биографии стал профессиональный путь биолога Веры Николаевны Шредер (1897–?).

В 1920 г. В.Н. Шредер поступила на должность младшего лаборанта в Институт экспериментальной биологии (ИЭБ), который в 1920-х годах функционировал в составе ГИНЗ⁸. На тот момент она еще являлась студенткой биологического отделения I Московского государственного университета⁹, куда была переведена после его слияния с Высшими Женскими Курсами, а также «состояла младшим ассистентом преподавателя при кафедре нормальной гистологии медицинского факультета МГУ»¹⁰. Кроме того, Вера Николаевна была слушательницей при Народном Университете им. Шанявского¹¹ – в личном деле представлена копия ее предметной книжки¹². В числе прочих она посещала лекции биолога Н.К. Кольцова, руководившего тогда исследованиями небольшой созданной при университете лаборатории, из которой впоследствии вырос ИЭБ. Вероятно, Н.К. Кольцов запомнил В.Н. Шредер как способную ученицу и позднее пригласил ее в свой институт наряду с другими учениками и сотрудниками лаборатории в «Шанявском»¹³. Так, еще в период обучения В.Н. Шредер приступила к научной работе.

Первое время она занималась экспериментальными исследованиями по физической химии, физиологии клетки и иммунобиологическим реакциям под руководством заведующего Гидробиологической

⁸ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 42. Д. 6915. Л. 2. Заявление В.Н. Шредер.

⁹ Там же. Ф. Р-9506. Оп. 5. Д. 1092. Л. 16. Отзыв о работах Завед. Физико-Химической лабораторией ИЭБ, д-ра биолог. наук В.Н. Шредер. 1938 г.; Там же. Л. 23. Удостоверение об обучении в I МГУ.

¹⁰ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 11. Л. 83. Копия. Вера Николаевна Шредер. 1924 г.

¹¹ Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»... С. 101.

¹² Есть также сведения об окончании В.Н. Шредер Елизаветинский институт – ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 42. Д. 6915. Л. 4. Шредер В.Н.

¹³ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 42. Д. 6915. Л. 4об. Шредер В.Н.

станцией института¹⁴ – биолога С.Н. Скадовского¹⁵. Важно отметить, что в 1920–1921 гг. институты ГИНЗ, в том числе ИЭБ, были вынуждены работать в весьма стесненных обстоятельствах. Тесные помещения, недостаток оборудования и отсутствие минимальных удобств негативно сказывались на научно-исследовательской деятельности сотрудников. Исследования на опытных станциях ИЭБ, на одной из которых работала В.Н. Шредер, производилась в основном в теплый сезон¹⁶. Тем не менее, несмотря на указанные обстоятельства, исследование было проведено, а его результаты изложены в работе. В 1930-х годах Н.К. Кольцов, составляя отзыв о трудах В.Н. Шредер, особенно отметил эту публикацию: «Ее [Веры Николаевны. – В. С.] первая работа закончена по окончании ею курса в МГУ <...>. Это весьма тщательное и обстоятельное исследование, значительно превышающее уровень обычных дипломных студенческих работ, которые в то время вовсе не требовались от оканчивающих высшую школу»¹⁷. Не менее высокой оценки были удостоены две последовавшие работы Веры Николаевны, написанные по итогам экспериментальных исследований в ИЭБ: «Катафорез и его значение для вопросов биологии» (1924) и «Влияние электролитов на пограничную разность потенциалов у животных клеток» (1926). В отзывах коллеги отметили, что «автор обнаруживает себя [в данных работах] вполне самостоятельным исследователем» и что «автор мог бы рассчитывать на получение степени кандидата биологических наук», если бы работы были представлены для защиты на момент написания отзывов – в 1938 г.¹⁸ Таким образом, зарекомендовав себя квалифицированным специалистом, Вера Николаевна в 1925 г. была переведена на должность старшего лаборанта и получила возможность вести

¹⁴ Фандо Р.А. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского: у истоков экспериментальной биологии // Историко-биологические исследования. 2017. № 4. С. 70, 74.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 5. Д. 1092. Л. 11. Жизнеописание В.Н. Шредер.

¹⁶ Помелова М.А. Особенности научного сообщества... С. 195, 197.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 5. Д. 1092. Л. 16. Отзыв о работах В.Н. Шредер.

¹⁸ Там же; ГАРФ. Ф. Р-8009. Оп. 12. Д. 4374. Отзыв А.Н. Баха с рекомендацией присудить степень доктора биологических наук.

самостоятельные исследования в лаборатории Физико-химического отделения ИЭБ¹⁹.

Во второй половине 1920-х годов положение институтов ГИНЗ, в частности ИЭБ, улучшилось: институт получил просторные помещения для устройства лабораторий, оборудование для их оснащения²⁰. В это же время активизируется коммуникация сотрудников ИЭБ с зарубежными учеными, некоторые получают приглашения в лаборатории европейских исследовательских институтов. Так, в 1925 г. в Берлин по приглашению немецких коллег отправился сверхштатный научный сотрудник ИЭБ Н.В. Тимофеев-Ресовский²¹, в 1926 г. для работы на Неаполитанской биологической станции были командированы Н.К. Кольцов и заведующая Зоопсихологической лабораторией М.П. Садовникова-Кольцова, а в 1927 г. в Германию приехала В.Н. Шредер²². Следует отметить, что Вера Николаевна была единственным молодым ученым среди коллег, получивших заграничные командировки. Поводом к приглашению стала опубликованная годом ранее в немецком издании статья Веры Николаевны, обратившая на себя внимание немецких биологов. В начале 1927 г. В.Н. Шредер «получает от Наркомздрава трехмесячную командировку в Германию» для работы в лаборатории физиолога Р. Гебера в Киле²³. Как отмечала сама Вера Николаевна, за время своей командировки она выполнила исследование по физической химии и напечатала по его итогам статьи на русском и немецком языках, а также обучилась новой методике работы с микроскопом²⁴. По словам Н.К. Кольцова, специально для Веры Николаевны институт приобрел для нее

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 5. Д. 1092. Л. 11. Жизнеописание В.Н. Шредер.

²⁰ Слискова В.В. «Препровождаем материал...» С. 141.

²¹ Инге-Вечтомов С.Г. История о том, как Филипченко дружил с Морганом и послал к нему Добжанского, как Кольцов отправил в Германию Тимофеева-Ресовского, а тот посоветовал Меллеру ехать в Ленинград к Вавилову, и что из этого вышло // Экологическая генетика. 2004. № 4. С. 7.

²² Слискова В.В. Командировка сотрудницы Института экспериментальной биологии Наркомздрава РСФСР Е.Э. Трапезонцевой в Тунис 1924–1925 гг. // Исторический архив. 2022. № 2. С. 192.

²³ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 5. Д. 1092. Л. 17; Ф. 570. Оп. 1. Д. 18. Л. 101. Копия. Доверенность по заграничным командировкам сотрудников ИЭБ. 16.02.1927 г.

²⁴ Там же. Л. 11.

«ультра-микроскоп»²⁵. Микроскоп применялся В.Н. Шредер для изучения иммунобиологических реакций и физико-химических свойств крови – за одну из работ ученая была награждена «денежной премией по постановлению Комиссии Улучшения Быта Ученых («премии молодым ученым»)» в 1928 г.²⁶

В результате успешной и продолжительной работы в Физико-химическом отделе ИЭБ Вера Николаевна была назначена на должность заведующей в 1932 г. На тот момент ГИНЗ уже был расформирован, и ИЭБ получил статус самостоятельного учреждения (в 1938 г. был передан в ведение АН СССР), заработавшего репутацию одного из ведущих научно-исследовательских центров страны. В.Н. Шредер продолжила свою работу в институте, где на протяжении нескольких лет руководила исследованиями аспирантов и молодых сотрудников. В 1935 г. ей была присуждена научная степень доктора биологических наук без защиты диссертации, а в 1938 – ученое звание профессора²⁷. В ИЭБ В.Н. Шредер работала до 1938 г. – данным годом датируются последние документы, фиксирующие ее профессиональный путь. Итак, В.Н. Шредер за 18 лет работы в ИЭБ прошла путь от младшего лаборанта до заведующей отделом и доктора биологических наук и профессора. Продолжительность ее работы совпала по времени с периодом фактической работы института – несмотря на то, что официальной датой его учреждения считается 1917 г., в полной мере институт приступил к научной работе только в 1920 г.

Анализ научной биографии В.Н. Шредер позволил охарактеризовать ее личный профессиональный путь в 1920–1932 гг., где нижняя хронологическая граница определяется поступлением ее на работу в ИЭБ, а верхняя хронологическая граница совпадает с занятием ею должности заведующей Физико-химическим отделом и получением институтом самостоятельности. Изучение профессиональной биографии В.Н. Шредер позволило определить основные этапы ее продвижения по карьерной лестнице в период 1920-х годов, когда происходил процесс активного вхождения женщин в науку, и выявить

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-9506. Оп. 5. Д. 1092. Л. 17.

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 13, 22, 24.

характерные для ИЭБ, и шире – ГИНЗ, особенности участия женщин-ученых в научно-исследовательской деятельности в сфере биологии и смежных с ней дисциплин. Кроме того, анализ научной биографии В.Н. Шредер позволяет реконструировать отдельные сюжеты истории ИЭБ и встроить их в общий контекст событий, происходивших в советской науке в 1920-х годах.

Библиография

Васильев Г.К. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М.: Медицина, 2001. 254 с.

Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 476 с.

Долгова Е.А., Стрельцова Е.А. «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 97–107.

Инге-Вечтомов С.Г. История о том, как Филипченко дружил с Морганом и послал к нему Добжанского, как Кольцов отправил в Германию Тимофеева-Ресовского, а тот посоветовал Меллеру ехать в Ленинград к Вавилову, и что из этого вышло // Экологическая генетика. 2004. № 4. С. 5–11.

Миронова Н.А. Великая эпидемия: сыпной тиф в России в первые годы советской власти. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2020. 320 с.

Помелова М.А. Особенности научного сообщества опытных станций Института экспериментальной биологии (начало XX века) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8(38). С. 194–203.

Слискова В.В. «Препровожаем материал, характеризующий работу»: об устройстве Государственного института народного здравоохранения в 1920-х гг. // Документ. Архив. История. Современность. 2022. № 22. С. 139–145.

Слискова В.В. Командировка сотрудницы Института экспериментальной биологии Наркомздрава РСФСР Е.Э. Трапезонцевой в Тунис 1924–1925 гг. // Исторический архив. 2022. № 2. С. 192–196.

Становление и развитие здравоохранения в первые годы советской власти. 1917–1924 гг.: сборник документов и материалов. М.: Медицина, 1966. 544 с.

Фандо Р.А. Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского: у истоков экспериментальной биологии // Историко-биологические исследования. 2017. № 4. С. 57–78.

С.В. Костерин

Независимый исследователь (Москва)

Формы пропагандистской работы эмигрантских организаций помощи советским голодающим в первой половине 1920-х годов

Целью статьи является исследование агитационно-пропагандистской работы эмигрантских объединений помощи голодающим России и Украины в первой половине 1920-х годов. На основе разнообразных архивных документов и периодической печати автором выявлены факторы, негативно влиявшие на прирост пожертвований, и методы, используемые эмигрантскими благотворительными институтами для их привлечения. Автор приходит к выводу, что общества, используя всевозможные инструменты влияния на умы, достигали поставленных задач. Но их деятельность осложняли внутренняя и внешняя политика большевиков, а также безразличие к народному бедствию многих рядовых эмигрантов и иностранцев.

Ключевые слова: эмиграция, общественные организации, голод, пропаганда, агитация.

В современной России население слабо вовлечено в благотворительную работу во многом из-за недостаточной информированности о способах помощи нуждающимся. Однако подобное служение людям – высшая форма развития духовности, критерий нравственного совершенства и цивилизованности общества. Каким бы сильным и защищенным оно ни было, по пути какого бы устойчивого развития ни шло, в нем всегда есть место бескорыстной заботе о ближнем.

Эффективность социальной работы во многом зависит от пропаганды, инструменты которой должны быть освоены благотворительными организациями. Не случайно Правительство РФ считает необходимым создание позитивного образа участника благотворительности, в том числе на примерах известных российских меценатов¹.

¹ Концепция содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года. М., 2019. (Утверждена распоряжением Правительства РФ от 15 ноября 2019 г. № 2705-р). С. 8.

Проблема агитационно-пропагандистской работы эмигрантских организаций помощи голодающим ранее не попадала в круг научных интересов исследователей². Цель статьи состоит в восполнении данной лакуны.

Российские эмигранты пользовались термином пропаганда, который означает организованную, последовательную, продолжительную деятельность, направленную на создание или информационное оформление различных событий с целью повлиять на отношение масс к предприятию, идее или группе³. Понятие приобрело негативную коннотацию в основном в ходе Второй мировой войны, когда им обозначалась злонамеренная деятельность. Его стали ассоциировать с манипулированием сознанием и дезинформацией. Но необходимо понимать, что пропаганда становится злом и заслуживает порицания лишь в случае сознательного распространения ее авторами лжи, если их намерение противоречит общественному благу и мешает людям свободно формировать свое мнение.

Когда летом 1921 г. стало известно о советском продовольственном кризисе, внутри эмигрантской общественности начались острые дискуссии. Часть считала, что спасти голодающих нужно в любом случае, даже без уверенности в том, что помощь дойдет до адресата. Другая, более многочисленная, часть полагала, что такого рода гарантии необходимы, поскольку большевики могут присвоить себе продукты и отдать их на прокорм красноармейцам. Третья считала поддержку бессмысленной и даже вредной для достижения главной цели – падения большевистской власти. Они вопрошали: кто же хуже, кто чудовище – большевики, готовые уморить народ голодом, или народ, готовый погибнуть, но терпеть их власть и исполнять приказы? Мнения эмигрантов коррелировали с их политическими убеждениями. Чем более правых взглядов они придерживались, тем более скептично относились к помощи.

² Историографию об эмигрантских организациях помощи голодающим см.: *Костерин С.В. Система эмигрантских организаций помощи голодающим в начале 1920-х гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2022. С. 350–351.*

³ *Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010. С. 19.*

Таким образом, первое время учреждениям по борьбе с голодом приходилось преодолевать естественное недоверие. Но и после получения международными организациями от советского правительства гарантий российские эмигранты относились к помощи голодающим холодно. Сказалось отстранение общественности в Советской России от участия в спасении соотечественников.

Эмигранты понимали значение пропаганды, хотя и досадовали на то, что приходится ей активно заниматься. На общем собрании Русского общественного комитета помощи голодающим в России (РОК в Берлине) 7 августа 1921 г. В.Л. Гуревич указал на необходимость продолжительной и широко поставленной агитации в среде диаспоры для достижения «обильного притока пожертвований»⁴. 27 января 1922 г. он доложил о необходимости усилить пропаганду дела помощи голодающим⁵.

Этому благоприятствовало наличие почти в каждой стране, где проживали эмигранты, множества периодических эмигрантских изданий разных политических направлений. Они печатали статьи о голоде, воззвания и отчеты организаций о своей работе. С целью склонить правительства помогать быстрее и интенсивнее эмигранты высказывали в печати свою обеспокоенность последствиями советского голода. На встрече РОК в Берлине с представителями немецкой печати доктор С. Франкфурт заметил: «нельзя забывать того, что, если Россия будет оставлена в состоянии предсмертной агонии, она явится угрозой для всего мира»⁶.

На другом конце континента Харбинский общественный комитет помощи голодающим (ХОКППГ) ежедневно оповещал местные газеты о своей деятельности и о достигнутых результатах, а также о работе своих отделений и комитетов. Кроме того, он сообщал о ситуации с голодом, мерах и средствах борьбы с ним. Для этого комитет наладил обмен прессой с Центральной дальневосточной комиссией помощи голодающим в России (ЦДВК)⁷ и получал газеты из РСФСР.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5977. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

⁵ В Русском общественном комитете помощи голодающим // Руль. 1922. 29 января.

⁶ Собеседование членов русского комитета с представителями германской печати // Руль. 1921. 20 августа.

⁷ Находилась в Чите.

Свою информацию ХОКПГ рассылал по всей линии КВЖД и во взаимодействовавшие с ним комитеты помощи голодающим Уссурийского края, Приморской области и Китая (в Тяньцзин, Мукден, Шанхай, Пекин, Дайрен и т. д.)⁸.

В Швейцарии Российский комитет помощи голодающим в России учредил специальную неперIODическую газету «La Famine» («Голод»). Свои полосы она посвящала вопросам гуманитарной катастрофы и мерам поддержки нуждающихся⁹. Одноименную газету на безвозмездной основе выпускал ХОКПГ¹⁰.

Информация об эмигрантских организациях попадала в прессу Советской России. Орган вскоре разогнанного большевиками московского Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПГ) «Помощь» в третьем номере напечатал небольшую заметку об образовании и составе РОК в Берлине. В следующем – телеграмму, в которой РОК в Берлине сообщал о своей аполитичности, желании тесно сотрудничать с ВКПГ и о связях «с различными кругами немецкого общества»¹¹.

Чтобы постоянно информировать иностранную и российскую зарубежную общественность, организации собирали и регистрировали статистический и фактический материал. Однако, как доложил председатель Информационной секции РОК в Берлине П.И. Звездич на общем собрании 7 августа 1921 г., в его учреждении такая работа встречала серьезные препятствия из-за недостаточно налаженного технического аппарата и скудности выделяемых на нее средств¹². ХОКПГ тоже собирал иллюстрации, картограммы, фотографии и другие данные с целью демонстрации перед публикой на выставке о голоде в России. Он обратился с просьбой к учреждениям и отдельным лицам, имевшим материалы о голоде, пригодные для

⁸ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-1031. Оп. 1. Д. 14. Л. 111.

⁹ Новая газета // Рувль. 1921. 26 ноября.

¹⁰ С 22 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. вышло 3 номера.

¹¹ Берлинский комитет помощи // Помощь. Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим. 1921. 22 августа; Русский общественный комитет в Берлине // Помощь. Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим. 1921. 29 августа.

¹² ГАРФ. Ф. Р-5977. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

демонстрации на выставке, передать их ему или сообщить о них для снятия с копий¹³.

Во всех эмигрантских организациях по спасению голодавших имелись агитационные секции, которые, кроме публикации ярких и даже вычурных воззваний с горячими призывами жертвовать деньги, издавали книги, брошюры, отчеты, карты и т.д.¹⁴ Интересным начинанием РОК в Берлине стала подготовка литературно-художественного сборника с художественными иллюстрациями. Его планировалось опубликовать на русском, французском и немецком языках. В составлении сборника пригласили поучаствовать известных писателей и поэтов: К.Д. Бальмонта, В. Бонзелеса, И.А. Бунина, В.Г. Короленко, А.И. Куприна¹⁵, а в качестве редактора пригласили И.В. Гессена совместно с литераторами З.А. Венгеровой, С.Л. Поляковым и С. Чёрным. К сожалению, сам сборник или сведения о его издании обнаружить не удалось. Скорее всего, от публикации пришлось отказаться из-за развернувшегося финансового кризиса в Германии в 1922–1923 гг.

Зато известно о том, что студенческое отделение Эстонского Красного Креста помощи голодающим в России издало на русском и эстонском языке литературно-юмористический сборник «На помощь». В нем приняли участие А.М. Ремизов, И. Северянин и другие российские и эстонские авторы¹⁶. Несколько экземпляров получил Союз российских студентов в Германии¹⁷.

Агитационная секция ХОКПГ совместно с Культурпросветом совета профессиональных и производственных союзов полосы отчуждения выпустила брошюру «Пахом-Кормилец» (голодная баллада) Б.П. Сальмонта¹⁸. ХОКПГ активно сотрудничал с ЦДВК по изданию регулярных сборников о голоде под названием «Печаль полей» и

¹³ ГАЗК. Ф. Р-1031. Оп. 1. Д. 14. Л. 111.

¹⁴ Иногда в добавление к этому пропагандой занимались отдельные структурные подразделения. Например, секции РОК во Франции самостоятельно агитировали и информировали общественность о советском бедствии и о своей работе.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6229. Оп. 1. Д. 11. Л. 6, 9–11.

¹⁶ «На помощь» // Руль. 1921. 1 ноября.

¹⁷ В союзе российских студентов в Германии // Руль. 1921. 19 ноября.

¹⁸ В Харбине издавал и редактировал сатирический журнал «Пиллюля», печатался в газетах, работал артистом в театре.

рассылал их по всей линии КВЖД. Чтобы выпустить другой сборник, он собирал материалы о советском голоде (статистические данные из прессы, официальные доклады, сообщения с мест).

ХОКПГ опубликовал настенную карту («Голод в России») с графическим изображением местностей, постигнутых полным неурожаем, плохим неурожаем, средним неурожаем и т. д., а также фотографии, сделанные в Самарской губернии в октябре 1921 г. Но так как из-за дороговизны¹⁹ и большого формата они не годились для распространения среди широких масс, ХОКПГ издал их по доступной цене в виде почтовых открыток²⁰.

Митинги, ставшие инструментом агитации, не всегда пользовались популярностью. Один из них, устроенный Российским общественным комитетом во Франции помощи голодающим в России (РОК во Франции) 11 октября 1921 г., собрал публики меньше обычного. На нем выступили: Н.Д. Авксентьев, П.Н. Милюков, меньшевик и журналист С. Иванович, эсер и член Учредительного Собрания Т.Ф. Туктаров и Н.О. Щупак, рассказавшая о мучениях 6,5 млн советских детей. П.Н. Милюков разъяснил собравшимся точку зрения РОК во Франции по вопросу о борьбе с продовольственной катастрофой. Она заключалась в том, что помощь должна носить гуманитарный и аполитичный характер при обеспечении необходимых технических гарантий и контроля. Прения после докладов призваны были убедить российских эмигрантов в правильности позиции РОК во Франции²¹.

Митинг, организованный РОК в Берлине 10 марта 1922 г., стал едва ли не самым многочисленным собранием местной российской диаспоры. В нем участвовали представители различных течений российской общественной мысли²². Целью его, по словам председательствовавшего В.Д. Набокова, было пробудить сердца русских эмигрантов.

¹⁹ Полный комплект из 90 снимков стоил 15 руб.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 226. Л. 1–105.

²¹ Митинг о голоде // Последние новости. 1921. 8 октября.

²² На нем выступили: писатель и поэт Андрей Белый; доктор Ф.М. Блюменталь; юрист, публицист, кадет И.В. Гессен; журналист А.С. Гурович, журналист, эсер В.М. Зензинов; адвокат, правый кадет, масон М.С. Маргулиес; юрист и журналист, левый кадет Л.М. Неманов; бывший земский деятель, монархист, руководивший в Берлине Русским комитетом Красного Креста Ф.В. Шлиппе и представитель Германского Красного Креста Грюнейзен.

Речи ораторов иллюстрировались снимками, сделанными германской санитарной экспедицией в Поволжье²³.

Эмигрантские организации помощи голодающим проводили лекции. 14 сентября 1921 г. РОК в Ревеле решил организовать выступление журналиста Л.И. Львова²⁴ о голоде в России²⁵. 6 октября 1922 г. РОК в Берлине устроил лекцию генерал-майора, эсера К.М. Оберучева на тему «Американская администрация помощи и ее деятельность в России»²⁶. ХОКПГ для информирования населения о масштабах голода нанял лектора, который посещал комитеты на КВЖД, выступал на станциях, показывая материалы о голоде. К 1 апреля 1922 г. он объехал все три линии дороги. Кроме этого ХОКПГ, воспользовавшись приездом в Харбин представителя Самарского губернского комитета помощи голодающим М.Н. Яшанова, организовал его доклады с демонстрацией фотографий, суррогатов питания²⁷, картограмм, а также статистики осадков, высоты температуры, урожайности и т.д.²⁸

Неосведомленность о голоде в России особенно была особенно распространена во Франции и Бельгии. Однако и там постепенно удавалось привлекать внимание местных общественных и политических кругов. Общее собрание РОК во Франции в апреле 1922 г. заслушало доклад агитационно-пропагандистской секции об организации лекций о голоде, сопровождавшихся показом фильмов²⁹. Председательница Секции помощи детям при РОК во Франции А.С. Милюкова по приглашению Бельгийского Красного Креста прочитала

²³ Берлин. Митинг помощи голодающим // Голос России. 1922. 12 марта.

²⁴ Сотрудничал с эмигрантскими газетами «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс) и «Последние известия» (Ревель).

²⁵ «Голод в России 1921-го года» // Последние известия. 1921. 4 сентября; Лекция о голоде в России // Последние известия. 1921. 13 сентября.

²⁶ Без названия // Руль. 1922. 30 сентября.

²⁷ Сорных трав, муки из трав, листьев, кореньев, древесных почек и выпеченных из этой муки образцов хлеба.

²⁸ ГАЗК. Ф. Р-1031. Оп. 1. Д. 14, Л. 111.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5877. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Парижская хроника. В Общественном комитете // Последние новости. 1922. 26 апреля.

четыре лекции в Брюсселе и Льеже о положении детей в голодающих губерниях с демонстрацией фильма Ф. Нансена³⁰.

По приглашению Санитарно-технической секции при РОК во Франции доктор М.М. Гран³¹ – старый земский врач, хорошо известный в России, – 25 июня 1922 г. выступил в Париже с докладом на русском языке³². Выступление имело значительный финансовый и моральный успех и собрало большую аудиторию в Пастеровском институте³³. РОК в Берлине, также стремившийся пробудить внимание к голоду, к 7 августа 1921 г. успел организовать две пресс-конференции в сотрудничестве с Союзом германской печати. На них выступили с докладами публицист П.И. Бирюков³⁴, профессор-агробиолог С.Л. Франкфурт и журналист Р.Я. Гланц. После докладов представители РОК в Берлине ответили на вопросы немецких репортеров³⁵.

На ход агитационно-пропагандистской работы зачастую оказывала влияние политика. Например, подписание во время Генуэзской конференции Рапалльского договора³⁶ на несколько недель сделало работу РОК во Франции среди врачей Третьей Республики чрезвычайно затруднительной и почти свело ее на нет. Готовые к печати статьи для медицинской прессы были сняты с очереди.

³⁰ Годовой отчет Российского общественного комитета во Франции помощи голодающим в России: 15 августа 1921 г. – 15 августа 1922 г. Париж, 1922. С. 15–16.

³¹ Как представитель Всероссийского объединения врачей он сначала приехал в Берлин с миссией привлечь внимание Западной Европы к медико-санитарному состоянию России.

³² Доклад назывался «Голодающая Россия в медико-санитарном отношении».

³³ Годовой отчет... С. 15; Хроника. Лекция доктора Грана // Последние новости. 1922. 25 июня.

³⁴ Биограф, друг и последователь Л.Н. Толстого. Один из создателей его московского музея.

³⁵ Собеседование членов русского комитета с представителями германской печати // Рувль. 1921. 20 августа.

³⁶ Подписан в городе Рапалло РСФСР и Веймарской республикой 16 апреля 1922 г. Позволил им разорвать изоляцию, в которой они находились после октябрьского переворота и Первой мировой войны. Стороны установили дипломатические и торговые отношения, отказались от репараций. Договор позволил Германии в нарушение Версальского договора наращивать военную мощь.

Негативный эффект оказало также решение большевиков осенью 1922 г. начать продажу зерна за рубеж, чтобы за счет валютной выручки поднять курс рубля и укрепить свое финансовое положение. Для оправдания экспорта они затушевывали ситуацию с голодом и повсеместно распространяли мнение, что Россия с голодом справилась и что предстоит ее возвращение в когорту стран-экспортеров хлеба³⁷. Имелись зарегистрированные случаи вывоза зерна, поставляемого гуманитарными обществами для голодающих³⁸. Заместитель госсекретаря по иностранным делам Великобритании Р. Мак-Нил заявил 23 апреля 1923 г. в Палате общин, что из России вывезено за три с половиной месяца 1923 г. около 300 тыс. тонн хлеба, в то же время в районах Южной Украины, Ферганы, Астраханской и Уральской губерний население продолжает голодать³⁹. Общественность США и Европы выражала в этой связи недовольство.

Задачами эмигрантских организаций стали опровержение распространяемых большевиками вымыслов об улучшении продовольственного положения в СССР и критика экспорта зерна. Комитет русских организаций в Финляндии для оказания помощи голодающим в России осудил в феврале 1923 г. советскую политику торговли зерном на экспорт. В 1924 г., когда эмигрантская печать снова сообщала о возможном неурожае в СССР, РОК во Франции опубликовал протест против продолжавшегося вывоза зерна, полагая, что «урожай в целом ряде губерний не может обеспечить нужды населения»⁴⁰.

Несмотря на это, весной 1923 г. иностранные благодотворители начали сокращать помощь СССР или вовсе ее сворачивать⁴¹. Р. Пайпс считает, что сообщения о торговле зерном послужили причиной

³⁷ Л.Б. Красин (глава большевистской торговой делегации в Лондоне) заявил, что это происходит потому, что состояние транспорта не позволяет перевозить хлеб из урожайных губерний в голодающие. Поэтому советское правительство вынуждено экспортировать хлеб и за вырученные деньги покупать его и прочие необходимые товары за границей. (Голод в России и вывоз хлеба // Руль. 1923. 26 января).

³⁸ Урожай, голод и вывоз хлеба // Последние новости. 1923. 31 июля.

³⁹ Hansard 1803–2005. Fifth Series (Commons). Deb. 23 April 1923. Vol. 163. p. 22.

⁴⁰ В защиту голодающих // Последние новости. 1924. 30 августа.

⁴¹ Землячества и их союз // Последние новости. 1923. 4 марта.

прекращения сбора денег на спасение людей, погибавших в СССР от истощения и эпидемий⁴².

Таким образом, эмигрантским организациям, участвовавшим в борьбе с голодом в советском государстве, приходилось работать в среде индифферентного, а часто даже отрицательного и настороженного отношения к помощи голодающим как у эмигрантов, так и у иностранцев. Однако комплекс инструментов пропаганды и агитации (воззвания, выпуск специальных изданий, пресс-конференции, митинги, лекции), который применяли активисты, позволял им достигать успеха. Такие мероприятия привлекали пожертвования. Препятствовали работе внешняя и внутренняя политика большевиков – заключение Рапальского договора, разгон и арест членов ВКПГ, вывоз зерна за рубеж.

Библиография

Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. 176 с.

Костерин С.В. Система эмигрантских организаций помощи голодающим в начале 1920-х гг. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2022. С. 350–366.

Пайнс Р. Россия при большевиках. М.: Росспэн, 1997. 662 с.

⁴² *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М., 1997. С. 495.

А.А. Аганов

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

**Рационализаторская деятельность
Таганрогского института научной организации
производства на полученных в аренду
предприятиях в 1923–1925 годах**

В данной статье рассматривается рационализаторская деятельность Таганрогского института научной организации производства на переданных в аренду в рамках соглашения с государственными и краевыми органами власти мельницах и маслозаводах. Источниками для данной статьи послужили материалы из Таганрогского филиала ГАРО, которые впервые вводятся в научный оборот. На основе данных источников автор показывает внедрение передовых методов управления, основанных на научной организации труда сотрудниками Таганрогского Института научной организации производства на территории Юго-Востока России. Автором был сделан вывод о том, что данные преобразования позволили внедрить передовые методы управления на предприятиях Таганрогского Института научной организации производства.

Ключевые слова: П.М. Есманский, Институт научной организации производства, предприятия, рационализация, Таганрог.

Цель данного исследования – показать рационализаторскую деятельность сотрудников Таганрогского Института научной организации производства для увеличения производительности его предприятий и создания основанной на научной организации труда системы управления. Таганрогский Институт научной организации производства был создан 30 марта 1921 г.¹ в Таганроге после проведения в Москве в январе того же года первой Всероссийской конференции по научной организации труда. На конференции было принято решение о создании нескольких Институтов научной организации производства на территории РСФСР и УССР. Председателем Инсти-

¹ Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 86. Л. 24.

тута стал горный инженер Павел Матвеевич Есманский. Институт был создан на основе общественной инициативы и не получал от государства денежных средств. Его главной задачей было создание рациональной системы организации производства на промышленных предприятиях. Такие предприятия должны были стать «образцово-показательными». Для претворения в жизнь данной идеи Институт по договоренности с государственными и краевыми государственными органами получил в аренду некоторые предприятия (мельницы и маслозаводы) на Юге-Востоке РСФСР в 1923 г.² Эти предприятия были переданы Институту в плохом состоянии: одни из них были убыточными, другие не работали. Сотрудники Института должны были нормализовать их работу и внедрить современную систему управления.

Стоит отметить, что на современном этапе рационализаторская деятельность Таганрогского Института научной организации производства мало изучена историками. При этом некоторые ученые в своих трудах упоминают о рационализаторской деятельности Института на переданных ему в аренду предприятиях. В первой посвященной Таганрогскому институту научной организации производства работе³, авторами которой стали донские ученые В.Е. Ланкин и В.Г. Шевелев, оценивается вклад сотрудников организации в реформирование советской экономики в период новой экономической политики, но о рационализаторской деятельности Института не упоминается. За авторством нескольких российских ученых (Э.Б. Корицкий, Г.В. Нинциева, В.Х. Шетов) в 1999 г. вышло в свет учебное пособие для ВУЗов «Научный менеджмент: российская история»⁴, шестая глава которого, «Научная школа Таганрогского института организации производства», посвящена деятельности сотрудников Института на городских предприятиях. Исследователи посвятили главу теоретико-методологическим и общеорганизационным исследо-

² ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 91. Л. 10.

³ Ланкин В.Е., Шевелев В.Г. Опыт работы Таганрогского института научной организации производства Донбасса и юго-востока России в условиях новой экономической политики (1921–1926 гг.) // Известия ТРТУ. Технические науки. 1995. № 1. С. 96–97.

⁴ Корицкий Э.Б., Нинциева Г.В., Шетов В.Х. Научный менеджмент: российская история. СПб., 1999. 384 с.

ваниям, которыми занимались сотрудники института, а также разработке сотрудниками Института научной организации производства экономического аспекта управленческой деятельности с изучением форм и методов хозяйственного управления. При этом авторы не использовали материалы из Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области и лишь частично упомянули о рационализаторской деятельности сотрудников Института. А.И. Кравченко в своей работе «История менеджмента»⁵ обратил внимание на то, что Институт достиг больших успехов в области совершенствования работы управленческого персонала, но материалы из Таганрогского филиала ГАРО им также не использовались. Фактически специальной литературы по данной теме не существует, и в этом заключается актуальность нашего исследования.

Еще перед созданием своего опытно-промышленного треста руководство Института приступило к решению проблемы по управлению переданными в аренду предприятиями. Так, на заседании Административной коллегии 21 января 1924 г. был рассмотрен вопрос о «порядке управления предприятиями ИНОПа на юго-востоке в таганрогском округе»⁶. На нем было принято решение о создании правления предприятиями Института в составе пяти его сотрудников: председателя П.М. Есманского, членов правления С.Л. Вольмира, К.С. Мешко, О.А. Яндовского и А.А. Андреева. Им было поручено создать и предоставить Административной коллегии текст Положения о правлении предприятиями Института. Но в феврале 1924 г.⁷ все предприятия треста были объединены под одним управлением в виде созданного администрацией Института опытного треста, который имел свое отдельное правление. Как следовало из опубликованной Институтом в 1925 г. книги «ИНОП и его опытный промышленный трест», на момент создания в него вошло девять мельниц и два маслобойных завода⁸. Данные предприятия располагались на территории Донской, Терской и Кубано-Черноморской областей и были созданы в виде небольших промышленных мельниц с неэффективным

⁵ Кравченко А.И. История менеджмента. Москва, 2002. 560 с.

⁶ ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 86. Л. 24.

⁷ Там же. Д. 91. Л. 12.

⁸ Там же.

устройством управления и старым оборудованием. Для их восстановления Институт уже в 1923 г. истратил 51 900 руб.⁹ Из-за низкой квалификации рабочих и старого оборудования на предприятиях наблюдалась низкая производительность.

Для восстановления производительности и построения «образцово-показательных» предприятий служащие Института должны были провести определенные изменения, о которых мы можем узнать из опубликованной в 1925 г. издательством ИНОПа научной работы «ИНОП и его опытный промышленный трест», в которой его сотрудники рассказали о своих достижениях на предприятиях треста. Согласно изложенной в ней информации, Институт сумел восстановить на предприятиях производство. Для этого Административной коллегией для предприятий были выделены средства на ремонт инфраструктуры. Конечно, данных средств не хватало, и ИНОП был вынужден привести упомянутые предприятия в порядок лишь частично, исключив те из них, что не работали по причине неурожая. На момент создания треста его оборотный капитал равнялся нулю и к концу года достиг 100 тыс. руб.¹⁰ Деятельность Института положительно оценивали рабочие мельниц №9 и №10 на территории станции Лабинской, которые заявили 25 сентября 1924 г. на встрече с Председателем Института П.М. Есманским, что Институт «стремится не только восстановить арендуемые им предприятия до первоначального их состояния»¹¹, но и оснастить их современной техникой.

Помимо восстановления производительности служащие Института придавали огромное значение введению на предприятиях единых учетных документов. Как следовало из докладной записки¹² главного бухгалтера Института В.Е. Ларина заместителю председателя Института от 19 марта 1924 г., работа по созданию инструкции по ведению счетоводства и отчетности на предприятиях подходила к концу. Одновременно с этим были подготовлены единые для предприятий квитанционные книги и бланки, которые должны были использоваться на них. Помимо этого, для рационализации работы на предпри-

⁹ ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 91. Л. 13.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 86. Л. 28.

ятях¹³ планировались: нормализация штатов, создание производственной отчетности (учета и отчетности, сметы, амортизации, калькуляции, статистики и инвентаризации), а также создание эффективной системы контроля, который должен был быть разделен на предварительный (изучение материалов, которые приходили с предприятий Института) и последующий, включающий в себя ревизию и контроль на местах. Для увеличения прибыли Институт уделял значительное внимание ведению коммерческой деятельности. Она включала в себя обследование местных рынков зерна и муки, сбор информации о дальних рынках сбыта, исследование движения цен по периодам и районам, коммерческую калькуляцию и статистику, политику формирования продажных цен. Для этого руководство Института создало Торговое агентство «Инопторг», которое находилось в Ростове-на-Дону.

В конечном итоге уже в конце первого года существования треста на предприятиях Института были введены карточки-ежедневники, которые администрация мельниц и маслозаводов по истечении рабочего дня заполняла необходимыми данными и отправляла в Таганрог, где на основе полученной информации создавались ежемесячные сводки о работе предприятий треста. Внедрение таких карточек позволяло руководству Института получать информацию по перемолу всех видов зерна и его закупке, по наличию всех видов сырья, продукции, топлива, смазки, денежных поступлений. По итогу первого года работы треста были разработаны и нормализованные месячные сметы мельниц, предварительные и исполнительные инструкции по закупке зерна, системе хранения бухгалтерских документов. Для построения качественной системы делопроизводства руководство Института стало внедрять на своих предприятиях картотечный шкаф образца 1924 г., использование которого позволяло упорядочить и систематизировать хранение бухгалтерских книг и документов, контрольных карточек и папок с текущей перепиской мельниц. Использование такого шкафа позволяло облегчить поиск нужных документов и сэкономить рабочее время сотрудников архива. Для его использования сотрудниками Института была создана специальная инструкция.

¹³ ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 75. Л. 76.

Управляющий предприятиями Института К.С. Мешко стал разработчиком проекта Положения¹⁴ функциональной системы Института. Главным критерием работы аппарата управления Института он считал увеличение его работоспособности. К.С. Мешко верил, что работоспособность «находится в зависимости от правильного использования психологической и физической энергии аппарата»¹⁵. Но другим важным критерием его успешности являлась поддержка всего коллектива Института и его предприятий, которые должны были быть осведомлены о поставленных перед ними целях и задачах. К.С. Мешко считал, что коллектив рабочих и служащих должен проявлять творческий интерес во время рабочего процесса. Распределение обязанностей между административным составом и коллективом должно было «опираться на изучение трудового процесса и законы, определяющие структуру и взаимное сочетание трудовых функций»¹⁶. Весь трудовой процесс, по мнению Мешко, нужно было рассматривать как «крайне разветвленную часто – изменяющуюся сеть или механизм комплексов трудовых элементов»¹⁷.

При изучении труда рабочих и служащих Института необходимо было расчленить их трудовой процесс на ряд единиц. За основную единицу, по мнению К.С. Мешко, необходимо было принять отдельные трудовые разделенные функции, которые должны были быть выбраны с учетом «законченности»¹⁸ и могли показать их особенности, а также выяснить те факторы, которые влияли на работу служащих Института. Разрешение данной проблемы могло привести к правильному построению аппарата управления. Это позволило бы «устанавливать такую структуру самого аппарата и распределить работу между отдельными сотрудниками»¹⁹. Основным элементом в трудовом процессе, с точки зрения автора, являлась работа каждого участника процесса, а основным условием для правильной органи-

¹⁴ ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 75. Л. 108.

¹⁵ Там же. Л. 108.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

зации работы – «правильное сочетание таких элементарных работ»²⁰. Трудовой процесс представляет собой комплекс «более или менее простых функций»²¹. С точки зрения К.С. Мешко организатор должен был для построения правильной работы знать, что представляют собой трудовые функции, как они соединяются между собой в определенные группы, а также уметь применять структуру функций и уметь приспосабливаться к изменяющимся условиям работы. Из-за отсутствия практического применения функциональной теории управления, по мнению Мешко, необходимо было «прибегать к графическому изображению функций как таковых и различного рода сочетания»²² для облегчения анализа их изучения.

Принцип функциональности лег и в основу делопроизводственной системы. Архив Института и его предприятий имел классификатор дел и был разделен на основные группы, отвечавшие по содержанию основным отделам управления. В каждой из групп также происходило разделение по функциональному признаку. Помимо этого, в тресте использовались успешно зарекомендовавшая себя карточная система регистрации входящих документов и дубликатный способ регистрации исходящих документов. Система регистрации входящих документов использовалась для контроля движения бумаг и реализовывалась при помощи специальных контрольных карточек, которые показывали время, данное на исполнение документа, и срок окончания работы над ним. Были введены специальные часо-штампы, которые позволяли показывать движение бумаг от предприятий к управлению. На каждой входящей и исходящей бумаге часо-штамп отмечал год, месяц, число и минуты поступления или выбытия документа из организации. Введение данной системы в действие привело к тому, что на получение справки по делам текущей переписки требовалось меньше одной минуты, а делопроизводитель составлял справку, не отходя от рабочего места. Одно лицо проводило работу по регистрации, справкам, экспедиции бумаг, контролю за их исполнением, из-за чего повышался уровень ответственности исполнителя. При нормальной

²⁰ Тф ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 75. Л. 108.

²¹ Там же.

²² Там же.

работе число входящих и исходящих бумаг достигало около 100 в день²³.

Администрация Института уделяла огромное значение изучению недочетов в организации треста и проведению на нем экспериментов для создания современных методов управления. Данные методы, как верно подметили авторы брошюры, могут работать, только когда они «проверялись много раз на практике и получили полное подтверждение своей пригодности»²⁴. Например, как признавали сами руководители Института, они не смогли, спустя год после создания треста, создать рационализированный аппарат управления. 2 мая 1925 г. на совещании²⁵ по выявлению недочетов работы аппарата Института и его опытного треста на основании данных от управления делами, бухгалтерии и статистики были выявлены следующие недочеты в работе коллектива рабочих и служащих: несрабатанность аппарата, отсутствие регламентации между различными отделами управления, а также между ними и другими предприятиями, отсутствие прав и обязанностей и вытекающей ответственности отдельных работников, неудобство в расположении отдельных рабочих мест. Данные проблемы в управлении объяснялись отсутствием норм расходования ресурсов, производительности предприятий и точных данных об их техническом состоянии. После долгих обсуждений осуществлялось создание положений, которые определяли бы права и обязанности сотрудников Института и его треста, а также и ответственность за их невыполнение, устанавливали бы нормы производительности предприятий, выходов продукции, стандартизации, расходования ресурсов, текущего и годового ремонта, дополнительного оборудования и восстановления предприятий, выработки штатов управления и создания технических инструкций. Сотрудники Института старались объективно оценивать положение в своей организации и принимали на основании сделанных выводов решения по улучшению взаимодействия.

²³ ТФ ГАРО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 91. Л. 17.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Д. 86. Л. 43.

Таким образом, на переданных ему в аренду предприятиях Институт научной организации производства вел рационализаторскую деятельность, главной целью которой было создание основанной на научной организации труда современной системы управления. Несмотря на определенные проблемы в самом коллективе Института и его треста, сотрудники организации сумели внедрить на них передовые методы управления.

Библиография

Корицкий Э.Б., Нинцова Г.В., Шетов В.Х. Научный менеджмент: российская история. СПб.: Издательство «Питер», 1999. 384 с.

Кравченко А.И. История менеджмента. Москва: Академический Проект: Трикста, 2002. 560 с.

Ланкин В.Е., Шевелев В.Г. Опыт работы Таганрогского института научной организации производства Донбасса и юго-востока России в условиях новой экономической политики (1921–1926 гг.) // Известия ТРТУ. Технические науки. 1995. № 1. С. 96–97.

Д.П. Овчинников

*Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Зарубежные высшие военно-научные курсы в Белграде: роль и значение для русской военной эмиграции

Статья посвящена истории Зарубежных высших военно-научных курсов (ЗВВНК) в Белграде, которые в 1931–1944 гг. занимались подготовкой русских офицеров Генерального штаба. Опираясь на воспоминания белоэмигрантов, материалы периодической печати, опубликованные и архивные документы эмигрантских организаций, автор анализирует образовательную и научную работу русских военных эмигрантов на ЗВВНК в Белграде под руководством генералов Н.Н. Головина и А.Н. Шуберского. Проведенные изыскания позволяют говорить о значительном вкладе Белградских курсов в развитие военной мысли в белоэмигрантской среде. Кроме того, автором сделан вывод о высоком уровне квалификации преподавателей и подготовки выпускников курсов, продемонстрированном на практике во время службы части из них в Русском корпусе на Балканах.

Ключевые слова: Зарубежные высшие военно-научные курсы, Генеральный штаб, русская военная эмиграция, Русский корпус, Н.Н. Головин, А.Н. Шуберский.

Деятельность Зарубежных высших военно-научных курсов (ЗВВНК) генерал-лейтенанта Н.Н. Головина, готовивших офицеров-генштабистов, началась 22 марта 1927 г. в Париже¹, а 31 января 1931 г. отделение этих курсов под руководством Генерального штаба генерал-майора А.Н. Шуберского было открыто в Белграде². Белградские

¹ Зарубежные Высшие Военно-Научные Курсы генерала Головина. Париж, 1931. С. 5.

² Шуберский А.Н. К 25-летию со Дня основания Высших Военно-Научных Курсов профессора генерала Головина в Белграде. Ментона, 1955. С. 14.

курсы упоминались в трудах И.В. Образцова³, А.М. Бегидова⁴, И.В. Домнина⁵, А.В. Ганина⁶ и В.И. Косика⁷, однако они не были основным объектом исследования, и деятельность курсов в этих работах отражена в самых общих чертах. В связи с этим научная новизна исследования заключается в том, что оно является первой попыткой комплексного анализа деятельности ЗВВНК в Белграде.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена тем фактом, что русская военная эмиграция и, в частности, ее образовательная деятельность являются неотъемлемой частью военной истории России, без которой ее полноценное изучение невозможно. Кроме того, военно-образовательная работа эмиграции представляла собой пример успешного сохранения и передачи культурных традиций при крайне ограниченных ресурсах – этот опыт может быть изучен и учтен в наши дни.

Особенностью Белградских курсов, как и Парижских, было сочетание традиций Николаевской военной академии с рядом инноваций. ЗВВНК в Белграде унаследовали схему организации учебного процесса от старой академии: слушатели последовательно обучались в младшем, старшем и дополнительном классах, а итогом обучения было выполнение военно-научной работы, т.н. «сдача темы»⁸. Однако в старой академии перевод в следующий класс осуществлялся по результатам успешной сдачи экзаменов по всем изучаемым дисциплинам, а недостаточный балл лишь по одному предмету был основанием для отчисления из академии – именно это случилось, например,

³ *Образцов И.В.* Исследование войны как специфического социального процесса // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 137–138.

⁴ *Бегидов А.М.* Военно-учебные заведения зарубежной России: 1920–1930-е годы. Нальчик, 1999. С. 122–126.

⁵ *Домнин И.В.* Генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин – крупнейший деятель военной культуры Русского Зарубежья // Труды II Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина: сб. ст. и мат-лов. СПб., 2012. С. 7, 11.

⁶ *Ганин А.В.* Подготовка кадров Генерального штаба в русской эмиграции межвоенного периода (1921–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 50.

⁷ *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920 – 1950-е годы. Эссе. М., 2007. С. 106–107

⁸ *Шуберский А.Н.* К 25-летию со Дня основания... С. 14, 26.

с А.И. Деникиным⁹ и П.Н. Красновым¹⁰. На Белградских ЗВВНК хотя и существовали «репетиции» (экзамены) по изучаемым предметам, но основным критерием для перевода на следующий год обучения было успешное решение тактической задачи – в конце младшего класса в масштабе полка, а по окончании старшего класса – в рамках дивизии. В ходе решения задачи слушатель курсов должен был подробно разработать действия всех родов войск, организацию тыла и снабжения и мотивированно изложить свои суждения в письменном виде¹¹. Таким образом, обучение на ЗВВНК требовало в первую очередь не развитой памяти, как в Николаевской академии, а навыков стратегического мышления и анализа. Ввиду этого изменились и методы преподавания, основным из которых стала военная игра. Проводились как односторонние игры, в которых «противниками» группы слушателей были преподаватели, так и двухсторонние между самими курсовиками¹².

Естественно, что, помимо военных игр, на Белградских ЗВВНК были лекции и семинары. В младшем классе изучали тактику действий всех родов войск (включая механизированные войска и авиацию) до полкового уровня включительно, устройство тыла и снабжения, военную психологию, организацию вооруженных сил, топографию. В рамках старшего класса изучалась общая тактика (в масштабе дивизии), военная история и служба Генерального штаба. На дополнительном курсе преподавались высшая тактика, стратегия, устройство тыла и снабжения в государственном масштабе, история Первой мировой войны. В качестве учебной литературы использовались труды генерала Головина и преподавателей Белградских курсов, а также советские издания А.А. Свечина, А.Г. Лигнау и Н.А. Сулеймана¹³.

Учебная нагрузка, по аналогии с Парижскими ЗВВНК, в Белграде была рассчитана на 800 часов, распределенных на 50 месяцев – с учетом же подготовки к итоговым испытаниям и «сдаче темы»

⁹ Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 73.

¹⁰ Краснов П.Н. Старая академия // Русский инвалид. 1932. № 47. С. 7.

¹¹ Шуберский А.Н. К 25-летию со Дня основания... С. 17, 19.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Там же. С. 14, 16–19, 26; Бегидов А.М. Военно-учебные заведения... С. 122–123, 125.

каждый из выпусков успевал пройти обучение длительностью по 4,5–5 лет. Занятия проводились два раза в неделю, причем в позднее время (с 21 до 23 часов), поскольку и слушатели, и преподаватели чаще всего одновременно были заняты трудовой деятельностью¹⁴. Нужно заметить, что 800-часовая продолжительность учебы была существенно меньше, чем полноценная программа Николаевской военной академии – более соответствовали такой нагрузке ускоренные курсы генштабистов 1916–1918 гг., рассчитанные на 743 часа (в основном лекции и лишь 203 часа практических занятий)¹⁵. При этом стоит отметить преимущественно ЗВВНК – их слушатели имели в два раза больше часов практических занятий, а также возможность вести самостоятельную работу дома, в то время как обучавшиеся на ускоренных курсах старой академии проходили подготовку лишь за восемь месяцев и вряд ли могли посвятить такое же количество времени самостоятельным занятиям.

Особо стоит отметить преподавательский состав Белградских ЗВВНК. Его основу составляли генштабисты, окончившие Николаевскую академию и имевшие значительный опыт штабной работы: генерал-майоры А.Н. Шуберский, В.Н. Колюбакин, С.Я. Гребенщиков, В.А. Энгельке, Б.В. Гернграсс, В.А. Тараканов, И.С. Свищев, Н.С. Батюшкин, полковники В.М. Пронин, Б.Н. Сергеевский, Р.К. Дрейлинг, Н.Н. Краснов¹⁶. Также среди преподавателей курсов в Белграде были и относительно молодые полковники Е.Э. Месснер и В.В. Бальцар, окончившие ускоренные курсы генштабистов в 1917 г., но активно занимавшиеся в эмиграции военной наукой. Кроме того, вели занятия на Белградских ЗВВНК полковники С.И. Лашков и Л.М. Михеев, выпускники Михайловской артиллерийской и Николаевской инженерных академий соответственно, а также военный летчик полковник К.Н. Антонов. В 1936 г. к числу преподавателей добавились наиболее талантливые слушатели 1-го выпуска Белградских ЗВВНК: полков-

¹⁴ Зарубежные Высшие Военно-Научные курсы... С. 8; Вакар С.В. Наша генерация, рожденная в конце прошлого столетия. М., 2000. С. 185.

¹⁵ Ганин А.В. «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // Родина. 2014. № 8. С. 63

¹⁶ Лашков С.И. Военно-учебное дело // Часовой. 1939. № 236–237. С. 23; Шуберский А.Н. К 25-летию со Дня основания... С. 60–62.

ники А.М. Аквилонов, Н.М. Алексеев, И.П. Севрин, В.В. Румянцев, В.В. Радич, подполковник Г.Г. Пащенко и подпоручик К.К. Миллер, некоторые из которых благодаря курсам опубликовали собственные научные труды и применяли их в учебном процессе¹⁷.

В 1931 г. в числе первого набора Белградских ЗВВНК к занятиям приступили 79 человек, из которых в 1936 г. 28 успешно окончили курсы. В составе второго набора, обучавшегося в 1932–1937 гг., были 44 слушателя, 11 из которых завершили обучение. В 1939 г. курсы посещали 65 человек и еще 25 обучались заочно¹⁸. Всего до 1944 г. успешно окончили курсы с присвоением диплома и нагрудного знака 77 человек¹⁹. Из них двое были в генеральских чинах (В.И. Игнатьев и Н.М. Ефремов), 33 – в штаб-офицерских, 41 – в обер-офицерских, еще один человек офицерского чина не имел. При этом среди них было значительное количество офицеров военного времени, окончивших в годы Первой мировой ускоренные курсы военных училищ и школы прапорщиков. В свое время эти офицеры не могли быть приняты в Николаевскую академию. Среди таковых были, например, полковник Ф.Е. Головкин, подполковники Р.М. Васильев, М.В. Голубев и Г.Г. Пащенко, ротмистры В.А. Эммануэль, К.Н. Подушкин, штабс-ротмистр С.В. Вакар²⁰ и др. Также известно об окончании курсов С.А. Заботкиным, который служил в Северо-Западной армии и ВСЮР нижним чином и не имел военного образования. В подпоручики Заботкин впоследствии был произведен в Русском корпусе в 1942 г.²¹ Был открыт путь на Белградские ЗВВНК и представителям эмигрантской молодежи – так, их окончил В.В. Гранитов (1915 г.р.), до этого обучавшийся на Военно-училищных курсах 4-го отдела РОВС²².

Отдельно нужно упомянуть о мотивации слушателей Белградских ЗВВНК. Так же как и Парижские курсы, курсы в Белграде не имели

¹⁷ Шуберский А.Н. К 25-летию со Дня основания... С. 60–63.

¹⁸ Лашков С.И. Военно-учебное дело... С. 24.

¹⁹ Шуберский А.Н. К 25-летию со Дня основания... С. 63–64.

²⁰ Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009. С. 66, 70, 98–99, 100, 343–344, 497.

²¹ Русский Корпус на Балканах (1941–1945). Сборник воспоминаний и документов СПб, 1999. С. 404, 443.

²² Там же. С. 399.

признания со стороны каких-либо государственных властей, и дипломы об их окончании не признавались в качестве документов о высшем образовании²³. Ввиду этого обучение на курсах не давало каких-либо преимуществ, но при этом требовало долгой и кропотливой учебы. В связи с этим справедливы слова генерала Шуберского, называвшего слушателей «доблестными русскими офицерами, добровольно пошедшими на трудную многолетнюю научную работу, не имея в виду никакой реальной перспективы»²⁴. Причина этой добровольности заключалась прежде всего в том, что курсовики считали свое обучение подготовкой к возобновлению борьбы с большевиками – так, штабс-ротмистр Вакар вспоминал, что он поступил на курсы чтобы подготовиться к «борьбе за свободу России»²⁵.

Об энтузиазме и мотивированности слушателей Белградских ЗВВНК свидетельствует и один довольно комичный случай – курсовикам в процессе своего обучения разрешалось брать книги из библиотеки Общества русских офицеров Генерального штаба в Югославии, и, по-видимому, многие из них предпочитали оставлять их себе, в связи с чем даже была написана жалоба на имя генерала Шуберского. В ней отмечалось, что некоторые слушатели взяли издания из библиотеки и задерживают их возвращение, а ротмистр Е.Г. Шелль, не возвращавший учебник по тактике, даже заявлял, что «книгу не отдаст, так она ему нужнее»²⁶.

Единственным признанием учебного и научного труда выпускников ЗВВНК была возможность причисления к Генеральному штабу и вступления в Общество офицеров-генштабистов. Этот вопрос, однако, вызывал в среде русской военной эмиграции противоречия. Так, по задумке Великого князя Николая Николаевича (младшего), принявшего в конце 1920-х годов участие в создании курсов, окончившие их имели право «на причисление к Генеральному штабу будущей Русской армии»²⁷. В соответствии с этим в 1930 г., еще до открытия

²³ Ганин А.В. Подготовка кадров Генерального штаба... С. 49.

²⁴ Шуберский А.Н. К 25-летию со Дня основания... С. 1.

²⁵ Вакар С.В. Наша генерация... С. 128.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 91. Л. 62.

²⁷ Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н.Н. Головина: 1927–22 марта 1977. Мюнхен, 1977. С. 6.

Белградских ЗВВНК, начальник 4-го отдела РОВС генерал от инфантерии Э.В. Экк издал приказ о праве выпускников на причисление к Генштабу. Но приказ Экка вызвал непонимание в Обществе русских офицеров Генерального штаба в Югославии: в протоколе заседания от 21 ноября 1930 г. значилось, что «нет никакой необходимости причислять к Генеральному штабу сомнительный элемент», а также констатировалось, что в эмигрантских условиях невозможен ни должный отбор при поступлении на курсы, ни получение опыта штабной службы после их окончания, кроме того, высказывались опасения и о качестве подготовки на курсах. Таким образом, Общество постановило, что выпускники Белградских ЗВВНК не имеют прав ни на причисление к Генштабу, ни на вступление в ряды общества²⁸.

Несмотря на столь резкую и не в полной мере справедливую оценку, к концу 1930-х годов Общество русских офицеров Генерального штаба изменило свою политику в отношении окончивших Белградские курсы. Так, известно, что в марте 1938 г. полковник А.А. Молоховец и капитан В.В. Румянцев подали рапорты о вступлении в Общество в связи с успешным завершением обучения на Белградских ЗВВНК. В результате общего собрания Общества Молоховец и Румянцев были единогласно приняты в качестве членосоревнователей²⁹. Можно предположить, что перемена мнения Общества по этому вопросу была связана с уровнем подготовки слушателей ЗВВНК, который был признан вполне достаточным и сравнимым хотя бы с ускоренными курсами Николаевской академии.

Вопрос о точном количестве выпускников Белградских ЗВВНК, вступивших в Общество русских офицеров Генерального штаба в Югославии, нуждается в уточнении, однако пример Молоховца и Румянцева показывает, что, скорее всего, в него могли быть зачислены все 77 успешно окончивших курсы. Это могло бы стать существенным пополнением для русских генштабистов в Югославии, на половину увеличив состав их общества, насчитывавшего к 1936 г. 138 полноправных членов и четырех членосоревнователей³⁰.

²⁸ Вестник Районного правления Общества Русских офицеров Генерального штаба в Королевстве Югославия. 1931. № 77. С. 1–2.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 91. Л. 16–17.

³⁰ Там же. Л. 68.

Осенью 1941 г. выпускники Белградских курсов получили возможность на практике применить полученные в ходе обучения навыки и знания. По нашим подсчетам, 33 человека³¹, успешно окончившие высшие военно-научные курсы, поступили в Русский корпус. Также в нем оказались и шесть преподавателей Белградских ЗВВНК³². В течение 1941–1944 гг. они несли в его составе охранную службу и участвовали в боевых действиях против югославских партизан, а на завершающем этапе боевого пути Русского корпуса приняли участие и в сильных боях с Красной армией и регулярными частями Народно-освободительной армии Югославии.

По свидетельству штабс-ротмистра Вакара, корпусники, обучавшиеся на ЗВВНК в Белграде, «заметно выделялись из общей офицерской среды по своему военному кругозору и пониманию обстановки»³³. Зачастую выпускники курсов получали назначения в штаб корпуса, становились адъютантами полков и батальонов, т.е. занимали должности, где были необходимы навыки и знания штабной работы. Наличие в Русском корпусе и выпускников ЗВВНК, и окончивших Николаевскую академию позволило иметь необычайно высокую долю чинов с академическим образованием. Так, в сентябре 1944 г. 39 генштабистов (включая 15 человек, окончивших Белградские курсы) занимали офицерские должности, что составляло 10,8 % офицерского состава, насчитывавшего 362 чина³⁴.

³¹ А.М. Аквилон, А.Г. Богословский, С.В. Вакар, Р.М. Васильев, Ф.Е. Голово, М.В. Голубев, В.В. Гранитов, С.А. Заботкин, А.Т. Зиновьев, В.И. Игнатьев, Д.П. Ковалевский, А.Л. Копытовский, Б.В. Крицкий, А.И. Любохонский, В.М. Маркевич, К.Н. Николаев, Г. Г. Пащенко, С.И. Подольский, К.Н. Подушкин, С.С. Политов, В.В. Румянцев, М.К. Рынейский, И.П. Севрин, А.А. Семенов, А.А. Таранец, М.И. Тихонравов, А.П. Троицкий, Б.И. Тюльпанов, В.Я. Фадеев, Е.Д. Цешковский, Е.Г. Шелль, Е.А. Шеремет, В.А. Эммануэль. Подробнее см.: *Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса...*

³² В.В. Бальцар, В.Н. Колюбакин, Н.Н. Краснов С.И. Лашков, Е.Э. Месснер, Л.М. Михеев. Подробнее см.: *Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса...*

³³ *Вакар С.В. Наша генерация...* С. 132.

³⁴ Подсчитано по: Верные долги: 1941–1961. Нью-Йорк, 1961; Русский корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941–1945 гг. Нью-Йорк, 1963.

Также окончившие Белградские ЗВВНК офицеры в Русском корпусе сами активно подключились к преподавательской деятельности и участвовали в подготовке юнкеров из числа эмигрантской молодежи в 1941–1943 гг. Среди лекторов, читавших курсы, были полковники Р.М. Васильев, М.И. Тихонравов, ротмистр Д.П. Ковалевский и капитан В.В. Румянцев³⁵. Отмечая в том числе и образовательную деятельность выпускников ЗВВНК, последний командир Русского корпуса А.И. Рогожин отзывался о них как об образованных и «чрезвычайно ценных офицерах»³⁶.

Несмотря на идущую Вторую мировую войну и нахождение значительной части русских военных эмигрантов в Русском корпусе, Белградские ЗВВНК продолжали свою деятельность. Между корпусом и курсами даже установилось некоторое взаимодействие – так, благодаря Русскому корпусу, имевшему возможности издавать печатные издания, были опубликованы труды полковника С.И. Лашкова «Современное вооружение» и «Отравляющие вещества и их применение»³⁷. Активно шла и научная деятельность, иллюстрацией которой может быть защита на Белградских ЗВВНК в 1942 г. диссертации Е.Э. Месснера по теме «Маневренная война»³⁸. Продолжалась и образовательная деятельность, которая на Белградских ЗВВНК шла в ногу со временем – например, в 1939–1943 гг. генерал В.М. Ткачев читал курс под названием «Тактика воздушных сил», по материалам которого в 1943 г. было опубликовано учебное издание³⁹.

Осенью 1944 г., в связи с массовым оттоком русской эмиграции из Югославии и занятием Белграда советскими войсками, ЗВВНК прекратили свою деятельность. В новых послевоенных условиях возобнов-

³⁵ Верные долгу... С. 39, 43; Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса... С. 70, 194, 376, 428.

³⁶ Шуберский А.Н. К 25-летию со Дня основания... С. 36.

³⁷ Там же. С. 63.

³⁸ Домнин И.В. От Первой мировой до «Третьей всемирной». Жизненный путь Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера // Российский военный сборник. Вып. 21. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 48.

³⁹ Шахторин А.А. «...Всё новое достигалось и двигалось благодаря личной инициативе летного состава». Первый учебник по тактике воздушного боя В.М. Ткачева // Военно-исторический журнал. 2022. № 3. С. 23.

ление их деятельности не являлось возможным и необходимым, однако некоторое продолжение курсы все же получили. В 1949 г. в Нью-Йорке был создан Институт по исследованию проблем войны и мира им. генерала Головина, руководителем которого был бывший преподаватель Белградских ЗВВНК полковник Л.М. Михеев. Также был создан Южно-Американский отдел Института в Аргентине, который возглавил полковник Месснер, а участие в его работе принимали выпускники Белградских курсов С.В. Вакар и В.В. Гранитов. Институт и его отдел вели научную и общественную работу вплоть до 1970-х годов, издав ряд военно-исторических трудов⁴⁰.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что Зарубежные высшие военно-научные курсы в Белграде были значимой частью явления, названного исследователем И.В. Домниным «военной культурой» русского зарубежья⁴¹. Белградские ЗВВНК являлись примером успешной военно-научной и образовательной деятельности, которую вела русская эмиграция, не имея ни государственной поддержки, ни достаточных финансов, ни видимой перспективы для своих интеллектуальных вложений. Несмотря на это, Белградские курсы дали качественное и современное высшее военное образование 77 эмигрантам, достаточное для выполнения ими обязанностей офицеров Генерального штаба, обеспечили проведение научной работы для десятков специалистов и способствовали публикации научных и учебных изданий. Важно также отметить, что изучение научного наследия преподавателей и выпускников Белградских ЗВВНК еще далеко от завершения и является перспективной темой для исследований по истории русской военной эмиграции.

Библиография

Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения зарубежной России: 1920–1930-е годы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 254 с.

Верные долгу: 1941–1961. Нью-Йорк, 1961; Русский корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941–1945 гг. / под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк, 1963.

⁴⁰ Домнин И.В. От Первой мировой до «Третьей всемирной»... С. 49–51.

⁴¹ Домнин И.В. Генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин... С. 6.

Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М.: Рейтар, 2009. 528 с.

Ганин А.В. «Недоноски»? Выпускники ускоренных курсов Императорской Николаевской военной академии в годы Первой мировой войны // Родина. 2014. № 8. С. 62–66.

Ганин А.В. Подготовка кадров Генерального штаба в русской эмиграции межвоенного периода (1921–1939 гг.) // Военно-исторический журнал. 2015. № 11. С. 46–51.

Домнин И.В. От Первой мировой до «Третьей всемирной». Жизненный путь Генерального штаба полковника Е.Э. Месснера // Российский военный сборник. Вып. 21. Хочешь мира, победи мятеже-войну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / под общ. ред. И.В. Марченкова. М.: Военный университет, Русский путь, 2005. С. 19–70.

Домнин И.В. Генерал-лейтенант Николай Николаевич Головин – крупнейший деятель военной культуры Русского Зарубежья // Труды II Международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина: сб. ст. и мат-лов. / науч. ред. К.М. Александров, сост. К.М. Александров, О.А. Шевцов, А.В. Шмелёв. СПб.: Скрипториум, 2012. С. 135–139.

Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. 208 с.

Образцов И.В. Исследование войны как специфического социального процесса // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 135–139.

Русский Корпус на Балканах (1941–1945). Сборник воспоминаний и документов / под ред. Н.Н. Протопопова, И.Б. Иванова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 460 с.

Русский корпус на Балканах во время Второй Великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д.П. Вертепова. Нью-Йорк: Наши вести, 1963. 416 с.

Шахторин А.А. «...Всё новое достигалось и двигалось благодаря личной инициативе летного состава». Первый учебник по тактике воздушного боя В.М. Ткачева // Военно-исторический журнал. 2022. № 3. С. 22–33.

М.В. Подгурский

*Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского (Омск)*

Педология А.Б. Залкинда и противоречия в становлении советской науки о детстве

Статья посвящена вопросу становления педологии в Советской России 1920-х – 1930-х годов на примере работ психиатра и педолога А.Б. Залкинда. Рассмотрены предпосылки, цели и значение развития педологии для молодого Советского государства с точки зрения проблемы воспитания «нового человека». На основании изучения основных трудов А.Б. Залкинда, посвященных педологии, делается вывод, с одной стороны, об ограниченности его взглядов на человека, сводящихся к вере в возможность «собрать» необходимую личность путем управления внешней средой, и чрезмерной радикальности в связи с настроениями, вызванными эпохой, с другой – о возможности педологии эволюционировать и преодолевать свои крайности, в перспективе обещая полезные результаты для обучения и воспитания в новом обществе.

Ключевые слова: педология, А.Б. Залкинд, новый человек.

Проблема педологии – комплексной науки о детстве, которая, объединив в себе знания из медицины, психологии, физиологии и других наук, позволила бы в полной мере и научным путем выявить особенности детского возраста в целостности, но которая оказалась забытой после 1936 г. и снова попала в поле зрения исследователей лишь в 1990-е годы, остается актуальной по сей день в связи с, во-первых, непрекращающимися поисками новых моделей образования в российском обществе, переплетенных крепко с вопросами психологии и физиологии, а во-вторых, значительным усилением воздействия внешнего, все менее поддающегося адекватному контролю влияния на психику ребенка в усложняющемся информационном обществе. Резко прерванный и чуть было не стертый опыт первой трети прошлого века в комплексном изучении детского возраста в целях совершенствования современного образования

требует осмысления с точки зрения того, что было в действительности сделано не так, что положительного и полезного было достигнуто и что имело перспективы при дальнейшей разработке.

Педологические изыскания А.Б. Залкинда (1888/1889–1936 гг.) стали осмысляться сразу после разгрома педологии в 1936 г., когда появились брошюры, грубо обвинявшие в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «лженауку» педологию в целом и самого Залкинда за «извращения», разрушавшие советское образование, «антимарксистские взгляды», представлявшие собой помесь «фрейдизма» и «рефлексологизма». Наиболее показательной в этом плане является брошюра его коллеги А.С. Залужного¹. После этого имя Залкинда было стерто из истории советской науки до 1990-х годов, начиная с которых стали появляться работы, в которых творчество педолога если не реабилитировалось, то подвергалось менее политически ангажированному анализу. Стали рассматриваться его взгляды с точки зрения философии, особенности исторического контекста, а особое внимание уделяется теперь разгрому педологии и его причинам².

Появление проблемы науки о детстве в Советском государстве было обусловлено как новой действительностью, так и предшествующей историей. Во-первых, проблема «нового человека» – сквозная идея любой революции. Революциолог Ш. Эйзенштадт отмечает, что для образа «чистых» революций среди прочего характерно то, что они «осуществляют не только институциональные и организационные преобразования, но и вносят изменения в нравственность и воспитание, ... создают или порождают нового человека»³, что обусловлено

¹ Залужный А.С. Лженаука педология в «трудах» Залкинда // Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М., 2001. С. 427–462.

² Петровский А.В. Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука. Л., 1991. С. 126–135; Фараджеев К. Педология А. Залкинда и миф о преображении человека // Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М., 2001. С. 5–18; Эткин А. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы образования. 2010. Вып. 3. С. 68–80; Колесниченко Ю.В. Философские проблемы личности в советской педагогике 1920–1930-х гг.: П.П. Блонский, А.Б. Залкинд, А.С. Макаренко // Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2018. №1. С. 97–107; и др.

крайне идеологизированными, милленаристскими представлениями участников революции.

Во-вторых, в принципе проблема философской антропологии присуща русской культуре, что отразилось в русской религиозной философии. По представлениям русских религиозных философов, характерная русской мысли идея Боговоплощения предполагала прорыв в эпоху совершеннолетия человечества, его преображения с выявлением в нем «божественного», прежде всего его соборности, свободы личности и творческого начала. В своей сущности Человек – деятельный, творческий, способный к диалектическому прорыву «через все внешние принуждения, природную и социальную детерминированность, заданность, несвободу»⁴; так происходит «самораскрытие в нем образа Творца»⁵. Из творческой и деятельной сущности человека в строительстве нового общества исходил В.И. Ленин в своей инверсионной концепции Октября и НЭПа. Она предполагала невиданную до того ставку на субъект – личность, а значит, востребование всех творческих сил общества и создание условий для само-совершенствования. Инверсионная концепция являлась ответом на вызов времени, коим стало требование скорейшей модернизации при переходе к эпохе осознанной необходимости.

Наконец, в начале XX в. педология в России уже сделала свои первые, но уверенные шаги. Усилиями психолога А.П. Нечаева были открыты первые лаборатории и курсы экспериментальной педагогики, проведены первые съезды. Заметный вклад в дореволюционную педологию внесли также основоположник рефлексологии В.М. Бехтерев, его ученик А.Ф. Лазурский, врач В.П. Кащенко, невропатолог Г.И. Россолимо, психологи Н.А. Рыбников и Н.Е. Румянцев и др.

После революции усилиями Наркомпроса и Наркомздрава педология получила новое дыхание. Так, был образован ряд новых научных педологических учреждений, педология стала учебной дисциплиной в педагогических учебных заведениях. Однако четко

³ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 45.

⁴ *Шепелева В.Б.* Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск, 2009. С. 375.

⁵ Там же.

проблема становления науки о детстве советскими руководителями была поставлена в ходе и после Первого Всесоюзного педологического съезда, состоявшегося зимой 1927–1928 гг. На съезде нарком просвещения А.В. Луначарский заявил: «Педология, изучив, что такое ребенок, по каким законам он развивается, <...> тем самым осветит перед нами самый важный... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии»⁶. Н.К. Крупская еще в 1924 г. отмечала необходимость «рассмотреть те методы педагогического воздействия на ребенка, при помощи которых можно в ребенке было бы воспитать известные чувства, при помощи которых можно создать известные знания, создать умение эти знания прилагать к жизни»⁷. После съезда 1927–1928 гг. она заговорила и о перспективах применения результатов педологических исследований в практике преподавания: «Педагогика без педологии и педология в отрыве от педагогики не могут разрешить вопросы правильного воспитания ребенка, найти правильные методы обучения»⁸.

Однако исследования деятелей новой науки в 1920-х действительно полнились «перекосами», были «заражены» чрезмерным увлечением физиологией в отрыве от собственно педагогической практики, что не дало педологии в конечном счете стать комплексным, цельным учением. В этом показательно творчество А.Б. Залкинда – одной из виднейших фигур советской педологии, врача-психиатра, ставшего лидером советской педологии после созданного по его инициативе Первого Всесоюзного педологического съезда. В апреле 1928 г. он стал председателем созданной Комиссии по планированию исследовательской работы по педологии в РСФСР при Главнауке Наркомпроса РСФСР, затем занял должность главного редактора нового журнала «Педология». В 1930 г. Залкинд провел ставший продолжением предыдущих съездов Поведенческий съезд, а в 1931 г.

⁶ Цит. по: Эткинд А. Общественная атмосфера... С. 70.

⁷ Крупская Н.К. Основные линии переподготовки учительства (доклад на Всероссийской конференции по переподготовке учителей) // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. М., 1959. Т. 3. С. 106–107.

⁸ Крупская Н.К. Подняться на высшую ступень // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. М., 1959. Т. 3. С. 542.

был назначен директором Института психологии, педологии и психотехники. Это триумфальное восхождение на Олимп советской педологии, однако, продлилось недолго. Уже в конце 1931 г. он начал подвергаться гонениям за «меньшевиствующе-идеалистический эклектизм» и «фрейдизм» и был снят с постов директора Института и главного редактора «Педологии». Педолог умер вскоре после опубликования Постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «**О педологических извращениях** в системе Наркомпросов» – по одной из версий, от инфаркта прямо на улице, возвращаясь с партсобрания, где и огласили содержание документа⁹.

Вообще биография Залкинда весьма туманна. Интерес в связи с этим представляют составленные для партийного начальства автобиография, датированная 14 сентября 1923 г.¹⁰, и личный листок¹¹. Так, в автобиографии сообщается о том, что родился он в 1888 г. (согласно личному листку, в 1889 г.) в семье разъездного приказчика, большую часть жизни проводившего вдали от семьи и умершего в 49 лет от разрыва сердца. Мать осталась «полудушевнобольной». Сам Залкинд имел в результате тяжелого детства проблемы с сердцем. С 1903 г., по собственному утверждению, он начал интересоваться марксизмом и принимал участие в революционных кружках. Несмотря на тяжелую нужду в семье, в 1911 окончил медицинский факультет Московского университета, начал научную деятельность, заинтересовался психологией и психопатологией. Крайне любопытно признание будущего педолога: «Но не самодовлеющая жажда исследования тянула меня, практика была моей целью: еще с детства основная мечта моя – перевоспитать человечество»¹². Первая мировая, в которую он служил военным врачом, оказала на Залкинда глубокое впечатление «человеческими массами»¹³, что побудило его начать связывать свою психологию с социологией. В 1918 г. он включился в активную революционную борьбу, что производило на видевшую

⁹ Корсаков С.Н. Новые факты о А. Б. Залкинде // *Философские науки*. 2010. № 4. С. 53.

¹⁰ Залкинд А.Б. Автобиография // *Философские науки*. 2010. № 4. С. 56–59.

¹¹ Залкинд А.Б. ЦК РКП (б-ов). Учетно-распределительный отдел. Личный листок // *Философские науки*. 2010. № 4. С. 59–61.

¹² Залкинд А.Б. Автобиография... С. 57.

¹³ Там же.

перспективы у молодого ученого «питерскую психоневрологическую профессию впечатление сумасшествия»¹⁴. Свое участие в революции он опять же объяснял мечтой перевоспитания человечества: «Ясно было, что перевоспитать человечество можно лишь в процессе революционной борьбы – надо, значит, помочь общей победе революции»¹⁵. В 1921–1922 гг. параллельно с работой в ЦК Всероссийского союза работников просвещения и на должности заместителя заведующего отдела рабочих факультетов Наркомпроса Залкинд вернулся к научной деятельности. В личном письме он, подчеркивая свою ценность как специалиста, уверенно выражает готовность стать разработчиком новой науки: «обладаю серьезными научными возможностями <...> в области построения марксистской педагогической психологии. Было бы жаль, если бы никем научно-исследовательски не обслуживаемая область не поглотила меня целиком. Тем более, что вряд ли меня в этом деле можно сейчас заменить»¹⁶. В целом его краткая, но весьма ярко написанная автобиография показывает истоки дальнейших «порывов» автора. Признания в приверженности марксизму и революции здесь, думается, не были простой формальностью. Вышедший из терпящей нужду еврейской семьи и прошедший войну Залкинд действительно мог увидеть в наступающих переменах возможности для реализации своих идей по преобразованию общества, что подтверждается его проникнутыми «боевым», революционным пафосом работами.

Основными такими работами являются, во-первых, «Основные вопросы педологии»¹⁷, впервые опубликованная в 1927 г. с целью обобщить дискуссионные вопросы педологии, выявленные в ходе дискуссий на съездах и педологическом совещании, а затем переизданная в 1929 г. с добавлением статьи «О принципах научно-педагогической пятилетки» и ряда статей из сборника Залкинда «Очерки культуры революционного времени»; во-вторых, «Педология в СССР»¹⁸, опубликованная в 1929 г., включающая в себя доклады

¹⁴ Залкинд А.Б. Автобиография... С. 58.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Залкинд А.Б. ЦК РКП (б-ов)... С. 61.

¹⁷ Залкинд А.Б. Основные вопросы педологии. М., 1930. 264 с.

¹⁸ Залкинд А.Б. Педология в СССР. М., 1929. 83 с.

автора на Первом педологическом съезде и коллегии Наркомпроса и, по утверждению самого Залкинда, синтезирующая вопросы педологии, проработанные им ранее в «Очерках культуры революционного времени», «Вопросах советской педагогики», «Основных вопросах педологии», «Половом воспитании». Две эти работы, хотя и выдержаны в тенденциозном ключе, являются в целом показательным обобщением взглядов их автора, подходящим для получения представления о целях, основаниях и сущности «залкиндовской» педологии. Он занимался вопросами полового воспитания, и результаты его измышлений по этой проблеме отражены в работе «Половое воспитание» (1928 г.)¹⁹, хотя они представляют собой скорее попытку приложения его идей к конкретной области. Для определения степени трансформации взглядов Залкинда в 1930-х годах показательным может выступать учебник «Педология»²⁰, изданный под его редакцией в 1934 г.

Итак, Залкинд в соответствии с тем, что «социальный фактор признается господствующим в отношении к психике»²¹, считает необходимым для «боевой классовой практики»²² развитие марксистской психологии в сторону «психонотирования» (под которым он понимает «научную организацию психических процессов, нужных для трудовой практики»²³) социалистического производства, «более продуктивного революционного овладения психикой трудящихся масс»²⁴. Для этого должны быть разработаны «такие социально боевые вопросы биологии, как проблема наследственности, область социально-биологической профилактики, ближайшие этапы психофизиологии человека»²⁵. Так автор сразу ставит на первый план в новой психологии задачу изучения социальных и наследственных факторов (и их соотношения) для оказания влияния на психику человека. Основой практи-

¹⁹ Залкинд А.Б. Половое воспитание. М., 1928. 143 с.

²⁰ Педология. Учебник для дошкольных отделений педагогических техникумов. М., 1934. 231 с.

²¹ Залкинд А.Б. Основные вопросы... С. 5.

²² Там же С. 6.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 10.

ческой реализации этих планов станет выдвинутый после Октябрьской революции «срочный классовый заказ – продумать наилучшую методику воспитания социалистического человека»²⁶. Здесь на первый план выходит «ревизия наук о ребенке» – прежде всего на основе психофизиологии.

Каким представляется этот новый человек Залкинду? Он пишет, что требуется «воспитать людей, соответствующих нуждам социалистического строительства, притом воспитать их так, чтобы они не пассивно обслуживали социализм, но энергично помогали бы максимальному ускорению его темпа»²⁷, а для этого «ликвидируй с детских лет дооктябрьскую гниль, с первых лет жизни человека готовь его к классовым боям и социалистической практике, помоги ему сделаться диалектическим материалистом, дисциплинированным пролетарским коллективистом, закаленным, смелым, трудовым и боевым революционным активистом, культурным и организованным строителем социализма»²⁸.

Однако на деле в представлениях Залкинда не остается места творческому самосовершенствованию человека и веры в его внутреннюю силу. Выдвигавшиеся в ходе разгрома педологии обвинения в преувеличении роли среды Залкиндом не были совсем безосновательными. Хотя различия в среде позволяют Залкинду отрицать существование общих стандартов развития ребенка и утверждать о необходимости более конкретного подхода в зависимости от социального слоя и места проживания исследуемых детей (а это открывает возможности для индивидуализации воспитательного процесса), преувеличение это доходит практически до примитивного представления о ребенке как «чистой доске». В своем стремлении опровергнуть любые «империалистические притязания» «врагов Октября» – биогенетистов, считавших, что организм в развитии повторяет стадии эволюции, и сторонников учения о наследственности – автор доказывает, во-первых, факт изменения внутренних органов, всех норм физиологических функций под влиянием «искусственной среды, созданной производством» и,

²⁶ Залкинд А.Б. Основные вопросы... С. 14.

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ Там же. С. 16–17.

во-вторых, «колоссальную прогрессивно-физиологическую роль мозговой коры человека»²⁹. Сила коры (отождествляемой автором при этом часто с психикой и сознанием) доказывается учениями о рефлексах и психоневрозах, которые предполагают изменение реакций и внутреннего состояния человека под влиянием внешних воздействий. Внешнее влияние на кору, по мнению Залкинда, обеспечивает «пластичность, воспитуемость, переключаемость человеческих бионавыков» и благодаря этому – большие «возможности и воспитательных влияний на человеческий организм»³⁰. В результате «мощная общефизиологическая влиятельность коры может превратиться и в оздоравливающее, глубоко творческое начало, если внешние раздражители по-иному будут сочетаться, получают иной для себя материал»³¹.

Таким образом, педолог действительно утверждает о возможности, регулируя внешние условия, «лепить» человека необходимой формы, причем в своем «боевом надрыве» он представляет эту пластичность почти безграничной. Характерно, что и саму педологию он характеризовал в первую очередь не как определенный комплекс наук и знаний, а как науку, исходящую из условий среды: «В самом деле, что такое педология? Это наука о развивающейся человеческой личности, о растущем человеческом организме в условиях окружающей его среды»³².

Утверждая всесилие внешних воздействий, Залкинд останавливает внимание преимущественно на физиологических изменениях (в росте и строении тела, половом созревании и т. д.). Проблема образования новыми методами остается нераскрытой, что вступает в противоречие с первоначальными заявлениями о воспитании «культурного строителя социализма». Нельзя также не заметить, что практическими исследованиями Залкинд не занимался, остановившись на теоретизировании без статистики (несмотря на заявления о необходимости скорейшей «практизации» дискуссий³³).

²⁹ Залкинд А.Б. Основные вопросы... С. 29.

³⁰ Там же. С. 35–36.

³¹ Там же. С. 53.

³² Залкинд А.Б. Педология в СССР... С. 5–6.

³³ Залкинд А.Б. Основные вопросы... С. 12.

Как уже было указано, взгляды педологов накануне разгрома начинали корректироваться и избавляться от «перекосов». В учебнике 1934 г. под редакцией Залкинда точка зрения, согласно которой развитие «целиком ставилось в зависимость от среды»³⁴, признается ошибочной; констатируется, что она начинает преодолеваться. Высказывается мысль, что «развитие есть процесс, в котором социальное и биологическое диалектически неразрывны»³⁵. Несмотря на то, что глава написана не Залкиндром³⁶, а В.М. Торбеком, это демонстрирует положительные изменения в педологии, способность ее эволюционировать и отходить от крайностей.

Итак, в работах А.Б. Залкинда ярко отразилась противоречивость формировавшейся советской педологии. Исходя из обоснованной необходимости формирования активной и творческой личности, привлекая обширный материал из других наук, этот талантливый лидер новой науки, тем не менее, будто опьяненный открывавшимися горизонтами нового социалистического строя и охваченный духом борьбы с «врагом», впал в крайность и оказывался неспособен подойти к педологии диалектически. В результате его человек – лишенный внутреннего начала, подчиненный среде и ее воздействиям организм, почти машина, которую можно запрограммировать, стоит лишь найти подходящий код. Такое представление о роли человека становилось препятствием для развития педологии, соотносясь с сущностью административно-командной системы и питая главное ее губительное следствие – конформизм. В то же время ни Залкинд, ни педология не были неизбежно обречены и «вредны», поскольку при всех противоречиях проглядывались большие перспективы, перерезанные в июле 1936 г.

³⁴ Педология. Учебник... С. 9.

³⁵ Там же. С. 10.

³⁶ И мы не можем с уверенностью говорить, что он изменил свои взгляды, поскольку это не было никак отражено в его собственных полноценных работах. Его авторству в учебнике приписывается лишь крохотный – на две страницы – параграф в начале.

Библиография

Залкинд А.Б. Половое воспитание. М.: Работник просвещения, 1928. 143 с.

Залкинд А.Б. Педология в СССР. М.: Работник просвещения, 1929. 83 с.

Залкинд А.Б. Основные вопросы педологии. М.: Работник просвещения, 1930. 264 с.

Залкинд А.Б. Автобиография // Философские науки. 2010. № 4. С. 56–59.

Залкинд А.Б. ЦК РКП (б-ов). Учетно-распределительный отдел. Личный листок // Философские науки. 2010. № 4. С. 59–61.

Залужный А.С. Лженаука педология в «трудах» Залкинда // Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М.: Аграф, 2001. С. 427–462.

Колесниченко Ю.В. Философские проблемы личности в советской педагогике 1920-1930-х гг.: П.П. Блонский, А.Б. Залкинд, А.С. Макаренко // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2018. №1. С. 97–107.

Корсаков С.Н. Новые факты о А.Б. Залкинде // Философские науки. 2010. № 4. С. 51–55.

Крупская Н.К. Основные линии переподготовки учительства (доклад на Всероссийской конференции по переподготовке учителей) // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1959. Т. 3. С. 103–107.

Крупская Н.К. Подняться на высшую ступень // Крупская Н.К. Педагогические сочинения. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1959. Т. 3. С. 540–545.

Педология. Учебник для дошкольных отделений педагогических техникумов / под ред. проф. А.Б. Залкинда. М.: Учпедгиз, 1934. 231 с.

Петровский А.В. Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 126–135.

Фараджев К. Педология А. Залкинда и миф о преобразении человека // Залкинд А.Б. Педология: утопия и реальность. М.: Аграф., 2001. С. 5–18.

Шепелева В.Б. Россия 1917–1920 гг.: проблема революционно-демократической альтернативы (вопросы теории, методологии, историографии). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. 704 с.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

Эткинд А. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы образования. 2010. Вып. 3. С. 68–80.

Д.А. Сосницкий

*Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург)*

Память о В.И. Ленине: опыт исследования советской музыкальной ленинианы

Статья посвящена особенностям конструирования образа В.И. Ленина в советской музыке. На основании анализа справочной литературы был составлен список произведений, содержание которых в дальнейшем было проанализировано. В текстах песен были выделены ключевые слова, составлен рейтинг частоты их упоминания. Были проанализированы основные темы произведений, выявлены объекты исторической памяти, встречающиеся в текстах. В статье сделан вывод о том, что в большинстве музыкальных произведений создавался образ В.И. Ленина не как политического лидера и вождя пролетариата, а как морально-нравственного идеала для советского человека.

Ключевые слова: В.И. Ленин, музыка, песни, образы прошлого, историческая память, И.В. Сталин.

Финансовая поддержка: Публикация подготовлена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-3760.2022.2 «Репрезентация образов государственных деятелей в массовом историческом сознании: на примере В.И. Ленина и И.В. Сталина».

В советские годы фигура В.И. Ленина вдохновляла авторов на создание самых различных художественных произведений. Многочисленные памятники, картины, стихотворения и романы создавались как профессионалами, так и любителями. Вполне естественно, что не обошла стороной ленинскую тему и советская музыка. На протяжении нескольких десятилетий писались и исполнялись камерно-вокальные и хоровые, вокально-симфонические и оркестровые произведения, песни и оперы. Весь этот огромный объем произведений не остался без внимания исследователей. В советский период выпускались работы, посвященные анализу музыкальной Ленинианы.

Однако, обычно они носили справочный характер¹. Издавались сборники, объединявшие в себе музыкальные произведения о Ленине, созданные в союзных республиках². Во всех указанных текстах, как правило, отсутствовала характеристика создаваемого в произведениях образа вождя мирового пролетариата, и составители видели свою основную цель в упоминании тех или иных произведений, не претендуя на то, чтобы объять все многообразие музыкальных произведений об Ильиче. При этом нельзя сказать, что тема конструирования образа того или иного героя отечественной истории в музыке совсем проигнорирована специалистами. Подобные работы существуют о Петре I³, Емельяне Пугачеве⁴, И.В. Сталине⁵ и др. Содержательная статья В.Н. Батищевой посвящена анализу образа В.И. Ленина в симфониях и кантатах⁶. Задача нашего исследования состоит в том, чтобы постараться посредством контент-анализа текстов популярных произведений выявить наиболее важные черты образа В.И. Ленина, создававшегося советской музыкой.

В силу того, что выделить канон музыкальных произведений, востребованных на протяжении всего советского периода, практически невозможно, было принято решение осуществить контент-анализ текстов песен, которые были напечатаны отдельными изданиями и вошли в список камерно-вокальных и хоровых произведений, входивших в репертуар для средних и высших музыкальных учебных заведений СССР⁷. В список произведений для контент-анализа были

¹ Указатель вокальных произведений о Ленине и партии. Л., 1962.

² См., напр.: *Дышиневич В.Н.* Белорусская музыкальная Лениниана. Библиографический и нотногографический указатель. Минск, 1977; *Образ Владимира Ильича Ленина в изобразительном искусстве и музыке Советской Молдовы.* Кишинев, 1990.

³ *Удалов К.А., Холодова М.В.* Образ Петербурга и его основателя в русской музыке XVIII века // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 5 (23). С. 58–60.

⁴ *Лукиянова А.А.* Образ Емельяна Пугачева в русской музыке // Студенческая наука, искусство, творчество: от идеи к результату. Краснодар, 2017. С. 42–46.

⁵ *Ливанова Т., Келдыш Ю.* Образ Сталина в музыке // Советская музыка. 1949. № 12. С. 15–22.

⁶ *Батищева В.Н.* Музыкальная лениниана как культурно-исторический артефакт // Сфера культуры. 2022. № 1 (7). С. 61–71.

⁷ Музыкальная Лениниана. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. 1870–1970 (нотногографический справочник). М., 1970.

включены работы признанных авторов. Учитывалось, что автором должно было быть издано не менее трех различных произведений. В результате был получен список музыкальных произведений для последующего контент-анализа:

Таблица 1

Список музыкальных произведений для контент-анализа*

№	Название	Авторы	Год ⁸	Ключевые слова ⁹
1	Великий Ленин («Под огневymi зорями свободы раскинулась Советская страна...»)	Александров Б., Кондырев Л. (ст.)	1962	Фабрики и заводы, поля, пшеница, Ленин, партия, народ, счастье, богатство, Кремль, депутаты, враг, семья, рабство, патриот, металл, высоты, путь
2	Дорогой Ленин («Я хочу, чтоб сияло...»)	Долуханян А., Морозов И. (ст.)	1963	Солнце, мечта, цель, партия, воля, Ленин, путь, счастье, коммунизм, верность, душа
3	Зовет Ильич с броневика	Туликов С., Гангов А. (ст.)	1969	Россия, пламя, революция, бой, свобода, мечта, трибуна, броневик, огонь, борьба
4	Ильич («В дыму сражений, в степной пыли...»)	Долуханян А., Лисянский М. (ст.)	1967	Сражения, мир, счастье, Ленин, солнце, свобода, тепло, свет
5	Ленин («Его пути от Волги многоводной...»)	Новиков А., Исаковский М. (ст.)	1962	Путь, Ленин, сердца, всенародная любовь, Волга, правда, сила, разум, свет
6	Ленин в Кремле («За окном пролетают ночные ветра...»)	Коваль М., Ошанин Л. (ст.)	1939	Совнарком, Кремль, бессонные ночи, Сталин, Волга, враг, телеграмма, мгла
7	Ленин вечно светит нам («Во тьме легенды создавая...»)	Мурадели В., Абдулжалилов Ф. (ст.) (перевод с черкесского В. Марьинского)	1959	Ленин, мир, счастье, батыр, горы

⁸ Указан год издания (или переиздания) произведения в печати.

⁹ Ключевые слова перечислены в порядке упоминания в тексте.

Продолжение таблицы 1

№	Название	Авторы	Год	Ключевые слова
8	Ленин всегда с тобой	Туликов С., Ошанин Л. (ст.)	1955	Новые поколения, надежда, радость, весна, счастье, партия, Родина, путь
9	Ленин с нами.	Новиков А., Вершинин М.	1967	Борьба, навеки, войны, победы, сила, любовь, душа
10	Ленин, Партия, Мир	Туликов С., Ошанин Л. (ст.)	1968	Декреты, война, партия, мир, мечта, счастье, власть, народ
11	Ленина помнит земля.	Новиков А., Ошанин Л. (ст.)	1969	Весна, рассвет, Кремль, Волга, земля, дорога, завтрашний день
12	Ленинский век («На горной вершине, свершив восхождение...»)	Долуханян А., Пухначев В. (ст.)	1967	Горы, вершина, отвага, мужество, борьба, свобода, честность, смелость, мечты, коммунизм
13	Никто не знал («Был день как день, простой, обычный...»)	Коваль М., Бедный Д.	1968	Мгла, Россия, городской, протопоп, мещанки, манифест
14	Песня о Ленине («В лазурь поднебесья летит эта песня...»)	Александров Б., Кольчев О.	1955	Поднебесье, народная любовь, военные походы, труд, гений, сраженья, партия, армия, враги, знамя, горный орел
15	Песня о Ленине («В маленьком и тихом городке Симбирске...»)	Новиков А., Селянин Р. (ст.)	1962	Дорога, великий человек, солнце, светоч, партия, сердце, великие дела, память, Волга, Россия
16	Песня о Ленине («Помнят Ленина волжские воды»)	Долуханян А., Русаков В. (ст.)	1958	Волга, память, Кремль, народы, земля, знамя, дело, сердце, Москва, мечта, путь,
17	Песня о Ленине («С высоких берегов, над Волгой полноводной...»)	Мурадели В., Коваленков А.	1967	Волга, солнце, даль, земля, Родина, народ, сердце, гений, враги, партия, душа, сраженья, свобода, Разлив, Кремль, Москва, Горки, коммунизм

Продолжение таблицы 1

№	Название	Авторы	Год	Ключевые слова
18	Песня о Ленине («Спускается солнце на волжский откос...»)	Александров Б., Островой С.	1963	Волга, земля, счастье, взлеты орлиные, солнце, слава, мир, цель, правда, мечта, дружба, горы, сердце
19	Родной портрет (песня о Ленине)	Филиппенко А., Волгина Т. (ст.)	1950	Солнце, битвы, дорога, счастье, Родина, сила, смелость, заветы, свято
20	У Мавзолея.	Новиков А., Селянин Р. (ст.)	1967	Мавзолей, Россия, бессмертье, дороги, мир, поколения, правда, путь, радость
21	Цветы Ильичу («К нам летят журавли...»)	Филиппенко А., Волгина Т. (ст.)	1968	Цветы, родной, флаг, знамя, вечно живой

* Составлено по: Музыкальная Лениниана. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. 1870–1970 (нотнографический справочник). М., 1970.

Всего было отобрано 21 произведение. При этом, т.к. для нашего исследования важен анализ именно нарратива, а не музыкальной составляющей, то нами рассматривались объекты исторической памяти (герои, события, явления), а также характеристики, данные личности самого В.И. Ленина. Среди популярных авторов стихов к песням назовем М. Вершинина, Т. Волгину, П. Градова, Л. Ошанина и др.

Прежде всего отметим, что авторы текстов большинства проанализированных песен о Ленине использовали довольно ограниченный набор художественных средств и для подчеркивания выдающейся исторической роли В.И. Ленина применяли крайне схожие метафоры и эпитеты. Несмотря на то, что подсчеты в данном случае можно назвать в некоторой степени условными, тем не менее, количественные показатели повторяемости одних и тех же слов в текстах песен позволяют продемонстрировать особенности конструирования образа В.И. Ленина в музыке. В таблице 2 приведем список наиболее употребляемых в текстах песен слов:

Таблица 2

Рейтинг востребованности ключевых слов/объектов исторической памяти в текстах проанализированных произведений**

№	Слово	Количество упоминаний
1–3	Партия, счастье, Волга	7
4–6	Путь, солнце, мечта	6
7–10	Кремль, сражение/сраженья/бой/битвы, мир, сердце	5
11–17	Народ, враги, Россия, свобода, горы/горный, земля, дорога	4
18–25	Коммунизм, душа, борьба, любовь/всенародная любовь, правда, сила, Родина, знамя	3
26–37	Цель, свет, мгла, поколения, радость, весна, война, смелость, гений, память, Москва, орел/орлиный	2

** Составлено по: Музыкальная Лениниана. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. 1870–1970 (нотнографический справочник). М., 1970.

Представленный выше рейтинг демонстрирует, какие слова и выражения имели принципиально важное значение для конструирования поэтического образа Ильича. Остановимся на порядке использования некоторых из них особо.

При создании образа В.И. Ленина, как правило, упор делался не столько на его способности политического лидера, сколько на человеческие качества. В музыке так же, как и в периодической печати¹⁰ перед нами предстает образ не столько лидера и борца (хотя, безусловно, подобные характеристики также встречаются), сколько морально-нравственного ориентира. Это суждение подтверждается данными из представленной выше таблицы. В первой десятке самых часто встречающихся в текстах песен слов: «счастье», «солнце», «мечта», «мир», «сердце». При этом слово «коммунизм» в проанализи-

¹⁰ Подр. об этом см.: Сосницкий Д.А. Юбилей В.И. Ленина на страницах журнала «Огонек // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды (25–28 октября 2022 г.). М., 2022. С. 308–315.

зированных текстах встречается лишь трижды. Ильич должен был быть некоей нравственной опорой для советских людей, тем идеалом, который вел бы их к мечте, невзирая ни на какие трудности. Вот как эта мысль выражена в известной песне «Ленин всегда с тобой» (Туликов С., Ошанин Л.): «Ленин всегда живой, / Ленин всегда с тобой – / В горе, в надежде и радости. / Ленин в твоей весне, / В каждом счастливом дне, / Ленин – в тебе и во мне!». В другой песне объясняется, в чем же причина такой актуальности В.И. Ленина для советского человека спустя многие годы (стихи написаны в 1967 г.) после его смерти – в том, что его величие сочетается с близостью к народу, с тем, что он сам по сути и есть народ: «К врагам непримирим, он стал душой народа, / И правда партии мужала вместе с ним. / Он вел людей труда в сраженьях взять свободу, / Он был во всем великим и простым» («Песня о Ленине» («С высоких берегов, над Волгой полноводной...»)) (Мурадели В., Коваленков А.)).

При этом имеется в создаваемом песнями образе В.И. Ленина и очевидное противоречие. Несмотря на то, что он близок каждому советскому человеку, является «плотью от плоти» народа, нельзя не заметить некоторых тенденций к обожествлению Ильича. Приведем некоторые характерные примеры. Песня «Ильич» начинается со следующих слов: «Он улыбнется – и тучи нет, / Посмотрит вдаль – сияет след» («Ильич» («В дыму сражений, в степной пыли...»)) (Долуханян А., Лисянский М.)). Однако встречаются и куда более категоричные по своему содержанию, даже с учетом художественного преувеличения, фразы в текстах песен: «Он правда наша, сила и наш разум, / Всего живого свет и торжество. / Земля б поблекла и померкла сразу, / Когда б не знала имени его». В песне «Ленинский век» (Долуханян А., Пухначев В.) альпинист, покоривший недостижимую высоту, на горной вершине первым делом пишет «Ленин». Так же поступает и садовник, который вырастил цветы так, чтобы получилось слово «Ленин». Порой стремление авторов стихов песен продемонстрировать значимость Ленина для советского человека доходит до абсурда. В песне «Великий Ленин» ребенок учится говорить, произнося не «мама», а «Ленин»: «И первым слово Ленин / Произносить ребенка

учит мать» («Великий Ленин» («Под огневыми зорями свободы раскинулась Советская страна...»)) (Александров Б., Кондырев Л.)).

Отметим, однако, что не только причудливое сочетание «простоты» и «божественности» формирует образ В.И. Ленина в советских музыкальных произведениях. Подчеркивается, что именно с именем вождя, с его деятельностью связано наступление новой эры. Это же объясняет то, что в проанализированных текстах дважды встречается слово «мгла» – так характеризуется дореволюционное прошлое. Наиболее интересно и оригинально в этом отношении выглядит стихотворение Д. Бедного «Никто не знал» («Был день как день, простой, обычный...»), положенное на музыку М. Ковалем. В нем описывается день, когда Ленин появился на свет. При этом картина, создаваемая поэтом, максимально неприглядна. Дореволюционная Россия предстает в ней собранием отталкивающих типажей: «Гремел сурово голос зычный / Городового на углу. / Гордясь блеском камиллавки, / Служил в соборе протопоп. / И у дверей питейной лавки / Шумел с рассвета пьяный скоп. / На рынке лаялись торговки, / Жужжа, как мухи на меду. / Мещанки, зарясь на обновки, / Метались в ситцевом ряду». Тем не менее, это великий день, т.к. именно тогда на свет появился будущий вождь.

Если же говорить о конкретных местах памяти, то их в музыкальных произведениях очень немного – это манифест 19 февраля 1861 г. (в уже упоминавшейся песне на стихи Демьяна Бедного), Кремль, декреты, Совнарком, И.В. Сталин, мавзолей, депутаты, Москва, Горки, Разлив. Особое место в этом ряду занимает Волга. Это можно объяснить тем, что при создании образа лирического героя песен поэты зачастую обращались к детству и юности В.И. Ленина, его малой Родине – Симбирску. Интересно то, что в проанализированных музыкальных произведениях практически не упоминаются соратники Ильича, и если в случае с некоторыми (например, Л.Д. Троцким) это вполне объяснимо, то почему остались обойденными фигуры Н.К. Крупской или А.М. Горького, не вполне понятно. Обратимся к одному из упоминаний имени И.В. Сталина в текстах музыкальных произведений. По очевидным причинам И.В. Сталин появляется в текстах песен о В.И. Ленине в годы культа личности.

Так, в 1939 г. в журнале «Новый мир» было опубликовано стихотворение Л. Ошанина «В Кремле»¹¹, которое вскоре было положено на музыку. Текст этого стихотворения посвящен периоду Гражданской войны. Усталый Ильич посреди ночи получает телеграмму от И.В. Сталина: «Секретарь телеграммы ему подает. / В ней короткая строчка одна. / Он на подпись глядит и внезапно встает. / Наступает вокруг тишина. / Это рапорт от Сталина с тех берегов, / Где враги преграждали пути. / Волга снова свободна. И бандам врагов / От штыков никуда не уйти». Таким образом, стихотворение, которое формально посвящено В.И. Ленину, фактически воспекает Сталина.

Подводя итоги нашего краткого обзора, отметим, что, несмотря на отсылки в текстах песен о В.И. Ленине к ряду важных исторических событий (революция, Гражданская война, Великая Отечественная война), нам представляется, что главной задачей советских поэтов и композиторов было создание образа не столько политика и борца, сколько морально-нравственного и идейного ориентира. При этом художественные средства, которыми создавался этот образ, не отличались особенным разнообразием. Клишированные фразы, отсылки к одним и тем же образам, повторяющиеся речевые обороты явно не способствовали тому, чтобы многие из проанализированных произведений серьезно повлияли на конструирование образа В.И. Ленина в коллективной исторической памяти. В то же время нельзя не отметить, что в огромной массе произведений музыкальной ленинианы встречались выдающиеся работы, которые действительно полюбились широкой аудиторией и способствовали популяризации образа Ильича.

Библиография

Батищева В.Н. Музыкальная лениниана как культурно-исторический артефакт // Сфера культуры. 2022. № 1 (7). С. 61–71.

Дышиневич В.Н. Белорусская музыкальная Лениниана. Библиографический и нотографический указатель / сост. В.Н. Дышиневич. Минск, 1977. 153 с.

Ливанова Т., Келдыш Ю. Образ Сталина в музыке // Советская музыка. 1949. № 12. С. 15–22.

¹¹ *Ошанин Л.* В Кремле // Новый мир. 1939. С. 51.

Лукьянова А.А. Образ Емельяна Пугачева в русской музыке // Студенческая наука, искусство, творчество: от идеи к результату. Краснодар, 2017. С. 42–46.

Музыкальная Лениниана. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. 1870–1970 (нотнографический справочник). М., 1970. 32 с.

Образ Владимира Ильича Ленина в изобразительном искусстве и музыке Советской Молдовы. Кишинев, 1990. 16 с.

Сосницкий Д.А. Юбилей В.И. Ленина на страницах журнала «Огонек // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды (25–28 октября 2022 г.). М., 2022. С. 308–315.

Удалов К.А., Холодова М.В. Образ Петербурга и его основателя в русской музыке XVIII века // Научный электронный журнал Меридиан. 2019. № 5 (23). С. 58–60.

Указатель вокальных произведений о Ленине и партии. Л., 1962. 88 с.

Ю.Н. Храмшина

*Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова (Магнитогорск)*

Постулируемая и реализуемая дисциплина труда в трамвайных хозяйствах Челябинской области в 1941–1945 годах

Статья посвящена изменению критериев дисциплины труда в трамвайных хозяйствах Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. Анализ трудовой дисциплины производился на основе делопроизводственной документации, хранящейся в фондах федеральных и региональных архивов. На примере трамвайных хозяйств Челябинска, Магнитогорска, Златоуста проиллюстрирован разрыв между постулируемой и реализуемой дисциплиной труда в 1941–1943 гг. Показано, что устав работников московского трамвая, распространенный на трамвайные хозяйства РСФСР в 1943 г., закрепил ожидаемые властными структурами компоненты дисциплины труда. Отмечено сокращение обсуждаемых в практике анализа работы трамвайных хозяйств критериев исполнения дисциплины труда к концу 1945 г.

Ключевые слова: советские рабочие, дисциплина труда, трамвай, Челябинская область.

Дисциплина труда – один из базовых факторов слаженной работы предприятий. Простейшими формальными маркерами соблюдения работниками дисциплины труда в период сталинизма выступали своевременный приход и уход с работы. Исполнению этих формальных требований могли препятствовать многие факторы, одним из которых являлась неотлаженная работа трамвая. В 1930-е – 1940-е годы подавляющее большинство пассажирских перевозок в крупных городах РСФСР приходилось на трамвай¹. Однако снабжение трамвайных хозяйств материальными и человеческими ресурсами было дефицитным², а работа трамвая вызывала множество нареканий. При этом

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 390. Л. 21.

² Там же. Л. 19.

партийные организации разных уровней и органы исполнительной власти в качестве одной из основных причин неудовлетворительной работы трамвайных хозяйств называли падение дисциплины труда. В исследовании представлена попытка очертить круг вопросов, поднимаемых в связи с обсуждением дисциплины труда в трамвайных хозяйствах РСФСР на примерах городов Челябинской области, выявить смену риторики на протяжении 1941–1945 гг., наблюдавшуюся как среди работников трамвайных хозяйств, так и в среде инстанций, которым они подчинялись.

Состояние дисциплины труда рабочих промышленных предприятий получило широкое освещение в исторических работах. Исследователи социокультурного облика промышленных рабочих России С.П. Постников и М.А. Фельдман определяли методологические основы исследования дисциплины труда через систему мотивов и побуждений к труду: материальное вознаграждение, морально-нравственное побуждение, принуждение и наказание³. М.О. Пискунов, адаптируя идеи А. Людке, Д. Фильцера и Г. Бавермена к исследованию трудового коллектива Выборгского целлюлозного завода, применил понятие «микropolitика», подразумевая под ним одновременно и политику дисциплинирования, и ответную реакцию на нее со стороны рабочих⁴. Особенностью исследований истории трамвая в разных городах и регионах является пристальное внимание к вопросам становления и развития трамвайной инфраструктуры⁵. В монографиях, посвященных истории трамвая, дисциплина труда освещалась по касательной в контексте характеристики рабочих кадров⁶. Таким

³ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 51

⁴ Пискунов М.О. Советский завод в эпоху перемен: трудовой коллектив Выборгского целлюлозно-бумажного комбината между государством и гражданским обществом (1982–2000 гг.): автореферат дисс ... канд. ист. наук. СПб, 2018.

⁵ Розалиев В.В. История трамвая и троллейбуса Ярославля, 1900–2000: Посвящ. 50-летию пуска первого трамвая в Ярославле. М., 2001; Потемкина М.Н., Грязнов М.В., Пашиковская Т.Г., Тимофеев Е.А. Роль трамвайного движения в формировании транспортной системы Магнитогорска // Мир транспорта. 2019. Т. 17, № 5(84). С. 316–325.

⁶ Горшенин А.В. Городской пассажирский транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг. Самара, 2018. С. 146–147; Трамвай в Санкт-Петербурге. Научно-справочное издание. СПб, 2007.

образом, состояние дисциплины труда работников трамвая не получило детального разбора в исторических исследованиях.

Исследование опирается на идеи Д. Фильцера и теоретические подходы «рабочей истории»⁷. В качестве хронологических рамок исследования выбраны 1941–1945 гг., так как именно в этот период наблюдалась попытка перестроить работу трамвайных хозяйств в соответствии с условиями военного времени, что неуклонно должно было вызвать и трансформацию понятия «дисциплина труда».

Анализ состояния дисциплины трамвайных хозяйств производился на основе делопроизводственной документации за 1941–1945 гг., отложившейся в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Государственного архива Воронежской области (ГАВО), Городского архива Магнитогорска (МКУ ГАМ), Архива Златоустовского городского округа (АЗГО). В ходе исследования проанализированы протоколы заседаний первичных партийных организаций ВКП(б) городских трамвайных управлений Челябинска и Златоуста, протоколы заседаний областного и городских исполнительных комитетов ВКП(б), приказы, постановления, акты проверок, которые позволяют проследить наиболее частые нарушения дисциплины труда и их причины.

Институционально трамвайные хозяйства Челябинска и Златоуста находились в системе подчинения городских властей и Наркомата коммунального хозяйства, а трамвайное хозяйство Магнитогорска изначально формировалось как одно из подразделений Магнитогорского металлургического комбината имени И.В. Сталина (далее – ММК) и находилось в системе подчинения Наркомата тяжелой промышленности⁸.

Понятие «дисциплина труда» не было определено в Кодексе законов о труде (КЗоТ) 1922 г., функционировавшего с поправками до принятия КЗоТ 1976 г. Однако задачи, стоявшие перед советским

⁷ Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011.

⁸ Организация трамвайных хозяйств в городах Челябинской области осуществлялась в первой половине 1930-х гг. и выразилась в пуске трамвайного движения в 1932 г. в Челябинске, в 1934 г. – в Златоусте, в 1935 г. – в Магнитогорске.

государством в годы новой экономической политики и индустриализации, потребовали доработки трудового законодательства. В части его уточнения и расширения значения понятия «дисциплина труда» большую роль сыграли уставы о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного, водного транспорта, связи, энергоснабжения, принимавшиеся в 1932–1934 гг.⁹ Городской электротранспорт относился к отрасли жилищно-коммунального хозяйства, развитие которой запаздывало по сравнению с развитием тяжелой промышленности и транспорта. Типовой устав трамвайных предприятий был принят только в период Великой Отечественной войны.

Широкая кампания за усиление дисциплины труда в СССР была развернута в 1930-е годы и нашла отражение в постановлении СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочиванию трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле»¹⁰. В ходе этой кампании осуждению подвергались работники, которые недобросовестно относились к рабочему времени, избегали выполнения рабочих обязанностей или стремились к получению максимального количества социальных льгот, предоставляемых в рамках трудового законодательства – эти категории получили специальные терминологические обозначения – летуны, лодыри, прогульщики и рвачи¹¹. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» детализировал алгоритм действий руководства в случае прогулов или самовольного ухода с работы подчиненных и ужесточил наказания за эти виды нарушения дисциплины труда¹².

⁹ Киселев И.Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (Из истории права XX века). М., 2003.

¹⁰ ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 390. Л. 21.

¹¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. 1929–1940 гг. М., 1967. С. 665–672. Т. 2.

¹² Решения партии и правительства... С. 757–758.

Приказом Народного комиссара коммунального хозяйства РСФСР № 429 от 9 августа 1943 г.¹³ на трамвайные хозяйства городов РСФСР был распространен Устав о дисциплине рабочих и служащих московского трамвая¹⁴. В уставе были перечислены и конкретизированы компоненты дисциплины труда: сознательное и точное выполнение служебных обязанностей, хорошее знание своего дела, знание и беспрекословное выполнение правил технической эксплуатации, должностных инструкций, выполнение установленных норм, выполнение обязанностей по культурному обслуживанию пассажиров, хранение вверенной по службе государственной и служебной тайн и «беспрекословное, четкое и быстрое выполнение приказов и распоряжений своих начальников»¹⁵. Примечательно, что последний компонент упомянут в общем разделе устава дважды: при предъявлении дефиниции «дисциплина труда» и при раскрытии диспозиции. При втором предъявлении приказ начальника характеризовался как «закон для подчиненного», который «должен быть выполнен безоговорочно, точно, в срок, за невыполнение виновный подлежит строгой ответственности»¹⁶. В завершении общей части устава большое внимание было уделено дисциплине начальника, на которого накладывалась моральная и юридическая ответственность за соблюдение дисциплины труда в трамвайном хозяйстве. Вероятно, столь пристальное внимание в уставе к взаимоотношениям начальник-подчиненный может свидетельствовать о систематическом нарушении субординации в трамвайных хозяйствах.

Анализ протоколов заседаний партсобраний Челябинского трамвайного треста показывает, что в 1941–1942 гг. важной частью обсуждений работы трудовых коллективов трамвайных хозяйств оставались вопросы, которые были первоочередными и в 1930-е годы. К таким

¹³ Приказ был написан на основании Распоряжения СНК СССР № 11105-р от 4 июня 1943 г. и СНК РСФСР № 113-р от 7 июля 1943 г. Источник: Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 1769. Оп. 1. Д. 22. Л. 106.

¹⁴ Материалы из ГАВО предоставлены аспирантом Юго-Западного государственного университета А. С. Давыдовым.

¹⁵ ГАВО. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 22. Л. 106, 107.

¹⁶ Там же.

вопросам относились прогулы, пьянство¹⁷, нерадивое отношение к выполнению своих обязанностей¹⁸. Обсуждение дисциплины труда часто сопровождалось оценочными характеристиками: «низкая», «падает», или, реже – предъявлением статистических данных. Вне зависимости от места, в котором происходило обсуждение – Горсовет, Горисполком, само трамвайное хозяйство или газета – апеллировали к нормативно-правовой базе и к деятельности членов партии. Работники трамваев, состоявшие в ВКП(б), должны были лично демонстрировать образцы исполнения дисциплины труда и своей деятельностью способствовать ее поддержанию. В докладе о работе первичной партийной организации Челябинского трамвайного треста с 19 февраля 1940 г. по 28 апреля 1941 г. встречаем: «с выходом указа от 26 июня 1940 г. несмотря на проводимую большую политико-массовую работу сначала были нарушения трудовой дисциплины. Всего нарушений указа от 26 июня 1940 г. 227 случаев. <...> Отказ от работы – 13 человек, сбежавших с работы совсем – 14 человек»¹⁹. Единичные невыходы на работу квалифицировались как недисциплинированность самих работников. Случаи массового невыхода рабочих становились предметом рассмотрения отдельных заседаний и рассматривались в контексте проведения политико-массовой работы и в рамках анализа качества работы руководства трамваем. Например, 7 ноября 1942 г. восемь рабочих Челябинского трамвайного треста не вышли на работу²⁰. На заседании партийного собрания треста этот случай характеризовался через описание неосведомленности руководства трамвая об условиях труда в службах и понятия: «отсутствие бдительности со стороны парторганизации», «полная неподготовленность трамвая к зиме»²¹. Аналогично, невыход на работу 15 работников трамвая в Магнитогорске в декабре 1941 г. в делопроизводственной документации был объяснен не личным отношением рабочих к соблюдению дисциплины

¹⁷ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-796. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 17, 18.

²⁰ Там же. Д. 7. Л. 30.

²¹ Там же. Л. 30, 31.

труда, а их необеспеченностью: «отсутствовала обувь», «обморозили ноги»²².

Наиболее тяжелым для трамвайных хозяйств Челябинской области оказался 1943 г., в который фиксировался сильный износ механического оборудования и отсутствовали возможности для перераспределения ресурсов в пользу решения проблем городского электро-транспорта. Зимой 1943–1944 гг. в Магнитогорске произошли крупные аварии при участии трамваев. В приказе директора ММК от 31 декабря 1943 г. в качестве основных причин, вызвавших аварии, был назван «резкий упадок трудовой и производственной дисциплины среди работников трамвайного парка»²³, а также неподготовленность парка к зиме. Примечательно, что среди мер преодоления последствий аварий в приказе, помимо привлечения виновных к уголовной и дисциплинарной ответственности, значился перечень поручений руководителям разных служб ММК, направленных на помощь в обеспечении трамвая запасными частями и материалами, проведении ремонтов. Начальнику Отдела кадров ММК поручалось до 1 февраля 1944 г. выделить трамвайному хозяйству 51 работника. Перечисленные меры могут свидетельствовать о том, что первопричиной аварий, случившихся в конце декабря 1943 г., являлось не нарушение трудовой дисциплины, а тяжелое материальное состояние трамвайного хозяйства. В периодической печати развал трудовой дисциплины по вине руководства трамвая был назван как основная причина аварий конца 1943 – начала 1944 гг.²⁴. Однако после декларирования причины в статье было приведено описание ситуации в трамвае: «передача смен производится недопустимо небрежно», «безответственный»²⁵ ремонт, выпуск на линию вагонов с перекошенными тормозными колодками, отсутствие графика движения, бездеятельность диспетчерского аппарата. Еще более примечательно окончание статьи: «Мы сейчас вынуждены расплачиваться за ухудшение работы трамвайного парка и за то безразличие, какое проявлялось к трамвайщикам»²⁶. И

²² Там же. Ф. П-234. Оп. 16. Д. 54. Л. 123, 141.

²³ Городской архив Магнитогорска (МКУ ГАМ). Ф. Р-99. Оп. 1. Д. 1133. Л. 2–2об.

²⁴ Трамвай работает плохо // Магнитогорский металл. 1944. 8 января. С. 2.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

далее – о невыданной спецодежде, неорганизованном общественном питании и самоустранении милиции от слежения за правилами посадки в вагоны²⁷. Наблюдается разрыв уровня материально-технического и кадрового обеспечения трамвайных хозяйств с ожидаемыми от них результатами деятельности.

В годы Великой Отечественной войны дефицит материальных и финансовых ресурсов, сопровождавший работу трамвайных хозяйств на протяжении 1930-х годов, усилился. Значимость же трамвая в местах сосредоточения эвакуированных промышленных предприятий возрастала. В этих условиях соблюдение правил технической эксплуатации трамвая уходило на второй план. Работники трамвайного парка Челябинска, связанные с ремонтом подвижного состава, не имея в распоряжении запасных частей и оборудования, выпускали на линию вагоны с неисправностями, проводили косметический ремонт вместо полного, отказывались от профилактических и капитальных ремонтов вагонов в пользу аварийных ремонтов, устанавливали заведомо бракованные/неисправные детали при ремонте вагонов²⁸. Это позволяло искусственно увеличить число выпуска вагонов на линию и выполнить плановые показатели²⁹. Бедственное положение трамвайного хозяйства Златоуста, в котором численность персонала составляла примерно 40% от необходимого уровня³⁰, отодвигало вопросы трудовой дисциплины на второй план. В докладной записке о работе коммунальных предприятий Златоуста в первом полугодии 1944 г., в части характеристики трамвая, вопрос о трудовой дисциплине не поднимался, основной акцент был поставлен на изношенность подвижного состава вследствие недостатка квалифицированной рабочей силы, отсутствия запасных частей³¹.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны наблюдалась смена акцентов в контексте использования понятия «дисциплина труда» применительно к трамвайным хозяйствам. Термин «дисциплина труда» в делопроизводственных документах трактовался

²⁷ Там же.

²⁸ ОГАЧО. Ф. П-796. Оп. 1 Д. 11. Л. 19.

²⁹ ОГАЧО. Ф. П-796. Оп. 1 Д. 9. Л. 2; ОГАЧО. Ф. П-796. Оп. 1. Д. 7. Л. 22.

³⁰ Архив Златоустовского городского округа (АЗГО). Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 53. Л. 17–19.

³¹ АЗГО. Ф. Р-35. Оп. 1. Д. 53. Л. 17–19.

расширенно. В 1941–1942 гг. детальному обсуждению на партийных собраниях местных ячеек, на заседаниях транспортной секции в Горсовете, в отчетах о деятельности трамвайных предприятий уделялось внимание всем аспектам трудовой дисциплины: от анализа культуры обслуживания пассажиров, соблюдения правил дорожного движения до качества ремонтов. Закрепленное в 1943 г. в уставе работников городского электротранспорта понятие «дисциплина труда» можно рассматривать как постулирование требуемого проявления трудовой дисциплины. В годы Великой Отечественной войны, ввиду усилившейся текучести кадров, особенно – среди руководящего состава, на первый план вышли вопросы проведения ремонтов и поддержания в эксплуатации подвижного состава, соблюдения субординации. В то же время утратили первостепенное значение такие аспекты дисциплины труда, как повышение квалификации работников и культурное обслуживание пассажиров.

Библиография

Горшенин А.В. Городской пассажирский транспорт Среднего Поволжья в 1941–1950 гг. Самара: Офорт, 2018. 328 с.

Киселев И.Я. Трудовое право в тоталитарном обществе (Из истории права XX века). М.: ИНИОН РАН, 2003. 77 с.

Пискунов М.О. Советский завод в эпоху перемен: трудовой коллектив Выборского целлюлозно-бумажного комбината между государством и гражданским обществом (1982–2000 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2018. 23 с.

Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. 798 с.

Розалиев В.В. История трамвая и троллейбуса Ярославля, 1900–2000: Посвящ. 50-летию пуска первого трамвая в Ярославле. М.: РГГУ, 2001. 519 с.

Роль трамвайного движения в формировании транспортной системы Магнитогорска / М.Н. Потемкина, М.В. Грязнов, Т.Г. Пашковская, Е.А. Тимофеев // Мир транспорта. 2019. Т. 17, № 5 (84). С. 316–325.

Трамвай в Санкт-Петербурге. Научно-справочное издание. СПб.: Лики России, 2007. 416 с.

Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 354 с.

А.Р. Жамалутдинов

*Московский педагогический государственный университет
(Москва)*

Критика концепции перестройки и распада СССР А.В. Островского

Концепция А.В. Островского приобретает все большую популярность в историографии и публицистике, однако по-прежнему не проведена комплексная работа по выявлению историографической значимости и актуальности данного исследования. Выявлено, что в работе А.В. Островского «Глупость или измена? Расследование гибели СССР» содержится ряд упущений, свойственных историографическому нарративу по периоду перестройки: высокая идеологичность темы, вольная трактовка исторических источников, отсутствие анализа эволюции взглядов реформаторов, придание частным свидетельствам силы доказательной базы. Думается, что научный разбор достижений и недостатков научной концепции А.В. Островского будет способствовать дальнейшему объективному изучению темы последнего советского реформирования.

Ключевые слова: А.В. Островский, историография, перестройка, распад СССР, концепция.

Монографии А.В. Островского «Кто поставил Горбачева?», «Глупость или измена? Расследование гибели СССР» стали значимым вкладом в изучении доперестроечного СССР, периода перестройки и самого распада единого союзного государства. Концепция, выстроенная историком на базе широкого источникового и историографического материала (так, в книге «Глупость или измена? Расследование гибели СССР» есть 3 828 ссылок на различные публикации), используется значительным числом исследователей, изучающих перестройку. Однако, на наш взгляд, концепция А.В. Островского, где звучит четкая акцентуация на измене перестройщиков, на преобладающем влиянии внешнего фактора, выстроена не на четком критическом анализе исторических источников, а на принципах «ножниц

и клея», отбора того, что подходит под формулируемые историком выводы.

А.В. Островский обвиняет реформаторов во лжи с первых дней начала перестройки. Так, историк цитирует высказывание М.С. Горбачева на заседании Политбюро 11 марта 1985 г.: «Нам не нужно менять политику»¹, а уже в тот же день на Пленуме ЦК КПСС генсек заявляет, «что видит задачу партии в совершенствовании всех сторон жизни общества...»². А дальше, уже цитируя книгу Д.А. Волкогонова, А.В. Островский пишет: «14 марта Михаил Сергеевич собрал секретарей ЦК КПСС и сказал: «Возник вопрос, стоит ли разрабатывать план мероприятий в связи с разъяснением моего выступления на мартовском Пленуме ЦК. Я думаю, что такие планы мероприятий и сейчас, и в будущем вообще разрабатывать не нужно»³. И вывод историка: «Как обнаружилось уже в первый день, одни заявления нового генсека противоречили другим. Слова очень быстро стали расходиться с делом»⁴. Однако данные цитаты историком вырваны из контекста. Полная цитата из выступления М.С. Горбачева на заседании Политбюро 11 марта 1985 г. такова: «Нам не нужно менять политику. Она верная, правильная, подлинно ленинская политика. Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее»⁵. Как видим, данная фраза относилась к ленинской политике, что носило идеологически-ритуальный характер. В этом же выступлении М.С. Горбачев обозначил, что видит «свою задачу прежде всего в том, чтобы вместе с вами (членами Политбюро. – А. Ж.) искать новые решения, пути дальнейшего движения нашей страны вперед, пути повышения экономического и оборонного могущества Родины, улучшения жизни

¹ Цит. по: *Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР.* М., 2011. С. 8.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Островский А.В. Глупость или измена?..* С. 8.

⁵ Заседание Политбюро ЦК КПСС 11 марта 1985 года. [Электронный ресурс]. URL: [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1985.03.11%20Politburo%20Session.Gorbachevs%20Election%20\(1\).pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/Perestroika/1985.03.11%20Politburo%20Session.Gorbachevs%20Election%20(1).pdf) (дата обращения: 21.05.2023).

нашего народа»⁶, т.е. лидер партии призывает к поиску новой траектории движения страны, что противоречит выводу А.В. Островского.

Встречу с секретарями ЦК 14 марта 1985 г. А.В. Островский тоже трактует превратно. Д.А. Волкогонов, приводя этот отрывок, показывает, что генсек вел себя, как и предыдущие руководители страны, но при этом в его поведении были и новые черты. А.В. Островский не полностью процитировал указанную стенограмму. У Д.А. Волкогонова находим: «Возник вопрос, – сказал Горбачев, – стоит ли разрабатывать план мероприятий в связи с разъяснением моего выступления на мартовском пленуме ЦК. Я думаю, что такие планы мероприятий и сейчас, и в будущем вообще разрабатывать не нужно. Выступление опубликовано, до партийных организаций оно дошло, и сами товарищи на местах знают, что нужно в связи с этим делать <...>»⁷. И вывод Д.А. Волкогонова: «Все переглянулись. Раньше любое выступление генсека на пленуме ЦК – событие. Комитеты партии «вокруг» него «накручивали» самые разные «мероприятия» по «разъяснению», «пропаганде», «реализации указаний» и т.д.»⁸.

Таким образом, обращая внимание на данные фрагменты труда А.В. Островского, можно решить, что генсек говорил то одно, то другое, то третье, с первых же дней начал занимать двойственную позицию по отношению к реформированию. Сложно осознавать, что А.В. Островский исказил смысл цитируемых материалов, однако, как было показано, и на заседании Политбюро, и на мартовском пленуме ЦК 1985 г. М.С. Горбачев призывал, двигаясь в русле ленинской политики, переходить к новому, совершенствоваться. И как раз встреча с секретарями 14 марта 1985 г. обозначила первый элемент нового подхода в отказе от комментаторства выступлений высших лиц партии. Конечно, это не отменяет того факта, что воззрения деятелей перестройки трансформировались, видоизменялись, но отметим, что это сложная и многогранная тема эволюции сознания реформаторов, которая должна рассматриваться через призму историзма. Поэтому не стоит вольно трактовать оценки тех или иных

⁶ Заседание Политбюро ЦК КПСС 11 марта 1985 года...

⁷ Волкогонов Д.А. Семь вождей. Кн. 2. М., 1995. С. 304–305.

⁸ Там же. С. 305.

событий М.С. Горбачевым, А.Н. Яковлевым в отрыве от исторического контекста. Позднейшие признания А.Н. Яковлева⁹ можно рассматривать как эволюцию его взглядов, а также как «чистосердечные показания», но А.В. Островский признает их только в последнем варианте. Однако любые свидетельства из личных воспоминаний должны подтверждаться объективными фактами. Прямых свидетельств целенаправленной деятельности А.Н. Яковлева по разрушению СССР в 1985–1991 гг. нет, зато работа А.Н. Яковлева в комиссии по реабилитации жертв сталинских репрессий (с 1988 г. – глава комиссии), продолжение данной деятельности в 1990-е годы могли серьезно сказаться на восприятии А.Н. Яковлевым режима, существовавшего с 1917 г.

А.В. Островский обвиняет М.С. Горбачева в сознательном предательстве социализма и СССР. «И действительно, – указывает историк, – рассмотренный материал свидетельствует, что к началу перестройки у М.С. Горбачева имелся общий замысел реформ, цель которых заключалась в ликвидации Советского Союза как государства-корпорации»¹⁰. Далее А.В. Островский приводит отрывок из книги М.С. Горбачева «Декабрь-91. Моя позиция», где бывший президент ставит себе в успех ликвидацию командно-административной системы. Однако в представлениях М.С. Горбачева ликвидация тоталитаризма, существовавшего, по мнению реформатора, в СССР и преодоленного в период перестройки, а также разрушение командно-административной системы не равнозначны разрушению страны. Последнему М.С. Горбачев противостоял и был против соглашений в Беловежской пуще. А обвинения в сознательной ревизии марксизма-ленинизма, предательстве идеологии М.С. Горбачев также отвергал. Он по данному поводу заявлял: «Почему вы Ленину даете право менять (точку зрения. – А. Ж.), не проклинаете его и не считаете иудой и предателем, а меня считаете? Почему вы мне отказываете в том, что мог делать Ленин? Хотя, правда, некоторые из тех, кто рядом был с Лениным, считали его предателем идей революции и даже

⁹ Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М., 2001. С. 5–32.

¹⁰ Островский А.В. Глупость или измена?.. С. 663.

покончили с собой: не могли выступить против Ленина и в тоже время были с ним не согласны. На самом деле дело не во мне и не в Ленине. Точку зрения на социализм меняла и меняет сама жизнь»¹¹.

Другой существенной проблемой в работе А.В. Островского является цитирование не первоисточника, а косвенных свидетельств. Так, характеризуя начало политической реформы, перетекания власти от партийных комитетов к советам, А.В. Островский цитирует характеристику этого этапа В. Печеневым, который вкладывает в уста М.С. Горбачева мысль, якобы сказанную последним в 1984 г.: «Ведь у нас, товарищи, нет механизма, обеспечивающего саморазвитие экономики... В этих условиях, если первые секретари партийных комитетов отдадут экономику на откуп хозяйственникам – у нас все развалится»¹². Конечно, данная сентенция относится к попытке показать стержневую роль КПСС в советском государстве. Но почему же у реформаторов тогда должно было возникнуть ощущение, что освобождение партии от несвойственных ей функций, освобождение хозяйственников от партийного контроля сразу же должны завершиться развалом? Так же трудно предположить, что М.С. Горбачев говорил эти слова в 1984 г. В данном случае высказывания В. Печенева становятся для А.В. Островского доказательством дальнейшей деятельности М.С. Горбачева по принципу: генсек уже в 1984 г. знал, чем может кончиться отстранение партии от контроля над экономикой, но он сделал этот шаг в период перестройки, следуя своей предательской логике. Отметим, что цитирование косвенных источников не раз применяется исследователем.

Одной из существенных проблем, проявляющихся в книге А.В. Островского, является анализ перестроечных преобразований в постфактумной целенаправленной логике. Признается или целенаправленное движение к свободе, или (как у А.В. Островского) целенаправленное предательство социализма и СССР, которое реформаторы замыслили и к которому стремились по крайней мере с 1985 г. Невозможно даже представить, каким уровнем аналитических способ-

¹¹ Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиным. М., 2001. С. 112–113.

¹² Цит. по: *Островский А.В.* Глупость или измена?.. С. 240–241.

ностей должны обладать реформаторы, чтобы разрушить советскую экономику, идеологию, КПСС, КГБ, армию и т.д. Однако такие представления мы находим у А.В. Островского: что бы ни делали перестройщики, все было нацелено на сознательное разрушение СССР. Проиллюстрируем это одним эпизодом (в монографии их довольно много) из книги историка: «летом 1989 г. возглавляемое М.С. Горбачевым руководство КПСС сознательно запустило в обращение фальсифицированные данные А.И. Солженицына не для того, чтобы раскрыть правду о сталинских преступлениях, а чтобы окончательно дискредитировать советскую систему. Это значит, что руководство КПСС начало переходить от объявленного реформирования советской системы к ее разрушению»¹³. Какая связь может быть между цифрами А.И. Солженицына и разрушением советской системы? Во-первых, в перестроечной печати действительно преувеличивали цифры репрессированных, но было это связано с закрытостью данных советской официальной статистики до сентября 1989 г. Как отмечал В.Н. Земсков: «Вплоть до конца 1980-х годов в СССР эта информация являлась государственной тайной. Впервые подлинная статистика осужденных за контрреволюционные преступления (3 777 380 за 1921–1953 года) была опубликована в сентябре 1989 года в статье В.Ф. Некрасова в «Комсомольской правде»¹⁴. Во-вторых, в период перестройки публицистика зачастую заменяла собой историческую науку. Закономерность данного процесса признавалась уже непосредственно в 1985–1991 гг., когда в предыдущие десятилетия изучение советского общества было сведено к комментированию решений партии и правительства, а в новых условиях историки не смогли быстро осмыслить и обобщить материалы «черных пятен» советского прошлого, были вынуждены конкурировать с публицистическими сенсациями, которые стремительно распространялись в обществе. Таким образом, цифры, которые сейчас представляются сфальсифицированными и которые якобы были сознательно актуализированы в период перестройки, были на самом деле попыткой части интеллектуальной элиты и обще-

¹³ *Островский А.В.* Глупость или измена?.. С. 352.

¹⁴ *Земсков В.Н.* Сталин и народ. Почему не было восстания. М., 2019. С. 63.

ства разобраться в прошлом своей страны в условиях неполноты объективных данных и кризиса исторической науки.

Таким образом, концепция А.В. Островского нуждается в дальнейшем изучении, но уже сейчас очевидно, что некоторые существенные ее положения не могут быть признаны достоверными. Во-первых, это относится к тезису о сознательной деятельности реформаторов по пути разрушения СССР, во-вторых, к реконструкции эволюции взглядов А.Н. Яковлева, М.С. Горбачева. Также не может быть принята и методология исторического исследования, которой придерживается А.В. Островский. Достижение научных результатов подменяется идеологической ангажированностью, где автор искажает в ряде случаев источники¹⁵, а нескрупулезный их анализ (ряд мемуарных свидетельств нуждается в дополнительной проверке, однако такой работы исследователем не проведено), большой крен в сторону мемуарных свидетельств при некритическом их восприятии приводят к политизированным выводам. В дальнейшем снятие идеологической остроты, научная критика мемуарной базы деятелей перестройки позволят приблизиться к объективным выводам по теме перестройки и распада СССР.

Библиография

- Волкогонов Д.А.* Семь вождей: в 2 кн. Кн. 2. М.: Новости, 1995. 480 с.
- Земсков В.Н.* Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Родина. 2019. 240 с.
- Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачёва с политологом Борисом Славиным. М.: Олма-Пресс, 2001. 176 с.
- Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост-9Д-Форум. 2011. 864 с.
- Яковлев А.Н.* Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма: преступления, террор, репрессии. М.: Три века истории, 2001. С. 5–32.

¹⁵ *Островский А.В.* Глупость или измена?.. С. 8, 666.

Сведения об авторах

Аганов Андрей Анатольевич, аспирант, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)
aganoff.a@yandex.ru

Бакланов Даниил Антонович, магистрант, Исторический факультет, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
bdaniil.01@mail.ru

Дун Юй, PhD in History, постдокторант, Исторический факультет, Пекинский государственный университет (Пекин, КНР)
dyob1365@pku.edu.cn

Жамалутдинов Айнур Ринатович, студент, Институт истории и политики, Московский педагогический государственный университет (Москва)
ainyrgyzmalutdinov@mail.ru

Железняк Виктория Михайловна, учитель истории и обществознания, средняя общеобразовательная школа № 91 (Екатеринбург)
victoriazheleznyak@inbox.ru

Карашайски Кемран Меметович, аспирант, Исторический факультет, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
kemkart@mail.ru

Кожаева Альбина Алексеевна, аспирант, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
a.kozhaeva18@mail.ru

Козлова Мария Алексеевна, младший научный сотрудник, магистрант, Центр социальной истории, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург)
cozlowa.marya2018@yandex.ru

Кононов Андрей Александрович, студент, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
a.kononov3@g.nsu.ru

Костерин Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Москва)
kosterin-sergey2014@yandex.ru

Краева Татьяна Андреевна, аспирант, Исторический факультет, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
tanyaksmail@yandex.ru

Лебедева Анастасия Александровна, студент, Гуманитарный институт, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
lebedeva.nastasia27@gmail.com

Манин Даниил Олегович, лаборант-исследователь, аспирант, Исторический факультет, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
daniil-manin@mail.ru

Мирошкин Егор Вячеславович, студент, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
miroshkin.egor02@gmail.com

Мищенко Нина Сергеевна, младший научный сотрудник, соискатель, Факультет истории и политических наук, Вятский государственный университет
alenablumari@yandex.ru

Несмеянова Вероника Сергеевна, магистрант, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
v.nesmeyanova1@g.nsu.ru

Никишин Борис Андреевич, магистрант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)
b.nickishin@yandex.ru

Никулин Даниил Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск)

nikdanya@mail.ru

Новикова Дария Викторовна, студент, Исторический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

Novikova_dv04@mail.ru

Овчинников Денис Павлович, соискатель, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

ovchinnikov.denis.pav@yandex.ru

Подгурский Михаил Викторович, магистрант, Факультет истории, теологии и международных отношений, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)

mikhail.podgursky@gmail.com

Слискова Валерия Викторовна, аспирант, Исторический факультет, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

vvaleriesss@gmail.com

Сосницкий Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

sosnitskij@spbu.ru

Суздальцев Илья Алексеевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории, Кафедра гуманитарных дисциплин, Школа № 1381 (Москва)

ialoko90@mail.ru

Там Хок Чиу, PhD in History, преподаватель, аспирант, Институт истории и культуры, Шаньдунский университет (Цзинань, КНР)

tamvovka2016171819@163.com

Тарабрин Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент, кафедра истории России и археологии, Институт истории и международных отношений, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
tarabrin.serzh@yandex.ru

Таций Мария Владимировна, студент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
maria.tatsiyy@gmail.com

Тихонов Никита Дмитриевич, студент, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва)
niktikh0305@gmail.com

Урюмцев Егор Романович, аспирант, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
hokston00@mail.ru

Хорохордин Георгий Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Новосибирский государственный педагогический университет; учитель истории и обществознания, АНОО школа «Аврора» (Новосибирск)
gkhor@yandex.ru

Храмшина Юлия Николаевна, аспирант, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
y_kozhushko@mail.ru

Юдин Иван Александрович, студент, Гуманитарный институт, Новосибирский государственный университет (Новосибирск)
i.yudin@g.nsu.ru

Юсупова Сабир Анарбоевна, младший научный сотрудник, Научно-инновационное управление, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва)
siusupova@gaugn.ru

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ**

Сборник научных трудов

Вёрстка: *В.В. Введенский*

Подписано в печать 20.12.23 г.
Формат: 60x84/16. Гарнитура Liberation Serif, Liberation Sans
Уч.-изд. л. 17,7. Усл. печ. л. 22,8
Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

СВОБОДНЫЕ НАУКИ